

Роман
Сенчин

Зона затопления

Премия
БОЛЬШАЯ
КНИГА

Новая русская классика

Роман Сенчин

Зона затопления (сборник)

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сенчин Р. В.

Зона затопления (сборник) / Р. В. Сенчин — «Издательство АСТ», 2019 — (Новая русская классика)

ISBN 978-5-17-113113-5

Роман Сенчин – автор романов «Елтышевы», «Дождь в Париже», «Информация», «Минус», сборников короткой прозы «Срыв», «На черной лестнице», «Абсолютное соло». Лауреат премий «Большая книга» и «Ясная Поляна», финалист «Русского Букера» и «Национального бестселлера». Роман «Зона затопления» вступает в диалог с известной повестью Валентина Распутина «Прощание с Матерой»: жителей старинных сибирских деревень в спешном порядке переселяют в город – на этом месте будет Богучанская ГЭС. Люди «зоны» – среди них и потомственные крестьяне, и высланные в сталинские времена, обретшие здесь малую родину, – не верят, протестуют, смиряются, бунтуют. Два мира: уходящая под воду Атлантида народной жизни и бездушная машина новой бюрократии... Столкновение миров происходит и в повести Сенчина «Полоса». Алексей Шулин – бывший начальник аэропорта, а ныне и кассир, и диспетчер, и сторож – бережет взлетную полосу поселка Временный. Как может борется с протестами местных. Кажется, он делает это просто «для порядку», не надеясь, что она когда-нибудь пригодится. Пока самолет Ту-154 не совершает экстренную посадку...

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113113-5

© Сенчин Р. В., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Зона затопления	7
Глава первая. Телефонный разговор	7
Глава вторая. В чужую землю	10
Глава третья. Перед судами	29
Глава четвертая. Чернушка	43
Глава пятая. Миражи на дне	68
Глава шестая. На новом месте	85
Глава седьмая. Эксгумация	94
Глава восьмая. Ничего личного	117
Глава девятая. Служебная информация	137
Глава десятая. Идет вода	153
Словарик	166
Полоса	168

Роман Сенчин
Зона затопления
Сборник

© Сенчин Р. В.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Валентину Григорьевичу Распутину

Зона затопления

Глава первая. Телефонный разговор

- Привет, Володь, пять минут уделить можешь?
- Да, могу... А что случилось?
- Ничего-ничего, все нормально... Идейка тут возникла одна.
- Толя, у меня от твоих идейек всегда мороз по коже...
- Да ничего страшного. Я по Красноярскому краю езжу, и тут, оказывается, есть ГЭС-недостройчик...
- Хм, у нас, если не ошибаюсь, больше десятка таких.
- Ну вот. А эта практически готова. Процентов на шестьдесят. Бросили в начале девяностых. Плотина почти закончена, машинные залы... В общем, довести до ума ничего не стоит.
- Знаю я твое «ничего не стоит».
- Нет-нет, Володь, на этот раз действительно! Вложиться, конечно, придется, но не так чтобы...
- А зачем? Нам электричества не хватает, что ли? Ты сам докладывал о мощностях...
- Смотря на что, Володь... Если рекламу и елочки расцветить, то – да. Но... Электричество можно и продавать... иностранным партнерам. Там Китай недалече, уверен, они заинтересуются.
- Китайцы сами полсотни электростанций строят.
- Ничего, им мало не будет... Алюминиевый завод поставим. Алюминий везде востребован...
- Тебе бы лишь торговать.
- Ну, без этого нельзя – рынок. А главное-то не в этом, Володь.
- А в чем?
- Понимаешь, Володь, пуск новой ГЭС, причем мощной, стратегической, – это такой имиджевый плюс! Сколько лет, типа, всё разрушали да разрушали, высасывали советское наследство, а вот теперь взяли и созидали в конце концов. Сами, своими руками!.. А, как?
- Не знаю... Разумно, конечно...
- А то! Толя плохого не посоветует.
- Еще бы...
- Так как, принимаешь предложение?
- Хм, такие вопросы так не решаются. Не телефонный разговор...
- Да почему? Наоборот, телефонный. Для этого телефоны и изобрели... Не с грамоткой месяц скакать с берегов Енисея... Давай, Володя, так: я набросаю указ, а ты потом глянешь...
- Какой указ?
- Ну, типа, «О мерах по социально-экономическому развитию Красноярского края». И главным пунктом сделаем пуск ГЭС, строительство алюминиевого завода. Типа, это даст ощутимый толчок развитию... Человечкам работу дадим. Смотреть страшно на них. Болтаются...
- А что за место вообще? Национальный округ какой-нибудь?
- Нет-нет, русские!
- Ну, хоть это нормально. А то опять вони не оберешься: олени пастбища портим, традиционный уклад нарушаем...
- Это твоих нефтяников дела. У меня чисто: электроэнергия. Плотина, пруд, и погнал вырабатывать...
- Да уж... И что, переселять кого-то придется?

- В смысле?
- Ну – пруд. Знаю я эти пруды со Швейцарию.
- Там уж в восьмидесятые почти всех переселили. Осталось тысяч пять. Маргиналы да пенсы. Еще несколько колоний – специально в свое время туда на поселение отправляли, территорию под водохранилище готовить.
- И как, приготовили?
- Да говорю: почти все готово. Я бы к тебе с сомнительным проектом и не совался... Давай, Володь, дай отмашку.
- И кто будет доводить до ума?
- В плане денег?
- Ну а в каком еще?..
- Часть мое РАО будет вкладывать, часть, думаю, надо на Олежку повесить.
- На какого Олежку?
- Ну, на Баняску. Он же у нас алюминиевым королем назначен. Хочет еще алюминия – пускай инвестирует.
- Заартачится. Ему и существующих заводов хватает.
- От возможности расти никто не отказывался. Тем более можно надавить. У тебя ведь на него много накоплено. Не захочет – поедет или в Европу от дел отдыхать, или в Забайкалье куда-нибудь шить носки. Прецеденты-то есть.
- У меня на всех накоплено...
- Да понимаю, понимаю. У меня тоже, кстати... Ну, в правильном смысле... К тому же Олежек меня киданул недавно, надо, чтоб отработал.
- И что, у вас хватит собственных средств ГЭС построить?
- Достроить, Володь, до-стро-ить. Все только рады будут, благодарны. Без дураков!.. А деньги найдем...
- Угу, в госбюжете. Или в стабфонде. Алёша истерику закатит.
- Гарантирую, туда не полезем. В крайнем случае воспользуемся английским правом...
- Это что еще?
- Ну, это долго объяснять... Сложный экономический термин...
- Так-так, началось.
- Нет, Володь, никаких этих самых, как тут в Сибири говорят. Всё в рамках рыночной экономики... Аллю?
- Думаю... А кому будет принадлежать ГЭС в итоге?
- А кому у нас все принадлежит, Володь?.. Всё будет правильно. И Михал Ивановича не забудем.
- Но-но!
- А что, все мы люди, Володь. Ничто человеческое не должно быть нам чуждо... Но в первую очередь нужно думать об общем деле. Мы ведь хотим видеть Россию встроенной в общемировое пространство.
- У, перестань... Вообще-то, конечно, если верить твоим словам, проект интересный.
- И интересный, и полезный. Тебе, Володь, в первую очередь полезный. Войдешь в историю России... Аллю, Володь, ты куда пропал?
- Что ж, можно попробовать.
- «Попробовать»... Это слово должно исчезнуть из твоего лексикона. Нужно тверже быть. «Решить», «сделать», «реализовать»!
- Все-все, перестань. И так голова пухнет.
- В общем, пишу рыбу указа, а ты Баняску подготовь. Пускай впрягается.
- Может, посоветоваться, собрать специалистов?

– Да что ж это?! Советская власть десять лет уж кончилась, а ты все – «посоветоваться». Скажи еще, политбюро собрать. Дело надо делать, Володь, а не советоваться... Ты для дела Россию на руки поднял.

– Толя, я устал тебя слушать. Даю добро, и – пока.

– Спасибо! До связи!

Глава вторая. В чужую землю

В первых числах сентября умерла Наталья Сергеевна Привалихина.

Лето проковырялась на огороде, до заморозков успела всё, кроме капусты, убрать, просушить, засахарить и засолить, спустить в подполье, а потом упала на крыльце. Долго лежала, собираясь с силами и соображая, куда ей – в избу или за ограду. Конечно, лучше в избу, лечь на койку... А если уже не поднимется? И будет лежать без воды, обмарается; а умрет, так и запахнет, весь дом пропитается мертвым. Люди-то неизвестно когда хватятся... Рано или поздно, конечно, заметят, что что-то давно ее не видать, придут, а она уж... Носы позажимают.

И потому, как немного отлегло, Наталья Сергеевна встала на карачки и поползла по двору к калитке. Куры наблюдали за ней, а петух возмущенно вскрикнул и дернул шеей... Добравшись, цепляясь за жердину, скобу ручки, она поднялась, открыла калитку, высунулась на улицу.

Этот кусочек мира был ей знаком до незамечаемости. Каждый день, больше полувека, как переехала сюда к мужу, она выходила через эту калитку со двора то за водой к колодцу, то в магазин, то выгоняла корову, то звала сначала детей, а потом внуков есть. И вроде не видела избы вдоль улицы, заборы, ворота, траву, но, если менялась хоть какая-нибудь мелочь – отваливалась штакетина в палисаднике у Мерзляковых, или наличники у Гусиных покрывались свежей краской, или скашивалась крапива вдоль чьего-то забора, – это сразу бросалось в глаза, и потом мысли долго возвращались к этой мелочи: «Надо своему сказать, чтоб побил ограду... крапиву срезать... надо краску достать да тоже покрасить – облупилась... Через неделю покрашу – сразу не надо, скажут: “Наташка очнулась, когда другие сделали...”»

И сейчас она стояла, покачиваясь, в проеме калитки, держась одной рукой за скобу, другой – за деревянный ящик для почты (сильно на него опираться боялась – рассыплется), и жадно смотрела на эти две видимые ей избы по правую сторону, на серые глухие заборы, на красные листья черемухи в палисадниках, на темно-зеленые, почти синие шапки сосен на пригорке, где было кладбище...

Конец улицы упирался в реку, на берегу были мостки. Их каждый май ломало, корежило ледоходом, и мужики потом без ворчания, как нечто естественное, что не сделать невозможно, их восстанавливали... Женщины полоскали на мостках белье, брали воду для скотины и бани, а раньше – пока не появились насосы, которые по трубам и шлангам гнали ее почти по всем дворам деревни, – и для огорода... Мужики с мостков рыбачили; раньше хорошо рыба шла – ельцов и за рыбу не считали, а радовались ленкам, хариусу. Часто и таймень попадался.

Был случай давно-давно: старуха Гусина, покойница, а тогда молодая, жулькала постирушки, а сын годовалый на берегу играл. На траве. Берег покатый, вода мелкая, заводь – течения нет... Гусина полоскала-полоскала, глаза поднимает – ребенок исчез. Бегала искала, все дно ощупала – не нашла... Мужики сбежались, до темноты чесали реку... Потом старики сказали: «Таймень утащил». И как-то все, и Гусина тоже, не то чтоб успокоились, а притихли: да, дескать, если таймень утащил, то ничего не поделаешь.

Лет пятьдесят назад это случилось, а словно года три назад. И Наталья Сергеевна сейчас почувствовала себя той почти девчонкой, которая только-только оторвалась от родителей, познала мужчину, а теперь вот, видя горе соседки, поняла, что постоянно надо быть настороже, ребенок может кануть и так – в двух шагах от матери, спокойно играющий на травке...

Потянулась кверху, чтоб увидеть реку, но не увидела. Удивилась: когда-то, стоило открыть калитку, и река поблескивала чешуей течения, слепила, а потом незаметно скрылась с глаз – перестала Наталья Сергеевна встречать ее взглядом. То ли бугор улицы перед спуском подрос, то ли она сама уменьшилась в росте, согнулась так, что хоть затянись – не вытянешься.

«Хоть бы прошел кто», – просила, чувствуя, что силы снова кончаются, ноги гнутся и скоро перестанут держать.

Не то чтобы у нее что-то болело, лопнуло, оборвалось внутри, как это, знала, слышала, бывает перед смертью у многих стариков. Не раз приходилось сидеть у коек с умирающими, и те обстоятельно, с досадой и увлечением делились последним опытом: «Шла по огороду, и гляжу – из морковки лебедина торчит. Вчера еще как не было, а тут прям будыльё. Ну и наклонилась выдернуть. Да неловко, походя. И в глазах черная вода разлилась, в уши как затычки воткнули. И – всё. Не помню, как сюды принесли, уложили. Теперь уже всё, уже не подняться. Не подняться... Черт пихнул эту травину увидеть». Или такое: «Не лежала ведь душа выходить, да делать-то нечего – надо лесины эти ошкурить было... Эх, дорого они мне стали. Вот и они лежат, и я...»

Нет, боли или обрыва она не чувствовала. То есть – побаливала, конечно, спина, колени, над висками покалывало, дышать было трудно, и при каждом вдохе в груди словно бы хрустело. Но это все привычное, все это болело и хрустело давно. А вот слабость...

Слабость была новая, необычная, полная какая-то слабость. Как вышло что-то изнутри важное, необходимое, то, что заставляло семьдесят с лишним лет шевелиться. День за днем, день за днем... И сейчас даже шагу не шагнешь, руку не приподнимешь. И, знала, никакой фельдшерицын укол, как раньше, уже не поможет.

Стояла между двором и улицей десять минут или час. Не было больше у нее того органа чувств, который меряет время. В голове крутился плотной спиралью вихрь не мыслей, не воспоминаний, а каких-то обрывков, ошметков... Вот стало очень обидно, что капусту не успела убрать, засолить. Уже и терку достала, и кадка готова – осталось только ошпарить и спустить в подполье обратно... Два ведра мелкой морковки намыла, теперь издрябнет, пропадет... Пугала мысль, сообщат ли детям, внукам, брату, чтоб ехали хоронить. Адреса под клеенкой на кухонном столе – соседи должны догадаться, найти – у многих под клеенками важные бумаги хранятся... И в телефоне есть номера, телефон на буфете... Разберутся... Но как им, детям, внукам, ехать в такую даль?... Брат рядом, в Кутае, а эти... Одна дочь в Новосибирске, другая – в Томске, сын так и вовсе в Перми живет... И ведь сын с младшей дочерью приезжали в июле, часть своих отпусков здесь прогостили. А теперь – опять...

Но самое тяжелое было то, что не знала Наталья Сергеевна, где она ляжет. Вон оно, кладбище, за задними дворами напротив, на нем и муж, и вся его родня, а решат ли ее там же хоронить...

Услышала шаги, и тут же из-за забора вывернул мальчик. Наталья Сергеевна не узнала, кто это, чей, а он обернулся и сказал:

– Здравсте, баб Нат!

Она хотела сказать ему, чтоб позвал кого из взрослых, но вместо слов из горла выдавился слабый, почти неслышимый шип. Как из сдутой резиновой лодки остатки воздуха... Решила оторвать руку от почтового ящика, махнуть, подзвать к себе, и пока решалась, мальчик оказался далеко. Шел к реке.

Наталья Сергеевна смотрела ему вслед, велела взглядом оглянуться опять, велела услышать, что ей плохо, помощь нужна... Мальчик стал срезаться – исчезли ноги на спуске, поясница, и вот уже голова. Пуста улица, слепы окна избы Мерзляковых, зажмурилась закрытыми ставнями изба уехавших Гусиных... Колени Натальи Сергеевны подломились, как трухлявые жердины на сучках, и она повалилась на землю.

В деревне давно никто не умирал. Стариков увозили в город в больницу, и они умирали там; молодежь, что раньше дралась, тонула, травилась спиртом или билась на мотоциклах, разъехалась.

Но в таком существовании без смертей, без похорон было что-то неправильное, и потому народ хоть и горевал по Наталье Сергеевне, но и оживился. Старухи спорили, кто обмоет и нарядит покойницу, старики чуть ли не всем колхозом сошлись делать гроб. Женщины обсуждали готовку поминок. А могилку отправились копать аж восемь мужиков... В общем, вся деревня засуетилась, заспешила, чтоб к приезду детей и внуков Натальи Сергеевны все было готово.

Утром мужики сошлись у привалихинских ворот, подточили лопаты, топоры, перекурили; со двора слышались женские голоса:

– Окна нельзя открывать!.. Травы надо подложить!

– Какую траву-то кладут?..

– Чабрец, помню... Помните, тётъ Тоне чабрец клали.

– Не забыть кого-нибудь за пихтой послать! Пускай наломают...

Мужики слушали и грустно улыбались.

– Да, пихту надо, – согласился Лёша Брюханов, сорокалетний, крепкий, работавший на дизельной электростанции.

– Пихту завтра уж, свеженькой, – сказал дядя Витя, школьный трудовик. – Ну чего, поднимаюсь?

Покряхтывая, сопя, словно бы через силу, встали, отряхнулись и пошли наискосок через улицу. Остановились у колодца, набрали воды в пластиковые бутылки...

Между дворами Мерзляковых и Гусиных был проулок, ведущий к кладбищу... Покойников возили центральной дорогой, делая полукруг, обязательно приостанавливаясь у реки, будто давая покидающему мир возможность попрощаться; в будни же ходили на кладбище вот так, проулком.

Но редко теперь ходили – тропка почти исчезла, справа и слева сдавливала пространство подсушенная заморозком, но еще живая, злая крапива.

Идущий впереди Брюханов рукой в верхонке ломал лезущие в лицо стволы, остальные кто ногами, кто лопатами тоже расчищали путь – знали: уже сегодня потянутся на кладбище женщины, старухи. Попроведают родню, расскажут, что скоро пожалует к ним тётка Наталья.

Кладбище на пологом, долгом увале. Песок, высокие сосны, а среди них – могилки. Хоронили без тесноты, внутри просторных оград, где лежат прадеды, деды, отцы... Очень старых памятников немного – до тридцатых годов кладбище было в другом месте, почти в центре деревни, рядом с церковью. Но потом похороны там запретили, а в пятьдесят каком-то году церковь сломали, захоронения частью перенесли сюда, частью просто уничтожили. Старое кладбище сровняли с землей, разбили скверик и поставили памятник павшим на войне.

За перенесенными под сосны могилками мало кто ухаживал – все-таки до десятого колена свою родовую помнят единицы. В основном памятники как свезли в кучу, так они и лежат, поросшие мхом. Но несколько гранитных крестов со старого кладбища выделяются. Так тщательно они отшлифованы, что до сих пор слепят, как зеркало, никакой мох с лишайником на них не приживается... Говорят, делали их мастера в Енисейске, и за большие деньги местные, кто мог, конечно, покупали, трудно везли сюда. Обычно везли зимой, по льду, но самые нетерпеливые и летом – на лодках, вверх по течению.

До сих пор дожила то ли быль, то ли легенда, как богатый мужик Кибяков побоялся поставить крест на могиле жены на год с ее смерти. Совсем недалеко уже от села, на порогах, лодка перевернулась, гранитный крест утонул. Долго люди пытались обвязать его веревками и вытянуть. Недели две бились, заболели от частого ныряния, а когда стало ясно, что останется крест на дне, Кибяков прыгнул в воду и не всплыл. Искать не стали – унесло течением к Енисею или под корягу забило, на корм налимам...

Кладбище огорожено кое-как – по две-три жердины прибито к соснам. Главное, чтобы скотина не зашла, не истоптала холмики, не терлась боками о памятники. Раньше, случалось,

после похорон приходилось караулить свежие могилки – лезли сюда медведи, видимо, учуяв тлен. Задом кладбище выходило к мокрому логоу, богатому голубикой и смородиной, а за логом начиналась настоящая – темная, непролазная – тайга. Но в последние годы медведи и прочее зверье к деревне не приближались – словно знали, что скоро ничего здесь не будет. Лишь стоячая кислая вода с червивой рыбешкой...

Отворив легкие, из арматурин сваренные ворота (ворота и два бетонных столба выглядели солидно, а дальше налево и направо – неошкуренные жердины меж стволов), мужики вошли на территорию кладбища и сразу притихли, мысленно здороваясь с покойниками.

Отовсюду на них смотрели пожилые, молодые, а то и детские лица. И у всех на этих овальных карточках взгляд был одинаковый, будто специально фотографировались на могильный памятник. Даже Витька Логинов, улыбающийся во все зубы, смотрел, казалось, печально, прощально и как-то жутко, как звал... Брюханов наткнулся на его глаза, скорей отвернулся. Они были друзьями, школу вместе окончили, потом техникум, вместе начинали работать, и Витьку убило током в двадцать четыре года. При Брюханове убило... Прошло с тех пор почти двадцать лет, Брюханов ощущает себя еще молодым, а Витьки так давно нет, столько не узнал, не увидел, столько не порадовался. И жениться даже не успел: «Погулять надо, опыта набраться».

– Ну, чего, где привалихинская оградка, знает кто? – грубовато, излишне громко спросил Брюханов.

– Да где-то тут, – ответил плотник Афанасий Иванович, наоборот, тихо, уважительно к мертвым, – недалеко от ворот. Они ж тут старожилы.

Остальные в этом «тут» услышали не «деревня», а «кладбище»... Да, Привалихиных лежит много. Еще со старого кладбища перенесли сюда дядю мужа Натальи Сергеевны – красного партизана. Вокруг его большого высокого обелиска стали селить на вечный покой жену, братьев, сыновей, дочерей, племянников, а завтра вот ляжет и Наталья Сергеевна. Наверное, последней в этой оградке.

Мужики разбрелись было искать, но дядя Витя тут же позвал:

– Наше-ол.

Собрались снова. Постояли молча, привыкая к месту. Да и некуда было торопиться, не принято торопиться на кладбище.

Афанасий Иванович закурил; за ним закурили остальные. Посматривали на памятники, кресты, сохранившиеся тумбочки с жестяными звездочками, старались не встречаться взглядом с покойниками. Оглядывались.

Сосны были высокие, нечастые, но кронами почти смыкались друг с другом, и у земли всегда держалась тень, прохлада. Нет, бывала и удушливая жара, но для этого нужно, чтоб пекло и пекло много дней подряд. Сейчас же – хорошо. Свежо. Вкусно пахло вызревшими, умирающими травами, гулял слабый ветерок. Возле некоторых могил росли рябины, елочки, никак не могущие окрепнуть без солнца. Пестрели искусственные цветы, покрашенные лавочки, столы... Как огромная общая комната, и вершины сосен – как свод.

Тихо в этой комнате, лишь бьет где-то дерево дятел, но этот острый звук только подчеркивает великую, торжественную тишину.

Лёша Брюханов отчего-то занервничал, бросил на землю окурок, придавил ботинком. Сказал:

– Что, давайте. Надо все-таки...

– Да надо, конечно, – вроде с облегчением, что не он заговорил первым, поддержал дядя Витя; пошел туда, где лежал муж Натальи Сергеевны.

Теперь постояли перед его могилкой, глядя на фотографию, читая короткую надпись: «Привалихин Денис Степанович 9.07.1935 – 11.08.2002». Надпись была выбита на мраморной плашке, привинченной к металлическому, выкрашенному серебрянкой памятнику...

Семь лет назад умер, а казалось, что совсем недавно, только что видели его, насупленного, шагающего к своему двору от реки, насупленного независимо, был ли мешок полон рыбы или пуст. Или обкашивающего зады огорода, или курящего вечерами на лавочке у палисадника... Да, живо вспоминается, а вот – семь лет.

Но если начать перебирать в голове события, то столько всего за это время произошло... Да не «столько» по сути, а одно: когда умирал Привалихин, деревня была крепкой, цветущей, забывшей об угрозе гибели, которая накатила в восьмидесятые, а потом отступила; теперь же обречена она, остались ей месяцы, в лучшем случае – год...

И Денис Степанович смотрел на мужиков своим обычным, слегка сердитым взглядом, а им казалось, что взгляд спрашивает: «Ну и чего? Чего делать-то будете? Оставьте нас одних?» Да-а... Через десяток лет пообвалятся без ухода памятники, оградки, а потом зарастет все кустами, и сгинет кладбище с лица земли, как и не было.

Некоторых покойников забрали родные еще лет двадцать пять назад, когда в первый раз наверху было просчитано, что будущее водохранилище затопит место, где стоит деревня. Самые активные стали тогда переезжать и прихватывали кости родителей, бабушек-дедушек... Если побродить, наткнешься на присыпанные сухими иголками углубления – это следы разрытых могил.

Но потом власть в Москве поменялась, строящуюся электростанцию забросили. О переселении разговоры заглохли, некоторые даже вернулись на родину из шумного мира. А вот теперь – бац! – и опять: строительство решено завершить, в зону затопления попадают такие-то «сельские поселения». В том числе и их Пылёво.

– Где копать будем? – спросил самый молодой из пришедших, Коля Крикау, в позапрошлом году вернувшийся из армии и теперь все думающий, что ему делать: ехать ли куда-нибудь, и, если ехать, куда. – Справа, слева?

– Жену вроде тут ложат, – отозвался дядя Витя, – справа от мужа.

Брюханов отошел, посмотрел, как у других. Вернулся, кивнул:

– Да, в основном так.

– Но тут сосна рядом, корни будут...

– Что ж делать, топоры есть, а главный корень, может, обойдем... Ладно, давайте приниматься.

Брюханов и знающий толк в копке могил – много раз в свое время участвовал – Глухих, из-за бесшабашности до полтинника оставшийся Женькой, стали резать лопатами прямоугольники дёрна. Коля Крикау поддевал прямоугольники совковой лопатой, относил в сторону. Остальные присели кто на кувырки, кто на зад – ждали своей очереди поработать.

В избе Натальи Сергеевны тихое, шепотливое оживление.

Покойница лежала на столе уже обмытая и одетая в то, что сама себе приготовила: соседки без труда нашли сверток с нужным в верхнем ящике комода.

Ждали гроб, и место для него освободили посреди большой комнаты, поставили табуретки. Зеркала и телевизор прикрыли черными платками. На комод лежали принесенные свечи – тонкие, купленные на развалинах церкви в Кутае.

Прошлым летом там, в бывшем райцентре, состоялось грустное торжество – «Прощание с селом» называлось. Вроде бы только с Кутаем прощались, но съехались туда многие и из окрестных деревушек, прибыли и те, кто жил в нынешнем райцентре – в городе Колпинске, в Енисейске, Лесосибирске, Красноярске, а то и еще дальше.

Были выступления народных коллективов, речи руководства района, края, известных уроженцев. В сумерках полетели в небо ракеты салюта...

На «Прощание» приехал и священник, провел поминальную службу на руинах Спасской церкви. Верующие, да и неверующие подходили под благословение, покупали свечки и прилепляли на орнамент уцелевших церковных стен. Многие унесли, увезли свечки с собой.

И вот теперь четыре из них, сбереженные, лежали на комоде и ждали, когда их зажгут у гроба покойного человека.

Как и надеялась Наталья Сергеевна, молодежь разобралась в ее телефоне – нашла номера детей. Сходили к конторе, где лучше ловилось, позвонили. Сообщили и брату в Кутай...

Ближе к вечеру – через сутки после смерти тётки Натальи – сделали гроб. Женщины обтянули его красной материей, которая хранилась в клубе еще с советского времени.

– Ну и запасы! – посмеивались старики, наблюдая, как доски прячутся под кумачом. – На флаги с лозунгами завезли, а мы уж третий десяток годов домовины украшаем. Спаси-ибо советской власти, хоть что-то доброе оставила.

– Да много доброго! – заспорила одна из самых боевитых в деревне старушек, Зинаида, когда-то передовица и активистка. – До сих пор дорастаскать не могут. – Но опомнилась, что сейчас не до того, сунула пустую иголку внучке: – Нитку вставь поскорее, я застебаю. Пора уж Наташу уложить да посидеть...

– Лапшу-то кто делает? – спросила другая старуха, Фёдоровна, старшая из большого рода Малыхов, которых чуть не четверть деревни.

– Да Валентина с Галиной Логиновы взялись.

Фёдоровна нахмурилась, повспоминала и сказала с сомнением:

– Не знаю, чё они накатают, никогда их лапши не ела...

– Вот что полотенец нет – это беда. На полотенцах гроб спускать надо.

– В магазине-то нету?

– Не-ету. Там всё резаные. Носовые платки, а не полотенца.

– Тогда хоть веревки нормальные подобрать. Не синтетику эту...

Почти не было в Пылёве изб – а их, жилых, оставалось около сотни, – где бы как-то не готовились к завтрашним похоронам, поминкам. У одних находилось в леднике мясо на котлеты, другие вызывались дать петушка (а из ранних выводков петушки как раз в тело вошли), третьи объявляли, что кисель сварят, четвертые – что блины напекут, пятые – кутью приготовят... Отец Коли Крикау, пасечник, налил двухлитровую банку свежего меда...

Люди были довольны собой, соучастием в общем деле. А главное, что там, наверху, Наталью Сергеевну отпускают без мытарств... Ее осмотрела фельдшерица и записала: «Тело хронически больной, без признаков насильственной смерти, вскрытие не требуется», – свидетельство о смерти, пообещала, будет в ближайшее время... Своего участкового в деревне не было – то есть он был на несколько деревень, жил в Кутае. И когда ему дозвонились, вопросов у лейтенанта не возникло: «Понятно – старый человек, что ж делать... Соболезную». И все.

Председатель сельсовета Алексей Михайлович Ткачук в тот момент лежал в больнице в городе, а кроме него никто не решился поднимать вопрос о месте похорон. Да и председатель, будь он здесь, может, тоже не стал бы убеждать, что лучше везти в город, не стал бы ломать этот объединивший людей порыв...

Принесли наконец-то гроб. Крышку прислонили к забору на то место, где была щель для почты, и красное пятно на сером фоне било по глазам проходивших мимо, заставляло вспомнить о покойнице, о том, что вот как оно – жил-жил человек, и нету. И со всеми так будет. Но, даст бог, так же проводят.

Общими усилиями переложили Наталью Сергеевну, поправили подушечку, подоткнули покрывало. Тихо порадовались, что покойница твердая, прохладная – по приметам, это хорошо, довольна, значит.

Потом сняли с кровати перину, на которой умерла хозяйка, отнесли в стайку, повесили на куричьих шестки. Те, старые, пересохшие, скрипнули.

– Не сломаются?

– Вы-ыдержат. Но сдвинуть надо на край, там надежней.

– И курицам спать место останется.

– Пускай петушок отпоеет...

Уже когда вышли на воздух, баба Зина сказала:

– Надо прикрыть перину-то. Загадят курицы.

Нашли в летней кухне аккуратно свернутый кусок целлофана, растянули поверх перины.

– Ну вот, так лучше. Перина еще добрая.

– Может, кто из их заберет...

– Им много чего бы забрать надо. Как только вывозить будут?..

Говорили, не называя, о детях Натальи Сергеевны.

– Уж бы сами успели. Не представляю, как доберутся. Вертолет-то им под такое дело не выделяют, а парóm только в четверг...

– Не-е! Эт не старое время, когда вертолет по любой мелочи.

– На моторках, скорее всего, – предположил старик Мерзляков. – В городе целый бизнес ведь с ими...

– В городе – х-ха! От города до реки там километров пятнадцать!

– Ну, на берегу... Я не был, не знаю.

Отец Коли Крикау, весь день бродивший от двора, где делали гроб, до привалихинской ограды, но ни в чем не принимавший участия, – как-то потерянно наблюдал за работой, суетой, – весь день промолчавший, в конце концов не выдержал:

– Еще одна изба – на погибель.

Сказал это так, что все замерли, сжались. И несколько секунд стояли так, словно оглушенные, а потом стали торопливо расходиться. Одни направились к крыльцу, другие – к калитке. Лишь старик Мерзляков, запоздало, правда, попытался заспорить с горькими словами Крикау:

– Сын-то у Натальи пенсионер уже – он же на Севере был. Может, решит вернуться.

– Куда вернуться! – взвился Крикау, найдя повод выплеснуть то, что носил в себе от одного двора к другому. – Куда?! Тут нас самих скоро!.. В баржү – и подальше.

– Ну, давно переселением пугают, и тридцать лет назад пугали. А вот живем...

– Как на углях живем! Всё поразрушили – ни лесхоза с тех пор, ни какой работы.

– И слава богу. И так всё изгадили. Я вот своим хозяйством живу, и ничего мне не надо. Леспромхо-оз!..

– Да не будет у тебя скоро хозяйства! Сунут в четыре стены...

Двое стариков, но еще крепких, напоминающих шишковатые листовяжные столбы, стояли в узком проходе меж стайками и дровяником, посылали друг в друга дрожащими голосами эти пустые, по сути, слова и с каждым словом все больше озлоблялись. Готовы были жахнуть один другого по уху, видя сейчас один в другом врага. Так же пойманные звери, обежав несколько раз ловушку и не найдя выхода, начинают грызть друг друга.

Но разум остановил, и, сердито сопя, сильнее прежнего переваливаясь с боку на бок, старики по-шли в разные стороны. Крикау – на улицу, а Мерзляков – в огород. Сначала пошел туда, чтоб просто не сталкиваться больше с Крикау, но, когда увидел землю, появилась цель: приедут наследники, и нужно осторожно как-нибудь узнать о планах; если не захотят здесь селиться, то предложить засадить огород его, Мерзлякова, картошкой. Ведь если бросить землю, то года через два-три затянет ее пыреем, пашня начнет возвращаться к целине...

Картошка уже много лет была основным заработком местных. Перед шугой проходила по реке баржа и скупала картошку. Сейчас у Мерзлякова в амбаре, прикрытые от холода и тепла брезентом, мешковиной, стояли наготове тридцать пять кулей. Если цены остались прошлогодние, то это пятьдесят тысяч рублей примерно... Раньше и морковку, свеклу, капусту скупали, но потом что-то бросили... Еще бруснику можно продать, орехи, конечно. Грибы.

Голубику... Шкурки... Край у них тут добрый, голодать не даст. Пошевелись немного – и найдется тебе пропитание, возможность получить пачечку денег.

Дёрн был тонкий, сантиметров пять – семь, а ниже шел почти голимый песок. Лишь вокруг корней выросли полоски чернозема, будто сами корни протолкнули питательные комочки туда, в светло-серую подземную пустыню.

Слой песка опускался метра на полтора, потом начиналась влажная, жирная почва с редкими камешками.

– Отсюда сосны и питаются, – сказал дядя Витя, заметив, что Коля Крикау с интересом мнет пальцами содержимое своей совковой лопаты.

– Как масло... И камушки как речные... Это что, раньше здесь, что ли, дно было?

– Получается, так.

– Хе-хе, – усмехнулся Брюханов, – раньше везде было дно. «Анимал планета» у вас ловится?

– Ну да... Но одно дело – телевизор, а другое – вот так... Гора, река вон она... а – дно.

– Следы великого потопа, – философски заметил Геннадий, тракторист, ленивый, точнее, не любящий работать руками. И сейчас он пришел лишь с топориком для обрубания корней, но так и не пустил его в ход, уступив рубить встретившийся корень другому.

Упоминание о потопе было к месту, и все уважительно закивали. Примолкли, видимо, стараясь представить время, когда вся земля или, может, большая ее часть была под водой... Но Геннадий сам разрушил эту уважительную к своему замечанию тишину следующими словами:

– А что сосны отсюда пищу берут, это вряд ли.

– Почему?

– Да у них корни слабые. Вон по земле стелются, как мизгиры лапы.

– Это другие корни, – сказал дядя Витя, – для опоры. А воду, питание другие качают.

– Какие?

Дядя Витя вздохнул, готовясь к объяснению.

– Видал вывороченные сосны?

– Да откуда ему? – хохотнул Женька Глухих. – Ему трос к трактору подцепят, он дернул и попёр!

– Ну видал, видал, – морщась, перебил Геннадий. – И что?

– Там есть внизу, под стволом, как хвост, но короткий. Такой – треугольником. Навроде заостренного кола получается.

– Ну.

– А от него тонкие корешки навроде жил. И вот они глубоко уходят. Поэтому сосны любят на песке расти – тепло, а корни из глубины...

– Хорош лекцию читать. Руки подайте, – позвал из ямы Дмитрий Мерзляков, младший сын старика Мерзлякова, но сам уже без пяти минут дед – дочка в том году окончила девять классов и уехала в Красноярск, поступила в колледж, а этим летом, на каникулах, заявила, что встретила парня, и он предложил ей выйти замуж.

– Чего, сменить? – взялся за лопату Брюханов.

– Меняй. Холодно там, аж сквозь свитер пробило.

Мужики засмеялись:

– Мерзляк и есть мерзляк...

Дядя Витя глянул в могилу:

– Да уж достаточно. Под два метра... Дно подравнять и – нормально. А у нас еще есть чем заняться. – И он достал из застиранной холщовой сумки, с какими обычно ходят на рыбалку, бутылку водки.

– Эх, дядь Вить, ты у нас!.. – восторженно вскрикнул Глухих, но не смог найти слова, кто у них дядь Вить, и только щелкнул пальцами.

– Да не он один. – Мерзляков вытянул откуда-то из-под свитера плоскую фляжку. – Кедровка!

Геннадий вздохнул:

– Ну вы, мужики, дебилом себя чувствовать заставляете. Сами принесли, а мы, как халявщики какие... Не додумались.

– Ничего, этого хватит. Мы ж не напиваться. Помянем...

Помогли выбраться Лёше Брюханову, очистили инструмент от налипшей земли, нашли ровный пятачок неподалеку от ямы. Уселись неровным кружком.

У дяди Вити в сумке оказались три стальные стопочки, несколько мелких, дряблых огурчиков, полбулки хлеба, порезанное брусочками сало... Все были благодарны ему и Мерзлякову, что раньше времени не открылись со своей выпивкой. А вот сейчас, после завершения дела, с легкого устатку проглотить по сто граммов, закусить, поговорить...

– С чего начнем? – спросил Женька Глухих, потирая руки.

– С чистой лучше. Кедровочку – на десерт.

– Разлива-ай!

С разливанием возникли небольшие сложности. Точнее, произошла почти непременно обрядовая дискуссия:

– Да поставь, не держи на весу.

– Как я ее поставлю? Повалится.

– Поставь и держи. Нельзя на весу наливать.

– Афанасий Иванович, ты ж не старый еще, а приметы какие-то...

– К водке уважительно надо – это не водичка проточная. Она и наказать может.

– Эт точно, – вздохнул дядя Вить, – эт точно. Стольких она сюда уложила... Только, слышите, вот выпьем, и не шарахаться потом по деревне, чтоб догнаться. Добро? Завтра уж как следует вечером, а сегодня – не надо.

В ответ замычали обидчиво – дескать, ясно, мы же не алкашня какая, чего наставлять... Глухих так и сказал, добавив насмешливо:

– Педагог, понятно, – даже в этом надо учить.

– Женьк, был бы я педагогом настоящим, я б такой тебе подзатыльник отвесил – месяц язык в брюхе искал бы.

– Да ты мне и отвешивал.

– Ну дак, в циркулярку пальцы сувать!

– Кстати, дядь Вить, а как со школой? – спросил Брюханов. – Настька моя говорит, что и по географии с химией учителей нет в этом году. Вообще, говорит, со дня на день закроют. В библиотеке половина книг упакована – не выдают.

– Ну, не со дня на день. До последнего будем учить. А учителя – побежали.

– Да-а... – Брюханов поднял стопку. – Что, помянем Наталью Сергевну. Хорошая была, не вредная...

– Может, и вовремя она отправилась, – заметил Мерзляков.

Афанасий Иванович сдвинул светлые, изъеденные потом брови:

– В смысле?

– Здесь лежать будет, на родине...

– Она с Кутая – столичная, – уточнил самый старый из мужиков, молчаливый и вечно насупленный, но работающий, хозяйственный, Игнатий Андреевич Улаев, которого за глаза называли Молоточек: всё что-то перестраивал в ограде, стучал и стучал молотком, таскал из магазина гвозди рюкзаками.

– Да какая разница... Одна земля. А вот нас куда поразмечает...

И всем как-то стало неловко, неуютно. Смотрели не друг на друга – кто на могилки, кто на ярко-рыжие стволы сосен, кто вниз, на хвою, по которой ползали вялые, сонные мурашки... Слова Мерзлякова сорвали с душ коросточку защиты от страха услышать однажды приказ: «Собираем необходимое! Через неделю будет транспорт. Кто не подчинится – погонят силой».

Никто из сидевших здесь сейчас не слышал еще таких приказов, но отцы, деды, прадеды большинства – слышали. Одни при Столыпине, другие при Сталине. И были уверены, что он рано или поздно прозвучит и для них.

Да уже почти прозвучал тридцать лет назад. Но в последний момент голос приказывающего осекся. И родилось еще два поколения жителей их деревни: поколение Коли Крикау и поколение тех, кто сейчас учится в школе без половины учителей, видит коробки и ящики с собранным, готовым к перевозу школьным добром. Все ждали приказ переезжать, и если не собирались, то прикидывали, что брать, что бросить. Каждый день этим мучились, но молча, не обсуждая. Выходили утром на двор, оглядывались, и начинало крутить: что брать? как выбрать? Тут под навесом решишь навести порядок, и голова кругом пойдет – столько всего вроде и нужного, но сейчас лишнего, мешающего. И выбросить жалко, и тонешь в этом обилии, в том, что накоплено отцами, дедами, сложено в чуланах, в сараях, на вышках... Плевали, старались не думать. Но если кто-нибудь брякал о переезде, то страх тут же всплывал, разрастался, опутывал...

Первые трое выпили. Экономно, стесняясь показаться жадными, закусили. Потом выпили и закусили еще трое. Потом – двое.

Молчали, слушая, как, упав в живот, водка начинает разбегаться по телу горячими искорками. Задышалось легче, кровь посвежела... Вот искорки добрались до головы, вспыхнули, осветив что-то важное там, в мозгу, и погасли. И длившееся несколько мгновений не опьянение даже, а это странное состояние острого ощущения жизни, своего организма исчезло. Кровь вновь потекла медленно и натужно, грудь опять залила никотинная мокрота, что-то важное в мозгу спряталось в сумрак, и захотелось повторить – пустить в себя еще стопочку.

Но никто не потянулся к бутылке – знали, что не время сейчас: если дать себе волю – «между первой и второй...», – разгонишься и остановиться потом не сможешь долго, надоешь и окружающим, прося, требуя водки, и себе... Закурили, ждали, кто первым заговорит. Быть первым не хотелось, но и молчать становилось тяжело.

– А вот есть у природы какой-то закон, – произнес Женька Глухих. – Я заметил...

– Ну, я тоже заметил, – с усмешкой перебил Брюханов. – За летом – осень, за осенью – зима.

– Да погоди, я не о том! Я вот заметил, что человека сама природа к смерти готовит...

Афанасий Иванович, еще не отошедший от рассуждений, что Наталья ушла вовремя, снова нахмурился:

– В каком смысле – готовит?

– Ну вот помните... Вот ты, Афонь, дядь Вить, Игнат, помните, какой тётя Ната была высокой, мясистой. Да ведь?

– Ну. И чего?

– И как похудела, уменьшилась вся. Вроде и не болела, а так... И вряд ли голодом себя морила... А это природа ее готовила, чтоб в гроб легко легла.

Одни кряхтнули недоверчиво, другие усмехнулись. Лишь дядя Витя покивал:

– Ну да, ну да...

– И многие старики вот так – тают, высыхают...

– Жалко, что не в своей кровати померла, – вздохнул Молоточек, ломая на короткие палочки сухой сучок.

– Да нет, умерла-то на койке. Даже в себя пришла, говорят, что-то сказать пыталась.

– А у меня в избе до сих пор смертная лавка стоит, – сказал Афанасий Иванович. – Дед на ней отошел... Однажды лег и: «Всё, не встану уже». Бабка, мать стали его стыдить, грехом пугать, а он: «Не балаболите, дайте путем с жизнью попрощаться». И ночью – всё... А бабка в свою смерть не верила, в район велела везти себя, в больницу, а через неделю обратно привезли, чтоб рядом с мужем...

– Но ведь не все же умирают такими, как Женька сказал... ну, подготовленными, – вспомнил тракторист Геннадий. – Вон... извини, Димон, – обернулся к Мерзлякову, – дядя твой, Михал Петрович, до семидесяти с чем-то дожил, а такой горой оставался. Чуть спины не полопали, когда тягали гроб. С «запорожец» был...

– Быва-ат, – вздохнул Женька. – Он здрюком жил, здрюком и помер. Помню, сидит уже никакой у ворот, тухлявый весь, а все равно видно, что сила... Да, бывает... А уж тех, кто раньше времени умер или убили, я не считаю.

– Да это понятно, – отозвался дядя Витя. – По природе умереть, это тоже умудриться надо. Рак вот – одних за месяц сжирает, другие годами от боли кричат...

– Чего-то мы совсем в темень сошли, – поежился Афанасий Иванович. – Давайте-ка еще по глоточку.

– Какой повод, такие и разговоры, – устанавливая на пружинящей хвое стопки, отозвался Женька.

Дядя Витя стал осторожно разливать.

– Есть в твоих словах, – сказал, – доля правды. Но главное – человек с годами внутри меняется. Я вот раньше думал: последние старухи у нас перемрут, и больше не будет платков, валенок, сказок, Николай Угодник не будет никому больше являться. Слова забудутся наши, по-городскому заговорим... Мы тут в шестидесятые очень городские все были... А постарели, и все повторяется. И одежда, как у дедов и бабок наших, и говорим, как они почти, и травками лечимся... Зинаида на бобах ворожит, а такая правильная была: «Никаких мракобесий!»

– Что, действительно? – не поверил Коля Крикау. – Я думал, она всегда такая...

Пожилые мужики захекали, вспоминая бабу Зину, других старух, стариков, себя в прошлом.

– Ну, поехала первая партия, – кивнул дядя Витя на рюмки.

– А как в городе хоронят! – вспомнил Лёша Брюханов, когда выпили за всех, кого с нами нет, закусили и помолчали. – Я вот года три назад в Красноярск тётку хоронить ездил, мамину сестру...

– Какую это? – наморщился, вспоминая, Молоточек. – Валентину, что ли?

– Но.

– Валентина, хе-хе... С детства как городская себя вела, все уехать мечтала. После семилетки уехала и исчезла.

– Исчезла! – возмутился Брюханов. – Она чуть ли не все столовые с кафе под контролем держала!

– По бандитской линии, что ль, пошла? – кхэкнул Женька Глухих.

– Слушай, ты знай, когда смеяться, а когда...

– Ну, тебе можно шутить...

– Ладно, хорош, – осадил обоих дядя Витя. – И чего с ей? Плохо проводили?

– Не то чтобы... – Брюханов задумался, подбирая слова поточнее. – И людей много пришло, венков – гора. Под поминки целое кафе отдали... Но вот другое... Прощались в морге – там особая комнатка: серая, темная, гроб на постаменте таком... Всё быстро, всем неловко. Потом на пазике довели до кладбища... часа два ехали, плелись по пробкам... Доехали, вынесли, скорее застегнули крышку, и – всё... На поминках сидели выжатые все... Нехорошо, в общем, как-то...

– Город, он мертвых не любит, – вздохнул Афанасий Иванович.

Молоточек добавил:

– Да и живых не особо.

– Ну а как по-другому там? – спросил Коля. – Если люди живут на каком-нибудь двенадцатом этаже, как им дома прощаться?

– Лифты грузовые есть...

– Ну, в них не каждый гроб влезет.

– Хм, дядь Миш бы точно не влез...

– А пятиэтажка если – там никаких лифтов. И корячься по лестнице...

– Нет, там не принято в квартире прощаться. Ритуальные залы всякие...

– Крематорий есть еще...

И мужики снова надолго замолчали, стараясь представить эти ритуальные залы при моргах, крематорий, где, как показывают в фильмах, сжигают покойника на глазах у родных: закатывают гроб в печь, в огонь...

– Фуф, ладно, – тряхнул головой Афанасий Иванович. – Никто не знает, как его похоронят.

– Да почему? Тёть Ната наверняка знала, что здесь вот, рядом с мужем.

– Не надо за покойника говорить. Может, она в больницу хотела.

– Ну, в больницу, может, и хотела, но уж в крематорий-то точно не хотела.

– Про него и не знала.

– Да все знают.

– Интересно, а в Колпинске есть крематорий? – задумался Женька Глухих.

– Скоро узнаешь, – хмыкнул Брюханов.

Женька дернулся:

– Чё?! Ты чё-то, Лёха, хочешь, не пойму?

– Переедешь, говорю, и узнаешь.

– Нет, – готовность к драке у Женьки тут же пропала, – в Колпинске я жить не буду.

Здесь где-нибудь...

– Где – здесь где-нибудь? Здесь всё морем станет.

– Ну, скатаю избушку на горе... Или зимовье оборудую – их вокруг полно брошенных.

Дядя Витя прищурился:

– А от квартиры откажись? Туалет теплый, ванна. М?

Женька подумал, поморщился и отмахнулся:

– Ладно, как бог даст. Не искушай.

Солнце клонилось-клонилось к тайге и, коснувшись верхушек лиственниц, сразу потускнело, стало быстро гаснуть. И через полчаса наступили сумерки, на полную мощь заработали дизели электростанции. Теперь часа три в деревне самое хорошее время. Уютно. Можно посмотреть телевизор, починить под лампочкой белье или зимнюю одежду, без которой скоро не выйдешь за дверь...

Было время, электричество давали по всей деревне круглые сутки, даже рассматривали возможность вести сюда линию от Усть-Илимской ГЭС. Но потом решили, что невыгодно, да и утвердили проект строительства еще одной ГЭС, ниже по течению реки, водохранилище которой затопит Пылёво. А позже начались перебои с топливом.

Особенно тяжело было в ноябре-декабре, когда дня почти нет, солнце проползает по кромке горизонта и уже часа в четыре темнеет. И в избах темно. И тогда кажется, что совсем ты в яме какой-то, берлоге... В конце девяностых, правда, ситуация немного улучшилась, и хоть в любой момент телевизор не включишь, но уж вечер со светом гарантирован.

На улице в эти предночные часы тоже хорошо. Прохладно, но не холодно, и хочется посидеть на крыльце или на лавке, поговорить с кем-то дорогим, давно знакомым, подумать,

повспоминать. Звуки и запахи становятся в сумерках острее, мелкая травка на дворе пахнет едковато, но и приятно, как скошенная. Слышен шум переката, из стоек несет теплой скотиной; подоенные коровы вздыхают, свиньи трутся о стены, куры устраиваются на шестах, переругиваясь и тут же друг друга успокаивая тоненьким квохтаньем...

В избе Натальи Сергеевны людей много, но они стараются не шуметь, разговаривают полупшепотом, берут предметы осторожно, нетвердо, будто без спросу.

Большинство сидит или толкётся на кухне, обговаривая завтрашние похороны, пытаясь решить недорешенное... Например, как доставить гроб на кладбище. Грузовики, какие остались, сломаны, на телеге не повезешь – стыдно. Не девятнадцатый век. Осталось или на руках, меняя друг друга (хоть и недалеко, но почти все время в горку), или на «тойоте».

Владелец «тойоты» – Дмитрий Аркадьевич Привалихин, двоюродный племянник мужа Натальи Сергеевны, отец удачливого предпринимателя Олега, еще в детстве прозванного Аллигатором не от имени только, а скорее за мертвую хватку в любом деле. В девяностые Олег уехал в Красноярск, разбогател на торговле и подарил отцу внедорожник. И вот Дмитрий Аркадьевич вызвался довезти родственницу до могилки.

– Заднюю дверь подниму, закреплю, вставим гроб в багажник, – говорил он.

– В багажник, – ухмыльнулся старик Мерзляков.

– Да это не как у «жигуля» багажник! У меня – заднее сиденье сложить, и два метра длины!

– Тише ты! – испуганно осадил Привалихина самая молодая из женщин здесь, но тоже почти старушка Валентина Логинова.

– Большая машина, – подал голос Женька Глухих; после кладбища он пришел сюда, и ему налили уже две маленькие рюмочки. – Она и так на этот... на катафалк походит.

– Зато пролезает туда, куда и вездеход не пролезет...

Вошла тяжело, при каждом шаге заваливаясь налево, словно левая часть у нее перевешивала, Ульяна Павловна Игнатова... По-настоящему она была не Ульяна, а Ула, и не Павловна, а как-то по-другому. Фамилия же Игнатова у нее – по мужу.

Ульяна Павловна из ссыльных. Их когда-то много жило и в деревне, и по району. Но одни уехали, когда можно стало, другие поумирали. Сейчас от них остались только фамилии, которые носили их дети и внуки: Крикау, Шнайдеры, Гафнеры, Эккеры, Шроо, Кайхеры – да нерусские кресты на кладбищах. Ульяна Павловна была последней в Пылеве, кто помнил другую землю, далекую, с которой ее насильно увезли сюда.

Родилась где-то в Литве или в Латвии – она не любила рассказывать о своей прошлой жизни. Но местные знали, что ее семью отправили в Сибирь после войны – за связь то ли с немцами, то ли с лесными братьями; поселили в Большакове, это село здесь же, на реке, километрах в семидесяти... Через несколько лет Ульяна вышла замуж за Игнатова, и он перевез ее в Пылёво. С тех пор она тут и жила, родила пятерых детей.

В восьмидесятые приезжали к ней молодые люди с ее родины. Поговорили о чем-то тяжелом – кончился разговор криками Игнатова, который гнал людей за ворота: «Никуда она не вернется! Тут дом ее!»

Они уехали, Игнатов года через три умер, дети разъехались еще до этого, а Ульяна Павловна осталась. Старела, дряхлая... Ничем не отличалась от коренных жителей. Может, только голосом. Не словами, а именно голосом – каким-то нездешним тембром, что ли. В молодости, говорят, вообще ворковала, приятно было слушать, но и теперь голос выделялся, и человек, не видя ее, узнавал и улыбался: «Ульяна Паллна».

– Можно? – хоть и задыхаясь от ходьбы, подъема по ступеням крыльца, но все равно мягко спросила она, приваливаясь к боку печки.

– Да уж как нельзя! – всполошилась Валентина Логинова. – Как нельзя, тётя Уля! Проходите, пожалуйста.

Ульяна Павловна оттолкнулась от опоры, поправила черный, надетый поверх серой шали платок, захромала в большую комнату.

У изголовья гроба горели две свечи, освещая покойницу. Остальная комната была темна. По обе стороны от гроба – стулья. На двух кто-то сидел. Ульяна Павловна не разглядела кто. Лишь черные силуэты.

Один из силуэтов качнулся, слегка нагнулся к покойнице, и раздался голос Фёдоровны:

– Вот и Ула дотелепалась.

Фёдоровна знала ее молодой, в нездешней одежде, говорившей по-русски с трудом, и потому могла, имела право называть ее Улой.

– Здравствуй, Ульяна, – произнес второй силуэт голосом бабы Зины. – Садись вот...

Ульяна Павловна хроманула к гробу, остановилась. Постояла, взялась за мыски туфель покойницы. Подержалась, глядя на ее лицо – освещенный овалчик. Овалчик был маленький, стянутый, как крепкими нитями паутины, морщинами. Жизнь не давала этой паутине завладеть лицом, а теперь жизнь умерла, и паутина стянулась; стянула, видимо, не только лицо, но и все тело... И сейчас Ульяна Павловна удивлялась, какая, оказывается, ее подруга тщедушная. Или стала такой только в гробу. Или за те несколько недель, что они, жившие на разных концах деревни, не встречались.

Осторожно, чтобы не завалиться налево, Ульяна Павловна повернулась, добралась до стула сначала руками. Постепенно, держась за спинку, села.

– Чё, как ты, бедолажка? – спросила Фёдоровна и сразу добавила: – Совсем тебя не видать... Мы уж думали посылать, чтоб проверили... Вишь как, – Фёдоровна кивнула на покойницу, – третьего дня бегала, а нонче лежит.

– Лежи-ыт, – повторила плачущим распевом баба Зина, а Ульяна Павловна, все продолжая глядеть на маленький, обрамленный белым платком овалчик, ответила:

– Я давно не бегаю. Курам зерна сыпануть – и то история... Наверно, не перезимую уже.

– Так не говори, – остановила Фёдоровна строго. – Там, – приподняла глаза, – там знают, кому когда. Нам нельзя загадывать.

– Я и не гадаю. Я сказала – «наверное».

– Хе-хе, – вдруг тихо засмеялась баба Зина, – а три кузова дров Генке-то заказала.

– Что же – не замерзать же.

– Это правда. Не замерзать.

Замолчали, поглядывая на Наталью Сергеевну, старясь представить, понравился бы ей разговор или нет... Неспешно, вволю говорить им доводилось редко – дела, заботы съедали время, и обменяться нехитрыми новостями, мыслями, поспорить, просто язык почесать случалось лишь в магазине, или на пристани в ожидании катера, парома, или в такие вот ночи прощания со старым человеком. С молодыми прощаться было слишком больно, и старухи заходили туда, где стоял гроб, на несколько минут, плакали, задыхаясь, и, ослабевшие, поддерживаемые под руки, выходили на улицу, тащились домой... Да и не было давно прощаний – город забирал покойников...

– Глядеть надо друг за дружкой, – сказала баба Зина. – Вдруг чего, и будем неприбранные.

– Да глядим же, глядим, – с усталой досадой вздохнула Фёдоровна. – Я внучат каждый день гоняю: «Беги погляди, как там эта, как эта... Шевелится?» Прибегут и радостно так: «Шевелится!» И мне шевелиться сразу охота.

– Так это твои в окошки всё тыкаются? – угла-ми обвисших губ улыбнулась Ульяна Павловна. – А я думала, воры какие.

– Да какие теперя воры. Теперя и пьют как по необходимости.

– Ой-ой, Зинаида, не сглазь! – Голос Фёдоровны стал не просто строгим, а каким-то строго-испуганным. – Не сглазь! Им только повод дай лить в себя. Завтра вот... – Фёдоровна осеклась, присмотрелась к Наталье Сергеевне, не изменилось ли от последних слов выраже-

ние ее лица. – Мы, Нат, им не дадим заливаться. Ты не любила, и они пускай, если уважат, держутся.

– Они сде-ержутся, – отозвалась баба Зина, уже забыв, что сама только что говорила о слабо пьющих теперь мужиках. – Бутылки прятать придется.

– Проводить Наталью Сергеевну нужно хорошо, – сказала Ульяна Павловна.

– Эт само бы собой...

– Я о том, что неизвестно, как с нами будет.

– Ох, ты опять гадать начинашь!

– Здесь даже гадать не надо – выселят со дня на день, пораскидают снова кого куда.

Фёдоровна и баба Зина отметили про себя это «снова». Не простое слово, из тех, что обычно говорят, чтобы усилить речь, – за этим «снова» маячила погрузка в вагоны в далекой то ли Литве, то ли Латвии, долгие недели пути сюда, потом годы переездов с места на место, и в итоге – их район, в то время почти недоступный, беспросветно глухой, определение: «навечно».

Шестьдесят с лишним лет, против воли родных, которым вскоре дали свободу, соплеменников, Ульяна Павловна жила здесь, нашла мужа, родила детей, и вот теперь ее снова насильно будут переселять.

– У-у, – качнула рукой, но не сразу, после минуты-другой какого-то оцепенения, Фёдоровна, – это еще вилами по воде... Помнишь, и тогда все заполошили: «Срочно! Срочно!» А так и остались.

Баба Зина с готовностью поддержала:

– Весной сказали: «Огороды не садите – бесполезно. Все под воду уйдет». И чего? И отсадились, и урожай сняли.

– Слава богу, что не поверили. Слава богу.

– А Шумиловы вон поверили – без картошки остались. Сейчас покупать собираются.

– И Малыхи, которые Комлята. А у них и покупать не на что...

– Во-во! Из добрых людей в нищевродов превратились каких-то... О-ох, дергают, дергают. Сколько уж дергают. Как, скажи, приказ им дали всю жизнь здесь заранее прикончить, – разговорила баба Зина. – Мало им мест, где никто не живет, – там и строй плотины свои, топи землю пустую. А все к нам, к нам. От реки уж ничего не осталось. Порой так мелёт – пешком перейдешь. А чего – там ведь тоже плотина сверху, они то откроют, то закроют. Как боги прямо...

Словно испугавшись, что так много и с такой горечью произнесла слов, баба Зина захлопнула рот, с тревогой глянула на покойницу. Та лежала спокойно. Бесконечно спокойно. Ничто ее больше не потревожит, не огорчит, не порадует. Больше не откроет глаза, не скажет... И Фёдоровна с Ульяной Павловной сидели справа и слева от бабы Зины неподвижно, как-то тоже не по-живому спокойно. Не спорили, не соглашались. Молчали.

Бабе Зине стало страшно; она заметила, что одна из свечек почти догорела, и приподнялась, задавила огонек пальцами. На место огарка поставила другую свечку, но уже не церковную, а из магазина, которые держали в каждом доме на всякий случай.

– Ничего, Наташ, – пробормотала, – ничего, все по-людски сделам. Мужики и могилку хорошу вырыли, рядом с Денисом Степанычем. Так что вместе будете. Вместе.

– А детям удалось сообщить? – вспомнила, забеспокоилась Ульяна Павловна. – Родственникам?

– Да звонили. И вчера, как только случилось, и сёдни. Едут вроде... Брат обещался завтра утром.

– Он в Кутае же?

– В Кутае. Больной, говорит, совсем тоже. Но утром обещался.

– Примчатся завтра, примчатся, – успокоила и себя, и подруг баба Зина. – Все как положено будет – и проводим, и помянем.

– А я вот думаю, – заговорила Ульяна Павловна, – если уж будут нас разгонять, то на родину уехать. Все эти годы даже думать боялась, а теперь... Ведь до сих пор зовут... Дети все здесь, в России, – русские. И я русской стала. Только если придут и прикажут: «Собирай вещи», – я – туда. – Старуха надсадно, с бульканьем и хрипом, заплакала. – И... и мужу скажу: не по своей воле. Снова гонят... Что уж тогда...

– И правильно, Уль, правильно, – твердо, со злостью даже сказала Фёдоровна. – Едь, если есть куда. Родная земля все-таки... Только не верю я, что до такого дойдет.

– До чего-о?

– Ну, что вот придут и прикажут. Скорей оттуда нас, – она потянула голову вверх, – призовут. – И тут же зашептала: – Прости меня, господи...

Вошла Валентина Логинова. Постояла, будто ожидая разрешения сесть. Не дождалась, опустила на крайний стул. Старухи молчали, с появлением еще одного человека потеряв нить разговора.

Валентина явно хотела что-то сказать и наконец не выдержала, спросила:

– Поминать где будем? Здесь, или, может быть, в клубе лучше?

– Здесь бы надо бы, – без большой убежденности отозвалась баба Зина. – В своей избе. Фёдоровна уже твердо подтвердила:

– Тут-тут! Столы расставить вот так через комнаты – много поместится.

– Может, и во дворе сделать?

– Не надо, не свадьба.

Валентина покивала:

– Да, не свадьба. – И обратилась к покойнице: – Вы, тётя Наташа, не сердитесь, если мы что не так сделаем. Не всё мы знаем, помним. Можем и напутать. Поверьте, мы вас любили... любим. Пом-ним, как вы помогали, подсказывали, как угощали нас... Стояли у калитки в праздник и всем ребятишкам печенюшки давали. Как нам приятно становилось, тепло. И для каждого доброе слово у вас находилось... Как вы Витю, брата нашего, выделяли всегда... Вот скоро увидите. Он молоденький там...

Старухи слушали эту искреннюю, от души, но и необходимую, ритуальную речь. Слушали внешне строго, нахохлившись, а в душе ныло – вот бы и ко мне так обратились, когда я так же буду лежать, я ведь тоже немало доброго сделала... Но где будет через полгода, через год-два эта лепечущая сейчас скорбно-сладкие слова Валентина? Где будут остальные земляки?

Хоть заубеждайся, что все останется как было, но вихрь налетит неизбежно. Налетит, закрутит и разметаёт. И не соберешь.

Прошла ночь. Светало медленно – солнце было не в силах пробиться сквозь завалившие небо сизые, набитые дождем, а может, уже снегом тучи.

Собиравшиеся на похороны поглядывали на тяжелые брезентовые плащи, решая – брать или нет. Выходили на двор, оглядывали горизонт, ища про-света, прося ветра. По примете, конечно, дождь на похороны – хорошо, можно говорить: «Вот и сама природа плачет», – но все же неприятно, когда все мокро, склизко... Накрытый целлофаном покойник, вода на дне могилы...

И дождь пошел – крупные, холодные капли застучали по крышам, городьбе, ведрам... Капель становилось все больше, стучали чаще и чаще, и вскоре стук перерос в однотонное шипение.

Но налетел долгожданный ветер, двинул тучи, погнал их прочь.

Открылось солнце, уже окрепшее, высокое к десяти часам, стало скорее сушить деревню.

Люди встречались на улице, радовались, что так произошло:

- А я уж думал, на неделю зарядит!
- В горах опростаются.
- Там уж, может, и снег ляжет.

На реке послышался звук мотора, и самые нетерпеливые поспешили к пристани – посмотреть, кто.

Это прибыл Дмитрий Сергеевич Кондаков, младший брат покойницы, старый по годам, но не по внешности. Прямой, высокий, с седыми, до сих пор густыми волосами. Под штормовой – серый костюм, черная рубашка... Раньше он заведовал в Кутae дорожной мастерской, но давно уже был на пенсии. Да и дорог как таковых вокруг Кутая не осталось – болотины, тайга съедали их, и от бывшего райцентра до лежащего в десятке километров от него Пылёва опять, как сто лет назад, предпочитали добираться по реке. Тем более что грести не надо – моторы есть.

Кондакова доставил сын. В дюральке находились еще жена сына и одна из их дочек, девочка лет десяти... Привезли они и какую-то еду в большой корзине, несколько бутылок.

Поздоровавшись, выслушав слова соболезнования, Дмитрий Сергеевич спросил с удивлением:

- И что, тут хоронить решили?

Ему ответили тоже с удивлением и даже с некоторой обидой на такой вопрос:

- Ну да. А где же еще...

- А мы наших давно в Колпинск отправляем. Кладбище тоже затопит.

– Ну, ваше в низине, а мы-то вон, – кивнул Женька Глухих на прикрывавшие могилки сосны. – Деда умные были – увал выбрали.

Дмитрий Сергеевич хмуро покивал, оглянулся проверить, как сын закрепил лодку, и пошел вверх по улице, к дому сестры...

Вслед за этой лодкой, будто пропустив ее, привезшую самого родного покойнице человека, стали прибывать другие – уже отдаленная родня и старые знакомые из соседних деревень. Столько гостей, хоть и по печальному поводу, здесь давным-давно не собиралось.

Большинство плыли сюда не потому, что так уж хотелось проводить в последний путь именно Наталью Сергеевну, так ее жалели, – нет, просто это были редкие в последнее время похороны в зоне скорого затопления. И когда по реке пошел слух, что в Пылёве хоронят старуху Привалихину, народ сначала не поверил. Долго уточняли, переспрашивали, звонили в Пылёво... Так до конца и не поверив, запаслись бензином, установили на своих «Казанках», «Прогрессах» моторы, захватили что-нибудь к поминальному столу, чтоб не с пустыми руками, и отправились сюда. Посмотреть, увидеть своими глазами. И, преодолев по реке кто десять километров, кто полсотни, видели сквозь брызги и встречный ветер, что на пристани толпится народ, по упирающейся в пристань улице бегают туда-сюда ребяташки, спешат взрослые.

«Да, что-то действительно будет. Что-то будет».

Смерть старого, обессиленного, изработанного человека – это дело, конечно, обычное, а вот прощание с ним всей деревней, опускание в ту землю, на которой прожил жизнь... От этого народ отвыкал, и это волновало, удивляло, тревожило. С этой тревогой они и выбирались из лодок на плахи пристани: «Здесь хоронить будете? Не повезут?»

Местных быстро заразила тревога. Точнее, они с самого начала боялись, что похороны не состоятся, и потому готовились к ним почти тайно. Сообщили участковому о смерти, но не стали спрашивать, что делать с умершей; фельдшер звонила в район и, по просьбе земляков, тоже не взялась поднимать тему места захоронения; когда детям сообщали скорбную весть, вопрос о том, будут ли забирать они тело к себе или в город на кладбище повезут, не задали...

Умом многие понимали, что лучше увезти Наталью Сергеевну из этого обреченного места, но никто не хотел вылезать вперед, становиться врагом старух, которые тоже мечтают лечь здесь, возле деревни, врагом мужиков, почувствовавших в кои веки свою значимость,

нужность – кто, кроме них, выкопает надежную могилу, доставит к ней гроб, опустит, закопает?..

Но как хотели пылёвцы этих похорон, так, в глубине души, не верили, что похороны провести получится.

И когда вдали послышался не острый, тонкий визг моторки, а басовитый, серьезный бух-теж идущего против течения каэса, люди сразу решили: «Это – за тёткой Натальей».

Пристань, когда-то крепкая, широкая, в последние годы расшаталась, как-то сузилась. Для подходящего раза четыре в месяц парома и для редких лодок места хватало, и ладно. Но сегодня вся она была занята моторками, и с каэса – мощного высокого катера – долго кричали, чтоб дали возможность причалить.

Из маленькой каюты на палубу выбралась женщина, и местные узнали старшую дочь Натальи Сергеевны Ирину, которая жила в Томске.

Пару дюралек наконец перегнали, привязали к ствольям тальника, и катер ткнулся носом в окаменевшие листовые бревна пристани. Паренек-матрос накинул канат на столб, спустил на плахи сходень, по которой Ирина сошла на сушу. Следом – четверо парней в толстых куртках.

– Я за мамой, – глотая слезы, сказала Ирина. Глянула в сторону родного дома.

А там уже собрались почти все местные и приезжие. Человек за двести. Толпились у раскрытых ворот, сидели на корточках поодаль. Вяло делились друг с другом сведениями, где что ломают, кто уехал, а кто собирается... Дмитрий Аркадьевич подогнал свою огромную «тойоту»... Был тут и тот парнишка, что прошел мимо бабы Наты позавчера. Наблюдал за взрослыми и боролся с желанием, мешающей свободно дышать потребностью подойти к кому-нибудь и признаться, что он видел старушку совсем незадолго до того, как ее нашли лежащей у калитки, и что она, кажется, хотела ему что-то сказать...

– А мы уж тут все подготовили, – сказал Женька Глухих Ирине. – Могилку выкопали вчера...

– Я увезу... Вот катер арендовала, рабочих...

– И куда? К себе или в город?

– В город... Наверное, в город... Роман, сын мой, там сейчас с документами...

– Лучше бы здесь, – попытался убедить дядя Витя, – родная земля ведь.

– Все равно придется выкапывать, – сказал один из парней с катера. – Затопит.

Женька, уставший за последнее время слушать про это «затопит», возмутился:

– Какое затопит! У нас кладбище на горе. До него-то...

– Вода на двести метров поднимется. Даже больше... Весной всяко-разно ликвидировать будут... Кстати, – голос парня стал каким-то начальническим, – вы имеете право забрать родных. Нужно написать в дирекцию заявление на перенос. В городе выделяют землю...

– Да мы знаем, – сказал дядя Витя.

Ирина, не слушая, стояла и смотрела в сторону дома. Не решалась пойти туда, к толпе...

– Погодите! – измерив глазом расстояние от реки до кладбища, дернулся Лёша Брюханов. – Но здесь больше, чем двести метров. С полкилометра. Специально там место выбрали, чтоб никакое половодье...

Рабочий с задатками начальника тоже пробежал взглядом от реки до сосен и снисходительно улыбнулся:

– Подъем воды измеряется вертикально. Представь, сколько это – вертикально вверх? Девяти-этажный дом – примерно тридцать метров. А здесь – двести! Так что глухое дно будет на месте кладбища.

Ирина толкнула себя, пошла.

Женька Глухих трясущимися руками закурил, прошипел злобно:

– Пуска-ай... И тебя так же пускай утащут черт-те куда.

– Ну а что, – отозвался старший Мерзляков, – лучше так, чем весной выкапывать... Что там с ей будет весной... Увезут, похоронят, а там и мы следом.

И эти слова погасили возмущение – мужики на пристани замолчали, говорить теперь было нечего. Оставалось ждать.

Глава третья. Перед судами

Разводы давно стали в Большакове делом обычным. У молодых так чуть ли не через раз – сначала шумная, развеселая свадьба, длиннющие столы на берегу летом или в клубе зимой, а через год-два-три скандалы, скандалы и – развод.

Когда-то и сами разводившиеся, и их родня страдали, стыдились этого, а потом узнали, что не так уж страшно пожениться, а потом развестись. Даже полезно, как опыт для будущей жизни. У психологов, оказалось, и термин есть специальный: пробный брак.

Но распадалась не только молодые семьи, а и взрослых, пожилых уже людей. Причем мужчины и женщины не просто разбегались в разные стороны, а ехали в район, подавали заявление, платили пошлину, ждали месяц, снова ехали в суд. В основном разводились без скандалов – наскандаливались за минувшие годы, – но, случалось, делили совместно нажитое бурно, до половика, до ведра поганого. Тут уже не жадность руководила, а ненависть друг к другу, желание помучить свою отвалившуюся вторую половину, как следует отомстить за всё, за всё...

Масляковы до такого не дошли. Развелись спокойно... Ну, не спокойно, конечно, но без пыли до потолка, без позора.

А из-за чего развелись?

Наверно, начини их расспрашивать, и не ответили бы. Не знали сами. И в заявлении написали что-то дежурное, пустое, что было в висящем на стене в суде образце.

Стали друг другу чужими после сорока, вот и всё. Раздражало, как ест муж или жена, как говорит, как ходит. Казалось, не так все делает, неправильно, некрасиво.

И отчуждение это, что удивительно, произошло после настоящего объединения, когда друг другу стали необходимы, два года жили одним, переживали одно... Это когда сын, единственный их ребенок, служил в армии. И не просто в армии, а почти полгода – в Чечне.

Но вернулся целым, крепким, повзрослевшим; пожил дома несколько месяцев и уехал в город работать. И у родителей словно разорвалось то, что их связывало, заставляло быть одним целым.

Жена, Татьяна, пропадала в магазине, который открыла со своей подругой как раз в то время, когда сын пошел в армию и потребовалось больше денег. Магазин был не в Большакове, а рядом с колонией-поселением, километрах в десяти отсюда. И это злило мужа, Юрия, – колонии местные сторонились: эти полусвободные ээки много доставляли им неприятностей, держали в напряжении; на них грешили, когда случалось воровство, бывали и драки. А тут жена, получается, жизнь им разнообразит – сигаретки по дешевым ценам, конфеты, чаёк... Юрий же все больше задерживался на своей работе, на пилораме, которой владел его сродный брат. Домой не торопился.

В выходные по целым дням могли не разговаривать, спать стали в разных комнатах, и в конце концов Юрий перебрался во времянку-балок, – которая была теплой и надежной – сруб с двумя окошками, на фундаменте, печка кирпичная. А еще месяца через два съездили в район, подали заявление на развод.

Сын пытался остановить, образумить, уговорить, но не помогло. Да и как-то этот разрыв плавно, без шума, без явного повода шел, что всем троим было удивительно: вроде и просить друг у друга прощения было не за что. И не за что зацепиться – Юрий не пил-запивался, не буянил, ни у него, ни у Татьяны не было никого на стороне. Но вот не могли больше вместе жить – и разошлись.

Про их развод в деревне поначалу не знали, но потом заметили, что Юрий сам по себе, а Татьяна сама по себе. Попытались пообсуждать эту новость и бы-стро бросили – не нашлось, по сути, что обсуждать: Масляковы вели себя мирно, даже вроде бы дружно (на огороде ковырялись поблизости, помогали друг другу), но все-таки – порознь. Отдельно.

Сын устроился в городе в строительную фирму, встал в очередь на квартиру... В селе серьезной работы давно не было – уже три десятилетия сидели на чемоданах, ждали переселения.

Ну, не то чтобы прямо сидели и ждали – что-то делали, даже избы ремонтировали, новые сараи ставили, но в голове держали, что не вечно так, что придется однажды подняться и уйти отсюда.

Часть людей сразу, еще в восьмидесятые, снялась, и эта часть, как жизнь показала, поступила мудро: тогда квартиру или дом получали без большой волокиты, и с работой было легче – рук везде не хватало.

В девяностые Большаково совсем уж было зажило как уединенный островок – на город и вообще на государство, которое разваливалось и гибло, не на-деялись, кормились своим хозяйством, тайгой; на время забыли о плотине под боком – ее бросили достраивать, и казалось, что вот-вот река размочет бетон, сметет, утащит прочь.

Но наступили новые времена, государство ожило, и возобновились разговоры, что электростанция необходима, что до запуска осталось-то всего ничего. А потом гроыхнула авария на Саяно-Шушенской ГЭС, и тут заметались: срочно вводить в строй!

То, что долгие годы было хоть и неизбежным, но отдаленным, нескорым, пришло, застучало в ворота.

Летом две тысячи восьмого появились бригады эков из колонии и принялись валить бензопилами лес по угорам.

Местные сперва возмутились, бросились к пилыщикам, а те показали путевку: подготовка ложа водохранилища.

– Скоро и вас подготовят, – добавили. – Вы же ближе других к плотине.

А еще через несколько дней в клубе состоялось собрание. Прибыли представительные мужчины и женщины – какое-то начальство, – стали рассказывать о том, что строительство гидроэлектростанции наконец-то вступило в завершающую фазу и пришло время прощаться с селом. Переезжать.

– И куда-а? – плачуще спросила старушка в первом ряду.

– А ради этого мы вас и собрали, – ответили из-за установленного на сцене стола. – Будем выслушивать ваши пожелания, решать то, что в наших силах. Сейчас Станислав Борисович ознакомит вас с порядком...

И крупный мужчина в сером костюме и синем блестящем галстуке, вроде бы самый главный из начальства, напоминающий какого-то тылового офицера (местные тут же прозвали его Военкомом), стал объяснять, то и дело заглядывая в бумаги:

– Переселение регламентировано законом Красноярского края, принятым в октябре месяце прошлого года. Закон называется «Об условиях и порядке предоставления жилых помещений гражданам, подлежащим переселению из зоны затопления БогЭС». Закон предусматривает одиннадцать категорий...

– Чего затопления? Бога-с? – раздался в зале насмешливый голос.

Мужчина не сердито даже, а недоуменно, что его так перебили, уставился на сидящих внизу, оторопел. Его выручил, видимо, его помощник – молодой человек в цветастой рубашке:

– БогЭС – это Богучанская гидроэлектростанция. Одна из крупнейших гидроэлектростанций России.

– Так вот, – продолжил Военком, – законом предусмотрены одиннадцать категорий льготников, имеющих первоочередное право на квартиры. Это, конечно, ветераны ВОВ, далее...

– Вовы, вперед! – выкрикнул тот же голос; некоторые в зале хохотнули.

Военком дернулся и поднялся:

– Слушайте, кто там мешает... За глумление над ветеранами можно и под статью подпасть. Или на пятнадцать суток!

– О, мое переселение уже начинается, – обрадовался насмешливый – беспутный, но от природы умный парень Виталька Синицын.

– Так, покиньте зал, – приказал Военком.

– С чего это?

– Вы мешаете. Покиньте.

– А я ведь тогда не узнаю, может, я льготник какой. И вообще – тут моя судьба решается.

– Но действительно, молодой человек, – заговорила женщина, похожая на губернаторшу Петербурга, – нельзя так себя вести. Вы не даете людям сосредоточиться, уяснить важную информацию...

– А вам можно, что ли, говорить нечеловеческие слова?

– Какие – нечеловеческие?

– Эти Богэс, Вов... И назовите номер закона, по которому нас отсюда погонят.

– Никто вас не гонит. Мы заинтересованы в первую очередь, чтобы переселение прошло организовано, в цивилизованной форме.

– Кто – мы? – не унимался Виталька.

– Здесь и представитель краевого министерства инвестиционной политики, и представитель дирекции по подготовке ложа водохранилища, и районная администрация...

– Я-асно, серьезные люди почтили, – вздохнул Виталька. – Вопросов больше не имею. – И он в самом деле надолго умолк.

Военком огласил эти одиннадцать категорий льготников, и жители села порадовались: почти все семьи попадали в одну из категорий. Хоть ветеранов почти не осталось, зато много было тружеников тыла; были инвалиды, семьи с малолетними детьми, пенсионеры...

Большаковским предложили высказывать пожелания, кто куда хочет переехать.

– Что ж, я в Москву хочу, – появился было вместо Витальки новый шутник, но его тут же зашикали.

– Выбор, товарищи, хоть и велик, но ограничен нашим краем и Хакасией, – сказала похожая на губернаторшу.

– А при чем здесь Хакасия?

– Наши соседи готовы предоставить жилье в своих населенных пунктах. К тому же они наши партнеры.

– Аха, поселят под Шушкой, чтоб нас смыло всех...

– Давайте серьезно!

Выбирать оказалось трудно и страшно. Да и большинство городов и поселков из списка были для местных пустым звуком – никто там никогда не бывал, знакомых не имел.

Слабо помогала и разложенная на сцене подробная карта края. На нее таращились, пытались сообразить, разобраться. Начальство подсказывало:

– Вот ваше Большаково. Это – районный центр, город Колпинск...

– Ну эт я знаю.

– Вот здесь, южнее, Канск, Заозерный... А вот Ачинск, Шарыпово, Абакан.

– Далеко-о...

– Там и климат мягче, абрикосы растут.

– Зачем мне абрикосы...

– Я в том смысле, что климат...

– Да мне бы где-нибудь рядом с рекой.

– А там, в Абакане, и Енисей, и Абакан...

– Мне бы рядом со своей бы...

– Ну вот Колпинск. Динамично развивается. И от вас совсем рядом.

– Аха, – встревал третий в это медленное обсуждение. – От Колпинска до реки – пешком не дойдешь.

– Вот Богучаны ниже по течению, – начинало терять терпение начальство. – Отличный поселок. Мотыгино...

– Там тоже ГЭС строить хотят. Опять переселение будет.

– Правда, что ли?

– Да, – неохотно признавало начальство, – планы есть.

– Что ж это от реки-то останется?..

В тот раз заявления подали всего несколько человек – в основном одинокие. Выбрали места, где у них была родня или знакомые.

Начальство не торопило, тем более у него самого возникла путаница в списках. У краевого был один, у районного – другой, а здесь сельсовет предоставил третий.

– Это почему так? – морща лоб, пытался понять тот, кого местные прозвали Военкомом. – У вас в реестре почти на полсотни больше людей... Как это? Ведь вы же сами подавали... – И он покачал списком, который привез с собой.

– Но это когда было-то! – ответила сельсоветовская паспортистка. – Года два назад. С тех пор новые прописались. Люди не все сиднями на месте сидят.

– Что-о?! Как – прописались?

– Закон разрешает.

– Да это!.. – Мужчина особенно сильно стал похож на офицера, увидевшего вопиющий беспорядок.

– Действительно, Станислав Борисович, – тихо, но слышно сидящим за столом заговорил молодой, в цветастой рубашке, – закон не запрещает регистрацию в зоне затопления.

– Не запрещает... – Военком потер горло и зло посмотрел на паспортистку. – Хорошо-о... Хорошо, мы проверим, кого вы тут зарегистрировали.

– А кого? Не китайцев же. Своих, граждан России, в соответствии с Конституцией...

– Да ведь мы так никогда их... – Военком мотнул большой головой на обсуждающих внизу, в зале, свою дальнейшую жизнь большаковцев, – никогда не переселим.

– Издайте закон, я перестану регистрировать. Вы же из министерства – не я.

– Так, господа, – сказала похожая на губернаторшу, – давайте обговорим этот казус не здесь. Мы и так уже обращаем внимание... Еще митинга не хватало.

И тут как раз к сцене подошел Юрий Масляков. В руках – розданные документы с условиями переселения.

– У меня вопрос.

– Да-да. – Начальство за столом с готовностью обратилось к нему; и в зале притихли, надеясь услышать полезное.

– Вот здесь написано, что квартиры предоставляются строго в соответствии с регистрацией.

– Да, конечно.

– Но вот мы с женой, с Татьяной... Мы в разводе.

– Так, – кивнул молодой человек в рубашке, и на лице его появился азарт, как у отличника перед решением сложной задачи.

– И как нам быть?

– Вы, простите, зарегистрированы по одному адресу?

– Ну да. В разводе уже лет десять... У каждого свое, а тут...

– Мы понимаем вашу проблему, но в соответствии с законом вам положена одна квартира.

– Ну а как, если мы вместе не живем?

– Но ведь жили же как-то. И сейчас живете.

– Одно дело – здесь. У нас и изба, и еще... – Маслякову было неловко при всех объяснять устройство их жизни. – Я, например, в балкэ... Но он вполне подходящий... Мы можем друг друга неделями не встречать. А квартира...

– Знаете, – как по секрету стала советовать похожая на губернаторшу, – рыночные свободы дают вам возможность оперировать полученным жильем. Можете разменять, можете купить себе отдельное...

– Купить? Хм, в кармане миллионы преют... И какая нам светит квартира?

– Вас двое?

– У нас сын еще! – выкрикнула Татьяна, до того как-то сжавшись слушавшая разговор. – Андрей, сын!

– Он с вами живет?

– Нет, он в городе.

– Но прописан с нами, – сказал Юрий.

– Вот они, – паспортистка нашла в реестре Масляковых, – семья из трех человек, сын совершеннолетний, зарегистрированы по одному адресу.

– Что ж, – глянув в реестр, ответила похожая на губернаторшу, – вам полагается двухкомнатная благоустроенная квартира.

Масляков усмехнулся:

– Двухкомнатная! Да у нас изба – три комнаты, и кухня огромная. Плюс...

– А сын на очереди стоит, – перебила Татьяна, – как участник боевых действий! И как ему?

– Нужно разобраться в этом вопросе. Скорее всего, первоочередной будет очередь по переселению. К маю территория вашего сельсовета должна быть готова к... – Молодой человек в цветастой рубашке запнулся. – Кхм, должна соответствовать санитарным нормам.

В тот раз начальство уехало почти ни с чем. А большаковские долго обсуждали между собой, куда переселяться, на каких условиях, что брать с собой, что бросить.

По вечерам шли в те точки, где лучше ловилась сотовая связь, и подолгу, крича, разговаривали с детьми, родней, знакомыми, живущими в других городах и селах, узнавали, как там у них... А вдали жужжали бензопилы, валившие березки и сосенки...

На следующий день после собрания Юрий и Татьяна Масляковы впервые за много лет решали общее дело. Важное и сложное. Переезд.

Обычное и привычное – вспашка огорода, копка картошки, дрова – решалось без обсуждений, почти молча. А теперь потребовались слова, много слов, которые, может быть, приведут к правильному решению.

И вот сидели за широким столом на кухне, на разных его концах.

– Дождали-ись, – качала головой Татьяна, – запрут в четырех стенах, и будем сатанеть друг от друга.

– Еще, заметил, у них подозрение, что специально развелись, чтоб две квартиры оттяпать, – усмехнулся было Юрий, но, осознав слова бывшей жены, повысил голос: – Ну а что, куда бы я делся? Это и мой дом тоже... мой отец с дедом строили.

– Да это – да, это понятно... Кто ж знал...

Может, подумала в этот момент Татьяна, что зря двенадцать лет назад, когда развелись, не вернулась к своим в Проклово или не пошла к паспортистке, чтоб та выписала ее с этого адреса и прописала по другому – пустые дома тогда копейки стоили... Найти хозяина, заплатить, и теперь бы не надо было ломать голову, как быть. Или сына прописать отдельно... Да. Но кто же, действительно, знал тогда, кто же знал... Вот бахнуло, и сотни людей поняли, что они в западне, ловушке. И Масляковы – дальше других от спрятанного выхода.

– Хоть бы как-нибудь уж две однокомнатки получить, – сказала Татьяна. – Андрей все равно отдельно пока... снимает. А там, когда из нас кто помрет, то объединить, ему оставить.

– Ну да, ну да... Но кто даст две... Лишнюю ванну, туалет... хе-хе...

Татьяна посмотрела на Юрия, как на дурашливого взрослого ребенка. Без злости, но с сожалением. Сказала:

– Андрею надо позвонить. Может, он что подскажет. Тем более – в городе. Там понятней, как и что.

– Ну да, надо, – без всякой надежды согласился Юрий.

По соседству, через три двора, тоже шел тяжелый, требующий много слов, которые никак не находились, решения, которого никто не видел, разговор. И Виталька Синицын, так смело ёрничавший на собрании, сейчас имел растерянный, незащищенный вид. Скрючился на лавке перед печью, курил сигареты одну за одной, слушал, что говорит десяток собравшихся у них дома людей. Слушал и пытался выудить из разговора, похожего на ливень с порывами ветра, мысль, которая бы могла всех устроить. И тогда бы этот длящийся уже не первый час разговор-ливень прекратился, и все бы, довольные, успокоенные, разошлись, занялись делами.

– Да как мы там будем? Ка-ак? – плачуще вопрошала мать, Надежда Павловна, теребя выписку из реестра с их будущим жильем. – Нас вон сколь... это Катерины с Никитой не считая... И всех – в одно! Здесь четыре семьи, и всех в одну квартиру?!

– Четыре семьи – четыре комнаты, – мрачно кхэкнул старший брат Витальки, Лёха, отец двух ребятишек.

– Хватит смеяться уже! – Мать пристукнула кулаком по столу. – Досмеялись вот, досмеялись!..

– Да никто не смеется... Откажемся переезжать на таких условиях – и точка.

– Под конвоем переселят, – ответил средний брат, Артем.

Их было три брата и еще сестра, Катя. И все прописаны здесь, в родном доме. Точнее, домов было два: в старом жили отец с матерью и одинокий Виталька, а в новом – Артем с женой и дочкой и Лёха с семьей. Так все устроились, что у каждой семьи был свой выход на двор, свои кухни. В общем, не мешали друг другу... Катя жила у мужа, Никиты Акулова – поженились в позапрошлом году. Надо было и прописку сменить, но всё руки не доходили, да и не держали это в голове – пустяк, формальность. И паспорт-то многие месяцами не видели: лежит он в шкафчике, в жестяной коробке спокойно, и пускай лежит. А вот, оказалось, от штампа судьба зависит. Вписали Катю в реестре к родителям и братьям, а не к мужу.

В разговоре участвовали и родители Никиты, и их второй сын, двадцатилетний Саня, который собрался жениться на местной девушке. Родители девушки хотели переезжать в Ачинск, Санины же родители решили остаться в районе.

– На худой конец в Колпинск, – говорил старший Акулов. – Но лучше – в Таежный, его топить, слышал, не будут... Я отсюда не уйду. У меня тут с семнадцатого века все. Заимку в горах скаताю и буду...

– И будет он! – взвилась вдруг его жена Тамара; Виталька качнул головой: «Вот он, новый порыв ветра». – И будет!.. А мы?! Мы-то как?

– И вы со мной. Я еще могу...

– Не поеду я ни в какой Таежный! И в Колпинск я не хочу!

Акулов недоуменно уставился на жену. Кажется, она впервые позволила себе так вот кричать, так решительно с ним не соглашаться... Акулов был здоровый пятидесятилетний мужик, давно жил своим хозяйством, охотой, рыбалкой. Продавал то, что добывал, откармливал в стайках, и деньги на жизнь всегда были. Жена с сыновьями помогали, все делали эти годы одно дело размеренно и дружно, и вот жена взбунтовалась. Тем более – в чужом доме.

– Выпала возможность пожить как людям, а он – заимка! Тут Минусинск предлагают, Сосновоборск... Абакан, люди говорят, какой хороший город стал...

– И что тебе этот город? – не повышая голоса, но угрожающе сгущая бас, спросил Акулов. – Задышаться там?

– Буду жить нормально. Хотя на унитазах посижу.

– Нет, надо, конечно, в город, – неожиданно для Витальки поддержал его отец. – Квартира, всё... Только настоять, чтобы не так вот – всех в одну...

– А Катерину с Никитой как? – вспомнила мать, оглянувшись на них, державшихся за руки, будто им сегодня же разлучаться навек, и заплакала. – Как не по-людски-то все!..

Никита и Катя почти два года прожили в пристройке, сами по себе, привыкли к независимости, а тут опять оказались детьми, прилепленными к родителям: Никите полагались метры вместе с его родителями, Кате – с ее...

– Ехать надо, добиваться, чтоб пересматривали, – сквозь плач говорила мать и была сейчас такой старой и жалкой, что у Витальки защипало пальцы.

Он поглядывал на братьев, крупных, женатых мужиков, на их жен, корпусных, рожалых. Но сейчас все они тоже, как Никита и Катя, выглядели, будто маленькие перепуганные дети – всех испугала перспектива оказаться в тесном пространстве квартиры вместе, возле одной плиты, с одним туалетом, одной стиральной машинкой. Племянники сидели рядком, нататуршившись; они напоминали вынутых из норы полумесячных волчат... Все собравшиеся, от почти стариков-родителей до этих пятилетних-семилетних ребятишек, крепкие, здоровые, знающие, как жить здесь, в деревне, были теперь растеряны, бессильны, прибиты. И Витальке хотелось рвануть в город и там жестко, лаконично всё объяснить тем, кто руководит переселением... И вот он возвращается с пачкой ордеров на жилье. Отдельная квартира своим родителям, отдельная – родителям Никиты, и семьям братьев – отдельные, и Сане с невестой – тоже. Нормальные квартиры – по две, по три комнаты. Даже тем, у кого детей пока нет. Но будучи ведь...

Приехал Андрей, сын Масляковых.

– Ну чего тут у вас? – спросил не то чтобы с пренебрежением, но так, как спрашивает богатырь у бьющихся над плёвым, с его точки зрения, делом лилипутов.

Юрия этот его тон задел и в то же время обнадежил. Может, действительно сейчас Андрей возьмет и раскидает, словно кучу гнилушек, проблемы.

Вслед за бывшей женой и сыном поднялся в избу, сел к столу.

– А вы вместе опять? – удивился и обрадовался Андрей. – Молодцы-ы...

– Погоди, – Юрий поморщился от этого «молодцы-ы», – тут такое дело, что мозги можно вывихнуть.

– Сынок, чай попьешь? Поешь? – жалобно спрашивала Татьяна.

– Ну, чай... На работе еще надо успеть показаться. – Сын уселся, оглядел просторную кухню. – Что, сносят нашу деревеньку... Нас пытались вербовать на зачистку, но местные отказались...

– Позавчера собрание было, опрашивали, кто куда поехал бы... Списки у них, кому какое жилье положено... И нам, – Татьяна кашлянула, глотая слезы, – нам на троих вот две комнаты. Мы говорим: сын взрослый...

– Да я... – перебил было Андрей, но Татьяна не дала:

– Сын взрослый у нас, и мы сами в разводе уж столько. Все трое отдельно, адрес только один.

– Они говорят, – вступил Юрий, – по закону – правильно. С одного адреса – в одну квартиру. А у людей тут сплошь и рядом – по одному адресу десять человек. Вот Синицыны...

– Да что нам Синицыны! – всплеснула руками Татьяна. – Нам о себе думать надо. Нам-то как?

– Ну, может, это знак судьбы, – улыбнулся Андрей.

– Что – знак судьбы?

– Чтобы вас свести. Ведь это ж смешно уже, правда, – в одной ограде столько лет, а живете, как эти...

– Живем и живем, – голос Татьяны моментом стал сухим и твердым, – и кому какое дело. Не жалуемся. А если нас в одну клетку... Ты представь только, как мы там втроем!

– Я и хотел сказать: я как снимал, так и буду снимать пока. Тем более я с девушкой сейчас. Может, и серьезно получится...

– Это с той, с Дашей?

– Нет, другая... Потом познакомлю.

– А это, слышь, – вспомнил Юрий, – мы комиссии сказали, что ты на очереди стоишь, как солдат...

– Участник боевых действий, – поправила Татьяна, будто это уточнение было важно сейчас.

– Ну да... И они сказали, что первоочередной становится очередь по переселению.

– Мы возмутились с... с отцом... Только им это...

Андрей хотел что-то ответить, но передумал. Покрывился, как от боли, потер ладонью подбородок.

Щелкнул электрический чайник, и Татьяна тяжело поднялась, налила чашку чая. Потом, подумав, налила еще две. Поставила на обеденный стол. Достала из буфета печенье, сахар. Постояла над столом, как бы вспоминая о чем-то, села.

– Ла-адно, – выдохнул сын протяжно, с угрозой кому-то. – Ладно, таких, как я, у нас много, мы им устроим, если действительно... Главное – пока никаких бумаг не подписывать. На своем стоять. Пускай решают.

– Подписывать не будем, ясное дело, – отозвался Юрий. – Насильно нас вряд ли станут – другое время... Хотя и три квартиры вряд ли дадут.

– А если и дадут, – заговорила Татьяна, – то по одной комнате, где и не развернешься. А тебе, – обратилась к сыну, – свою жизнь устраивать надо. Тридцать два года, а все так – один по съемным углам...

– Ну, не по углам, и не один.

– Да это тебе кажется. А скажут, чтоб освободил до конца недели, и другую снять не получится. И что? Вот тебе и углы... Свое жилье надо, свое! И семью. Детей. – И, разойдясь, Татьяна стала планировать, как устроить жизнь сына, да и свою на новом месте: – Может, дом перевезти? Об этом на собрании не было разговора, но ведь можно, наверно... Всем бы места хватило.

– Как его перевезешь? – пробормотал Юрий. – Сруб разве только... Как это все разбирать, раскатывать... штукатурка, балки... И кто нам землю даст?

– Дадут, – убежденно сказала Татьяна. – Заявление написать, потребовать. Такие хоромы – три комнаты жилых, кухня вот, двое сеней... их тоже теплыми сделать можно... Или, – нашла другой вариант, – доплатить за комнату. У меня семьдесят тысяч лежит. У отца тоже, наверно, что есть.

– Тридцать с чем-то, – поспешно, чтобы не подумали, что жалеет денег для дела, объявил Юрий.

– Вот! И у тебя, сынок, найдется.

Андрей усмехнулся:

– Да это не деньги. Надо хотя бы полмиллиона. Или кредит брать.

– Нет, без кредита. Я столько случаев слышала...

– Кредит тоже под что-то дают, – продолжал сын, – просто так не выложат деньги. А может, все-таки... – Он глянул на мать, на отца. – Может, сойдетесь? Ведь легче же вместе...

Юрий, до того глядевший в пол и лишь изредка поднимавший глаза на говоривших, затяжно посмотрел на Татьяну. И она показалась ему сейчас – именно после слов Андрея – помолодевшей, симпатичной, близкой. Захотелось, как раньше, подойти, сжать ее плечи, притянуть к себе... Те обидные слова, что говорила она ему много лет назад, что кололи, не давали покоя, теперь забылись, вернее – потускнели, потеряли смысл... «Почему, действительно, не быть вместе? Ведь по-настоящему же никогда не расходились, всё рядом. И будем рядом, хоть и переедем отсюда... Сын у нас...» И он сказал:

– Я, в принципе, не против.

Лицо Татьяны исказилось – то живое напряжение, с каким, как казалось Юрию, она ждала его ответ на слова сына, превратилось в гримасу страдания и злобы.

– Не против? – не крикнула, она вообще редко кричала, а как-то полужадушенно прошипела. – Не против? В принципе?

– Мам, – голос Андрея, – чего?..

– А чего? Чего он?.. Захотелось – разбежался, теперь надо – сбежался.

– Я от тебя не убегал, – ответил Юрий. – Ты пошла на разрыв.

– Ну дак, конечно! Если ты в самое трудное время предал просто.

– Как это – я предал? – Юрий ненавидел выяснять отношения и в тот раз просто отправился жить во времянку, чтоб не выяснять...

– А так. Так! – распалялась Татьяна. – Когда муж вместо того, чтобы опорой быть, прячется, как страус, – как это назвать? Единственное, что мог, – принести бутылку и сказать: «Будем на лучшее надеяться!» Вот же!..

– Да когда я пил?!

– Не скажу, что запивался, но и не делал ничего. Сидели здесь без копейки, без ничего, когда сын там, в Чечне этой, под пулями...

– Мам, но ведь обошлось, – сказал Андрей. – Прошло. И не хуже других живем.

– Не хуже? Хуже! Раньше надо было искать выход, а не сейчас. Двадцать лет было... Тогда еще и дом можно было продать, и купить тебе отдельный... Как теперь-то нам?!

Юрий поднялся, пошел к двери.

– Ну вот видишь, – тут же как-то торжествующе сказала бывшая жена, – опять уходит. Так же и тогда уходил. Только начну разговор – он уходит.

– Да я покурить.

– Курить!..

– Мама! – выкрикнул Андрей. – Хватит... Чего теперь злиться, через столько лет? Решать нужно.

– Ну а как с ним таким решишь? Не против он... в принципе... Все я знаю, как ты тут по деревне к каждой одиночке лез, паспорт совал, что развелся.

Юрий дернулся:

– Да когда это было! И что – мне одному легко, думаешь?

– Ну вот и ступай к ним!.. Что-то ни одна не приняла.

– Го-осподи! – Юрий присел у порога; Татьяна сухо плакала, Андрей, большой, взрослый, какой-то лишний здесь, безвольно согнулся на стуле, постукивал ногой в остроносой туфле.

Казалось, так вот они и будут мучиться втроем, пока с улицы не войдут и не скажут: «Ну что, готовы? Покидаем помещение, грузимся».

Хоть на словах почти все жители Большакова были за то, чтобы держаться до последнего, добиваться самых лучших условий, но на деле уже через месяц-полтора после собрания дома стали пустеть. Уезжавшие оправдывались:

– Ну а чего ждать? Другого не будет. Пока хоть квартиры дают, а потом – хрен его знает.

Собирали вещи в коробки и мешки, сносили, свозили на берег, а с него – на подходящий, чаще всего уже забитый вещами переселенцев с верховья реки паром. Что-то ломалось, билось, что-то мочило дождем; люди ругались, проклинали всё подряд, но тащили это уже ненужное, поломанное барахло на палубу, пихали в свободные щели, ставили коробку на мешок, ящик на коробку... В конце концов паром медленно отчаливал, посылал оставшимся прощальный взвой сирены и полз дальше, в сторону плотины. За километр до нее была широкая пристань, склады, но все это временное, обреченное на скорое уничтожение и затопление. От пристани вела дорога к городу, за которым начинался огромный мир с десятками и сотнями других городов и сел, поселков, деревушек, по которым распылялись жители Большакова. Распылялись, терялись, исчезали...

Большаково – село не крупное. И, казалось бы, расселить его можно за неделю. Да когда-то за сутки целые народы грузили на транспорт и отправляли за тысячи километров. Было такое. Но теперь все делалось вроде бы по закону, с соблюдением прав, и процесс шел медленно, кое-как.

Первые семьи покинули Большаково еще в конце семидесятых, когда электростанцию только начинали строить. Но их дома заняли другие – дальняя родня или приезжие. Да и некоторые из местных вернулись – не прижились на чужбине. И по существу село и теперь не выглядело обреченным на гибель.

Погибали маленькие деревни дальше от города, даже те, что не попадали в зону затопления. Но когда стал пустеть бывший райцентр и старинные села вдоль реки, захирели и выросшие из зимовий, за-имок, балков деревеньки. Фролово, Пуня, Бераямба, Боровое, Армаль... А как иначе? Одно дело, когда до ближайшего села с магазином, фельдшером десять-двадцать-тридцать километров, а другое – двести, а то и больше. И люди снимались, уходили.

Обезлюдевали деревеньки – эти несколько избышек, – и сырая темная тайга сразу наваливалась на отвоєванные у нее когда-то деляны; дикие травы засыпали огороды, дворы, улицы семенами, сосны и ели швыряли расщеперенные шишки; на срубах поселялся мох, расплзался по плахам крыш лишайник. Снег и ветер валили заборы, дождь разъедал бревна, доски, слеги, по стайкам шастали лисы, напрасно вынюхивая кур, на чердаках и вышках строили гнезда белки, долбили городьбу дятлы... Природа забирала обратно свою территорию.

А жители брошенных деревень тыкались в села, которые для них были центрами их цивилизации, и те, что переезжали раньше, успевали там прописаться, обжиться, а припозднившись, сомневавшиеся до последнего – опоздали. И кто-то ехал дальше, в райцентр, в Канск, Богучаны, Лесосибирск, Енисейск, другие самовольно занимали бесхозные избы, жили прячась, таясь, – просто некуда было деться...

Такие же нелегалы были и в Большакове. Вселялись в дома с отключенным электричеством, топились, ломая сараюшки, заборы. Целыми днями мужчины торчали на реке – рыба становилась для таких основным пропитанием. Бывало, со слезами выпрашивали ведро картошки и десятку на булку хлеба, случалось, подворовывали... Тяжело было смотреть на этих таежников, сделавшихся бичами. И ведь им-то вообще ничего хорошего не светило – бросили место жительства по своей воле, сами, формально, стали такими.

Да и прописанные в селах, попадавших под затопление, тоже не были застрахованы от бичевания: невнимательное чтение документов, подпись не там – и ты вполне можешь лишиться и родного дома, и квартиры, которую тебе выделяют...

В том тупике, в какой попали семьи Масляковых, Сеницыных, Акуловых, казалось, жить долго нельзя. Невозможно каждый день, каждую минуту думать о том, что будет дальше, как оно будет... Но дни проходили, сливались за спиной в недели, месяцы.

Осенью паника с переселением поутихла, и оставшиеся люди вернулись в привычный режим. Готовились к зиме, выкапывали и перебирали картошку, деля ее на три категории –

себе на еду, свиньям и на семена. Пилили лесины, кололи чурки, складывали высокие поленницы.

Время от времени докатывались слухи, что работа на ГЭС снова застопорилась – то ли денег нет, то ли что еще... Финансовый кризис, экологи пересилили...

– Вообще бы смыло ее, – желали старики. – Пока снова делают, мы успеем хоть помереть спокойно.

– Да ладно помирать, – отзывались те, что моложе, – еще поживете с удобствами.

– Ну их к язве с их удобствами! Меня только оторви отсюда, я по дороге окочурюсь.

– Мда-а, – поддерживали, – старые деревья не пересадишь.

– Не пересадишь...

В середине ноября ударили серьезные морозы, и в Большакове появилось несколько бывших жителей. Пробирались по глубокому несслежавшемуся снегу к своим воротам, отпирали избы, затапливали печи.

Виталька Синицын зашел к одним таким – Устряловым Димке и Маринке. Почти ровесники Виталькины – молодая семья пока без детей. В сентябре им выделили в городе отдельную квартиру в двухквартирном доме. На первом этаже прихожая и кухня с залом, на втором – две комнаты: спальня и будущая детская... Они с радостью подписали документы, сгребли в мешки и ящики вещи. Виталька помогал им грузиться.

И вот теперь Устряловы снова здесь.

– Здорово, а вы чего приехали? – удивленно спросил, сбивая шубинками снег с унтов. – Или отобрали хоромы?

– Хоромы... – буркнул Димка, а потом и ругнулся; встал с кровати навстречу гостю. – Проходи... Не разувайся.

Изба была темная, за два месяца успела стать нежилой, чужой. Неровно оштукатуренные стены голы и страшны, как старое тело. Раньше на них были коврики, висели полочки, заслоняли шкаф, буфет. А теперь почти пусто. Лишь большой кухонный стол, самодельный, из толстых плах, в углу – панцирная кровать, на которой вместо постельного белья – шубы, платки.

У стола на тоже самодельной табуретке сидела Марина, жена Димки, бесцветно смотрела на гостя.

С потолка свисала на пыльном шнуре потушенная лампочка без плафона... Лишь пощелкивающие в печке дрова, бьющийся за щелью дверцы огонь как-то обозначали жизнь.

– А чего в темноте? – Виталька поискал, на что сесть; Димка кивнул на кровать.

– Да провода отрезали... Хорошо хоть изба цела, а так бы...

– Что – так бы? Вернулись-то зачем вообще? – Виталька никак не мог понять, что заставило Устряловых в самый мороз приехать сюда из новенькой квартиры.

– Невозможно там жить, – сказала Марина. – Это... это кошмар какой-то. – И, перхнув рыданием, замолчала, отвернувшись.

– Хм!

– Понимаешь, – продолжил за жену Димка, – вроде бы все отлично – домик веселый, соседи нормальные. Заборцевы. Знаешь же их?

– Которые с Косого Быка?

– Ну да, они...

– А какие именно? Их же полно там. Всех в одну квартиру, что ли? Как нас хотят... – И Виталька зло хохотнул.

– Да нет, Даня Заборцев с женой, сыном.

– А-а!.. И как они?

– При чем здесь Заборцевы вообще?! – дернулась Марина; видимо, ей не терпелось рассказать Витальке об их злоключениях, но сама не могла, а парни подались совсем не в ту степь...

– Ну, они тоже побежали, – сказал Димка. – Им тоже... Короче, – уставился на Витальку кругловатыми выпуклыми глазами, – короче, как долбануло за минус десять, так и началось. Пол ледяной, особенно – первый этаж. В лабутах с пятью носками целый день, как на улице... Подполья нет, это нам сразу сказали, но мы как-то плюнули. А тут я рейки отодрал, полез смотреть – оказалось, дом на сваях стоит, и пол – в одну доску, сверху дэвэпэ тонюсенько... К тому же доски ссохлись, винтом пошли, щели сплошные.

– Это они, что ли, плахи сырыми ложили? – покривился Виталька.

– Ну, так получается... Ладно, думаю, куплю пока пару ковриков... ну, которые греют, электрических, а весной уж начну разбираться. Зимой кто ж ремонтирует... И тут, – Димка вытряхнул из пачки сигарету, но не закурил, стал нервно катать меж пальцев. – И тут, сука, обои отваливаться стали. Прямо листами так – ш-ших! А под обоями прорехи, хоть руку суй. Ну, думаю, это уж слишком.

– Да всё там, всё! – не выдержала Марина. – Все ужасно! Дверь тонкая, тепло не держит, рамы шатаются... Предложили отдельное жилье, и мы, как лохи, глаза закатили и бросились. А теперь...

– Ну, короче, посмотрел я на такое дело и побежал жэк искать, или как он там называется... Подсказали управляющую компанию. Называется «Веста»... Х-хе! – Димка сунул сигарету в рот, щелкнул зажигалкой.

– У печки покури, – сказала Марина. – И так мутит.

Виталька с усмешкой поинтересовался:

– Чего тебя мутит? После городского жилья, что ли?

– Беременная потому что. На радостях вот заделали, а теперь... – в голосе Марины снова послышались рыдания, – теперь вот здесь придется черт знает сколько.

– Да ладно, разберемся, – попытался успокоить муж.

Он отошел к печке, сел на кукурки, ногтем приоткрыл дверцу топки; Виталька пристроился рядом.

– Ну и вот, прихожу в эту «Весту», сидит мужичок. Увидел меня, аж дернулся. Я ему вглядь, подробно объяснил, он записал адрес, претензии. И так... не спокойно, а привычно, будто каждый день по десять раз к нему с таким приходят: «Все ясно. На днях придет к вам представитель, сделает экспертизу». – «Да? – говорю. – А устранять когда будете?» – «Как очередь дойдет. Месяца через два примерно». – «Какие два месяца?! Там и две ночи не выдержат. Минус почти на градуснике». Мужичок этот мне уныло: «Эти дома у нас на гарантии. Их владелец – акционерное общество “Бива”. Мы предъявляем результаты экспертизы им, а они обязаны устранить». Я послушал, ну и уже всерьез злиться стал: «Мне по хрен, кто там кто у вас. Жить в доме невозможно!» И он тоже взвился: «А я что могу? У меня таких, как вы, сто с лишним квартир. Хотите – в суд обращайтесь».

– Надо обращаться, – сказала Марина, – писать заявление.

– Завтра с утра поеду. – Димка бросил окурок в огонь, следом сунул обломок черной доски. – Надо решать... Вон и топиться нечем. Труху нашел под навесом...

Виталька перебил:

– Ну, дров-то не проблема привезти.

– А свет? И вообще... Дураки, подписали документы... владельцы жилья, блин... А теперь хрен его знает как... – Димка поднялся с корточек, какой-то старческой походкой вернулся к столу. – Суд... Легко сказать. Это надо адвоката искать, платить ему, доказывать...

– Нам тоже, скорей всего, суды предстоят, – вздохнул Виталька. – Прикиньте, Катьке с Никитой в разных квартирах метры дают!

– Да? Они ж муж и жена. – На лице Марины появилось оживление.

– Но. А прописаны по разным адресам. Ну, каждый у родителей. Их и записали отдельно... Да и другое... Вот вас двое – вам положено сорок с чем-то метров.

– Сорок два, – уточнила Марина.

– Ну да. А если семья большая, то всего по восемнадцать метров. И вот нас всех в одну квартиру сталкивают. Меня, родителей, братьев с семьями. Живете, дескать, по одному адресу, вот вам четырехкомнатная, и радуйтесь. А то, что у нас две избы, что все сами по себе, считай, это их не колышет. Один адрес – и всё... Интересно вообще получается: богатый хрен вздумал китайцам электричество продавать, нашел недостроенную станцию и взялся... А нас, как мусор, в угол сметает... Мы еще и благодарить должны, что нас в квартиры эти селят. Да я бы сто лет здесь жил, чем там, в клетке этой. Хоть и можно выйти в любой момент, а куда, зачем? – повсюду чужие люди, чужая земля...

Виталька замолчал... Последние недели он старался не думать об этом, но вот ситуация Устряловых, казалось бы, устроившихся очень неплохо в городе, которым многие завидовали, но вынужденных вернуться, заразила его возмущением, смятением, желанием бороться...

– Что, может, выпьем чутка? – спросил; еще минуту назад пить не хотелось, а теперь прямо засосало в груди, затребовало водки.

Димка глянул на жену, наткнулся на ее колючие глаза, ответил:

– Нет, Виталь, не надо. Завтра поеду. Надо решать... И перед родителями стыдно – говорили ведь, предупреждали, а мы... Типа взрослые люди... Теперь на глаза им попадаться не хочется. А даже картошки вон нет, кастрюли...

– Пошли, дам картофана, и капуста соленая есть. Огурцы. – Злость у Витальки сменилась сочувствием к этим ребятам, ставшим будто беженцами какими-то. – Нет, серьезно! Что мы, чужие, что ли? И посуда лишняя найдется...

Димка снова посмотрел на Марину. Та сказала:

– Только не пей!

– Да ясно... Я же сказал.

– Виталька, без питья. Ладно?

– Угу. Мне уже и расхотелось. Пошли, Дим, пока не ночь совсем.

Зима была смутная, тревожная. Чуть ли не каждый день что-нибудь или случалось, или пролетал слух, что вот-вот случится. Конечно, плохое.

Зэки из колонии-поселения стали в Большакове хозяевами. Приезжали в любое время на кособоком ГАЗ-66, выпрыгивали из затянутого брезентом кузова и начинали прочесывать улицы. Стучали в калитки, и если хозяева были дома – уходили, а если изба оказывалась в тот момент пуста, начинали ломать. Чаще всего соседи мешали поломать всерьез, и зэки, вяло потряхивая топориками и выдергами, отступали. Но несколько изб раздолбали до фундамента. И объяснение было: «Во избежание незаконного заселения».

Потом оказывалось, что хозяева изб или уезжали на время в город, или еще куда, или снимали жилье в другом месте, где была работа, а возвращались к груде досок и бревен. Бросались жаловаться, и одним быстро давали квартиры в Колпинске или еще где, а других, в основном одиноких, пьющих, необразованных, вычеркивали из реестра: нет дома, нет права на предоставление жилья.

– Да вы чего?! Вот прописка в паспорте! – изумлялись обездомевшие.

– Таких штампов сколько угодно можно наделать. Где документы на дом?

– Где... Не знаю... Да этот дом еще мой дед поставил!

– И что? Вы же где-то жили, когда якобы ваш дом сносили. Значит, у вас имеется фактическое место жительства.

– Да я у брата был, в Колпинске! Мне зимой здесь трудно одному...

– Ну вот, возвращайтесь к брату.

Жаловались начальству колонии на зэков, рушивших дома. От начальства ответ:

– Действуем на основе контракта с дирекцией.

– Какой дирекцией?

– По подготовке лежа водохранилища... Мы, колония-поселение, должны по законодательству сами себя содержать, поэтому заключили контракт по зачистке брошенного жилищного фонда.

– Но оно же не брошенное!

– Людей нет, значит – брошенное.

Большаковцам оставалось материться, а потом начинать судебную тяжбу...

Весной добрались до лесопилки Александра Маслякова, сродного брата и начальника Юрия. Прибыла комиссия вроде как оценивать стоимость оборудования, но начала с проверки документации. Придирались к любой мелочи, чуть ли не обыск устроили. Напирали на то, что предприятие незаконное, а когда все-таки стало ясно, что законное, – на массу нарушений, на отсутствие паспортов на некоторое оборудование.

Целый день промурыжили, а потом, смурные, полезли в машину.

– Ну и что надумали? – спросил их Масляков, владелец лесопилки. – Компенсацию будете давать или поможете с вывозом?

– Будем решать.

– Ну-ну...

Тяжелый «УАЗ-Патриот», покачиваясь на размокших колдобинах, уехал. Масляков обернулся к рабочим:

– Еще поживем, кажется... У тебя-то как, Юр?

– Да тоже непонятно. Они молчат, и я молчу. Татьяна, правда... – Он махнул рукой.

Сели на штабель горбыля, закурили.

– Ты вот что, – стал советовать Юрию братан. – Ты настаивай, что твоя времянка – жилое помещение. Тем боле, так и есть ведь... Может, пойдут навстречу все-таки... С Татьяной-то всё порознь? Говорят, сложности сближают.

– Хм, нас сложности и развели.

– Ну да...

– Она прямо впряглась в свой этот магазин возле зоны, каждую копейку считает... То планирует по себестоимости комнату выбивать, то адвоката нанять... У нее теперь магазин богаче нашего – чего только нет. Зэки радуются... А я их видеть уже не могу – трясет прямо. Сколько лет жили с ними рядом, и жалко их было, а теперь – перебил бы. Зверье.

– Ладно, Юр, – похлопал его Александр по плечу, – не разжигайся. Это опасно. Не надо...

Но и сам он все чаще готов был не плоткой останавливать топоры и ломы, крушащие избы соседей, а тоже схватить топор.

– В любом случае настаивай, что у тебя не бендюжка какая, а вполне жилое помещение. Пускай три однушки дают – тебе, Татьяне и сыну.

Юрий покачал головой:

– Угу, дадут, дождешься. Хоть бы уж две однухи. С Татьяной нам уж точно не склеиться. Да и Андрей... Все мы друг другу чужие.

– Ну, с сыном-то нет.

– Десять лет отдельно живем... И невеста у него... О-ох-х, – прошелся по волосам шершавой ладонью, – не знаю. Пускай идет как идет... Уснуть бы и не просыпаться. Не проснуться больше. Вот хорошо бы было.

Александр усмехнулся:

– Не получится. До конца, Юрок, мучиться будем. А чего, даже интересно, куда все это вырулит.

Глава четвертая. Чернушка

Обычно Ирина Викторовна просыпалась как от толчка. Мягкого, но сильного толчка, который сразу отгонял забытие, заставлял вскакивать.

Раньше и вскакивала с кровати, пугая и раздражая мужа... Нет, она не любила бегать, спешить, но привычка оказывалась сильнее разума. Даже когда уже не держали корову, когда дети разъехались и их не нужно было будить на учебу, когда вроде бы срочных дел не стало, она просыпалась от этого толчка – плотного кома забот – и вскакивала.

Да, раньше вскакивала телом, с еще закрытыми глазами нашаривала обувь, а теперь – сознанием, тело же не поспевало. Оно стало медлительным, слабым. Сознанием Ирина Викторовна была уже на кухне, ставила на плитку чайник, уже выходила на двор, уже выпускала куриц из стайки, а тело только-только отрывалось от простыни, и Ирина Викторовна постепенно перемещалась из лежачего положения в сидячее.

Садилась, хватала руками край перины, тяжело дышала, будто сделала что-то трудное, сложное. Всовывала сухие ноги в разношенные меховые чуни. Разлепляла веки, находила глазами окно. Там темная, почти чернильная синь... Сейчас конец сентября, значит, седьмой час.

Пора. Если снова ляжет, сдастся, то может больше и не подняться... Пора.

Все последние годы Ирина Викторовна шевелилась, что-то делала главным образом для того, чтобы немощь не одолела. Придумывала заботы, хотя, в сущности, заботиться было не о ком, незачем.

Дети давным-давно уехали, и сюда возвращались хоть и каждое лето, но коротко – погостить, навестить мать; муж умер десять лет назад. Животины она теперь не держала – даже собаку, после того как старый Трезорка убежал и не вернулся, не завела. Стайки, где некогда были корова и телята, свиньи, гуси, кролики, пустовали. Осталось лишь восемь курочек.

И тут, вспомнив о курочках, Ирина Викторовна ощутила – ощутила как-то полно, всей собой, – что впереди последний ее день здесь.

Последний день в избе, в которой прожила семьдесят пять лет, в деревне, которую только и видела, знала... Нет, месяц назад побывала в городе, впервые, – ей показали выделенную квартиру: однокомнатную, с отдельным туалетом и ванной, с кухней, где новенькая плита, раковина, кран с горячей и холодной водой. В комнате большое окно...

Но Ирина Викторовна мутно, как во сне, видела все это, послушно плетясь за соцработником, или кто там ее водил... Смотрела в окно на соседний дом с десятками окон; из-за этого дома выглядывал еще один, из-за того – еще... Машины, люди струются, как муравьи...

Она тогда подписала какие-то бумаги и попросила:

– Можно теперь домой мне?

– Но вот же ваш дом, бабушка, – сказала с удивлением девушка-соцработник. – Все подготовлено, удобно. Ночь можно на матрасе переспать, а завтра ваши вещи привезут.

– Мне домой надо. В деревню. Курицы там, картошка. И всё.

Таких, увидевших новые жилища и захотевших скорее обратно – «домой», – было много. И их отвезли на пристань, посадили на паром. Прибирать огороды.

– Вот и поглядели свои могилки, – говорили на обратном пути.

А вдали серела бетонной прочностью громада плотины, перегородившей реку...

Через две недели прибыли грузчики, стали выносить из избы вещи... Ирина Викторовна хоть и готовилась к этому переезду много лет, но тут оказалось, что ничего действительно нужного не собрано. Посуда, одежда, сотни важных в каждодневной жизни мелочей... Картошка, морковка, соленья по привычке спущены в подполье.

– Ну ведь назначали же это число! – страдальчески восклицал похожий на юношу мужчина в новенькой синей куртке и блестящих резиновых сапогах, бегая от двора к двору. – Просили, чтоб подготовились! Транспорт ждет, деньги горят!

Обитатели дворов, а это были почти сплошь старики и старухи, сустились, тыкались по углам, хватая и нужное, и ненужное, пихая все вместе в мешки, ящики. Грузчики брали в руки поварешки, стулья, двигали комоды и спрашивали раздраженно:

– Это забираем?... А это? Это нести?

Деревня стала пустеть давно. В семьдесят четвертом году объявили, что ниже по течению реки начинают строить электростанцию, а здесь образуется водохранилище. Тогда и стали покидать ее самые дальновидные, молодежь. Гибель их Пылёва казалась скорой – на реке уже стояли три электростанции, их возвели ударными темпами, деревни вокруг переселяли торопливо, почти по-военному.

Но с этой станцией вышло по-другому. Годы шли, а окончание строительства все откладывалось, до общего переселения не доходило. Наоборот, в конце восьмидесятых стали приезжать учителя, врачи, культ-работники (в основном из начавшей дичать Средней Азии); восстанавливались по району упраздненные было совхозы. Но молодежь по-прежнему в деревне не держалась – закончив школу, ехала в города...

В начале девяностых строительство ГЭС и вовсе прекратилось. Больше десяти лет не было о ней никаких разговоров, и люди тихонько мечтали, что ее так и не достроят – мало ли недостроя стоит по стране, – а то и вовсе разберут, демонтируют, и из Енисея снова пойдет к ним сюда благородная рыба, все будет как прежде... Но вот лет семь назад электростанцию стали достраивать.

Позапрошлой весной вроде бы пришел последний срок: было объявлено, чтобы огороды не садили, а собирали вещи: «К сентябрю деревни перестанут существовать». Ускоренно принялись давать квартиры в городе или дальше – по краю. Народ потянулся с родины.

И после этого еще полтора года обреченные села держались. Даже школы работали... В их Пылёве большинство домов хоть и стояли пустые, но их не разрушали, не растаскивали. Вообще следили за порядком, до последнего надеялись...

В конце августа прозвучало твердое, как приказ: «Всё, выезжайте. Осенью начнется зачистка. Подъем воды уже пошел. Всё!»

Двадцать пятого августа причалил паром, и началась погрузка основного населения. Несли оставшиеся вещи, съестное; людям было куда ехать – в городе Колпинске, новом райцентре, в Лесосибирске, Канске, Богучанах, Назарове, Абакане, Саяногорске ждали их квартиры, уже обставленные вывезенной мебелью, но ехали туда, как в вечную ссылку. Рыдали, гладили срубы, заборы, запирали двери, надеясь, что в последний момент все отменится и они вернутся.

Погрузились – сотни три стояло на палубе, смотрело на свою деревню, – и паром медленно пополз от пристани. Оставшиеся на берегу махали им, а на пароме почти все были неподвижны – не хватало сил, смелости поднять руку. Окаменело стояли. И лишь рыдания, причитания многих женщин, как вой, повисли над рекой, раздирая души.

Паром вырулил на середины, набрал ход, стал удаляться. И вот уже лиц на палубе не разобрать, вот не слышно этого воя... Поворот реки, и – исчезли.

После этого переселяющиеся занялись самыми упорными – одинокими стариками и старухами. Тогда-то почти насильно, но заверив, что они еще смогут вернуться, их свозили в город, показали квартиры, дали подписать документы. Отвезли обратно в деревню и велели: «Собирайтесь. Через две недели грузили вещи».

Погрузили, отправили. Как там с ними разберутся, как поставят в квартире – Ирину Викторовну, да и других не особенно заботило. Они не представляли свою жизнь не здесь – не здесь была черная пустота...

Дети и уже взрослые внуки давно предлагали Ирине Викторовне то забрать ее к себе, то помочь с переездом. Она храбрилась: «Да справлюсь». Лишь в каждый приезд родных старалась побольше дать им семейной памяти. Швейную машинку, на которой еще ее бабушка шила, остатки сервиза, медный ковшик для варки варенья, фотокарточки... Может, дети и внуки выбрасывали это, как хлам, но Ирине Викторовне хотелось верить, что у машинки, тарелок, ковшика, спиц, верблюжьего одеяла, шкатулочки с вытершимся лакированным рисунком, китайской фарфоровой кружки для запарки будут еще долгие-долгие жизни.

Еще две недели после вывоза вещей провела она в пустой огромной избе. То есть не совсем пустой – многое приходилось оставлять. Куда всё в однокомнатную? Многое оставалось, но уюта уже не было. Изба словно сердилась на хозяйку. Двери заскрипели и как-то разом просели, стали открываться и закрываться с трудом; от печки вдруг отпал большой кусок обмазки, обнажив темно-красные кирпичи; одна половица стала так прогибаться, что ступать на нее было страшно. Началось нашествие мокриц, двухвосток, косиножек. Будто предчувствовали скорый конец и лезли туда, где еще обитал человек.

Изба старая, но надежная, на века. Говорят, ее срубил прадед Ирины Викторовны с сыновьями больше ста лет назад. Огромные бревна до сих пор вызывают уважение, и, когда представляешь, как их тянули сюда из тайги без всяких тракторов, как ошкуривали, пилили ручными пилами, как закатывали друг на друга, – удивляешься тем людям, богатырям, великанам каким-то...

В середине пятидесятых сруб разобрали, сделали новый, высокий фундамент, заменили три-четыре затрухляевших бревна, пропилили окна побольше. Крышу вместо плах покрыли шифером, стены оштукатурили.

Пальцы Ирины Викторовны вспомнили, как брали нащипанную братом дранку и прибивали крест-накрест к бревнам сапожными гвоздиками. Много дней на это ушло, много заноз она себе насадила... Потом обмазывали дранку глиной и, когда она высохла, окаменела, белили. Белили раз, другой, третий, пока известка не закрыла серость глины.

Сюда она привела мужа, и им отвели дальнюю комнату с отдельным выходом во двор. Здесь родились ее пятеро детей, и одну дочку, Лидушку, здесь положили в гробик. Отсюда уезжали в огромный мир выросшие дочери и сыновья. Здесь умерли ее родители, а потом и брат, и жена братова, а потом и ее, Ирины Викторовны, муж.

И вот она одна. Последняя. И – похоже – пережившая эту избу. Через два-три дня ее сожгут. Подойдет чужой мужичок, плеснет на зауголок бензина и бросит спичку. Даже не закурит – на все избы не накуришься. Подождет, убедится, что занялось, пойдет к следующей.

Ирина Викторовна спала в маленькой, ближайшей к кухне, комнатке. Левая стена была спиной печи, поэтому здесь долго держалось тепло. В других двух комнатах она бывала редко – нечего там было делать, да и больно видеть их, эти комнаты, пустыми, без людей ставшими лишними... В морозы Ирина Викторовна и вовсе завешивала проход в те комнаты одеялами, чтоб понапрасну не уходило тепло; дальняя печка не топилась уже много лет...

Но сегодня нужно все обойти, проверить. Вдруг проглядела, не взяла важное, по чему потом станет тосковать, чего не будет хватать... Днем проверит. А пока надо раскататься, завести тело для дел.

Ирина Викторовна натянула шерстяные колготки, завернулась в махровый халат, сверху надела кофту. Волосы спрятала под платком... Теперь можно перебраться на кухню.

Кухня просторная. По сути, здесь когда-то и жила семья, а в комнаты расходились только спать.

Вдоль стены с двумя окнами в улицу – длинный обеденный стол. Двадцать семь человек за ним помещалось... В углу – покрашенный белой краской буфет, в который входила вся посуда, лекарства, много чего еще. Вся мелочевка клалась, пряталась во множество ящичков. Иголки, пуговицы, гвоздики, болтики, значки, обрезки кожи, красивые коробочки, баночки... Ребятишки любили копаться в таких ящичках, будто в сундуках с сокровищами.

Ирина Викторовна хотела увезти буфет с собой в новое жилище, но грузчики, измерив его, дверные проемы, сказали, что не пролезет.

– А разбирать – только переломаем. Он на мертвом клею...

И она решила оставить буфет. Пусть погибнет вместе с избой.

За печью был умывальник, а рядом стол для готовки. Это и была собственно кухня – куть. На столе старенькая, в неотмываемых подтеках плитка. На плитке – чайник. Печку по любой мелочи топить было тяжело, и дров не наберешься. В основном в последнее время варила-кипятила Ирина Викторовна на плитке.

Пока греется вода для чая, решила пойти во двор. Куриц проведать... Ох, курицы, курицы...

Поверх кофты надела толстую, но легкую, подаренную внучкой Лерой куртку, ноги сунула в боты. Сняла крюк, толкнула дверь. Та жалобно запела. В лицо ударила студеная волна воздуха, и в первый момент показалось, что на улице совсем холодно, но стоило слегка привыкнуть, поняла – если и минус, то несильный. Можно будет многое делать не в избе, не тащить сюда грязь.

Ирина Викторовна прошла через сени, глянула налево, где была казёнка. В казёнке тоже надо бы покопаться – там тоже наверняка найдется важное, нужное. Открыла дверь на веранду...

Веранду построил муж лет тридцать назад. Как раз дети тогда выросли и стали разъезжаться, и как-то не так сильно давили заботы. «Будем здесь чай пить с вареньем, ребят поджидать...»

Большое окно, но из маленьких стекол – на соты рама похожа. Овальный стол, самодельный диван – тяжелый, неподъемный, из струганых досок. Два навесных шкафа... Чай они здесь не пили, мебелишка от мороза и жары попортилась – вообще напрасная вроде бы пристройка, – но особенно зимой, когда на окне искрился куржак, Ирина Викторовна, проходя через веранду, представляла лето, аромат чая со смородиновыми листьями, вечер, когда никуда не надо торопиться и можно сидеть на диване, думать о добром...

С веранды на двор дверь была тонкая, фанерная, не защищающая ни от холода, ни от возможных воров. Тоже какая-то летняя дверь.

Двор узкий. Не двор даже, а этакий коридор, сдавленный обступившими постройками. Летняя кухня, давно превращенная в сарайку, баня, стайки, дровяник, завозня, будочка туалета.

Летом, в жару, в этом дворе-коридоре держалась духота, хотелось скорее уйти в огород или в палисадник, за ворота, зато зимой такая скученность становилась необходимой: несколько шагов – и ты в стайке возле коровы, кинулся из избы в дровяник, сгреб охапку полешек – и обратно в тепло. Из бани до крыльца каких-то двадцать шагов – не успевает морозом обдать... У некоторых бани далеко от избы – на краю огорода, на берегу реки, – но это старикам мученье: околеешь, пока до дому dokonдыбаешься.

По ночам и в морозы Ирина Викторовна справляла нужду в специальное ведро – как-то купила в магазине такое высокое, пластмассовое, с сиденьцем. Утром выносила в туалет.

На обратном пути заглянула к курицам. Хотела было по привычке выпустить их на задний двор, чтоб покопались в земле, опилках, погуляли. Уже и дверь широко открыла, и тут вспомнила: ведь это последний день! И для куриц – последний.

– Кыш, кыш, – отогнала обратно в глубь стайки. – Нельзя.

Курицы покорно тоненько забормотали, словно всё поняли... Петуха не было уже два года – все ждала переселения, а как тут еще и с цыпущками...

Зажгла лампочку, сыпанула из фляги дроблёнки. Глянула в миску – вода была.

– Сидите здесь, – велела, – нельзя на улицу.

И курицы отозвались смиренным:

– У-у-у... к, у-у-у... к. – Стали клевать.

Все они были рыжие, круглые, из одного выводка. Лишь Чернушка – маленькая, сухонькая – черно-серая. Этим, рыжим, третий год, а Чернушке десять.

Тогда, десять лет назад, случился мор – по одной, в судорогах, взбивая крыльями пыль, курицы дохли. У Ирины Викторовны их было четырнадцать и петух еще – большой, важный, с огромным гребнем. И все передохли. Осталась только эта. Ирина Викторовна дала ей имя – Чернушка, – хоть и простенькое, но все-таки. Так-то курицы проживали свой короткий век безымянными, почти неотличимыми друг от друга. Выделялись чаще всего драчливые, бесплодные, клюющие яйца. Но их не прозывали, а называли подлыми или злыми, кышкали на них чаще, чем на других, и в конце концов ловили, без сожаления отрубали головы.

А эта, Чернушка, была тихой и ручной, ходила за хозяйкой как собачка, напевала ей свои куриные песенки, а потом – удивительно – стала нести по два яйца в сутки... Раньше Ирина Викторовна не раз слышала о таких случаях, но не очень-то верила – люди любят похвастать, даже приврав, – а тут вот сама увидела: проверяла гнездо утром – яйцо, вечером заглядывала – еще одно. «Спасибо, Чернушенька, – говорила Ирина Викторовна, – помогаешь мне, милая».

Осенью она купила новых куриц и петушка, а Чернушку рубить стало жалко. Так она и жила, пережив уже несколько поколений. «Пускай своей смертью помрет, – решила Ирина Викторовна. – Заслужила».

И вот теперь каждое утро находила взглядом свою курочку, и в груди сжималось: «Жива». Так же напевает, доверчиво глядя на хозяйку, подходит к самым ногам, словно прося, чтоб ее взяли, погладили. А ведь вот-вот нужно будет кончать. И что делать с ней? Тюкнуть топором по шее, ощипать, вынуть потроха – рука не поднимется. Но куда ее деть?.. Лучше бы уж околела. Зарыть на огороде – и все.

Торопясь, но все-таки медленно, не поспевая телом за мыслями, направилась в избу. Чайник, наверно, кипит-перекипает... Попить чайку, а там и приступить...

С трудом, подтягивая себя рукой по перилам на каждую ступеньку, поднялась на крыльцо. Вспомнила, как взбегала сюда, не замечая этих ступенек. А теперь знала их наперечет. И вторая, пятая пошатываются, и перила некрепкие – если навалиться всем весом, не выдержат.

Чайник, конечно, кипел. Из носика бил плотный столб пара, внутри громко булькало. Так и расплавить недолго... Выключила плитку, сполоснула руки, звякая штырьком умывальника. Заварила свежий чай. И тогда уже села на стул рядом с буфетом и, сев, почувствовала, как устала.

Ничего еще не сделала – и устала.

А сделать предстоит много. Много. Последний день. Завтра в восемь – паром.

Пила сладкий чай, макая в него сухари. Хлеба последние дни не было – пекарню закрыли, оборудование разобрали. Лепешки можно бы спечь, но – ладно... Хорошо хоть, что электричество есть. Глава сельсовета – Ткачук Алексей Михайлович – твердо сказал: свет и фельдшер будут до самого конца. И сдерживает слово...

Так, что ж – надо воду ставить. Кипятку понадобится немало.

Носила ее от колодца в двух пластиковых ведрах на коромысле. Выливала в алюминиевый бак, стоявший на печке. В топке весело трещали, постреливали просохшие полешки. Держала их на растопку – легко щепались, – берегла. А теперь беречь незачем.

Пока вода грелась, решила обойти комнаты.

Дверей внутри избы не было. Раньше и в голову не приходило отгораживаться от остальной семьи дверью. Нет, случалось, ругались молодые с родителями, задвигали проем шкафом, начинали жить отдельно, но это редко. А так – шторы соединил, и всё... Ночами ласкались осторожно, стараясь не разбудить сперва старших, потом – детей. Своим чувствам отдавались редко – лишь оказавшись по-настоящему наедине. Но где тут особо уединиться? В бане разве что, в лесу... Конечно, стесненно жили, несвободно, и когда остались с мужем вдвоем, уже и не нужна стала эта свобода. Наоборот – нужно стало, чтобы рядом были родные люди.

И не виси над деревней тридцать лет острое скорого затопления, может быть, дети после своих техникумов-институтов вернулись бы сюда, ведь раньше столько ехало молодежи. Устраивались, женились, строились. А потом им: «Скоро снесем... водохранилище... переселение...» И побежали, обманутые...

Ирина Викторовна внимательно осматривала комнаты, в который раз проверяла ящики остававшихся шкафов, комодов... Дорого было всё, всё бы забрала, избу бы унесла с собой, поставила на безопасном месте.

Остановилась перед мутным от старости зеркалом, прислоненным к стене. Резная черная рама треснула и рассыпалась, лежала плашечками рядом... Как-то в начале лета приезжали в деревню музейщики, ходили по дворам, спрашивали разные вещи из прошлого. «Нам все интересно, – говорили, – утварь, поделки, прялки. Музею обещают дополнительное помещение, территорию. Такой комплекс будет, посвященный истории района, исчезнувшим деревням».

Ирина Викторовна дала тогда какую-то найденную в казёнке мелочь. Осторожно предложила избу: «Сто лет ей. Бревна вечные». Музейщики грустно покачали головами: «Мы бы рады, но крупное нет возможности перевозить. Боремся за стены церкви в Кутае – единственная каменная церковь была... Но нет денег на перенос. А вот за ухват спасибо. Клеймо тут интересное. И за форму для хлеба. Тоже – старина».

А теперь жалела, готова была плакать, что не отдала тогда музейщикам эту раму, этот сундук, с которым ее бабушка переехала к своему мужу...

Мысли и воспоминания извели хуже тяжелой, нудной работы, и Ирина Викторовна махнула рукой, вернулась на кухню. От печки било жаром; прикрывая лицо, она подошла к баку, подняла крышку, потрогала воду. Горячая. Но надо, чтоб закипела. Еще подбросила дровишек.

Ох, опасно здесь долго быть. Как в бане. Распотеет... Надела куртку, переобулась.

Заметно потеплело. Небо было чистое, солнце ползло к его макушке. Не доползет – теперь ему путь все ближе и ближе к горизонту. До конца декабря так, а потом снова станет подниматься, подниматься, путь-дуга будет длиннее и длиннее. Но и сегодня, по всему судя, поднимется выше, может быть, припечет. Хорошо бы. На воздухе и время быстрее идет, а в избе сидеть – сердце от мыслей лопнет. От дум этих горьких.

Пошла в огород. Не знала даже, зачем именно. Как-то по привычке – все лето провела на нем, пропалывая грядки, направляя усы огурцов вверх по веревочкам, обрывая пасынки помидоров, таяя картошку. Потом собирала урожай. И вот сейчас ноги понесли...

На огороде беспорядок. Торчат сухие будылья подсолнухов, чернеют убитые заморозками ветви помидоров, привязанные к колышкам, ботва картошки валяется по всему полю... Неприятная картина. И Ирина Викторовна взялась бы сейчас сгребать мусор, вывернула бы будылья, отряхнула землю с корней, отвязала бы помидоры, а вязки спрятала на будущий год, колышки унесла под навес. Только вот не будет будущего года. Даже снега здесь она не увидит. Не выйдет однажды утром, не глянет, жмурясь от этой белизны после многих недель серости и унылости, на укрытую землю и не вздохнет: «Ну все, теперь уж до весны».

Теперь не до весны – теперь никогда...

Убеждала себя, что это уже не ее огород, не ее забота, а руки прямо кипели взять грабли и пойти. Ведь не простит земля... Не надо. Через день-два ветхие прясла свалят в кучу, сожгут, огород не родит больше ни морковки, ни картошки, ни помидоров, ни арбузиков, маленьких, но таких сладких, с тоненькой шкуркой... Зарастет земля сорной травой, а потом придет вода, проглотит, утопит.

Представила такое, и словно ударили ее в грудь. Дыхание перехватило, ноги подогнулись. Ирина Викторовна нашла взглядом широкий низкий чурбачок, скорее присела.

На нем, этом чурбачке, в тени навеса для инструментов, рассадных ящиков, колышков она отдыхала много лет подряд. Сидела тогда, оглядывая грядки и парники, делянки капусты, кабачков, решала, за что, чуток отдохнув, надо взяться в первую очередь. Но сейчас не отдыхала, не решала – просто не могла стоять.

И полились горькой и в то же время сладковатой струйкой воспоминания.

Прополка. Полотьё... Сколько лет потрачено на вырывание сорняков! В прямом смысле – лет. Если сложить часы в дни, дни в месяцы – получатся годы. Как начиналось с начала июня, так до сентября.

Сперва выдергивала кончиками пальцев нежную, безобидную еще травку из зарослей такой же нежной морковки; прореживала заодно и саму морковку, посеянную, как всегда, торопливо, как бы между делом – между более важными делами. Потом полола горох, огурцы, чеснок, бобы, помидоры... И вроде бы чисто полола, можно и успокоиться, забыть о пройденном кусочке земли, а глянешь через несколько дней – опять коврик из сорняков, душащих нужное. Наклоняешься – и дерешь, дерешь часами.

В детстве Ирина Викторовна спасалась от одуряющего, отупляющего однообразия, придумывая разные истории. Чаще всего представляла себя хозяйкой леса, которой надо очистить его от вредных, плохих деревьев. И вот она – великанша – очищает. Мураши, букары были зверями, комары, мошкара, слепни – птицами. Иногда вообще отвлекалась мыслями на далекое от этих гряд, этой травы, и руки действовали сами.

Но когда подросла, фантазии уже не спасали. Сначала хотелось побежать на улицу, поиграть, поболтать с подругами, потом о ребятах стала задумываться, и именно на грядках казалось, что вот сейчас, пока она здесь, там, за забором, происходит важное, главное, но без нее.

Ирина Викторовна с детства не любила фильмы про деревню. Там все было как-то не так, не то показывали. У героев этих фильмов находилось столько свободного времени, что не верилось в правдоподобие их жизни. А какая она, правда? Какой Ирина Викторовна видела свою жизнь, жизнь своей семьи, своих соседей? Работа, работа, однообразная, занимающая все дни от темна до темна работа...

Без долгих ухаживаний вернувшийся из армии Михаил Верхотуров, парень на два года старше ее, сделал предложение, и она согласилась. У Михаила было много братьев и сестер, и, чтобы не тесниться, они устроились у ее родителей. Через несколько месяцев после свадьбы Ирина Викторовна стала ждать ребенка, родила, потом забеременела снова... Кое-что менялось, конечно, только вот сорняки в огороде оставались прежними, даже росли на прежних местах. Как ни вырывай, ни искореняй, а лебеда вылезала тут, а пырей – вот тут, осот поднимался острыми пиками там же, где год, два, три назад... Чистили-чистили огород, жгли осенью траву с семенами, а весной начиналось все сызнова.

Да, сколько ушло лет на эту борьбу, сколько сил положено на эти двадцать соток, сколько тонн навоза перетаскано из стаяк... Зато и росли все, даже то, что считалось совсем южным. И баклажаны, и перец, дыни, арбузы, фасоль, помидоры – «бычье сердце» и «черный принц»...

Помогал, конечно, целлофан. Его натягивали на дуги из скрученной стальной проволоки или согнутых и высушенных так тальниковых прутьев. А снизу корни грел навоз. За три с небольшим месяца все успевало вырасти, окрепнуть, вызреть.

«За три с небольшим месяца, – усмехнулась Ирина Викторовна. – Да не три с половиной, а месяцев семь». Еще в феврале сеяли в ящики, ставили на подоконники.

Когда рассаде становилось тесно, ее разряжали по трем-четырем ящикам. Даже целые стеллажи перед окнами в избе делали, чтобы побольше ящиков помещалось. Каждый светлый пятячок был занят. Как в оранжерее какой-нибудь жили.

К середине мая срывали оттаявший грунт и делали невысокие парники. Зажигали, а потом высаживали рассаду. Натягивали целлофан. Один край целлофана закапывали в землю, другой прижимали камнями, обломками кирпичей, колосниками... И обязательно вскоре били заморозки, а то и снег выпадал. Тогда тащили в огород мешки, одеяла, шубы, брезент, всякие тряпки, какие только попадали под руку. Накрывали целлофан, укутывали парнички.

Почти всегда посадки удавалось отстоять, но, бывало, гибли они или так прихватывало, что потом пол-лета болели. Болели и от того, что их, комнатные растеньица, обжигало солнце, поэтому приходилось прикрывать не только от мороза, но и от горячих лучей, дать время закалиться, привыкнуть.

Числа после десятого июня заморозков не случалось, и целлофан снимали – помидоры уже не могли под ним помещаться.

Нередко и в июне температура падала до плюс трех-пяти, но земля к тому времени прогревалась, и посадки перли, крепили чуть не на глазах, торопясь вырастить до новых холодов свои плоды – потомство. Огурцы, горох лезли вверх по натянутым веревочкам, фасоль стояла зеленой периной, арбузы, словно осьминоги, расползались плетями далеко от гряды, помидоры кустились, и их нужно было щипать и щипать ногтями, чтобы отдавали свои силы не листьям и пасынкам, а завязи...

Да, все буйствовало, наливалось силой, матерело. Казалось, до сентября ничто уже не может угрожать растениям, им даже полив был не очень нужен – корни сосали влагу из глубины.

Но появлялась туча.

Она появлялась неожиданно – посреди жаркого, ясного, парного дня. Тугая, красивая и ужасная туча. Вот закрывала солнце и из серо-белой, как снег с золой, превращалась в свинцовую с багровыми прожилками. Земля испуганно притихала; торопливо и молча пролетали в укрытия стайки воробьев; куры, несколько минут назад беззаботно копошившиеся в горячей пыли, убегали в стайку; собаки забивались в будки, сворачивались там калачиком, по-зимнему спрятав морду под хвост. Темнела и вода, и зелень; листья на березах испуганно дрожали, хотя ветра не было – воздух замирал, стекленел.

И люди замирали, заворуженно смотрели на тучу, а потом, очнувшись, неслись в избы, летние кухни, сараи, срывали с вешалок и гвоздей рабочие куртки, штормовки, вытаскивали из-под лавок мешки со старым тряпьем, лопатной, мутный ломкий целлофан. Тащили в огород. Набрасывали тряпки, целлофан на колья, к которым были привязаны помидоры, не жалея, если обламывались верхушки, – главное теперь сохранить, спасти плоды. Расстилали целлофан на фасоль, на огурцы, арбузы. Но понимали: если сильно хлопостнет – не спасут ни тряпки, ни целлофан...

Проходила волна холода – резкая, короткая, будто выдох. Затем еще одна волна, сильнее, затем еще, еще... Тряпки, целлофан задувало, сносило; люди прижимали их досками, ведрами, всем, что было под руками. Несли из-под навесов ящики – хоть как-то, хоть что-то сберечь.

Случалось, туча миновала деревню не опроставшись или раньше вываливала ледяную гальку. Но, бывало, обрушивала всю свою страшную ношу сюда...

Первые редкие градины ударяли в дерево построек, в ящики, ведра звонко, отдельно, как случайные. Казалось, сейчас тучу пронесет, унесет прочь. Нет, с каждым мгновением ударов больше, больше, каждый удар уже не выделить ухом. И вот слились в единый грохот. Градины падают одна к одной, одна к одной, одна на другую... Люди, поняв, что помочь огороду больше

нечем, бежали, прикрывая головы, в укрытия. Отряхались там, почесывали ушибленные места, щупали взбухающие шишки под волосами. Потом высовывались, оглядывали небо. На юге, на севере, западе, востоке ясно, голубенько, а над ними, прямо над их огородом – мертвая пепельная серость.

Ледяные шарики колотят по шиферу, как пули, сшибают с подсолнухов лепестки, дырявят перец, на кабачках оставляют вмятины-язвы, режут плети гороха...

На несколько секунд град вроде бы затихает, но затем продолжается с новой силой. Воздух теперь состоит из градин; уже ничего не различить, кроме мельтешения шариков. Грохот становится стоном – это огород, земля, жизнь стонут от тысяч ударов.

Под тяжестью льда тряпки падают с кольев мешками, целлофан лопается, опрокидывая на зелень килограммы шуги. Все измочалено, покалечено, разворочено... Люди стоят под крышами и ждут. Стоят и ждут, когда кончится. Им сейчас остается только ждать.

После улицы в избе было не продохнуть – жара, духота. Ирина Викторовна остановилась в пороге, привыкая. Дверь не закрыла – пускай проветрится. Подошла к печке, сняла крышку с бака. Лицо обдало паром. Почти что кипит. Хорошо. Можно начинать.

Взяла стоящий у обувной полки замоченный, чтоб не болтался на топорнице, кое-как подточенный топор. Постояла с ним, собираясь с силами, и направилась обратно во двор... Надо сделать необходимое дело.

На веранде прихватила заранее приготовленную старую клеенку, на крыльце еще постояла, перекосившись под тяжестью топора на одну сторону. Смотрела за ворота, на улицу, надеясь увидеть кого из стариков. Появился бы – попросила... И сама, конечно, сможет, справится, только больно тюкать, зная, что это последние, что больше не будет здесь курочек. Опустеет стайка, навсегда опустеет...

Но улица была безлюдна, нигде не звука. Оставшиеся жители, наверно, сидят по избам обессиленные, как после похорон, ждут завтрашнего утра, когда заглянут к ним и велют: «Всё, выходим».

Что ж, ладно. Сама их, только-только вылупившихся, выхаживала под лампой, кормила порезанными вареными яйцами, оберегала от взрослых, которые все норовили клюнуть, самой и кончать их жизнь. Так и честнее...

Спустилась, положила топор на чурку. Рядом расстелила клеенку, бросила по ее краям куски кирпичей. Еще постояла и, дернувшись, направилась в стайку.

Курицы снова метнулись навстречу, недоуменно – дескать, почто до сих пор не выпускаешь – квохча, отталкивая друг друга, чтоб быть ближе к выходу... Ирина Викторовна медленно, делая вид, что хочет осмотреть гнездо, стала приближаться к самой опасливой курице. И, оказавшись рядом, резко нагнулась, выбросила руку, схватила за крыло.

Курица дико кудахтнула, шарахнулась в сторону, дернулась, но Ирина Викторовна держала крепко. Сгребла в охапку, отвела лицо подальше, чтоб не клюнула. Скорее вышла из стайки, ногой закрыла дверь.

Перехватила быющуюся, кричащую ношу, сжала левой рукой холодные лапки, поднесла к чурке, уложила голову на колючий спил. Взяла топор, подняла. В последний момент сквозь хлопанье крыла увидела испуганный, недоуменный глаз... Раздался туповатый, совсем не страшный «тук!». И голова упала на землю.

Клюв, продолжая движение крика, расползся в стороны, на глаза медленно наехала серая пленочка век. Гребешок из ярко-красного стал сиреневым... Голова умерла, а тело еще билось и вырывалось, хотело куда-то бежать. Ирина Викторовна терпеливо ждала... Вспомнила о топоре, воткнула в чурку.

И вот курица замерла, обмякла, отяжелела. Ирина Викторовна положила ее на клеенку, пошла за следующей.

Эти не убегали, не шарахались, когда она протягивала к ним руки. Многие приседали покорно, думая, видно, что хозяйка будет щупать у них яйца или понесет куда-то в лучшее, чем эта темная стайка, место.

Лишь когда видели лежащих без голов подруг, чурку и топор в малиновых каплях крови, догадывались о плохом, начинали рваться, но было поздно – голова опускалась на шершавое дерево, заносился топор. Тук! И всё...

Семь рыжих лежали на клеенке горкой, чтоб не мерзли. Осталась одна Чернушка.

Ирина Викторовна постояла у двери в стайку и не вошла. Позже.

Стала таскать куриц на веранду. Ошипывать решила там. На кухне жарко очень – воздуха не хватает.

Сложила безголовых на стол, принесла таз, расстелила на полу тот же самый кусок клеенки... Теперь долгое и нудное занятие.

Так, первую в таз и – к печке. Сунула в бак с горячей водой, держа за ноги, помакала, покачала, считая шепотом:

– Раз, два, три... восемь, девять, десять...

Хватит, а то кожа обварится.

С трудом, обеими руками вытянула из бака мокрую, в пару, тяжесть, перевалила в таз.

Потом дергала перья. Поначалу по привычке отделяла крупные от мелких и пуха, но вспомнила, что пух ни на что уже не сгодится – не успеет высушить, – стала бросать в одну кучу.

Хотелось думать о том, как ошипает всех, обмоет, упакует. Как потом пообедает с удовольствием... Но думалось о Чернушке.

Да, легче всего тоже взять и тукнуть, ошипать, положить к остальным тушкам. И не отличить... Курицы – они и есть курицы, для этого их и держат, чтоб снесли положенное количество яиц, оставили потомство, а осенью стали такими вот тушками, пропитанием человеку долгой зимой.

Но Чернушку безголовой, голой тушкой Ирина Викторовна представить не могла. Пыталась убедить себя, что убить и съесть то, что предназначено для этого, – нормально, но становилось противно, будто представляла, как кошку на еду обдираешь или собаку...

Вспомнила, как ходили вдвоем по огороду, словно две хозяйки, примериваясь к делам; как Чернушка, понаблюдав за копающей грядку Ириной Викторовной, тоже пыталась лапками ворошить землю, и не по-куриному, разгребая ее прочь за себя, чтоб увидеть, есть ли глубже что съедобное, а как-то иначе, ковыряя землю ноготками, как лопатой... Вспомнилось и такое: когда, несколько лет назад, у куриц долго не было петуха и пришло время садиться парить яйца, Чернушка вдруг стала топтать молодок, и те не сопротивлялись, покорно приседали, распутив крылья.

В первые разы, увидев такое, Ирина Викторовна испуганно кышкала, разгоняла куриц, а потом даже зауважала за этот инстинкт продолжения рода и побежала по деревне искать им петуха. Нашла, купила, принесла. А курицы его не приняли – клевали так, что он по полдня прятался под ящиками, к горшку с водой подойти боялся. Особенно злило куриц его кукареканье – прямо накидывались всей стаей, только он начинал свое «кукареку»... Спал петушок на самом нижнем седале, в уголке, ходил, волоча по земле хвост.

– Что ж вы делаете, а! – не раз ругалась на куриц Ирина Викторовна. – Совсем забили парня. Как не стыдно-то?!

И однажды заметила: когда устраивались на ночлег, Чернушка села рядом с петушком, что-то напевала ему жалеюще. Тот отзывался тоненьким бормотком.

На следующий вечер еще две курицы сидели на той же жердине. И вскоре петушок расправился, закукарекал без опаски, стал ходить гордо, сверкая глазами, покрикивал на кур, а те отвечали ему покорным уканьем... Тем летом три курицы парить сели, в их числе и Чернушка.

Сколько может прожить курица? Когда начинается у нее старость?.. Лет в пять или семь у Чернушки выросла уродливая верхняя половина клюва, задралась, как у кулика. Заметив, что она не может сама ни есть, ни пить, Ирина Викторовна засовывала ей в рот зерна и червяков, поила из клизмы. Как с ребенком или с немощным больным возилась.

Нарост отвалился, Чернушка повеселела, но потом еще два раза он отрастал, и опять приходилось кормить и поить.

Чернушка-Чернушка, что с тобой делать?.. Убить тебя хозяйка не могла. Оставить здесь? Оставь – так эти поджигатели поймают и зажарят. Или собака задавит...

– Ладно, вечер еще, ночь... Поглядим...

И хоть понимала, что ничего-то она не надумает, Ирина Викторовна все-таки немного успокоилась, заторопилась скорей доошипать тушки. Не то чтобы время поджимало уже, но силы кончались. Найдет упад – и рукой не пошевелишь.

Надо поесть. Хоть и не хочется, но надо... Сейчас выпотрошит, натушит печенки. Быстро и сытно.

В последнее время Ирина Викторовна готовила редко, сразу на несколько дней. Сварит полную кастрюлю гречки, а потом разогревает, ест с салом вприкуску. В сених почти круглые сутки теперь держался холод. Это удобно – разогревки, – да и не было желания стряпаться, придумывать блюда. Посуду мыть... Тем более запасы продуктов все уже в городе. И соленья, и мука, крупы... Завтра и курочек туда повезет. Есть сидор вместительный, брезентовый, в него сложит и повезет.

«А с Чернушкой-то как?» – будто кто спросил за спиной и в самое ухо. Ирина Викторовна аж вздрогнула, хотела было обернуться. Догадалась, что спросила сама себя, досадливо и болезненно поморщилась. Сказала вслух:

– Посмотрим. Есть еще время.

«Да чего уж смотреть... Чего ее мучить?»

– Ничего, все вон мучамся. – Ирина Викторовна именно сейчас решила, как поступит с курицей, но боялась сказать об этом самой себе – казалось, скажи, точнее, хотя бы оформи это решение в точную фразу, и сама увидит, что оно глупое, нелепое, и придется передумывать.

– Все мучамся, а ей за что? Не будет она мучаться... Чернушка.

Ошипала абы как. На крыльях, гузке, голеньях, на горле остались волоски, пеньки... Ничего, потом доделает, в городе, не торопясь. Только бы в морозильник все влезли. Тут у нее ледник – хоть тонну мяса туда спускай, а там...

Нет, не хотелось вспоминать ту клетушку, в которую она завтра вселится, где придется доживать. Год, два, пять...

– Ла-адно, – снова вздохом протянула Ирина Викторовна, успокаивая себя, и услышала в этом своем «ла-адно» что-то куриное: курицы так же успокаивали петуха, когда тот вскрикивал, возмущенный беспорядком. Он вскрикивал, а они откликались тихо и мягко: «Ла-адно. Ла-адно тебе». Да и она сама подобным образом успокаивала мужа. А теперь вот сама себя.

Принесла нож и доску, тарелки, стала разрезать брюшки. Забиралась рукой в нутро, вытаскивала еще сохраняющие тепло жизни потроха. Больно становилось, когда встречала гирляндочки яиц: оранжевые овальчики висят на стебельках, будто виноградины, или – больше на помидорки похоже... Да, рано пришлось рубить – еще бы с месяц неслись хорошо.

Обмыла выпотрошенные тушки и сложила в ведро в сених. Хорошее ведро, эмалированное, но откололся на дне кусочек эмали размером с копейку, и через каких-нибудь два года ведро прохудилось. Ирина Викторовна залепляла дыру то замазкой, то этой жвачкой из магазина, но все равно воду в ведре держать опасно: отойдет заплатка, и вытекут двенадцать литров, а это беда – промокшие плахи пола.

Вообще ненадежна эмалированная посуда – обязательно происходит такой вот скол, и образовывается дырочка. Будто специально так делают, чтоб не навечно было и раз в несколько лет шел человек и покупал новое ведро, новый бак, кастрюли. Ведь есть же нержавеющее железо – вон алюминиевые кастрюли, ведра лет сорок как служат; дочка лет десять назад кастрюлю подарила из блестящего легкого металла – тоже, кажется, долговечная. А с эмалью... Ключешь на ее красоту, чистоту, а потом горюешь...

Сложив тушки, накрыла перевернутой крышкой, поставила сверху старый чугунок, чтобы крыса или кошка какая приبلудная не забралась. Теперь надо разобраться с потрохами. Жир, сердца, легкое, желудки, печенку, вырезав из нее зеленоватую пуговку желчи, – все отдельно... Разрезала и вывернула тугие мешочки желудков. Очистила, промыла.

Так, печенку потушит, а остальное расфасует по мешочкам.

– Руся-а, – голос, – Руся, дома ты, нет?

Ирина Викторовна дернулась от неожиданности – второй день не слышала человеческой речи, не выходила за калитку.

– Дома-дома, проходите! – И сама направилась навстречу медленно, шумно поднимающейся по ступеням крыльца гостье; почему-то ей показалось, что пришла не оставшаяся в деревне ее сверстница, а одна из живших у них женщин-блокадниц, которые и называли ее, Ирину, – Ирусей, Русей... Почти семьдесят лет назад они жили здесь, а вот сместилось в голове – и исчезли на мгновение эти семь десятилетий...

Это была Зинаида. Когда-то передовая строительница социализма, активистка, прорабатывающая бездельников и пьяниц, горячо выступающая на собраниях... Теперь ей восьмой десяток, силы почти кончились, идеалы несколько раз менялись, но все же она продолжала торопливо ходить по улицам, навещала больных, передавала из избы в избу новости, которые в последние годы становились всё грустнее и горше. И сейчас Ирина Викторовна испуганно смотрела на Зинаиду, ожидая плохой вести.

– Чего ты? – удивленно нахмурилась Зинаида, поймав этот взгляд.

– А ты?.. Чё случилось?

– Да ничё... Ничё не случилось... попроведать зашла вот.

– А-а. – Ирина Викторовна облегченно выдохнула. – А я уж... Ну, заходи. Я тут с курицами покончила. Отеребила. – Кивнула на горку перьев на полу веранды.

– Я тоже, – ответила Зинаида. – У меня три всего оставалось. У одной – полно брюхо яиц. И капашны и готовы почти.

– И у моих были... Жалко.

– Все жалко, Руся, все жалко. Кажду щепочку.

Прошли на кухню. Зинаида скорей села, развязала платок.

– Ташкент у тебя. Протопила напоследок?

– Ну, кипяток-то надо. – Ирина Викторовна поставила на плитку кастрюлю, плеснула на дно постного масла. – Печенку готовлю. Будешь?

– Да я уж поела... Чаю буду, если дашь... Я вот чего пришла-то. – Голос Зинаиды стал серьезным и неуверенным. – Договорились вечером в клубе собраться. Ты как?

– И чё там делать?

– Галина Логинова пирог с харюсом стряпат... Посидим.

Ирина Викторовна понимала, что правильно решили собраться, надо пойти, а в сердце мгновенно взбухла досада, непонятная обида.

– Пирог сидеть жевать...

– Прощаться-то надо, Русь. Нехорошо так, – по-прежнему серьезно и неуверенно стала объяснять Зинаида. – Одни в город завтра, другие... в другие места. Уж не соберемся больше так. Разлетимся по свету. – И голос поплыл от слез. – Алексей Михалыч здесь нарочно остался, чтоб с нами...

– Да приду, приду! – перебила Ирина Викторовна. – Приду, конечно! Хлипать только не начинай, а то я тоже... Во сколько надо?

– Да как отемнет, так и начнем... Попрощаемся хоть...

Чай Зинаида ждать не стала – пошла. Наверняка еще кого-то уговаривать.

Конечно, нужно было посидеть с оставшимся десятком ровесников здесь, на родине, в том клубе, в котором танцевали еще молодыми полвека назад, пересмотрели тысячи фильмов, в котором в конце семидесятых узнали, что их Пылёво обречено и совхоз распускается... Много с чем клуб был связан – все общие праздники там отмечали, прощались с председателями и другими уважаемыми людьми, целовались и ругались, дрались, мирились...

И вот из клуба вывезли аппаратуру, какие-то важные вещи, но само здание, построенное в конце пятидесятых, пока стоит. Стоит крепко, как и избы вокруг, сельсовет, двухэтажная школа, склады, магазины... Так посмотришь, и ведь живое село, а что народа почти нет – ушли в тайгу по грибы, по бруснику. Самая пора сбора. К ночи вернутся, зашумят, хвалясь друг перед другом, потом свалят грузди, маслята, обабки, волняшки в большие кадки с водой, и по деревне разольется сытный грибной аромат, обещающий, что зимой люди не станут тужить-голодать.

Да, потрудиться сейчас, в последние перед снегом, перед морозами дни, и зима пройдет хорошо, спокойно. Будут шипеть в печах соком березовые поленья, будет вариться мясо выращенных летом свиней, телят, куриц; из подполья будут поднимать на тарелках соленые помидоры, огурчики, грибы, капусту, арбузы, черемшу; будут тереть со сметаной редьку. Затрещит разлетающаяся по кути рыба чешуя, пахнет из открытой банки горлодёр. Застучат, как камушки, сыпаемые из мешка в железную чашку налепленные в ноябрьские вечера пельмени и вареники, а из чашки забулькают в крутой кипяток с лавровым листом и черными горошинками перца. Вырастет на столе горка желтоватой, с бархатистой шкуркой картошки. Достанет хозяйка из духовки противни со сдобами, калачами, шанежками с картошкой, творогом, брусникой, укроет чистым полотенцем. Нажарит пирогов, пермячей, расстегаев, икряников...

Ох, как хорошо, накормив животину, покидав снег на дворе, войти в теплую избу в густых клубах пара, потоптаться на половичке, покхэкать, а потом разболокаться, сполоснуть под умывальником руки, лицо, шею, чувствуя на губах солоноватость здорового пота; пройтись мокрыми ладонями по волосам. Сесть за стол, жабнуть стопку нехолодной сладковатой самогонки, а потом долго, неспешно есть, глядя в свободный от морозных узоров прогалок в окне на укрытые снежиной соседские избы, на столбики дыма из труб...

Пообедав печенкой с сухарями и выпив чаю, Ирина Викторовна хотела было, как обычно, скорее заняться делами, но удержала себя: «Куда уже торопиться? Посиди, подумай». – «Но надо собираться, еще поглядеть, что, может, нужно», – заспорила. И другая часть ее с готовностью включилась в спор: «Все нужное. Правильно Зинаида сказала: каждую щепочку жалко».

В избе было тихо – печка давно прогорела, радио, раньше постоянно бубнящее, увезено в город, – и эта тишина вдруг так стала давить, что Ирина Викторовна все-таки поднялась, вышла на крыльцо. Осмотрела с него видимый кусочек улицы. По-прежнему никого и никаких звуков. Тишина.

Месяц назад, когда окончательно уезжала большая часть жителей, здесь день и ночь стоял гам и треск. Одни что-то ломали, другие, наоборот, – сколачивали; бегали от двора к двору, передавали вещи, перекрикивались; визжали свиньи, рыдали забиваемые коровы и бычки... Будто беженцы, катили мужики и женщины тележки, медведки, тачки с добром к пристани, ругались из-за любой мелочи, нервно смеялись, орали. Выпивоха Женька Глухих дергал отцов баян, наугад нажимая на кнопки...

Ушел тот паром, и тише стало. Сначала еще кукарекали кое-где петушки, еще проходили по улице оставшиеся, пробежала ошалелая собака, а в последние два-три дня глухо совсем.

И что уж действительно жутко – воробьи исчезли. Раньше отбою от них не было, теперь ни одного. Пусто.

Чтобы спастись от этой давящей, как гнет, пустоты, Ирина Викторовна направилась к стайке. Там Чернушка.

Открыла обитую старым одеялом дверь, нашла взглядом курицу. Та растерянно стояла и смотрела на хозяйку. Не побежала навстречу, как обычно, не бросилась прочь, как некоторые рыжие часа три назад, когда Ирина Викторовна хватала их по одной и уносила... Стояла и смотрела. Ждала.

– Что, Чернушечка, плохо одной? – спросила Ирина Викторовна. – Мне тоже плохо... Ну, потерпи, потерпи маленько... Помнишь, как одна тоже была? Что уж...

И курица ответила понимающе:

– У-у-к. – Шагнула к площадке, где была дроблѐнка, сделала вид, что клюет; видно, показывала – ничего страшного, что одна.

– Водичка-то есть? Е-есть, – продолжала Ирина Викторовна, успокаивая курицу и успокаиваясь сама; достала из ящика с гнездом яичко. – Спасибо, Чернушечка... Ну, не скучай, ладно? Лампочку тебе оставлю пока, пускай светит...

«А чего я ее не выпускаю?» – удивилась.

– А иди-ка погуляй. Тепло, хорошо, солнышко... Иди погуляй.

Вывела Чернушку на задний двор, заперла калитку.

Курица как-то несмело, словно ожидая от хозяйки плохого, пошла по покрытой сухими травинками, камешками, щепками земле.

– Погуляй-погуляй, а я тебе сейчас травки свежей сорву.

Нашла у забора несколько полуживых лебедин, выдернула с корнем. Заметила в развороченной земле червяка. Подняла. Понесла Чернушке.

– Вот, потеряби пока, – бросила траву, – а это деликатесик тебе. На, на, – поболтала червяком.

Курица подошла, покосилась на червячка и склюнула.

– Ну вот! И хорошо! Молодец.

Возвращаясь в избу, остановилась у чурки, под которой лежали куриные головы... Надо бы прибрать... Или так оставить, воронам? Чего теперь марафет наводить...

Но собрала головы в старый ковшик, отнесла на огород, вырыла тяпкой ямку, бросила, прикопала. Тяпку приставила к стене сарая. Обвела глазами освещенный заходящим солнцем сбоку и потому красивый и особенно печальный сейчас огород. Серое стало золотистым, водянистая зелень – сочной, свежей... Отвернулась, глотая слезы.

В ведре под скатом крыши обмыла топор, занесла на веранду. Отличный топор, сталь настоящая... Взять бы, только как его тащить? Да и зачем он в квартире на втором этаже?

Связала в узел клеенку с перьями. Постояла, напряженно размышляя, куда бы деть. Мучилась так, будто это самый важный вопрос сейчас. Куда? Отнесла в летнюю кухню, положила там, придавила зачем-то коробкой со старой, окаменевшей обувью. Пусть здесь...

Наконец, не найдя по дороге дел, добралась до избы. Посмотрела, сколько там на будильнике. Десять минут шестого. Вот и день прошел. Почти прошел последний день. Последний здесь...

Сложила остатки – а ее много осталось – печенки в тарелку, накрыла другой. Возьмет в клуб... Помыла посуду тщательно, расставила на решетку сушиться. Поискала, что еще отнести на посиделки... Да нечего. И не готовить же. Да и вряд ли будет там пир горой. Что уж...

Переделалась в выходное платье – старенькое, но крепкое, шерстяное. Причесала волосы, закрепила широким гребнем на затылке. Повязала платок с розовыми цветочками. Надела пальто. Туфли обувать не стала, неудобно в них, устают ноги быстро, – осталась в ботах.

Шла по широкой центральной улице и никак не могла поверить, представить, что очень скоро, может, и завтра, не будет уже этих крепких домов, амбаров-срубов, толстых и глухих заплотов, ворот с козырьками и кружевами резьбы, деревянных тротуаров, которые каждую весну тщательно ремонтировали... Исчезнет двухэтажная белёная школа с зеленой крышей, обитый вагонкой магазин «Северянка» с веселой вывеской «Работаем от сих до сих без выходов и проходных»... Убеждала себя, что все на свете кончается и вот пришел конец их деревне, но поверить не могла. Не принимали ни голова, ни сердце мысль, что от села, где почти четыре века жили люди, останутся сначала горки пепла, а потом, когда там, внизу, закроют путь реке, размочит эти горки запертая вода. И всё. Ни следа, ни метки...

Нет, нет, есть метка! Еще в прошлом году мужики сварили стелу, привинтили к ней табличку с выбитой надписью: «Здесь было село Пылёво. Основано в 1667 – затоплено в...» Дату не вписали, надеясь, что все-таки в последний момент затопление не произойдет... Этим августом втащили на самый высокий в округе бык, который, говорят, уцелеет, превратится в островок, укрепили там. Когда пойдет вода, приплывут, добьют четыре циферки.

Лет двадцать – сорок простоит эта стела, кто-нибудь станет за ней приглядывать. Но потом все-таки изржавеет, покосится, повалится, еще через какое-то время рассыплется рыжим прахом, затянется рыжину травой. И будет здесь дикое место. Дикое мертвое место над мертвой стоячей водой.

Улица была чистая, дома почти все целые – заходи и живи. Лишь окна прикрыты ставнями, а где ставней нет – щитами из досок. Казалось, на время хозяева отъехали, но вот-вот вернутся. Завтра, или через неделю, или весной. Вернутся, снимут щиты, помогут стекла, протопят печи...

Нет, не будет весны тут. Вот они – одна, другая, третья – надписи на воротах: «Прощай, отчий дом», «Не забудем Родину!», «Плачем и рыдаем»... Кладбище, кладбище. Погост.

Самое обидное, если возьмут и после всего заселят какими-нибудь зэками или китайцами. Объявят: «Расчеты ошибочны оказались, вода не добралась...» Нет, пусть тогда уж скорее сжигают, стирают с лица земли их Пылёво. Посадят их, оставшихся, на паром и – сотрут.

Многие мужики порывались сами сжечь свои дома. Алексей Михайлович уговорил не делать этого: «Пусть таким село останется в памяти».

И люди, уезжая, видели Пылёво целым, опрятным, с пестрыми наличниками, красными листьями черемух в палисадниках. Не так больно, наверно, чем когда дым, огонь...

Вот он и клуб. Стоит свеженький (стены красили каждую весну), большой, широкий. Его размер увеличивает не особо приметная, но все же значительная возвышенность. Рёлка. Раньше здесь была церковь, деревянная, из толстенных бревен. Ирина Викторовна с детства помнила ее закрытой, пустой, черной, напоминавшей молчаливую, закутанную по глаза платком волхитку с выселок.

В конце пятидесятых – когда опять стали строить новую жизнь и район наводнили приезжие, только теперь не ссыльные, не эвакуированные, как в войну и после войны, а добровольцы или распределенные, такие brave комсомольцы-горожане, – церковь решено было снести.

Снесли без сожаления, даже тогдашние бабушки не выступали против. Будто старый гнилой коровник убрали. Некоторые надеялись на клад, долго рылись в груде трухи, копали под церковью землю, но ничего не нашли.

За одно лето на месте церкви поднялся сруб клуба. Часть бревен пошла с церкви, часть привезли новых. Строили чуть ли не все мужчины села.

Клуб получился просторный. С залом на двести человек, где крутили кино и проводили собрания, с библиотекой, с фойе, где устраивали танцы и общие торжества. Расставляли тогда принесенные столы буквой «П», накрывали. А потом или веселились, или грустили, плакали.

Сейчас от «П» была лишь половина палочки – два стола, за которыми сидели пять человек.

Фёдоровна – самая старая жительница Пылёва, – ей давно перевалило за восемьдесят, но держалась она молодцом, пласталась до сих пор на огороде целыми днями, память не теряла... Рядом с ней Ульяна, в нездешнего фасона – красном, без цветков – платке, и облика была не как большинство пылёвок – суховатая, узколикая. Через стул от старух устроились Мерзляков и Крикау. Обоим было под семьдесят, и оба всю жизнь враждовали или, в лучшем случае, годами не замечали друг друга, а вот теперь остались чуть ли не единственными мужиками в селе, и, чувствуя это, они хоть и не тепло, не дружески, но все же вглядь разговаривали:

– Глухов луг жалко. Какая трава там!

– Трава... А земля на огородах! Сами ведь чернозем сделали. Тут помял ее – масло ведь, а не земля.

– О-хо-хо-ох... Я вот удивляюсь, как на ей еще растет чего.

– Почему это – удивляешься?

– Ну, столько поту в ей, соли...

Пятым за столами, напротив Мерзлякова и Крикау, – Лёша Брюханов.

Ровесники Лёшины уехали, уехал бы, наверно, и он, но на нем дизель – свет дает селу... Вот остановит завтра утром, сдаст или, может, так бросит свою технику и взойдет на паром.

Ирину Викторовну встретили хоть и радостно, но и вроде как с удивлением.

– А мы думам, не придешь, – сказала Фёдоровна.

– Ну, не дождетесь... Как же вы без меня-то? – Ирина Викторовна, улыбаясь, поставила на стол тарелку.

– Да многие отказались. Боятся – сердце не выдержит... По избам прячутся.

– Ну и дела у всех, – оправдал непришедших Мерзляков. – Собираются.

– Мы уж давно все собранные, – вздохнула Фёдоровна.

– Это ты о смерти опять? – встрепелась Ульяна. – Сама всех ругала, что поминают, а сама теперь...

– Теперь – можно. Когда родну деревню переживать, это хуже смерти.

– Верно, верно, – закивал Крикау, – хуже нет...

На столе была нехитрая еда: сало, соленые огурцы, поздние сморщенные помидорки, порезанный кусок вареной говядины. По центру стояли две непочатые бутылки водки и бутылка с чем-то оранжевым.

– А Зинаида где? – спросила Ирина Викторовна.

– Да, видать, потезенит всё, уговариват...

– Лишь бы что-нибудь с ней не случилось, – тихо сказала Ульяна. – Такие, кто бегают, они чаще всего...

– Ну! – грозно перебила Фёдоровна. – Не накликивай! – И добавила уже почти жалобно, просяще: – Счас придет. И Галина придет... пирог достряпыват рыбный.

Посидели молча, в ожидании, словно бы Зинаида с Галиной должны войти сию же секунду и без них что-то начинать говорить неловко... Прошло полминуты, минута, другая...

– Слушайте, а помните, как Женька Глухих осетра приволок? – слишком оживленно, так, что все вздрогнули, спросил Брюханов.

– Ага, ага! – старики оживились.

– Да-а, такой телок был!

– Голова в ведро не влазила.

Ульяна, вспоминая, нахмурилась:

– Когда это было?

– Да года два назад. Под осень...

– Не помню что-то.

– А, подруга, – слегка подтолкнула ее плечом Фёдоровна, – ты ж тогда в больнице лежала. Сосуды у тебя, что ли, были...

– Суставы.

– Ну! А тут такой переполох...

– Ну дак! – хмыкнул и засопел азартно Мерзляков. – Давно такой не попадал. И позабыли уж, что с им делать.

– Ага, Жека бегаёт по дворам: «Из осетра надо вытаскивать что-то, а то ядовитый станет. Что вытаскивать?!» А никто и ответить не может...

– Как – никто? Я смог, – обиделся Крикау. – И другие, кто постарше.

– Ну, сперва-то никто. Сбежались и стоим. Таращимся.

– А кто-то, помню, сказал, что если его в дуплё на лёд спустить, то он быстро уснет, а потом хоть через год достань – оживёт в воде.

– Ну да, можно. Я раз налима изо льда на реке выдолбил. Домой принес, оттаял, и он пополз. Моя увидела – завизжала.

Посмеялись... За воспоминаниями дождались Зинаиду.

– Во-от! – Фёдоровна выдохнула облегченно. – А мы уж про тебя всё передумали.

– Да у Даруши Чепурной была. И так и сяк просила.

– И чё она?

– Да ни в какую. Суется чего-то, мечется, как маланья с ящиком.

– Уху-к, – закивала Фёдоровна, – все дела находят, только чтоб о страшном не думать.

А сюда придешь, и ведь ясно, что всё – прощамся.

– Пойду нашу электростанцию гляну, – сказал Лёша Брюханов. – Как там солярка.

– Не загуливайся, – отозвался Мерзляков, – водка греется.

– Я быстро...

– Даруша-то далёко куда-то едет.

– К сыну младшему, в Ачинск.

– Ага, ага, в Ачинск, – подтвердила Зинаида. – Я за это время всю страну изучила. Карту расстелю и смотрю, смотрю. Кутай есть, даже Пылёво наше, а ни Колпинска...

– Ну, значит, карта не новая. Колпинск, он молодой город, – объяснил Крикау. – Из-за плотины и появился.

– Ну да, ну да...

– Эх, – Мерзляков сладко-грустно вздохнул, – рыбки-то мы пое-ели. Поели. А вот внуки-правнуки как, это вопрос...

Река была рыбой действительно богата. Хариусы, таймени, ленки, налимы, шуки, бульбаны, ельцы. Попадались осетры и стерляди, иногда появлялись стайки тугуна... Правда, в последние лет двадцать улов начал слабеть, ленки, таймени, не говоря уж об осетрах и стерляди, стали редкостью. Не запасали их уже, как бывало, поленьями в ледниках. Но будто подарок на прощание, в прошлом, позапрошлом, да и в этом еще году мужики то и дело выволакивали на берег тайменей килограммов по двадцать – тридцать; вот и осетра, о котором так хорошо вспомнили, Женька Глухих умудрился поймать. Чуть не всех угостил, отрубая по куску...

Это обилие крупной рыбы знающие люди объясняли тем, что реку перекрыли плотиной, и хоть вода через шлюзы уходит пока свободно, но рыба не скатывается вниз, боясь постройки, живет на этих километрах от одной ГЭС – построенной Усть-Илимской – до другой, строящейся. Ее все меньше и меньше, благородной рыбы, но оставшаяся растет, вот и попадаются великаны. Скоро переловят последних, или передохнет от водохранилища, в стоячей воде, и будет здесь пусто. Разве что окуньки с щуками останутся, да их больная еда – ельцы да мокчёны.

– Что ж, – Мерзляков не выдержал, – давайте-ка дерябнем. Зябко...

- Счас Галина пирог принесет, и выпьем.
- Долго она несет.
- Горяченький хочет чтоб, свеженький... Это мы раньше приперлись.
- А это что рыжее в бутылке?
- Бражка облепихова.
- М-м! Де-ело...
- Нет, под рыбный пирог – водка только...

– Рыба – это великое дело, – вернулась к прерванному разговору Фёдоровна. – Сколь раз она спасала... В войну, помню... Тогда всё для фронта сдавали. Всё подчищали. И мы стали из чешуи холодец варить. И – ни один человек в деревне ни цингой этой не заболел, ни рахитом. Все здоровеньки были!

– Да, да, – закивали в ответ, хотя никто больше из сидевших за столом не помнил толком то время: Ирине Викторовне в сорок пятом было шесть лет, Зинаиде года три, Мерзляков родился в войну, Ульяна появилась здесь после войны, Крикау родился году в сорок седьмом в семье ссыльных... Но вообще-то правильно кивали: и после войны много лет жизнь была трудная, скудная, и хоть холодец из чешуи не ели, но и долго не роскошествовали.

– Вот только стали сами себе хозяева, никто не указывает, а тут надо собираться и куда-то мотать, – сказал Мерзляков. – Все дни хожу по ограде, стены толкаю. Ведь какая крепь, и бросать приходится. Все сгорит...

- Ну ладно, – на правах старшей перебила Фёдоровна. – Говорено об этом достаточно.
- Но ведь жалко!
- Жалко. Поэтому о другом давайте. Что ж душу драть – и так вся изодрана.

Вернулся Лёша, и ему сразу велели разливать водку, бражку. Видя, что старики и старухи грустят, он решил вспомнить об еще одном забавном случае.

- А помните, как Кайхеры козу к козлу возили?
- Ага, вся деревня участвовала...
- На ушах стояли...

Ирина Кайхер, специалист из сельсовета, завела козу. До этого коз в Пылёве никто не держал, ближайшие были в двадцати километрах, в Кутае.

И вот коза стала требовать мужа – бляла, билась в своей загородке, всей улице жить не давала. В конце концов Кайхеры погрузили козу в машину и повезли в Кутай. Но пока ехали, коза расхотела и стала бодать, колоть рожками предложенного ей кавалера. Ни с чем ее увезли обратно. А на другой день снова пронзительное, жуткое бляенье, похожее на человеческие крики, снова удары в изгородь. Пришлось опять везти. И снова ничего не получилось...

– Раз пять ее катали, – посмеиваясь, говорила Зинаида, – бензина сколько изъездили, и так и не получилось.

- Угу, пришлось отдать.
 - И где теперь они? – вздохнула Фёдоровна.
 - Кто?
 - Да Кайхеры. Ирина, Андрей, ребятишки их...
 - В Абакане, что ли, квартиру дали.
 - Квартиры, – поправил Лёша Брюханов.
 - В смысле – квартиры?
 - Ну, дали им три однокомнатные квартиры.
- Старики не могли понять:
- Как это?
 - Не было одной трехкомнатной. Дали вот так. И в разных домах причем.
 - У них ведь дети маленькие еще. Они отдельно, что ли, должны?
 - Ну, так получается.

– Бедные Кайхеры, – покачал головой Крикау.

– Как-нибудь там сменяются, наверно...

Ирина Викторовна, может, впервые обратила внимание на фамилии. Раньше вроде и не замечала. А тут – Кайхеры, Крикау. Еще в деревне было раньше много Шнайдеров, Гафнеров, Фоосов; у Ульяны тоже девичья фамилия совсем какая-то нерусская, сложная... Но все они были здесь своими, и для всех них, чьи корни в тысячах километров отсюда, в совсем других землях и странах, эта деревенька в тайге стала родиной. И имена своим детям они давали русские: Андрей, Иван, Алексей, Сергей, Николай, Настя, Галина, Валентина. Получались причудливые сочетания – Сергей Оттович Фоос, Анастасия Гельмутовна Гафнер...

– Уля, – позвала Ирина Викторовна, – а ты-то как? Ты ведь туда, – не стала уточнять куда, да это и так всем понятно: в тот далекий край, где родилась, – уезжать хотела. Как решила? Едешь?

– Да-а... Да куда мне уже... Квартирку в Колпинске дали, в ней и доживу. Мы вот с Зинаидой соседки, будем друг за дружкой смотреть.

– Вообще, по уму, надо было всем в один дом проситься, – сказала Фёдоровна, – а то вот и недалеко, а дойти – история.

– Ну, эт тоже, – заспорил Мерзляков, – дом престарелых на что делать? Тоска одна.

Пришла наконец Галина Логинова с большим, закутанным в полотенце противнем, а следом за ней – глава сельсовета Алексей Михайлович Ткачук. Приковылял и старик Чуклин Владимир, бородатый, в драной фуфайке.

– Ты, Володь, как ритарай прямо, – поморщилась Фёдоровна. – Хоть бы уж ремугу эту сменил.

– Да увезли всё. Всё в городе...

Появление новых людей за столом, как водится, подняло настроение. Но когда суета улеглась, наступило неуютное, колющее молчание. И наполненные стопки не помогали – никто не решался поднять тост. Поглядывали на Алексея Михайловича, ждали, что скажет он.

Последние почти двадцать лет Ткачук был в селе главным, и именно ему выпало уговаривать людей собирать вещи, выбивать дополнительные паромы для груза, не позволять раньше времени разбирать и жечь избы, школу, склады, до последнего сохранять работу дизеля (а для этого нужно горючее), фельдшерского пункта... Вообще-то он не обязан был этого делать – мог, получив ордер на жилье, уехать и пропасть, забыть. Формально-то их Пылёво уже месяц не существует как жилое, снято с каких-то балансов...

Да, мог уехать глава, тем более что он не коренной – из молодых специалистов шестидесятих годов. Но не уехал. До конца оставался.

– Что ж, – поймав одни, другие, третьи глаза на себе, начал Алексей Михайлович, держа стопку в подрагивающей руке, – что ж, много раз мы здесь с вами сидели. И по радостным поводам, и по грустным. Бывало, и не вмещал этот зал всех... Много нас было, а вот теперь осталось... – Не договорил, кашлянул. – Да... Но покинули люди не по своей воле... не по нашей воле Пылёво исчезает. Стояло оно триста пятьдесят лет и еще бы триста пятьдесят простояло... Знал народ, как жить, чем жить, для чего... Я не смею просить вас не горевать – у самого все эти годы сердце болит... Что ж, – поднял стопку выше, – без чоканья, ладно?

Выпили, посидели, замерев, не притрагиваясь к закуске, перетерпели жжение. Потом уж потянулись к огурцам, грибам; Галина зашептала:

– Пирог берите, пока теплый! Дядь Володь, вы же любите рыбный.

Поели в молчании. Каждому было что сказать, но не решались. Боялись сказать именно сейчас не то. И Алексей Михайлович продолжил. Теперь уже о том конкретном, что мучило каждого.

– Что касается кладбища – переносим целиком. Доверенности у меня, землю в городе выделяют. Перенесем, постараемся так же положить, как здесь...

– Да уж хоть бы, – покивала Фёдоровна. – Покойников топить – последнее дело.

– Не дай бог...

– Перенесем. И памятники заберем, кресты, – увереннее продолжил глава. – Я лично буду следить. Ни одной могилки не оставлю.

О кладбище люди переживали не меньше, чем об остающихся домах, добре, которое нет возможности забрать, о том, как будут на новых местах, в чужом мире... Дирекция по подготовке к затоплению останки взять разрешила, но для этого нужно было присутствие при эксгумации (страшное слово, которое в деревне произносили шепотом) родных покойного. Большинство боялись такого участия. Да и правильно: как это жене видеть доставание гроба, где лежит муж, превратившийся в кости, или сыну, дочери, родителям... Алексей Михайлович выяснил, что можно доверить присутствие при эксгумации другому, собрал такие доверенности на себя.

Сейчас он хоть и бодрился, обещал, что лично проследит за переносом кладбища, но боялся, хватит ли сил. О том, что сердце болит, сказал не образно – болело оно действительно, давило и кололо уже давно...

– Одно вот, – продолжил Алексей Михайлович, – Люба Гришина остается со своим магазином... До последнего торговала, и сейчас открыта ее «Северянка»... Как в цивилизованном мире... Не успели решить насчет компенсации... Остается...

Пришла Алина, фельдшер. Молодая женщина, всегда подчеркивавшая даже своим видом, что она не деревенская, жившая как-то особняком. Она частенько ругалась с мужем, здешним уроженцем, – требовала скорее переезжать, «пока дети маленькие», а он все тянул. Но вот как получилось: муж и дети уже с весны в Мариинске, ее родном городе, а Алина здесь. И такой стала заботливой в эти месяцы – сама обходит старых людей, спрашивает о самочувствии, уколы ставит, давление мерит. Раньше на дом ее вытащить было трудно: есть пункт, часы приема – приходите... Меняется человек...

Поздоровалась тихо, села с краешку, но ее тут-же пересадили ближе ко всем, окружили заботой, и в глазах Алины появились слезы. Она нахмурилась, сказала строго:

– Спасибо. Можно, как будто меня здесь нет.

Старухам стало неловко. Замолчали, поджали губы.

– Споем, может? – неожиданно для себя, но чтоб загладить эту неловкость, предложила Ирина Викторовна.

– Э-э, – Фёдоровна тяжело отмахнулась, – какие уж тут песни...

Но Зинаида поддержала:

– А чего? Правильно Руся предложила. Помните, молодыми любили? – И завела без подготовки:

Чуть охрипший гудок парохода
Уплывает в таежную тьму-у,
Две девчонки танцуют на па-алубе,
Звезды с неба летят за корму.

Алексей Михайлович подхватил было:

– А река бежит, зовет куда-то, плывут сибирские девчата... – Но остальные не поддержали, и песня смялась, оборвалась.

– Поплывут завтра девчата, – хэкнул Крикау. – Все поплывем.

Остальные закрихтели, завздохали. Не глядели друг на друга. Лёша стал разливать водку.

И тут, в тяжелой тишине, Фёдоровна, удивительно отчетливо выговаривая каждое слово беззубым ртом, запела то, что пели только на поминках:

Отец мой был природный пахарь,
А я работал вместе с им.

– Отец мой был природный паха-арь, – подхватил сначала Мерзляков и тут же Крикау, – а я ра-бо-отал вместе с и-и-им.

На нас напали злые черти,
Село родное подожгли.
Отец убит был в первой схватке,
А мать живу в огне сожгли.

– От-тец убит был в первой схватке! – вступили Алексей Михайлович, Зинаида, Ирина Викторовна, Ульяна. – А мать живу-у в огне сожгли!

– Зачем, скажи, судьбина злая, – грянули Чуклин, Лёша Брюханов, Галина, – ты разорила дом родной?

Сестра осталася сироткой,
А я остался сиротой.

– Сестра остал-лася сироткой, а й-я-а оста-ался сир-рото-ой!

С сестрой мы в лодочку садились
И тихо плыли по реке.

– С сестрой мы в лодочку садились и ти-ихо-о плыли по реке-е.

Но вдруг кусты зашевелились,
Раздался выстрел роковой,
Злодей убил мою сестрицу,
И стал я горьким сиротой.

– Злодей, – пели не глядя друг на друга, но теперь смотрели не вниз или вбок, а куда-то вверх, и глаза были светлые, сухие, светящиеся, – убил мою сестрицу, и стал й-я-а го-орьким сир-ротой.

Кругом, кругом осиротел я,
Кругом я горький сирота,
Нет у меня отца и мами,
Нету сестрицы у меня.

– Нет у меня отца и мами, нету-у сестри-ицы у меня-а!

Взошел я на гору крутую
И посмотрел я на село.
Горит, горит село родное,
Горит вся родина моя.

И уже срывающимися голосами дотянули второй раз:
– Горит, горит село родно-я, го-ори-ит вся-а ро-одина моя-а!

Печку на ночь топить не стала – только вьюшки задвинула, чтоб не выдувались остатки тепла, – добралась до кровати и легла одетая, накрылась одеялом и еще сверху пальтишком.

Поплыла, поплыла в сон, радуясь ему как никогда – самое страшное было лежать и думать. Но мозг утомился за этот день, мысли уже давно путались, и вот перепутались окончательно, и всё провалилось...

И снова толчок. Забытья будто и не было. Ирина Викторовна приоткрыла глаза и глянула на окно.

В прямоугольнике густая синь. Брезг. Раннее-ранее, но все же утро. И значит, надо подниматься. Подниматься, оживать, жить дальше.

Телу было тепло, а лицо знобило, и, вдыхая, Ирина Викторовна чувствовала, насколько изба выстыла. Прогреется нескоро, тем более что печку не зарядила, придется щепать лучину, выкладывать в топке колодец... Пока разгорится, и пора будет идти. Прощаться и идти...

Выбралась из-под одеяла. Села. Сунула ноги в чуни. Продышалась, дала время телу привыкнуть к новому положению. Потом поднялась. Прошла на кухню. Несколько секунд не решалась щелкнуть выключателем. Щелкнет, но свет не появится, и станет совсем тоскливо. И, кажется, силы сразу оставят, и не сможет уже ничего. Сядет, и будет сидеть, и заledenеет в этом сумраке.

Свет был. Был свет, слава богу... Лёша Брюханов не бросил. Наверно, всю ночь возле дизеля продежурил. Спасибо.

Первым делом потюкала топором по сухому полешку, отколола несколько полосок. Достала из-под лавки у порога кусок бересты... Экономила бересту, клала на растопку понемножку, а тут запихала не скупясь. Сверху положила полоски. Чиркнула спичкой.

Огонек побежал по желтоватому листу, пуская черные жирные завитушки дыма. Береста затрещала, зашевелилась, как живая. Языки огонька зацепили дерево, и вот занялось. Ирина Викторовна положила сверху сухие полешки, закрыла дверцу. Медленно поднялась с коленок.

– Счас оживеет воздух, – зашептала, – счас все будет...

Включила плитку, поставила чайник. Удивилась, почему не сразу включила, а сначала стала растапливать... Вода бы уже теплой была. А так умывалась почти ледяной.

Что ж, надо собирать вещи. То немного, что сможет донести до парома.

Собирала и убеждала себя, что просто едет в город на день-два, а потом вернется и все будет здесь по-прежнему. Как было. А слёзы кипели в горле, рвались к глазам, перекрывали дыхание. Ирина Викторовна глотала, глотала эти горькие слёзы, но они снова поднимались, лезли, щипали, разъедали глаза. И вытягивали, вытягивали остатки сил... Набивала она сидор, словно могилу копала.

Забурчал чайник и вскипел точно так же, как вчера, позавчера, тысячи раз до этого. Ирина Викторовна сняла его, налила кипятка в заварник. Постояла, упершись руками в стол, подождала, пока настоится. Сесть боялась. Сядет – и не встанет.

Качнулась, дошла до буфета, взяла чашку с полочки... Раньше здесь было много чашек, кружек, стопками возвышались тарелки, блюда. Теперь почти пусто. Посуда в городе. Вся квартира там в коробках, мешках, тюках. Круглый стол с расшатанными ножками, стулья один на другом, трубы ковриков, три разобранные кровати, разобранный шкаф, единственное кресло, в котором любил сидеть вечерами муж, наломавшись по хозяйству...

Вот приедет, и надо будет все расставлять, разбирать, развешивать. Гоить комнату, кухню, ванную, туалет, прихожую – эти квадратные метры. За дверью – подъезд, не ее про-

странство. А здесь всё ее – и двор, и стайки, баня, дровяник, огород с каждой былинкой и комком земли...

Налила заварки в чашку, открыла крышку заварника и вылила обратно. Подождала и налила снова с четверть чашки. Потом – уже доверху – кипятка из чайника. И пожалела, что заварила столько – придется выбрасывать... Обычно испитой чай высыпала в огурцы или под смородину; зимой заворачивала его в старые целлофановые пакеты, замораживала и весной разбрасывала по огороду. А теперь куда?

Еще недавно каждая мелочь шла в дело – негодного мусора не было. Одно сжигала, другое приспособливала в хозяйстве. В квартире же столько придется бросать и бросать в ведро, таскать и таскать в контейнер во дворе. А потом этот контейнер повезут, вывалят на помойке, увеличивая мертвую территорию... Городская жизнь.

Помялась над столом и все-таки села, достала из пакета плоский сухарь, налила на него из ложечки чаю, посыпала сахаром. Откусила передними, пока еще целыми зубами, стала рассасывать сладковатый хлеб...

Вчера принялись было убирать в клубе со стола, а потом бросили. Так и оставили тарелки с едой, ополовиненную бутылку водки, недопитую бражку.

– А эт! – окликнула Зинаида уходящую Галину Логинову. – А противень-то! Добрый ведь.

Та отмахнулась:

– Да куда его... В ту плиту, в квартирную, не влезет... Пускай остается...

А в противне – целый пирог с хариусом. Лишь немного притронулись... Хороший пирог получился, сочный. Но тоже – куда его?... Куда всё?..

Мигнула лампочка раз, другой. И – потухла.

Ирина Викторовна испуганно подняла голову, посмотрела на чернеющую дугу. Ждала, что сейчас загорится снова... Нет, больше не загорится – кончилось в их Пылёве электричество.

– Хоть чай успела, – успокоила себя.

Торопливо доела сухарь, допила чай.

– Та-ак... – Поднялась, снова постояла над столом. Добрела до порога, сняла куртку, перевязала по-новой платок. Взяла свой биотуалет – ведро с сиденьцем, вышла.

На дворе все было сырым, но не от дождя, а от растаявшей изморози. В воздухе висел густой сероватый туман.

Ступая осторожно, боясь поскользнуться, Ирина Викторовна направилась к будочке туалета. Всерьез обдумывала, что надо хорошенько помыть ведро, как-то упаковать, взять с собой. Очень оно вырывает...

– Да к чему?! – опомнилась и испуганно хохотнула над собой. – Там ведь унитаз. Там другое уже.

И это «другое», как бечёвка, охватило горло, стянуло. Ирина Викторовна остановилась, стала свободной левой рукой тереть горло, освобождаясь.

Другое... В семьдесят пять лет попадать в другое... Чем, чем она будет жить? Чем переживать каждый день в этой бетонной коробке?... К кому-то из детей переехать? Но и они тоже по таким же коробкам рассованы...

Услышала шумок на заднем дворе. Кто-то шуршал там, скребся.

По привычке защищать свое от чужого – от чужих собак, кошек, от ворон, крыс, коршунов – Ирина Викторовна поставила ведро, зашпешила на шум. На всякий случай подобрала прислоненный к стене колышек.

«Сейчас дам-дам! – предвкушала с неожиданной, резко накатившей, затопившей всю ее злостью, и представляла, как увидит собачонку и как обрушит на нее колышек. – Вот тебе, пакостница! Вот, вот! Не лазь, где нельзя!» Очень хотелось ударить...

За изгородью из частых жердин металась курица: туда два-три шажка, обратно...

– Черну-ушка!.. Чернушечка, как же я про тебя забыла? – Ирина Викторовна открыла хлипкую калитку.

Курица сейчас, в холодном тумане, выглядела совсем маленькой, жалкой... Остановилась перед хозяйкой, закулюкала.

– Намерзлась... И поклевать-то тебе тут нечего... Сейчас в тепло пойдем, покормлю тебя.

С реки ударила, раскатилась по деревне сирена. Это причаливал паром. Ирина Викторовна схватила курицу и, забыв про оставленный на дорожке свой биотуалет, побежала к избе...

Металась из угла в угол, пихая в сидор все подряд; хапнула плитку, потянула, но та, немного подавшись, стала вырываться. Ирина Викторовна дергала и не могла сообразить, что шнур вставлен в розетку. Наконец дошло; отсоединила шнур, стала сворачивать... «А зачем мне плитка-то? В городе же есть... Три конфорки. – Глянула на сидор, на сумку. – И куда ее запахну?» Поставила плитку обратно.

Вдруг пришло в голову, что надо лампочки выкрутить. Пригодятся.

Подволокла под ту, что висела на кухне, табуретку, стала взбираться. «Нет, повалюсь». Села на табуретку. Глаза нашли курицу.

Чернушка стояла возле печки. Неподвижно стояла, будто окаменела.

– В другой дом поедем, – сказала Ирина Викторовна; вскочила, налила в пиалку воды. – Попей. Дорога долгая у нас с тобой. Попей. А я сейчас...

Нашла целлофановые пакетики, вдела один в другой, поспешила в стайку. Нагребла там дроблёнки из фляги... Дроблёнки оставалось еще много – надеялась, что переезда не будет, купила месяц назад целый мешок... Зря, получилось...

Дышала глубоко, старалась запомнить этот едковатый запах куричьего жилья. Где еще его встретит... А запах огорода после первых заморозков... После полива теплым вечером... Запах, идущий от растопленной печки в холодной избе...

– Тётъ Ир! – голос с улицы. – Тётъ Иро-оу!

Узнала – это Лёша Брюханов. Чего он?.. Побрела к воротам, обеими руками прижимая к груди пакет с дроблёнкой.

– Ну как, собрались? – как-то вымученно-бодро спросил он. – Пора идти уже...

– А... Уже? – Ирина Викторовна растерялась.

Вот... И прямо сейчас. Навсегда.

– Я свои вещи отнес. Могу помочь.

– Да что... Да, да, помоги, милый. Что ж...

Ирина Викторовна вошла на кухню и стала оглядываться, как чужая. Не сразу увидела сидор.

– Вот его... А я сумку... – Потом вспомнила о дроблёнке в руках, а вспомнив о дроблёнке, нашла взглядом Чернушку. Та по-прежнему стояла возле печки, не двигаясь; даже чужого человека не испугалась.

– Лёша, Лёша, я вот хотела... Как, избу, стайки – запирать? Не хочу, чтоб ходили тут...

– Да разве их замки остановят? Если захотят – заберутся... Пусть так, хоть ломать не станут.

Ирина Викторовна покивала. Хотела спросить еще про лампочки, но сообразила, что это совсем глупость какая-то будет – везти лампочки. И как их везти? Побьются... Запахнула в сумку мешочек с дроблёным зерном. Замерла, вспоминая, все ли взяла...

– Пойдемте, тётъ Ир, – тихо сказал Лёша.

– А? Ага...

Взяла сумку.

– Тётъ Ир, а тут курица...

– А... – Нагнулась и подхватила Чернушку под мышку; та не сопротивлялась, даже крылом не захлопала, пытаясь удержать равновесие. Только лапки поджала.

Ирина Викторовна шла через двор, не глядя по сторонам. Видела лишь кольцо калитки, которое сейчас повернет. И калитка откроется, выпустит ее на улицу. И всё. И – отрезано.

Темные фигурки медленно двигались в дымных клубах тумана к реке. На спинах рюкзаки, руках сумки, мешки – последнее, что забирали с собой в новую жизнь...

Лёша быстро отнес вещи Ирины Викторовны на пристань, побежал еще за кем-то.

Крупные мужики в одинаковых серых бушлатах и черных ушанках скатывали с парома бочки, выгружали лопаты, ломы, багры, ящики. В начале улицы ровно постукивал мотором новенький желтый бульдозер с задранном отвалом. Местные – пока еще местные – косились на него, как на опасного зверя, обходили подальше, сталпливались на краю пристани. Опускали ношу на плахи настила. Ждали.

– Руся, а это чего у тебя? – удивленно спросила Зинаида. – Ты почто курицу-то с собой взяла?

– Ну, кошки у девки нету, а надо кого-то, – мрачно пошутил стоявший рядом Чуклин.

– Чернушка это, – понимая, что объяснить, зачем везет в город живую курицу, толком не получится, ответила Ирина Викторовна. – Не смогла ее... не смогла убить.

– А-а, эт та, которая по два яичка несла. И как, в квартиру ее, что ли, поселишь?

– Не знаю, ничего не знаю пока...

– Дак оно никто ничё не знат, – вздохнул Чуклин.

– Всё-о! – крикнул особенно крупный мужик, видимо, бригадир. Посмотрел на стариков и старух, велел: – Грузимся!

Две-три старушки, по привычке, чтоб занять сиденья в каютке, рванули на паром и тут же одумались, остановились. Боялись перейти черту...

– Грузимся, говорю, некогда ждать! – стал свирепеть бригадир. – Еще три деревни впереди!

– А где Алексей Михайлыч? – спросила растерянно Зинаида.

– И Фёдоровны нету.

– Ох, не дай бог что...

Но вот появились из тумана глава сельсовета, Лёша Брюханов и Фёдоровна.

Фёдоровна ступала медленно и тяжело, при каждом шаге обваливаясь вниз, к земле; мужчины поддерживали ее с двух сторон.

– Здесь один человек еще, – сказал Алексей Михайлович, видимо, бригадиру. – У нее магазин, товары. На днях должен решиться вопрос насчет компенсации. Не жгите ее.

– Угу, понятно.

Голос Ткачука задрожал:

– Точно понятно?

– Да понятно все, проходи...

Люди дождались, пока Фёдоровна и мужчины приблизятся, и потянулись на паром. Места было много, но никто не сел. Смотрели на проступающие сквозь белизну черные пятна изб.

Паром стал отваливаться от пристани. Бульдозер на берегу выпустил столб дыма, дернулся, пополз в горку, на Пылёво. Старухи хрипло заплакали, мужики полезли за сигаретами. Капитан дал сирену.

Глава пятая. Миражи на дне

Первый раз Ольга ехала в Кутайский район без всякой охоты – главред дал задание, надо подчиняться... Вообще-то в такие командировки нужно отправлять мужчин, но в их газете нет мужчин-журналистов. Или старики, которым и из кабинета в кабинет трудно пройти, или вчерашние школьники, для которых взять простенькое интервью – как поход к стоматологу. В Интернете ищут информацию и переписывают своими словами... Лямку корреспондентов и репортеров тянут женщины.

Газета «Голос рабочего», в которой работала Ольга, некогда была центральной, главной в крае – официальный орган крайкома партии. Для нее построили в центре города двенадцатиэтажное здание, рядом были гаражи для служебных «волг» и «уазов», в квартале от редакции находилась своя типография. Штат газеты в конце восьмидесятых составлял больше трехсот человек.

В глухое советское время в «Голосе рабочего» публиковали официальные сообщения, статьи о передовиках и достижениях, ругали империализм, американскую военщину... Перестройка не очень изменила политику газеты – уже появилась в городе новая, смелая пресса, смелее становились и старые издания, а «Голос рабочего» продолжал, как говорили в то время, дудеть в дудку застоя.

Большая часть коллектива не очень переживала по поводу своего статуса косных официозников. Зарплаты были большие, у каждого сотрудника отдельный кабинет, работы почти никакой – при желании можно было месяцами филонить. Сиди, пей чаёк, а нет, скажи завотделом, что хочешь посетить какое-нибудь собрание трудового коллектива или побывать на заседании профсоюза, и – свободен. Материал об этом вряд ли спросят.

И когда Ольга, от природы девушка небыстрая, сонная, после окончания журфака летом девяносто первого года сунулась в «Голос рабочего» и была неожиданно принята в штат почти без публикаций, ее поразила легкость поступления в такое престижное издание.

Но радовалась недолго. Буквально через месяц в Москве случился путч, а следом – победа демократии, и наступило новое, по-настоящему свободное время. «Лафа кончилась» – зарплаты не повышались в то время, когда рубль дешевел, а главное – прекратились продуктовые наборы, которые до того получали в редакции все, вплоть до уборщиц. Газета мгновенно стала одной из многих.

Подписка рухнула, бумага стала дорогущей и вообще дефицитной, так что за каждым рулоном приходилось охотиться; типография отделилась; рекламу давали в «Голос рабочего» неохотно.

Несколько лет газета держалась на плаву, распродавая «волги», сдавая в аренду гаражи и этажи в здании. А потом оказалось, что здание не принадлежит коллективу – что-то вовремя не оформили, не определили форму собственности, – и теперь, в конце нулевых, редакция занимала восемь кабинетов на шестом этаже, а на крыше вместо огромных алюминиевых букв с подсветкой, слагавшихся в «Голос рабочего», висела растяжка «Это здание продается!». И номера телефонов.

Жилось газете несладко, и Ольга давно бы уволилась, но поначалу, когда была молодой, кормили родители, а работа воспринималась почти как убивание времени, потом вышла замуж за некрупного, но все-таки способного обеспечивать семью предпринимателя. Так и сидела в кабинете, правда, теперь не одна, а деля его с тремя другими сотрудницами.

Да и нельзя сказать, что сиднем сидела, надуваясь сладким чаем. Нет, теперь приходилось трудиться, и странно – хоть зарплата и была смешной, появился азарт писать такое, о чем заговорят, что взволнует многих.

Но командировки Ольга не любила. Особенно в глушь, без определенной цели. А первая поездка в Кутайский район летом две тысячи седьмого года была именно такой. Главред вызвал и сказал:

– Съезди, посмотри, как там с продолжением строительства ГЭС, как вообще люди живут. В городе, в деревнях вокруг. Сделай репортаж.

В бухгалтерии оформили командировочное, выдали суточные и на проезд.

Ольга попыталась было найти попутку – может, кто из знакомых отправляется в те края, – но потом купила билет на рейсовый автобус. И правильно сделала: автобус оказался большим, мощным и там, где какие-нибудь «жигули» обязательно забуксовали бы, он проезжал, лишь покачиваясь. А участков таких оказалось немало.

Нет, поначалу дорога была хорошая – асфальт с разметкой и столбиками на обочинах. Вдоль дороги стояли поселки с симпатичными домиками, но после Канска асфальт кончился, домики потемнели и покосились, да и таких не встречалось на протяжении десятков километров; тайга все ближе подступала к грунтовке. Порой казалось, что дальше пути нет, и автобус останавливался, стоял несколько минут, словно в раздумье, а потом бросался в жидкую глину или в похожую на озеро лужу.

Путь до Колпинска – центра Кутайского района – занял больше десяти часов. Хорошо, что Ольга забронировала номер в местной гостинице – сразу свалилась на кровать и уснула.

На другой день гуляла по городу. Он ей понравился. Много свежих, раскрашенных в разные цвета домов. Есть девятиэтажные, пятиэтажные, есть двухэтажные коттеджи. Улицы чистые, везде порядок. Даже не верилось, что такой город существует вдали от большого мира с железнодорожными магистралями, автомобильными трассами, мегаполисами...

Ее, уроженку почти миллионника, выезжавшую за его пределы редко и недалеко, всегда удивляло, что люди могут, а главное, хотят жить в глухих деревнях, в избушках, где, если не потопить зимой печку, через несколько часов вода в ведре превратится в лед.

Зачем эта добровольная ежедневная борьба за существование? Конечно, двести лет назад это было в порядке вещей, но ведь человечество давно научилось быстро строить высотные здания, проводить водопровод, централизованное отопление, оно прорыло сотни километров туннелей для метро, придумало, как на крошечном участке развести потоки автомобилей; цивилизованному обществу не нужны теперь бесконечные гектары земли, чтобы вырастить необходимое количество пшеницы, картошки, огурцов; каждой семье не нужна теперь своя корова, свои свиньи, куры, овцы.

Человечество стремится к оптимизации, экономии, а вот эти деревушки с сотней-другой упорных жителей тормозят прогресс. Ведь они не просто живут отдельно от большого мира, но и требуют, чтобы им привозили в магазин городские товары, был у них врач, клуб с киносеансами, школа, детский сад, рабочие места, которые по сути-то государству не нужны, убыточны.

Сколько ущербных детей растет в глухомани без музеев, театров, спортивных школ; сколько гибнет талантов, сколько истлевает идей, сил, стремлений, запертых в медвежьих углах страны. Об этом написаны горы книг еще в девятнадцатом веке, но мало что изменилось. До сих пор Россия – сплошные медвежьи углы...

Ясно, что при таком настрое Ольга с куда большим интересом общалась с жителями города Колпинска, со строителями ГЭС (ее свозили к плотине на служебном внедорожнике, провели для нее экскурсию), чем стремилась отправиться в деревни, которые были намечены к ликвидации – попадали в зону затопления водохранилищем.

Но все же, для объективности очерка, побывала в ближайшем к Колпинску селе – Большакове. Сорок километров по проселку... Впрочем, села и поселки были и ближе, но те или возникли благодаря строительству электростанции, или же пришли в запустение из-за этого строительства, из-за близости города. А Большакову двести с лишним лет, население – за

тысячу человек, живут своим миром, не мотаясь за каждой мелочью в Колпинск, наоборот, кажется, сторонясь его.

В то время вопрос о переселении еще не стоял так остро, как два-три года спустя. Затопление казалось делом далекого будущего, да и, как поняла Ольга, жители не особо верили, а точнее – не хотели верить, что оно случится.

– Тридцать лет назад тоже пугали: вот-вот затопит, – объясняли ей. – Уезжайте, мол. Ферму разрушили, совхоз распустили. А – ничего. Тут же и бросили.

– Но ведь строительство электростанции возобновилось, – спорила Ольга. – И какие планы у вас? – Она еще толком не знала, что именно спрашивать.

– Ну, поглядим, как до дела дойдет. Чего раньше времени... Тогда тоже многие подхватились, поехали, а потом обратно возвращаться пришлось...

Избы в селе были в основном высокие, просторные, каждая усадьба, как крепость, обнесена глухим забором, защищена стенами-срубами. Всё – и бани, и сарай, и амбары – крепкое, надежное. Достаточно мелких ремонтов, подновлений, и такая усадьба-крепость может простоять вечно.

Большаково совсем не походило на те деревеньки, что чернели гнильем и трухой неподалеку от краевого центра, – в тех кое-как доживали свой несчастный век не сумевшие, не нашедшие сил и энергии перебраться в город или вытолкнутые из него – алкаши, лентяи, дебилы. Не напоминало Большаково и дачные поселки. Нет, это было настоящее сибирское село – одно из тех, благодаря которым Сибирь и стала российской землей не только формально, но и кровно.

Удивили Ольгу и огороды. Казалось бы, север, тайга, холодная река мчится рядом, а на огородах арбузы, дыни, баклажаны. Помидоры, как деревца... Собираясь в командировку, она глянула информацию о районе в Интернете. Отметила: «Сельское хозяйство – отсутствует». Сказала об этом большаковцам. Те замахали руками:

– Да все растет! В конце мая под пленку садим, и успевает до осени.

– Раньше, – добавляли, – и рожь сеяли, овес, пшеницу даже. Ничего завозного не надо было.

– А вот у вас свиней много. Где корм берете? Свиней ведь травой не накормишь. – Ольга решила показать себя специалисткой.

– Ну как, картошку варим. Да и другое есть... В Кутае Мацеевский Василий живет – настоящий трудяга. Дроблёнкой, комбикормом весь район обеспечивают.

– Сам выращивает и... и перерабатывает?

– Ну да, сам. Работники у него, конечно, и вся семья в упряжке. Комбайны, трактора... И поросят у него покупаем – у него маток полно, целая фабрика.

– А здесь, у нас, Масляков, – подхватывали другие. – Он досками, брусом занимается. Вон его пилорама... Была свалка, а он на ней производство устроил. Его доски даже из Енисейска берут, на реставрацию.

Итог разговору подвел старичок, наверняка переживший много разных времен:

– В общем, ежели по уму, то можно тутака жить. Жить – не тужить. Зачем такой край топить-от?

– Цивилизация, дед Саш, – усмехнулся молодой парень по имени Виталий, который добровольно сопровождал Ольгу по Большакову. – Цивилизация требует жертв.

Та поездка не то чтобы изменила ее отношение к деревням, медвежьим углам, но все же заставила сомневаться, так ли уж правильно, что вычищают эти углы.

За следующие три с половиной года Ольга побывала в районе еще несколько раз. Видела, как разрастается Колпинск, как поднимается плотина ГЭС и одновременно хиреют, разрушаются, пустеют деревни выше по реке. Бывший райцентр Кутай, Пылёво, Проклово, Усово, Сергушкино, ставшее ей дорогим Большаково...

Причем пустели они шумно – со слезами и скандалами, драками и судами. С разрушением жилых изб в то время, когда хозяева уезжали на время, с поджогами, с ограничением вывозимого имущества... То давали «КамАЗ» на семью, то «КамАЗ» на две-три семьи; то обещали квартиру в близком к крайцентру Назарове, а в последний момент, когда люди уже освобождали избу, грузились, заявляли, что произошла ошибка и квартира их ждет в глуховатом Канске или нищем Боготоле...

У Ольги собирались такие истории десятками, она публиковала об этом статьи, все чаще сама вызывалась ехать в зону затопления.

Появились сквозные герои статей, за чьими судьбами она следила.

Например, Александр Беккер из Кутая. У него был добротный дом, хозяйство, моторная лодка. Пенсии в шесть тысяч хватало. Ему предложили однокомнатную квартиру в Колпинске. Беккер стал просить хоть шесть соток под огород. «Земельные участки не предусмотрены», – ответили ему в администрации. «А на что мне жить? Бутылки собирать?» И Беккер отказался переезжать. Больше года жил в зачищенном селе без света, без медицинской помощи, без привозных продуктов... В ноябре его парализовало. От смерти Беккера спасли случайные люди – через разоренный Кутай проезжали охотники, увидели целый дом. Вошли. Вместо горячего чая, на который надеялись, охотникам пришлось везти хозяина дома в ближайшую больницу за шестьдесят километров... Теперь Александра Беккера оформляли в дом инвалидов, а его жилище поскорее сожгли, оформив сожжение как «пожар по неустановленным причинам».

Или такая история. В том же Кутате жил Николай Бессонов. Известный не только в районе, но и в крае человек – краевед, почетный полярник, профессиональный фотограф, чьи снимки использовал даже ТАСС... Бессонов был прописан вместе с матерью и сестрой с ее детьми. Матери, сестре и племянникам дали положенные метры, а о Бессонове, кажется, просто забыли – при составлении списков на переселение он был в очередном отъезде. «На седьмом десятке бичом, судя по всему, стать придется», – вздыхал Бессонов.

А вот еще. Старики Тряцовы из деревни Проклово снимали квартиру в Колпинске. На это уходило много денег, но другого выхода не было – старик перенес онкологическую операцию, и ему необходимо наблюдение врачей. В Проклово у них остался дом, за которым приглядывали соседи, но во время очередного налета на деревню «санитарная бригада» сожгла дом вместе со всеми вещами. Старикам выделили однокомнатную квартиру, а компенсировать уничтожение мебели, посуды отказались. У Тряцовых же и кроватей нет, кастрюли, чтоб обед сварить. «Дети, ясно, помогут, но ведь обидно. Как с врагами с нами какими-то».

Да, множество историй, десятки ломающихся или уже сломавшихся судеб. А ведь переселяют-то меньше шести тысяч человек. Неужели не могут для них, не по своей воле сдвинутых с обжитых мест, создать условия не хуже, чем были?... Пытаясь найти ответ, добиться справедливости, Ольга садилась в рейсовый автобус и ехала на будущее дно водохранилища.

И вот, наверное, последняя или одна из последних командировок. Февраль две тысячи одиннадцатого года. От Большакова почти ничего не осталось. Лишь прикрытые снегом кучи недосгоревших бревен, мотки проволоки уничтоженных линий электропередачи, горы измятого железа – угадываются кузова тракторов, печки, трубы, кровати...

Всего четыре обитаемых дома. В них, как осажденные, сидят те, кто не согласен с условиями переселения – предложенным жильем на новых местах, – или те, кому жилье вовсе не положено.

«Мы находимся с этими лицами в судебных отношениях, – объясняли Ольге разнообразные начальники. – Так или иначе расселим всех. Утонуть никому не позволим».

Но в этих словах слышалось не успокоение, а угроза...

От Колпинска до Большакова добиралась в последнее время на частниках, так как автобусы были отменены, а служебный транспорт, после того как она стала заступаться за пересе-

ленцев, администрация района и дирекция по подготовке зоны водо-хранилища выделять ей перестали.

Попросила водителя остановить возле дома Марины Журавлевой. Пригляделась – хоть и тускло, но освещено окошко.

– Спасибо, – подала водителю деньги, выбралась из «тойоты».

Воздух морозный, сухой. Не обжигает ноздри, горло. Щекочет... Сначала он кажется чистым, какой бывает в тайге, в горах; но вот примешивается едковатый душок гари. Не печного дыма, не сажи, а именно гари. Этот особый запах пожара, беды, который так долго не исчезает.

Она вспомнила эту улицу позапрошлым летом... Смотрела в школьные годы фильм «Иди и смотри», о том, как фашисты жгут деревню. Не просто смотрела, а их, пионеров, водили на сеансы несколько раз для того, чтобы они потом просили зрителей подписать требование «Это не должно повториться!». Была годовщина то ли начала войны, то ли Победы.

И вот, оказалось, два с лишним десятка лет спустя увидела нечто подобное в реальности. И не где-нибудь, а у них здесь, в Сибири, чуть ли не в самом кондовом ее углу. Огонь, плач, крики, метание людей, лошадей, кур. Мужики с канистрами... Чудом каким-то обошлось без погибших...

Похожая на броневик «тойота» развернулась и уехала. Утих звук мотора... Ольга стояла не шевелясь, замерев. Не поспешила к калитке по темневшей на снегу тропке, а ждала. Точнее, не ждала – ловила эту полную тишину, пила взглядом естественное освещение звездами снега, деревьев вдаль... Звезд столько, что поначалу они сливаются в единый золотистый ковер, и лишь приглядевшись, различаешь, что одни точки ярче и больше, другие мельче, тусклее. А вот точка движется по ковру – спутник или самолет...

В городе звезд почти не видно, там небо ночами темно-серое, словно бы грязное, а здесь – глубокая густая чернота, на которой рассыпаны тысячи золотистых точек. Нет, не совсем золотистых... Какое-то голубоватое золото.

Ни одному художнику такое небо не написать, ни один фотограф не найдет нужный объект. Только смотреть. Любоваться, стараться запомнить...

Шевельнулась, и снег под ногой оглушительно хрустнул. Ольга вздрогнула, очнулась, пошла к избе.

– Слышу, машина, – встретила ее в калитке Марина Журавлева. – Постояла и уехала. Думала, эти опять караулят, когда никого... Здравствуйте, Ольга Борисовна.

– Здравствуйте, Марина. Как вы тут?

– Да как... – Но рассказывать пока не стала. – Замерзли?

В печке с подвывом горели дрова, на столе стояла керосиновая лампа. Сильно пахло чем-то бензиновым, так, что Ольга с трудом проталкивала воздух в легкие.

– А чем это? – спросила. – Не керосином ведь...

– Солярку залила... Кончился керосин, и в городе, говорят, нет нигде.

– Это опасно – соляркой?

– Говорят, не очень. Посоветовали соли подсыпать... что-то там нейтрализует. А вот вонь, конечно... – Марина, хмурясь, посмотрела на керосинку, потом обернулась к Ольге: – Чай будете? И поесть... Картошка вареная, могу подогреть...

– Нет-нет, – перебила Ольга, снимая пуховик, – чаю только. Я привезла кое-чего... Печенье, конфеты Павлику. Консервы.

– Павлик в городе. Учиться надо. Помните, обещались два раза в месяц учителей присылать? Будут, мол, давать задания, помогать...

– Помню, конечно. – Ольга присела к столу, но подальше от керосинки. – И как, не приезжают?

– Ни разу!.. Отвезла вот к Татьяне, к сестре, живет у них, как кусошник... Предлагали в интернат, но это совсем будет...

– Нет, Марин, в интернат не вздумай. Они могут тогда на лишение родительских прав подать.

В последнее время из журналистки Ольга стала превращаться в какую-то правозащитницу. Хотя никак не могла разобраться в правах, во всех этих хитросплетениях законов, распоряжений, регламентов. Да и кто в них по-настоящему разбирается? Большинство переселенцев, убежденных, что с ними поступили несправедливо, горячились, ругались, а потом почти все плевали и отступались. Немногие доходили до судебных тяжб, но лишь единицы могли защищать свои права сами, в основном же нанимали адвокатов, платили им деньги...

Деньги, деньги... Где они, деньги? Не для того даже, чтобы бороться, а просто выжить. Здесь, в деревне, если и не было работы, то кормили огород, скотина, тайга, рыба. И вот насильно вырывают человека отсюда, суют в квартиру. И что? Как ему дальше? Работы и в городе не для всех. Тем более, если тебе за сорок и ничего толком не умеешь... То есть жить в деревне умеешь, знаешь, как выжить, где добыть пропитание, что собрать и продать. А в городе?..

И столько запутанных историй! У Ольги в голове мешалось, плыло, когда начинала разбираться, вникать в подробности.

Вот та же Марина Журавлева. По закону, может, и не положена ей квартира, но по совести... Ситуация у нее, конечно, еще та. И дать бы ей и сынишке двухкомнатную квартиру, и было бы им хорошо... Хм, ну не хорошо, но не так беспросветно, как сейчас.

А ситуация такая.

Жили в этом большом доме родители Марины, ее сестра с мужем и двумя детьми и она сама. Семья сестры лет десять назад, еще до переселенческой очереди, получила квартиру в Колпинске, уехала. Марина вышла замуж, но прописка осталась эта, в родительском доме. Они с мужем уехали в Ачинск; регистрацию Марина сохраняла прежнюю... Прожили года три и вскоре после рождения сына развелись. Марина вернулась в тот момент, когда родители получали квартиру в Канске. Ордер выдали на родителей, на нее и на сына. Она взбунтовалась. Родители переехали в двухкомнатку в Канск, предназначавшуюся для всех четверых, а Марина осталась.

Сражается уже несколько лет. И одни говорят, что правильно, другие – что стремится выгадать лишнюю площадь.

В этой разобщенности людей – корень многих проблем и несчастий. Вот если бы где-нибудь в по-настоящему цивилизованном обществе решили строить подобную электростанцию с затоплением тысяч квадратных километров земли, с переселением тысяч людей, наверняка бы эти люди объединились и все сообща потребовали такой компенсации, что каждый бы стал миллионером, способным приобрести дом с большим участком или просторную квартиру. А может быть, компания отказалась бы от идеи строительства здесь, стала бы искать необитаемые поймы рек.

А так – каждый поодиночке стремится выцарапать условия получше, но в итоге все чувствуют себя обделенными, обиженными, обманутыми. Даже те, кому удалось отхватить две-три квартиры вместо одной, тоже жалуются – вырази радость, и подозрения начнутся, обсуждения за глаза. Хотя, не исключено, и искренне жалуются: родину никакими квартирами не заменишь...

Нет, нет, не совсем так! Есть откровенно довольные переменами.

С год назад неподалеку от деревни Усово, что километрах в тридцати выше по реке от Большакова, обнаружили домишко, в нем – старика. Одежда штопаная-перештопаная, борода от самых глаз, мебель самодельная, одеяло из лосиной шкуры.

В окрестности Усова бросились журналисты, в том числе и Ольга, – как же, настоящий отшельник, кутайский Робинзон.

«Может, власовец?» – предполагали одни; их поднимали на смех: «Нет, тогда уж белогвардеец!.. Власовцам сейчас лет под сто должно быть, а этому семьдесят самое большее. Хотя, – косвенно соглашались, – не исключено, что и беглый зэк».

На вопросы старик отвечал односложно: «Не по-мню... Давно здесь живу... Природа кормит...»

Опрашивали и усовских. Те пожимали плечами: «Ну, жил и жил, приходил иногда за солью, за спичками. По осени картошку приносил, сдавал, этим, видать, и зарабатывал... Нормальный, никого не трогал».

В конце концов удалось выяснить, что зовут отшельника Максим Петрович Щетинкин. Лет сорок назад приехал в эти края на стройку («Что-то строил, не помню»), потом поругался с начальством и ушел в тайгу. Ни паспорта, ни других каких-нибудь документов у него не было; человека с такими именем-фамилией-отчеством в базе разыскиваемых не значилось. Может, его совсем иначе звали, как знать...

Сначала Щетинкин ни за что не хотел покидать домишко. Обещал представителям дирекции и журналистам:

– Лучше утону, чем брошу дом, землю!

Но когда ему клятвенно пообещали оформить пенсию, переселить в квартиру с теплым санузлом, электроплитой, он смягчился, подписал бумаги.

– Если пенсия да квартира будут, то зачем мне земля эта?

Щетинкину сделали паспорт, поставили его жилище на кадастровый учет и провели оценку. Сотрудница соцзащиты по доверенности обошла в Колпинске кабинеты, оформляя документы, и вот отшельник под щелчки фотоаппаратов вселился в однокомнатную, но просторную – новой планировки – квартиру на втором этаже семиэтажного дома.

Следом за шествующим к двери подъезда Щетининым грузчики несли самодельное кресло из пня, кроватьную сетку, доски для нар, тюк с одеждой и шкурами, мешки с посудой, инструментами... А замглавы Колпинска рассказывал в интервью:

– Максим Петрович ожил, повеселел. Сейчас для него главная проблема – продать несколько кулей картошки. Я предлагал ему: «Давай сдам оптом торговцам овощами». Он протестует, возмущается – хочет по рыночной цене. Робинзон Робинзоном, а деньги считать умеет... В общем, помимо основных забот, у меня теперь новая головная боль – как выгодно для деда реализовать картошку.

Другие переселенцы следили за этой шумной историей вернувшегося в цивилизацию отшельника со злой ухмылкой: «Нашли героя! Чё ему, безбытному человеку... А тех, кто всю жизнь на государство убивался, – как скотину в загон».

Ольга приехала в почти уже стертые с лица земли Большаково не просто попроведать Марину Журавлеву. Завтра должен быть, наверное, решающий день борьбы за лесопилку Масляковых.

Эта лесопилка, а по существу – маленький деревообрабатывающий завод, последние лет двадцать была единственным в селе предприятием.

Владел заводиком Александр Георгиевич Масляков, у него работал Дмитрий, сын, двоюродный брат Юрий и еще трое местных жителей. Распускали кругляк на доски, делали брус, рейки...

Когда началось активное переселение и гибель Большакова стала очевидной, Александр Георгиевич потребовал у администрации района, у дирекции перевезти имущество. Вместо перевозки его семье с поразительной легкостью и быстротой дали две двухкомнатные квартиры в Сосновоборске – престижном городке рядом с крайцентром. Масляков сделал вид, что не

понял намека, – продолжал стучаться в двери начальства, писать письма: необходимо выделить участок под лесопилку, перевезти оборудование или в крайнем случае выплатить компенсацию – предприятие Масляков оценил в четыре миллиона рублей.

Администрация района отвечала, что у нее на это нет ни финансов, ни полномочий, а дирекция отреагировала следующим образом: ордера на квартиры аннулировали, объяснив это тем, что произошла ошибка при распределении. Предложили трехкомнатку в Колпинске. Масляков, хоть жена была против, согласился, но с условием, что лесопилку перевезут в черту города. Вместо этого появилось постановление снести ее в связи с «санитарной очисткой территории».

И вот по полученным Масляковыми сведениям завтра должна будет нагрянуть бригада сжигателей.

– Да, собирались, – подтвердила Марина Журавлева. – Тянуть им дальше некуда – весной вода пойдет...

Они с Ольгой сидели за столом; недопитый чай остыл, фитиль в лампе горел еле-еле – Марина берегла солярку, – освещая лишь кружок с полметра вокруг. Остальное пространство кухни было во мраке. Лишь плита печки пока еще густо краснела.

Печка прогорела, но пыхала жаром... От жары и духоты, да и после долгой и трудной дороги Ольгу клонило в сон.

– Что ж, явятся, – вздох Марины. – И меня заодно. Не стесняясь, прям при моей напарнице обсуждали...

Странность и даже нереальность ситуации была в том, что Марина работала в колонии-поселении, находящейся километрах в трех от села, готовила там в столовой, и зэки ее благодарили за вкусную еду, заигрывали с ней, некоторые и жалели, а потом получали приказ сжигать ее дом, садились в «ГАЗ-66» и ехали...

Один раз соседи отстояли (тогда в Большакове еще оставалось много людей), другой раз Марина, догадавшись, куда собираются зэки с канистрами, топорами, перегородила машине дорогу, заставила взять ее с собой. И самое удивительное – ее взяли, довезли до ворот и там объявили, что строение приказано ликвидировать.

Марина заперлась в избе, кое-как дозвонилась до милиции, до Масляковых. «Слава богу, – радовалась хоть чему-то, – мобильные телефоны придумали».

– И два часа это продолжалось, – рассказывала Марина в прошлую их встречу. – Эти орут, чтоб я покинула помещение, канистрами трясут, а я здесь плачу, трясусь. Знаю ведь, что им ничего не стоит плеснуть. Они там и наркоманы есть – за укол любое дело сделают... Тут Масляковы, еще другие сбежались, но что они могли – ругались только. Не драться же... А драться начнешь или канистры эти отобрать захочешь, так обязательно уголовное дело заведут. Но главное, что свидетели были, и эти не решились поджигать... Потом милиция из Колпинска приехала. «Что случилось? Кто такие?» А зэки: «Производим санитарную очистку территории». Это у них заученное выражение. Милиция: «Покажите документы, что этот дом подлежит сносу». У них нету. «Устное распоряжение». – «Чье?» – «Начальства». – «Какого начальства?» Как раз и зам по безопасности из колонии примчался. «У нас договор с дирекцией по подготовке водохранилища, – стал объяснять. – По договору мы обязаны очистить эту территорию». – «Но ведь этот дом жилой». – «Она не хочет выселяться»... Меня стали допрашивать. Я им всем прописку показываю: «Село Большаково, улица Садовая, дом восемь». Зам усмехается: «Я ее знаю – поварихой у нас работает. Жилье ей предоставлено, а она недовольна».

В общем, в тот раз офицер и зэки уехали ни с чем. Но больше покидать дом Марина не решалась и почти три месяца сидела здесь.

– Сына не вижу, с работы уволили, с водой беда настоящая... Колодцы завалили, снег весь в саже... Свет отрезали, телефон не ловит почти, новостей не знаю – транзистор шипит только...

Марина тяжело, с кряхтением, совсем как старуха – а ей всего лишь около тридцати – поднялась, подошла к печке, толкнула внутрь дымохода задвижку.

– Что, Ольга Борисовна, спать, может быть? – спросила усталым голосом, усталым не от работы, а от многодневного, многолетнего ожидания.

– Да, да! – Ольга встряхнулась, поднялась.

– Ложитесь здесь. Здесь теплее. Белье, извините... Но, наверно, лучше не раздеваться. Выстынет к утру...

– Да... А ты где?

– Я в комнате... рядом.

– Не замерзнешь?

– Да нет, у меня есть чем накрыться... Этого навалом.

Марина достала из кухонной тумбочки сковородку, подняла лампу, поставила сковородку на ее место, а лампу – сверху.

– Зачем так? – не поняла Ольга.

– Ну мало ли... На чугуне безопасней. Вам свет не будет мешать? – И, не дожидаясь ответа, добавила: – Пусть горит – хоть видно, что здесь живут.

– Да, пусть горит.

– Спокойной ночи тогда.

– Спокойной.

Положив рядом свой пуховик на случай, если ночью станет холодно, устроившись и затихнув, Ольга услышала, как Марина что-то шепчет в соседней комнате. То ли молится, то ли ворчит.

Ольга прожила в Большакове три дня. Ждала поджигателей. Они не появились. Может, узнали, что здесь корреспондент краевой газеты, и выжидали, когда уедет.

Днем Ольга ходила по остаткам села. Не могла отделаться от ощущения, что находится в недавно освобожденном от захватчиков месте. Уцелело четыре двора и заводик на краю Большакова, а остальное – присыпанные снегом остатки бревен, кирпичей, шифера, железа. Жуткие скелеты изломанных, вывороченных с корнем черемух, которые недавно украшали палисадники... И люди, встречаемые ею, казались изможденными, чудом уцелевшими под игм врага. Да, будто не две тысячи одиннадцатый год и не Сибирь, а сорок третий, какая-нибудь Смоленщина...

Людмила Маслякова, жена хозяина лесопилки, вызывала особенную жалость. Сразу угадывалась в ней женщина, проведшая большую часть жизни в относительном достатке, владелица большого и крепкого дома, которую уважали, которой одни по-хорошему, другие по-черному завидовали. Но все это в прошлом. Теперь впереди неизвестность, а сейчас – почти первобытное существование. Она и ругаться уже не могла, не имела сил, лишь смотрела на мужа и сына с укором, на Ольгу – с мольбой.

Старшие дети Масляковых жили кто в Назарове, кто в Лесосибирске, а младший сын, Дмитрий, держался при родителях, был союзником отца в борьбе за их предприятии. Обитал не дома, а в сторожке на лесопилке – охранял.

Лесопилка давно уже не действовала, но оставалась, как могла судить Ольга, в рабочем состоянии.

– Хоть завтра можем запускаться, – подтверждал Дмитрий, – на складе кругляк просушенный, пилы наточены. Но заказов нет. Там, – кивок вверх, – запретили с нами дело иметь. Хотят, чтоб мы сами всё бросили и убежали.

В который раз Дмитрий водил ее по заводу, показывал оборудование, рассказывал, сколько они в прежнее время могли нашинковать досок, натесать бруса... Ольга терпеливо

слушала: неловко было говорить, что все это ей известно, – так переживал этот молодой парень в камуфлированном бушлате из охотничьего магазина за судьбу дела, так скучал по работе...

– А вот следы покушения, – кивал он на обугленные столбы навеса над лентой пило-рамы. – Мне до сих пор кажется, что это приснилось. Главное, что ведь не бандюганы какие приехали. Ладно там в девяностые бандиты приезжали за долги сжигать, а тут милиция, дирекция по затоплению, пристава, администрация района. С бандитами можно было повоевать, а тут – власть же, которая дисре... дискредитирует просто в своем лице всю власть. – То ли от этой запинки на сложном слове, то ли из-за воспоминаний Дмитрий стал заводиться. – И президента, и правительство... Вот дошло бы до Путина это всё, он бы их... он бы их точно всех ликвидировал! – Искривив губы в злой ухмылке, глянул на Ольгу. – А может, так и будет. Если есть справедливость, то так оно и будет! Чиновники, госслужащие выполняют коммерческие заказы. С какого хрена здесь милиция вообще?

– Но ведь милиция и спасает, – осторожно сказала Ольга. – Марину Журавлеву спасла, когда ее сжечь собирались. Прогнали милиционеры тех, из колонии.

– Ну да, потому что без них решили... не поделились. А так – все одно... И вот, пока комиссия с милицией нас вон там, – Дмитрий кивнул в сторону ворот, – грузили, зэки задами пробрались сюда и стали поджигать. Ребята, рабочие, как раз рядом были, увидели, кинулись тушить. Их скрутили. И нас с батей менты, пристава там держат. «Постановление администрации района!» – объявляют, как приговор. Я: «Где постановление? Покажите». Не показывают, держат. Там уголовники, тут – менты! И мы должны видеть, как огонь растет. Как пытка настоящая... И тут Виталька Сеницын прибежал. Помните его? Парень такой шепотной...

– Да, он меня в первый раз по вашему селу водил.

– Ну вот... Как раз здесь оказался, хотя они давно переехали. Но что-то понадобилось... И вот он прибежал, достает мобилу и начинает снимать эту комиссию, каждого подробно. «Вот пусть в прокуратуре края посмотрят, дадут оценку, – говорит. – У меня там знакомые появились». И эти, хе-хе, нас побросали, стали рожи прикрывать. Забрались в машины свои и свалили... А с зэками мы сами уже разобрались. – Дмитрий похлопал рукавицами. – Эх, так тянуло их... побить хотелось. Но понятно же – стоит задеть, и сразу в травмпункт, ушибы, заявления... Так, короче, без драки отогнали их. Да они и не сопротивлялись – увидели, что те умотали, и тоже скорей... Стали мы тушить... Лёшку Щербакова жалко – упал с крыши, ногу сломал. Только недавно гипс сняли, собирается сюда возвращаться. Злой стал... И вот скажите, Ольга Борисовна, если бы у них действительно постановление было, если бы по закону действовали, разве бы они так легко отступились?

Ольга лишь покивала в ответ.

Сказать ей хотелось много и объяснить, что наверняка Путин знает хоть в общих чертах о ситуации здесь. Это ведь не первый месяц, даже не первый год продолжается. А если не знает, то это странно просто: строительство ГЭС, переселение жителей нескольких сел – не рядовое событие, не регионального масштаба.

Но не стоит распалать парня. Зачем? Еще натворит что-нибудь. Лучше сдержанно посочувствовать.

Она оглядывала по сути-то примитивное, убогонькое сооружение лесопилки. Но и оно стоит денег, оно давало работу людям, производило продукцию. А должно быть просто уничтожено. Горка пепла, груды обгоревшего металла.

«Ну, не совсем “просто” – сама себя мысленно поправила Ольга, вспоминая слова старшего Маслякова: «Предлагали компенсацию, но это слезы. Миллион. Рабочим раздать да самому на первое время. Новую лесопилку я на миллион не оборудую... Нет, – добавил после минуты размышлений, – может, и получится, и всё сам отсюда вывезу, но ведь не дают! Земли кусок не дают. Места у них, видишь ли, нет. Тесно им стало в Сибири!..»

Сейчас Александр Георгиевич почти все время проводил то в Колпинске, то в крайцентре – понимая, что предприятие его доживает последние дни, пытался все-таки доказать, убедить, добиться... Без толку.

– Ничего удивительного, – Дмитрий дернул плечами, – там, вокруг города, столько подобного. Лес – единственный способ заработать теперь... Зачем им лишние конкуренты. Легче задавить.

– Кстати, а можно посмотреть ту съемку? – вспомнила Ольга.

– Какую?

– Ну, когда эта группа приезжала, Виталий, вы сказали, снимал.

– А! – И Дмитрий искренне засмеялся. – Да не было съемки! У него старая «Нokia», и на задней стенке пятно, типа лейбл, что ли... А эти поверили, что камера. На понт взял, короче.

С каким-то дикарским недоумением спустя три дня увидела Ольга нормальную жизнь с рядами много-этажных домов, прямыми улицами, светофора-ми, дорогами автомобилями, бодрыми, деловитыми людьми. Даже затревожилась: «Успела отвыкнуть. А если бы на месте Марины оказалась или жены Александра... Не три дня, а месяцы...»

Пока ехала от Большакова до Колпинска в подвернувшейся «ниве» с двумя здоровеными мужиками – то ли охотниками, то ли рыбаками, – горела желанием тут же пойти в администрацию, в дирекцию, а добралась до города, и единственной мыслью стало скорее оказаться дома. Обнять дочку, мужа, полежать в ванне, уснуть на чистой постели. И спать долго-долго, заспать эти дни...

Дождалась на станции автобус в крайцентр, уселась на своем месте, вставила в уши наушники, включила запись группы «Ега». Эти композиции, в основном мрачные, готические, странным образом расслабляли ее, снимали груз усталости. Слушала, закрыв глаза, и казалось, что мчится по туннелю, сырому, темному; крылья касаются склизкого камня. Она мчится туда, где мерцает выход, где лучи солнца, где тепло, жизнь. И вот вместе с изменившейся, посветлевшей музыкой вылетает из туннеля, расправляет крылья, взмывает к облакам...

Дома все было в порядке. Дочка вела себя хорошо, получила несколько четверок и пятерок, муж заключил выгодный контракт.

– А у тебя как? – спросил без большого любопытства, наверняка зная, что услышит то же, что и в прошлые разы.

Но теперь Ольга не стала рассказывать подробности, лишь махнула рукой: ничего, дескать, хорошего.

После ужина дочка убежала доделывать уроки. Муж, составив посуду в моечную машину, прошелся по кухне, посмотрел на Ольгу, которая, будто озябнув, обхватила ладонями чашку с чаем и сидела неподвижно, в оцепенении... Подождал и сказал тихо, но убеждающе:

– Наверное, тебе нужно уйти из газеты.

– Что? – Ольга вздрогнула от голоса, обернулась. – Что, Максим?

– Говорю, может быть, уйдешь? Уволишься из газеты? Вон какая возвращаешься...

В первый момент Ольгу захлестнуло возмущение. Несвойственное ей, незнакомое – такое, что чуть не закричала... Скорее всего, усталость сказала, обида за осажденных в Большакове людей, и Ольге представилось сейчас, что муж предлагает это не из-за жалости к ней, а из-за того, что ее статьи мешают его бизнесу. Или – что он не считает ее работу важной. Или – ему внапряг приготовить еду, следить за ребенком, когда она в командировке... Захотелось все это выкрикнуть сейчас Максиму.

Сдержалась, задавила крик. Задумалась... Да, действительно, зачем ей это? Денег работа не приносит – муж за неделю зарабатывает раза в два больше, чем она за месяц. Известной журналисткой, такой, которую бы боялись, но уважали, предоставляли бы документы, давали бы честные интервью, ей уже не стать. И наверняка никому она не поможет своими статьями,

ничего не исправит. Так, слабенькая лошадка, тянущая тяжелую, набитую чужими проблемами, бедами, горем телегу...

– Но я привыкла, – сказала. – Как я... Я другого и не умею.

Максим, обрадованный тем, что жена с ходу не отвергла его предложение, присел напротив.

– Для начала – отдохни. Давай на Красное море слетаем. Или... Ну вот на Канары. Покупаемся.

– Канары... – Ольга усмехнулась.

– А что? Это копейки на самом-то деле теперь... Загранпаспорта есть... Отдохнешь, а там, если захочешь, можно, например, в «Вернисаж» пойти. Мы с ними на днях договор по рекламе прописывали, я с главредом познакомился. У них, кстати, вакансии в штате есть...

Ольга слушала и не сразу сообразила, что она слушает, что это за «Вернисаж». «А, да, журнал...» Еженедельный журнал «культурного досуга» – в нем печатаются статьи о театральных премьерах, выставках, гастролях, светская хроника. Неплохой журнал, пользуется спросом, поэтому и рекламу в нем разместить – престижно. Не любую берут. Максим – со-владелец магазина-салона «Континент уюта», поэтому и взяли...

– Но ведь «Вернисаж» – это не то совсем, чем я занимаюсь. Я и в театрах раз в год бываю.

– И что? – удивился Максим. – За неделю в курс дела войдешь. Образованная, интеллигентная, молодая женщина, а мотаешься по этим деревням... Знаешь, Оль, – муж положил ей на руку свою, горячую, крепкую, – знаешь, ты мне... не обижайся только, но после своих командировок ты моего дядю напоминаешь. Он таким же после вахты приезжал. И мне страшно за тебя, Оль... Он однажды так сидел-сидел и повалился...

– Ясно, – коротко кивнула Ольга; увидела в глазах мужа испуг, улыбнулась: – Нет, правильно, все правильно. Надо менять работу.

– На Стрелке Дом искусств открыли, литературные вечера проводят... В театре, действительно, сто лет не были. – Голос Максима все креп. – Вообще, Оль, что-то мы с тобой закрутились. А мы ж еще молодые с тобой! Надо как-то осмысленней жить, полней.

Ольга покачала головой:

– Надо.

На другой день поехала на работу с решением объявить, что увольняется. Выбрать момент и объявить... Конечно, нужно бы сначала побывать в «Вернисаже», поговорить, убедиться, что есть вакансии и она принципиально подходит, обсудить условия и обязанности. Но после вчерашнего разговора с мужем Ольга словно другими глазами увидела свою жизнь и решила: так дальше нельзя. Привыкла, выросла в этот умирающий «Голос рабочего», нашла свою журналистскую темку и решила, что другого нет и не предвидится. А ведь это самообман, просто лень искать лучшее.

Впрочем, даже не эта мысль стала решающей. «А ведь если бы, когда я у Марины ночевала, – пришло в голову уже когда почти уснула в своей кровати, рядом с мужем, – эти эки подожгли бы! Мало ли людей сгорает. На керосинку бы свалили... И конец, и Настя – сирота!»

Аж села от страха. Била дрожь, между лопаток струился едкий пот...

Зимой Ольга часто ездила на такси. Поначалу сама над собой шутила: «Наши люди на работу на такси не ездят». Но это было и дешево – двести рублей в одну сторону, – и удобно: вызвал по телефону, и через десяток минут новенький теплый «форд» у самого подъезда, и еще минут через двадцать (если не попадешь в пробку, конечно) – у здания редакции...

Сегодня утро было морозное и ясное. Небо высокое, бледно-голубое. Лишь вдоль Енисея, который делил город надвое, – серая дымка. Она вечно там: Енисей даже в самые сильные морозы не замерзает. Выше по течению, в сорока километрах, – построенная в начале семидесятых электростанция. Вторая по мощности в России... Ольга помнит Енисей только таким, но

отец рассказывал, что раньше зимой полгорода выходило на лед кататься на коньках, в хоккей с мячом играли, строили снежные крепости, а летом купались. Теперь и зимой, и летом вода в Енисее ледяная, темная. Злая, избитая турбинами, очищенная от всего живого...

Ольга расплатилась с водителем, вошла в холл, показала охраннику пропуск. Поднялась на лифте на шестой этаж. Вышла и поморщилась, будто нырнула в пыль. Старые разваливающиеся шкафы, фанерные панели, рваные подшивки газет, какие-то коробки, рулоны... Все, что раньше помещалось на нескольких этажах, теперь сгруппировано здесь, в коридоре и восьми кабинетах. Только кабинет главного редактора, Андрея Ивановича, был относительно просторен – там проводились скучные и скорбные, погребальные летучки, переговоры с разными вроде бы влиятельными людьми о том, как возродить популярность газеты, вернуть утраченные помещения...

– Привет, – поздоровалась Ольга с Надеждой Антоновной, журналисткой пенсионного возраста, – с ней они сидели спина к спине; а вообще в кабинете было четыре рабочих места, и, если кто-то из коллег брал интервью по телефону, остальные не могли ничего делать, терпеливо или же ворча ждали, когда закончится.

Сейчас в кабинете находилась только Надежда Антоновна, листала какую-то книгу.

– А, привет, приве-ет, – со вздохом отозвалась она. – Давненько не появлялась.

– Я же в командировке была.

– А-а!.. И где?

– В Колпинске. И по району.

– И как там? Интересное что привезла? – В голосе Надежды Антоновны не слышалось интереса, и Ольга ответила только:

– Да так, ничего особенного.

– М-м, ну ладно. – И соседка по кабинету вернулась к листанию книги; Ольга заметила, что это «Тимур и его команда».

«Цитату, наверное, ищет». Надежда Антоновна специализировалась на проблемах социальной защиты.

Устроилась за своим столом, включила компьютер. Тот медленно стал загружаться, потрескивая и урча. Слушая эти звуки, знакомые и привычные, Ольга ощутила острое и резкое, до подташнивания отвращение и к этому старому компу, и к кабинету, и к сослуживцам.

Она удивилась, зачем включила компьютер. Ведь надо было вместо этого достать из принтера лист бумаги и написать заявление. Протянуть главреду, извиниться, что «вот так», выгребсти из ящика стола личные вещи и уехать. А завтра – в редакцию «Вернисажа».

«Не все так просто, – усмехнулась над этими мыслями, – не все-о». Да, не так просто уволиться, не так просто устроиться... Или просто?..

– Надежда Антоновна, – спросила, – не знаете, Андрей Иванович у себя?

– А он вряд ли будет сегодня.

– Да?.. Заболел?

– Да нет, на встречу поехал. По поводу здания. Сказал, чтоб сегодня не ждали.

Ну вот и первое же препятствие. Конечно, можно пойти к заму или к директору, к ответ-секу, положить заявление кому-то из них. Но это будет нехорошо. Нужно главному. Он двадцать лет назад брал ее на работу, он пусть и отпускает...

«А крысы пусть уходят с корабля!» – бухнуло вдруг в голове из песни Высоцкого, и Ольга поежилась, будто это сказали ей на самом деле...

Нет, глупости! Неправда! Ничего она не как крыса. Просто в жизни нужно что-то менять, а то совсем... Совсем плесенью израстешь. Двадцать лет, двадцать непростых для газеты лет она была здесь...

Так, необходимо чем-то заняться. Заняться и не мучиться. Появится Андрей Иванович, тогда и скажет. Он поймет.

Ольга сделала себе чай из пакетика и вернулась к компьютеру. Открыла почту. Первое же письмо было от бывшей жительницы Большакова Тамары Акуловой.

«Здравствуйте, Ольга Борисовна! Посмотрите, на что мы наткнулись вчера на сайте района! Читали всей семьей. Возмущению и изумлению нашему нет предела! Что это?!» И дальше ссылка на материал.

Ольга кликнула. Ссылка развернулась в текст под названием «Генеральный план муниципального образования Большаковского сельсовета». А ниже – ниточки мелкого шрифта... Пришлось очки надеть.

«Генеральный план разработан на перспективу до 2030 г.

Генеральный план является долгосрочной стратегической программой развития поселения на перспективу, а также основой для разработки правил землепользования и застройки, проектов планировки и межевания отдельных территорий поселения, транспортных и инженерных схем.

Решения генерального плана направлены на обеспечение безопасного устойчивого развития территории муниципального образования Большаковского сельсовета, на повышение качества жизни населения посредством реализации предусмотренных мероприятий по развитию социальной, транспортной, коммунальной инфраструктур, улучшения экологической ситуации.

Архитектурно-планировочная организация территории села Большаково основана на четком функциональном зонировании, учете существующей капитальной застройки, а также региональных градостроительных условий (природных условий, типа застройки, национальных традиций, бытовых условий) и обеспечивает:

- рациональное использование территории путем целесообразного размещения основных групп зданий и сооружений, функционально связанных между собой;

- создание оптимальных условий для жизни, отдыха и производственной деятельности жителей поселка.

В основу планировочной структуры положены положительные стороны сложившейся застройки, взаимоувязанное размещение нового строительства с сохраняемой застройкой и требования организации единого архитектурно-планировочного комплекса, отвечающего современным принципам планировки и застройки.

Селитебная зона выполнена компактно.

Вновь застраиваемая жилая зона предусматривается в западной части села на свободных территориях.

Жилую зону предлагается застраивать индивидуальными жилыми домами с приусадебными участками. Планируется проложить новые улицы в проектируемой зоне жилой застройки.

Коттеджная застройка в современных условиях – самое перспективное направление строительства, т. к. при низких темпах жилищного строительства дает возможность населению самостоятельно решать проблему обеспеченности жильем.

Планируется упорядочение сложившегося функционального зонирования территории, сети улиц и проездов».

Ольга читала, цеплялась взглядом за строчки и чувствовала, что словно бы уносится куда-то, проваливается и выныривает... Бывало с ней подобное и раньше – идешь по тротуару, и он вдруг становится мягким, как матрац, и куда-то съезжает. Но это случалось от усталости, от жары. А сейчас...

«Так как общественно-деловой центр села развит достаточно хорошо, проектом сохраняется существующее его положение и предусматривается строительство поликлиники и дома культуры.

Вне территории села расположится пассажирский и паромный причал к северу от села (0,674 га).

В основу планировочной структуры положены положительные стороны сложившейся застройки, взаимоувязанное размещение нового строительства с сохраняемой застройкой и требования организации единого архитектурно-планировочного комплекса, отвечающего современным принципам планировки и застройки.

Предлагается вести застройку малоэтажными зданиями в капитальном исполнении с полным благоустройством. Вдоль жилой застройки проектом предусмотрены скверы для отдыха и прогулок. Основное внимание уделяется повышению уровня социально-экономического развития, повышению комфортности проживания».

– Что за бред-то такой?! – не выдержала Ольга, и тут же за спиной – голос Надежды Антоновны:

– А? Что случилось?

– Да нет-нет, ничего... Так.

«И кто это автор? – Ольга покрутила колесико мышки. – “Крайлеспроектстрой”. Интересно...»

Документ оказался огромным, в нем не только про Большаково, но и про остальные почти уже уничтоженные села района: Кутай, Пылёво, Проклово, Усово... В конце «генерального плана» Большакова – жизнеутверждающее заключение:

«Градостроительная стратегия направлена на формирование Большаковского сельсовета как развитого социально-экономического поселения. Стратегической целью развития Большаковского сельсовета является повышение качества жизни населения, развитие его экономической базы, обеспечение устойчивого функционирования всего хозяйственного комплекса и социальной сферы».

«Но, может, – пришла Ольге мысль-спасение от подступающего помутнения, – это какой-нибудь старый план? До возобновления строительства ГЭС».

Нет, за заключением – длиннющий список: «Нормы законодательства, используемые при разработке Генерального плана». Почти восемьдесят ссылок. И – главное – даты: есть кодексы, законы, правила, постановления, в том числе 2007-го, 2008-го и даже 2009-го. 2009 год, когда в Большакове начали рушить дома!

Свернула план, набрала в «Яндексе»: «Крайлес-проектстрой». Мельком отметила абсурдность названия организации. «При чем здесь “лес”? Как сочетается “лес” и “строй”?»

Первая ссылка была «Краевой бизнес-портал».

Так, что там... ОАО «Крайлеспроектстрой»... Ниже какие-то явно рекламные анонсы: «Топографо-геодезические работы», «Продажа земли от 1 га», «Песни Михаила Круга»... Это вряд ли от «Крайлеса»... А вот и контакты. Телефон, электронная почта, веб-сайт, адрес.

Кликнула веб-сайт, и выскочило: «Ошибка 502. Сервис не отвечает».

– Ясно. – Ольга стала искать, кто руководит этим ОАО.

– Приветик! – влетела в кабинет молодая журналистка Саша. – О, Оль, приехала? Как делишки?

– Так... Привет... Тянется.

Захотелось поделиться новостью – что вот по-явился такой генплан развития затопляемых деревень. Удержалась. Пока будет рассказывать, время уйдет. Тут надо быстро действовать. Еще возьмут и уберут этот план, и будет вместо него тоже висеть: «Ошибка такая-то».

Скопировала генплан на «рабочий стол». Продолжила искать фамилии руководства «Крайлеса».

– Информашки нужны, а то на вторую полосу совсем ставить нечего, – усаживаясь, говорила Саша. – И как назло, никаких особых событий... Все утро радио слушала.

Так, кажется, нашла. Директор – Александр Григорьевич Конев.

Городской телефон был в кабинете один на всех. Находился на столе Надежды Антоновны. Специально поставили ей – вроде как уважение старейшей сотруднице, а на самом деле спихнули на нее бремя отвечать на звонки. А отвечать Надежде Антоновне, кстати, нравилось – она разговаривала солидно, как начальница, старалась вникнуть в проблему, обещала помочь, но чаще всего тут же переключалась на другое, забывала об обещании. Впрочем, если звонок касался ее любимой социальной защиты и звонил пенсионер, Надежда Антоновна загоралась всерьез...

– Разрешите? – Ольга взяла аппарат, перенесла к себе. Набрала на бумажке несколько вопросов, подготовила диктофон и набрала номер.

– Да-а? – приятный женский голос.

– Здравствуйте! Вас беспокоит Ольга Семенихина, газета «Голос рабочего». С Александром Григорьевичем можно связаться?

– А по какому вопросу? – голос стал не таким приятным.

– По вопросу одной публикации.

– Гм... А что за публикация?

Говорить в лоб, что ее интересует генплан, – значит практически распрощаться с возможностью встречи с директором. И вообще надо было по-другому начинать... И Ольга несколько неловко, но все-таки вывернулась:

– Хотим сделать публикацию в газете – интервью с Александром Григорьевичем о «Край-леспроектстрое». Такая заметная организация...

– По-моему, вовсе незаметная, – не согласилась женщина на том конце провода. – Скромно делаем свое дело.

– Да, конечно. Тем интереснее узнать...

– М-м... Я даже не знаю... У Александра Григорьевича сейчас совещание...

– А когда примерно он освободится?

– Освободится... – Женщина явно замешкалась. – Часа через два, думаю.

Ольга чувствовала, что теперь нужно давить:

– А потом он может уделить мне полчаса? У нас сдача номера завтра. Хотелось бы не затягивать.

– Вряд ли у него получится...

– Ясно... А с кем я разговариваю в таком случае? Представьтесь, пожалуйста.

– Зачем?

– Мне нужно отчитаться перед главным редактором, почему и кто отказал. Я ведь не по личному вопросу звоню, а по заданию редактора старейшей газеты края...

– Минуточку... – И в трубке заиграла нежная музыка. То ли Моцарт, то ли Чайковский...

Ольга отвела трубку от уха, огляделась. Надежда Антоновна, раздраженно сопя, писала на бумаге – она всегда сначала писала от руки, а потом набирала на компьютере, Саша шлепала клавишами, уши были закупорены наушниками. Четвертая их сослуживица, Эля, до сих пор не появилась. Может, где-то по работе или узнала, что главного не будет, и тоже решила не приходить.

– Алло, – женский голос оборвал музыку.

– Да-да, слушаю вас внимательно!

– Александр Григорьевич может принять вас в четырнадцать тридцать. В пятнадцать у него еще одно совещание... Полчаса вам хватит?

– Вполне.

– Адрес знаете?

– Если улица Робеспьера, то, наверное, да.

– Робеспьера, тридцать семь... Паспорт не забудьте.

До назначенного времени оставалось сорок минут, и хоть офис «Крайлеса» находился недалеко, нужно было поторапливаться.

Ольга выключила компьютер, еще раз проверила диктофон. Удостоверение на месте...

– Так, вроде бы всё, – выдохнула, надевая дубленку. – Я на интервью.

Ей не ответили.

«Надо будет осторожно начать, – обдумывала тактику, – про цели, про достижения... Если сразу про генплан – закроется». И в то же время мысль крутилась вокруг того, как вообще этот генплан мог появиться на официальном сайте района. Как? Это будто провокация какая-то, чтоб увидели, прочитали и взбунтовались. Ведь нету, нету уже этих Большакова, Кутая, Пылёва. Расселили, сожгли, сняли с балансов, а им сулят такое будущее: поликлиники, дома культуры, коттеджи, скверы... Что это? Бред, абсурд стопроцентный. Такое специально и не придумаешь...

Спустилась на лифте и в холле столкнулась с главным редактором. В прямом смысле – ткнулась в него.

– Простите, – бесцветно сказал главный, кажется, не узнав Ольгу; он выглядел совсем потеряннным.

– Здравствуйте, Андрей Иванович! Это вы меня извините – несусь, как эта...

– А, Оля. Вернулась?

– Да... Я на интервью. Представляете!.. – И она коротко рассказала о генплане развития переставших существовать сел. – Я уже и название придумала – «Миражи на дне».

– Да, интересно... интересно, – качал головой Андрей Иванович. – Только, боюсь, ничего особенного собеседник тебе не скажет.

– Почему?

– Скажет, что они исполнители, что стали разрабатывать план несколько лет назад...

– И что, – Ольге стало обидно до слез, словно ей сказали, что она идиотка, – что, не ходить?

– Нет, иди, конечно! Это интервью только началом должно стать. – Главный неожиданно оживился. – Сейчас надо выяснить, кто заказчик, бывал ли сам этот директор в районе, сколько им заплатили за разработку... Без краевой власти тут вряд ли обошлось... Надо их долбить, пока они нас не добились. Беги, Оленька, давай.

– Да! – И Ольга побежала.

Глава шестая. На новом месте

В квартире Алексей Брюханов не курил. По осени, до морозов, выходил на лоджию, жался там на свободном пятачке в окружении коробок и мешков, торопливо вызобывал сигарету, давил окурочек в старой кружке, заменяющей пепельницу. Возвращался в комнату, наталкивался на недовольные взгляды жены или дочери.

Однажды жена не выдержала:

– Дует, как в трубу прямо. Простынем ведь. И ты простынешь – в рубахе вон...

Алексей не стал спорить, просто, когда снова захотелось курить, отправился с кружкой на площадку.

Постоял, соображая, где бы лучше пристроиться. У двери не надо – что толку, что вышел, – все обратно в квартиру затащит. Да и соседские двери рядом. Дальше – мусоропровод, но напротив него – лифт. Тоже неудобно. Вышел на лестницу. Поставил кружку на ступеньку, сел рядом. Достал сигарету, щелкнул зажигалкой.

Бетонная ступенька тянула холодом. «Плашечку бы подложить. Хм, но ее сперва найти надо».

Пересел на корточки. Смотрел в окно. Окно было мутное, видно мало что. Тем более седьмой этаж. Но если даже подняться и подойти к стеклу, то и тогда ничего интересного: внизу – лента улицы Маяковского, напротив – обшитые сайдингом двухэтажные бараки-деревяшки. За деревяшками – пятиэтажные дома...

В деревяшках живут в основном семьи тех, кто первым приехал сюда готовить место под электростанцию. В пятиэтажках – семьи специалистов, служащих. А им вот – как их тут прозвали, утопленникам – отгрохали девятиэтажный дом. И не один... Ясно, что переселенцев в Колпинске не очень-то полюбили. Им, дескать, лучшее, для них создают или выискивают рабочие места, их жалобы и претензии пытаются решить хоть и не в срочном порядке, но в первую очередь. И это за счет уменьшения внимания к тем, кто родился здесь или живет десять, двадцать лет. Гниль деревяшек прикрыли, и типа – всё в порядке...

Не раз Брюханов слышал от разного рода начальников обращенное к местным: «У меня переселенцы!» Мол, не до вас сейчас.

Хм, а переселенцам – наоборот: «У меня с местными проблем по горло!» Удобная тактика, конечно...

Брюхановым повезло. Алексей без больших напрягов нашел работу – электромонтером на Колпинском лесоперерабатывающем комплексе. Жена, Елена, которая в деревне не работала лет пять (негде было), здесь устроилась в строймаркет «Фортуна» кассиром торгового зала. Дочь перешла в седьмой класс, и с ней оказалось четверо ребят из родной школы в Пылёве. Так что не шибко-то тяжело должна втягиваться... Хотя что значит «не шибко тяжело», «повезло»...

Искусственный город, возникший из-за ГЭС, – на высоком неудобном месте, вдалеке от реки, от тайги. Стоит на голом взлобке, открытом ветрам. Не чувствуешь здесь защиты гор, деревьев, что была в деревнях. Деревни ставили в укромных местах, спокойных, удобных. Подолгу, годами, выбирали, изучали, где лучше селиться, а если понимали, что ошиблись, переносили срубы. А как тут? Девятиэтажки не перенесешь.

Сколько по Сибири понастроено в последние полвека городов, поселков и сколько брошено... Стоят теперь в болотах, в тундре облупившиеся много-этажные дома, ржавеют трубы котельных, качели на детских площадках, обваливаются памятники, крошится асфальт тротуаров. Кромешная тишина, какой и в самой глухой тайге не услышишь; а если заскрипит где висящий на последнем гвозде лист жести, то станет еще тошнее...

А ведь когда-то думали, что селятся там навсегда, обживая дикое место, убеждали себя, что необходимо быть здесь, работать для родины, что в их-то городке будет все справедливо, по уму и совести, со смыслом. Не как у других.

Но кончился деловой лес, иссякло золото, не нужен стал асбест, или кобальт, или уголь, просчитались с богатством залежей нефти, поменялись планы военных, и городок становился лишним. И прекращал существовать.

Так же, был уверен Алексей, рано или поздно произойдет с Колпинском. Сейчас растет, бухнет, как огурец в горящем парнике, но вот прогорит назём, и огурец на холодном воздухе скукожится, зачахнет... Уже идут обсуждения, куда деть все эти тысячи, занятые на строительстве электростанции. Куда деть, чем занять...

Кто-то будет строить алюминиевый завод неподалеку, кто-то переедет ниже по реке двигать новую станцию, новую «гидру», как у них говорят. Кто-то вернется на свою родину. А остальные – то большинство, что пустило здесь корни, у кого дети, кто устал мотаться по стране?

Лесоперерабатывающий комплекс, куда устроился Алексей, создали два года назад специально для того, чтобы людям, в основном переселенцам, было где работать, а на самом деле он убыточный, по крайней мере пока... Сначала, услышав про это, Алексей не поверил, но через какое-то время, когда рабочие стали возмущаться задержкой зарплаты, им объяснили, кто они такие и чего стоит их труд.

– Из милости, получается, работаем, – усмехались мужики после собрания. – Пустоту делать поставили, чтоб чем-нибудь занимались.

Это людей, конечно, оскорбило, труд потерял смысл, и многие собрались увольняться. Поискали, куда бы перейти, и не нашли. Город был перегружен населением, почти четверть взрослых сидела на пособиях.

– Советовали в Железногорск ехать – у меня ж техникум, – а я, дурак, – «родина, родина», – жалел теперь Даня Заборцев, молодой женатый парень, уроженец деревеньки Косой Бык. – В Железногорске, говорят, с работой приемлемо.

– Угу, приемлемо, – отвечали ему. – Забастовки там.

– Да это не в нашем Железногорске! В иркутском. В нашем всё чики-чики: закрытый город, льготы, внимание.

– Вот именно – закрытый. Туда не каждого пустят.

Даня от этого замечания сразу приосанился и ответил:

– Я и есть не каждый. Меня для этого четыре года учили. – Но тут же его плечи снова повисли. – А вот приходится... Жена всего затыркала: денег мало, сама без работы, квартира, как картонка... И соседи всё собачатся.

– А кто соседи? – спросил Брюханов.

– Устряловы. Димка с Маринкой. Из Большакова. Не знаешь?

Брюханов пожал плечами: может, и знал, но не помнил сейчас.

– Ребенок у них, года три. А сами – вот-вот раз-ведутся. Всё к тому... Да и мы с Анькой на грани... Бляха, детей жалко.

Брюханов сочувственно качал головой, а сам думал о своей семье.

У них тоже трещина за трещиной. Без криков, скандалов, медленно, но явно разваливается семья. Там, в деревне, случались разные ситуации, переживали сложные периоды, но были одним целым: муж, жена, дочка. А здесь всё сильнее разделяются на трех отдельных людей. По вечерам и в выходные томятся вместе в этой квартирке, раздражают друг друга, друг другу мешают.

Еще недавно Алексей жалел, что нет у него сына, сейчас же не то чтобы радовался этому, а с каким-то трусливым страхом представлял, что бы было, если бы у них было двое, трое, четверо детей. И дело не в двух комнатах – их могло бы быть и четыре, но все равно тесно,

неуютно, неудобно. Так бы слонялись из угла в угол или таращились тупо в телевизор. Только не втроем, а вчетвером, впятером.

На родине, в Пылёве, большую часть времени проводили на воздухе; даже зимой находились дела в ограде. Ребятишки по полдня играли на промерзшей до дна пабереге, есть не загонишь. Здесь же оказались словно заперты в квартире, и, главное, покидать ее не хотелось. На работу, в школу отправлялись через силу; долго собирались, проверяли, не забыли ли чего, всячески оттягивали момент выхода за дверь, вызова лифта... И не то чтобы город пугал, но неприятно, неловко, нехорошо было там. А в квартире тесно, муторно... «Привыкнем, – успокаивал себя, заклинал Брюханов. – Привыкнем».

Но вот минул почти год, как переехали, и что-то не привыкалось. Наоборот, тоска только росла, все большее царапала. Самое страшное – всем троим снилось и снилось их Пылёво. А уж сны не закажешь, не выберешь, нежелательные не остановишь. Не переключишь на другое, как канал телевизора... И после таких ночей просыпались бессильные, усталые, будто высохшие...

Дочка из школы скорей возвращалась домой, сидела на диване без дела. Просила купить компьютер, провести Интернет.

– Ну хоть немного огоимся тут и купим, – отвечала жена. – Тебе тахту купить надо, а то эта кровать – гамак какой-то уже... Надо было ту бабушкину забрать...

– Мне и так удобно.

– Удобно! Сутулой станешь, как Даша Бакова, и что делать с тобой?.. Вообще ничего не хватает. – Елена начинала оглядываться. – Чегохватишься – нет. Говорила же, а мне: «Да там купим, дешевле купить, чем везти».

Алексей понимал, что упрёки относятся к нему, но отмалчивался. Действительно, многое он настоял не брать, а теперь этого и недоставало. И купить – то денег нет, то попросту не находится в магазинах. Но, с другой стороны, куда тут всё влезет? Зато представлявшееся нужным, важным оказалось на новом месте громоздким хламом.

Кое-как придали квартире жилой вид, но лоджия всё забита – даже в солнечную погоду, если свет не включать, в большой комнате сумрак. И ни сарая, ни чердака... Добивались тут, чтоб в подвал пустили.

– Подвал технический, – ответили в жэке, – для складирования не предназначен.

И как хочешь, так и распахивай всю эту трехмундию! Поэтому и бросали, оставляли многое из того, что вроде как не особенно нужно. К тому же, хоть и подсознательно, было желание начать жить в городе с чистого листа. Если уж оказались в городе, то и квартиру обставить по-городскому. Вот и приходилось приобретать то одно, то другое...

– У вас же в школе компьютеры есть, – вспоминал Алексей.

– Не хочу в школе.

– Ну, в деревне в школе сидела, домой не дозовешься.

– А тут не хочу.

– Что, – старался угадать Алексей, – дразнят тебя, что ли?

Вполне могли дразнить, подшучивать. Во-первых, новенькая, а во-вторых, из другого мира. Вроде тот же район, но разница большая между городом и деревенькой за триста с лишним километров вверх по реке. Даже язык отличается. Алексей не раз, сказав привычное ему словцо, ловил недоуменно-насмешливые взгляды некоторых колпинцев. Иногда просили объяснить, что значит, к примеру, «каржавее», «подкурни», и он не сразу находил слова, близкие по значению:

– Ну как... каржавее, это... ну, грязнеет... Не грязнеет, а пылью покрывается... Такой, как коркой... Подкурни?.. Это так вот, пригнувшись, пройди... снизу...

В деревне часто нужно было говорить быстро и коротко, чтобы одно слово заменяло собой несколько. Разгружают кузов леса, и необходимо предупредить кого-нибудь, что сей-

час его может задеть стволом, вот и кричишь: «Подкурни!» И тот, стоя спиной, нагибается, делает шаг в сторону. Крикнешь: «Пригнись!» – пригнется, но не отшагнет и вполне получит по затылку... Или – висит белье во дворе, а соседи за забором чего-то трусят, пыль столбом. А может, вихрь налетел. Вбегаешь в избу и говоришь жене: «Постирушки снимай – закаржавеют!» И жене моментом становится все понятно.

И вот, допустим, сказала дочка незнакомое остальным слово, и ее начали поддразнивать, подшучивать, кличку какую-нибудь прилепили. «Каржава», «Подкурка», «Шляча»...

– Да никто не дразнит, – отводила глаза дочка. – Не хочу просто. Неинтересно там.

– Не пускают, что ли, к компьютеру?

– Пускают. – Щеки ее стали краснеть, и Алексей не мог понять, то ли она не признается и досадует, что отец догадался, то ли сердится, что он подозревает ее в слабости, в том, что позволяет над собой смеяться, не давать посидеть за компьютером в неведомом ему, Алексею, Интернете.

– Пускают, – выдавила. – Просто – не хочу там. И всё.

– А ребята как? – Он перечислил земляков. – Учатся? Нормально?

– Так... – Но дочка тут же спохватилась, поправилась: – Да нормально вообще-то.

У нее самой оценки были неплохие, у учителей никаких замечаний. Правда, единственное: «Немного замкнутая, но, наверное, адаптируется, привыкнет».

«Привыкнет, – слушая вернувшуюся с родительского собрания жену, повторял про себя, как спасение, Алексей. – Привыкнет... привыкнем. Куда деваться?»

Успокаивался и мыслью, что дочка необщительная такая из-за возраста. Тринадцать лет, переходный возраст... Да и раньше, в деревне, они по душам разговаривали не часто – как-то само собой шло и шло. У каждого были свои обязанности, не исполняя которые, каждый, даже семилетний ребенок, понимал: жизнь будет хуже, стол беднее. И главное, каждый друг без друга не мог, поэтому даже если ругались, то коротко – необходимо было продолжать общее дело. Хоть и занимаясь своим, но все-таки общим. А здесь можно, по существу, и не замечать друг друга. Еда хоть какая-то в холодильнике найдется, батареи теплые, вода в кранах...

Вот так медленно, постепенно Брюхановы становились чужими. Даже ели вместе нечасто: у каждого свой распорядок жизни.

Алексей тяготился тем, что дочка не отвечает на его вопросы искренне, все дуется чего-то, глаза отводит. Не в одном же компьютере дело... Но однажды она спросила его, и Алексей, услышав вопрос, так же, как и она недавно, отвел глаза, не зная, что и как ответить. И почувствовал, как скулы запекло прилившей кровью.

Сидели в большой комнате вдвоем, жена была то ли в ванной, то ли на кухне, тихо бубнил телевизор, на экране мелькали картинки. И дочка спросила:

– А почему вы не стали сопротивляться, когда сказали, чтоб уезжать?

Потом, вспоминая слова дочкиного вопроса, Алексей удивлялся, что сразу, мгновенно, понял смысл. Да и она не сформулировала понятнее, значит, была уверена, что отец поймет и так.

А ведь раньше, еще в Пылёве, ни разу не заговаривали об этом. Сосредоточенно собирали вещи, заботились о том, где бы достать побольше коробок, ящиков (у продавщиц на несколько месяцев была очередь за пустой тарой расписана), мешков. Потом съездили все втроем в город, осмотрели эту квартиру на седьмом этаже. Порадовались, что вроде бы никакого брака, и комнаты просторные, лоджия застекленная, кухня удобная, унитаз работает... Дочка сразу стала представлять, где в своей комнате что поставит...

Потом переезд, затем утрюмость. А теперь – такой вопрос.

– И как ты представляешь это сопротивление? – сказал Алексей, понимая, что отвечать вопросом неправильно. – Закрыться в избе и не пускать?

– Ну, не знаю. Подписи же, бывает, собирают, протестуют... Вон в Москве постоянно митинги.

– В Москве – да. В Москве Кремль... А нас тут кто заметит... Ездил делегация, кого обманули, в Красноярск, даже на заседание законодателей пробрались. Их выслушали и выставили... И ничего. – Но дочка спросила о другом – не о проблемах с переселением, а о самом переселении. – Почему стали переселяться?.. – Нужно было ответить, даже уже не столько дочке ответить, сколько себе самому. – Если бы электростанцию лет десять назад строить начали, народ бы поднялся, скорее всего. А так – я вот как себя помню, с самого моего детства, то и дело говорили, что вот-вот придется нам уезжать. И тогда многие уехали, многие хотели уехать... В город верили тогда, и города были другими... Центры культурной жизни, прогресса... Да и, – вздохнул Алексей, – не поспоришь в советское время. Как это спорить – ведь всё для страны, для народа. Кто спорит, значит, враг... Но дело тянулось – то строили, то бросали, то насильно переселяли, то говорили «живите», то один уровень водохранилища, то другой. Новый Кутай начали ставить, Новое Большаково, потом оказывалось, что и их затопит... Из людей за эти тридцать лет всю душу вытянули. И добились, что мы сюда как на крыльях прилетели. Людям нужна определенность хоть какая-то.

Замолчал, понимая, что ответил не очень-то складно. И тут же – новый вопрос:

– А правда, что ГЭС одному человеку принадлежит?

– Какому одному?

– Ну, этому, олигарху... Как его?..

– Баняске-то?

– Ну да!

– Нет, не совсем. Там у них и государственная часть, и... частная... Баняско по алюминию у нас... ну, в стране главный, и как раз завод строят сейчас... Поначалу и Чубайс участвовал, когда энергетикой руководил... Вообще, где частное, а где страны – не разберешься. Как специально запутали, чтоб концов не найти.

«Не надо девчонке мозги засорять», – остановил себя, а вернее, сам не знал, что толком говорить, как объяснить ей то, в чем сам не разобрался и вряд ли разберется...

Да что он, электромонтер Алексей Брюханов, когда и премьер с вице-премьером разобратся не могут. С полгода назад показали в «Новостях» их разговор.

– Компания, которая управляет строительством ГЭС, оказывается, зарегистрирована на Кипре, – словно по секрету, но на камеры докладывал вице-премьер. – Она активно использует, скажем так, вексельные схемы в своей деятельности.

– И что вы предлагаете? – хмурясь, спросил премьер.

– Необходимо решить вопрос о перерегистрации в Российской Федерации.

– Решайте. Но нужно и наказать тех, кто способствовал выведению стратегического объекта со всеми юридическими правами за рубеж.

Вице-премьер быстро и мелко закивал:

– Мы готовим документы для передачи их в правоохранительные органы.

После этого известия люди в Колпинске слегка воодушевились, стали руки потирать: «Счас полетят воровские головушки». Особенно сильно ждали, что разберутся с миллиардером, алюминиевым королем Олегом Игоревичем Баняско. Не раз этого Баняско президент с премьером, не говоря уж про журналистов, ловили за руку на очень сомнительных, явно противозаконных делах. Но всё ему сходило – потупившись выслушает от руководителей государства нотацию, как нашкодивший школьник, и – дальше... Теперь, говорят, почти постоянно живет в Лондоне, оттуда управляет разбросанными по России комбинатами, заводами – империей Олега Баняско, – на родине лишний раз не появляется.

– Да кто его посадит, – не дождавшись скорой расправы, стали усмехаться одни. – Он же родственник Ельцина, член Семьи...

– И что? – не соглашались другие. – Время переменялось... Да вот Путин как его тогда при всех: «Подойдите сюда и подпишите, чтобы людям оставили работу, платили деньги. И ручку верните».

– А-а, цирк. Показуха.

– Нет, мужики, сейчас Путин снова президентом станет и разгонит всю эту шушеру. Крепко они в страну впились. Как клещи – с головой.

– Ну да. Тем более – не знает всех подробностей. Как тут с нами, например...

– Хе-хе, не знает... Может, и не знает. А что, когда из премьеров обратно в президенты придет – узнает?

– Так-то оно так...

Брюханов соглашался то с одними, то с другими. Но все-таки считал, суть не в том, что одних переселяли в нормальные квартиры, а других – в фанерки, которые сразу расплзаться стали, третьи же до сих пор без жилья – не попали в списки, выпали из списков, не захотели подписывать ордера на то, что им предлагали. Не в том тоже, что земли не дали – шесть соток под дачку и те надо покупать... Не в этом...

Главное, что мучило: разве нет других, новых способов добывать электроэнергию, кроме как строить плотины, затопливать тысячи гектаров земли? Атомные станции ругают, но ведь они все-таки разумней, чем вот это – то, что сделали у них. И их ГЭС не последняя, не доделка советского времени – собираются новую строить ниже по реке. И снова, значит, будут топить огромные территории, переселять людей, вырубать, жечь, бросать, судиться.

Но большинство не заглядывает в причину – большинство ругает следствие коренной ошибки. Или как это назвать? Как назвать уничтожение части страны? И если подсчитать, сколько затоплено, утоплено земли их каскадом ГЭС, Волжским каскадом, Енисейским, на Оби, на Каме, на Дону, то ведь наверняка окажется, что в целом покрыта рукотворными морями какая-то очень немалая часть России. Одна пятидесятая, одна семидесятая... Да, права дочь – надо купить компьютер, провести Интернет. Там, говорят, про всё написано.

Но даже если не так много проглотили эти водохранилища земли в километрах, то уж точно погублена лучшая земля. В их районе и в соседних люди жили в основном в низинах вдоль рек, на островах были пахоты, на побережье сено косили, пасли скот. А сейчас глянешь – от истока до их плотины на протяжении тысячи километров почти не осталось природного берега. Все пашни, луга, покотины похоронены под водой. И теперь берегами стали склоны гор, топи и болота, гнилая тайга. А люди существуют в искусственных городах и поселках, вдали от то и дело меняющих свой уровень из-за сброса воды, набора воды запертых рек, на камнях или глине. И если в магазины не завезут в течение недели продуктов или на месяц задержат зарплаты, начнется голод. Запасы делать не из чего, да и хранить негде...

Летом две тысячи девятого года, когда еще деревни стояли почти целые и народ оставался, по реке проплывали писатели. Среди них был и тот, что когда-то, во времена развитого социализма с его всесоюзными, всенародными ударными стройками, написал книгу о затоплении родных ему земель в этих же краях, на этой же реке. Там в семидесятые воздвигли станцию и возникло водохранилище, поглотившее несколько деревень, заставившее жителей перебраться на новые, неудобные, неуютные места. Та ГЭС стала третьей в каскаде, их – четвертая...

Алексей читал эту книгу еще школьником, и тогда горе ее героев не очень задело. Да и что может по-настоящему задеть человека лет в четырнадцать-пятнадцать? Наверное, лишь свои переживания, личные... Наоборот, он слегка завидовал переселяемым – хотелось уехать из маленького, забытого богом Пылёва.

Второй раз прочитал ту книгу лет пять назад, когда переселение стало делом решенным. Читал и поражался: как после нее, так зримо показавшей ту уже давнюю трагедию, такая же трагедия вот-вот повторится? И чем объяснить, что, с одной стороны, этому писателю именно

за эту книгу продолжают давать государственные премии, называть его нашей совестью, а с другой – строить новую, но точно такую же электростанцию, водохранилище которой уничтожит еще несколько деревень, а их жителей превратит из хозяев в унылых квартирантов?.. Вот президент благодарит писателя за его смелую правду, за нравственность и духовность, жмет ему руку своей – той рукой, которой подписал документы, что велят к такому-то сроку очистить деревни от людей, избы сжечь, лес вырубить, кладбища сровнять с землей и оставшееся отправить под воду. И все это для того, чтобы вырабатывать электрический ток... Неужели нельзя было за тридцать с лишним лет изобрести, как по-другому его вырабатывать?

В школе учительница часто повторяла: «Литература учит. Учит, как надо, а как не надо, что хорошо, что плохо».

Да, может, и учит, да толку-то... Внутри себя человек может быть сколько угодно и честным, и правильным, и справедливым, а обстоятельства постоянно заставляют его поступать против совести и убеждений. Хм, есть такая невеселая шутка: «Трудно быть человеком – люди мешают».

Писатели в тот раз целый день бродили по улицам, заходили во дворы, в избы, слушали людей, кивали, сочувствующе вздыхали. Написавший книгу про свою затопленную родину всё потирал глаза, кривил, как от боли, лицо. Молчал... Словно на место скорого природного бедствия они приехали, осматривали то, что должно быть вот-вот уничтожено каким-нибудь ураганом, цунами. Но ведь не природное бедствие надвигалось на деревню и на весь этот край, а рукотворное. Остановимое.

Если всем дружно заявить: «Нельзя!» – оно не случится.

Но никто из писателей, сочувствуя, сострадая, не взял и не сказал: «А давайте не уйдем. Останемся. Не имеют они человеческого права гнать людей со своей родины». Может, и глупо, и наверняка бесполезно, но чего-то такого большинство пылёвцев ждали. Заверяли писателей, что не хотят уезжать, не видят себя не здесь. Даже желающие перебраться в город на людях выражались осторожно:

– Интересно бы, конечно, пожить благоустроенно, но жалко это все... Ведь канет навечно.

Некоторые выкрикивали в отчаянии:

– На что нам кормиться?! Тут хоть картошки нарбостим, рыбы поймаем, куриц держим... свиней. А там? Перемерем ведь с голоду-у!

Ирина Кайхер, социальный специалист, объясняла гостям, что это не просто эмоции:

– Тем, кто работал здесь в совхозе, выделены пайи по двенадцать гектаров. У кого дом в частной собственности – жилье обещают предоставить в частную собственность... И это – всё. Ни земли не обещают, ни работы. А у большинства, да почти у всех, никаких сбережений – не из чего копить. Бросают людей, как в пропасть.

Писатели кивали, явно искренне разделяя боль, но отмалчивались. Не замечали или не хотели, боялись замечать, как надеются местные услышать от них нужные слова. Даже вопросы задавали скупно.

Лишь один раз – по крайней мере, при Алексее, – старый писатель спросил о том, что могло бы взорвать людей:

– А если откажетесь выезжать?

– Да, мы этот вопрос поднимали, – сказала Ирина. – Нам ответили, что оценят на глаз избы, усадьбу, дадут на руки сколько там посчитают нужным – пятьдесят тысяч, семьдесят – и насильно посадят на паром, отвезут до города, а там дальше – как хочешь.

– Но ведь это незаконно! – возмутился другой писатель, полный, в очках.

– Да уж наверное незаконно. Надеемся, до этого не дойдет, но все равно... Как люди жить будут, на что – я не знаю.

– Оккупация! – плачуше выкрикнул третий гость, с седой острой бородкой. – Пришел враг! Будто при оккупационном режиме...

Старый писатель сморщил свое плоское челдонское лицо, отозвался:

– Не в этом дело, Валя, не в этом... Если бы Россия была одна на этой земле, то можно было бы миновать. Но когда пошла такая гонка, что уж было делать? Пришлось соглашаться с этим со всем и заваливать реки, пускать ракеты, поливать землю бетоном...

Вечером писатели сели в катер и отправились в Кутай, бывший райцентр, где еще работала заежка. А совсем недавно, уже здесь, в квартире, Алексей случайно увидел старого писателя по телевизору.

– Народ отступился, – журчал его тихий, бессильно лепечущий голос. – Если раньше он отступался, то ненадолго. Он брал себя в руки. А тут он не захотел уже. Он устал.

Алексей рассердился:

– Да не устал! Не устал, а запутался. Что нам делать было? Скажите!

Посмотрел на экран, на изрезанное глубокими, как рубцы, морщинами лицо писателя, ожидая ответа. Но тот журчал о другом:

– Сейчас, мне кажется, обречен весь мир. Подошло время негодности этого мира.

И такие слова пригасили негодование; стало жалко старика, доживающего с такой уверенностью. В негодность мира Алексей уж точно не верил, на-оборот, считал, что мир становится лучше и лучше, и если бы воплощать все изобретения, применять достижения, то жилось бы вообще отлично. Пока же люди из-за лени или жадности ведут себя на Земле, как бандиты, прилетевшие с другой планеты. Высосут эту и вернутся обратно, на какую-нибудь свою Альфу Центавру.

Но скоро человечество одумается и поймет, что Земля – родная и единственная, не надо губить ее, нельзя так бешено выкачивать нефть и газ, косить леса. Одумается, станет беречь Землю и самих себя, своих потомков.

Писателя понять, конечно, можно – часто Алексей наблюдал, как чувствующие близкую смерть озлобляются на всё вокруг, разругиваются с детьми, не хотят никого близкого видеть, зато могут первым встречным излить душу. Так, видно, и здесь: «Мир обречен... негодность этого мира...»

Теперь, после вопроса дочки, почему не сопротивлялись, Алексей не раз вспоминал о том писательском визите. И ведь действительно, призови они, уважаемые, известные на всю страну люди не выезжать, остаться там – «Где у вас свободная избушка? Мы с вами!» – большая часть людей поддержала бы. Кто-то бы, конечно, уехал, но в основном остались. Только и ждали чего-то такого, какого-то подобного слова, поступка... И увидел бы тогда старый писатель, что не отступился народ. Поддержал бы и Кутай (а там тысячи три жило), Сергушкино, Проклово, Усово, Большаково...

Брюханов ярко, до мурашек, представлял это почти восстание и тут же хмыкал над собой, но от этих хмыков картинки становились только отчетливей, как-то слаще... В детстве любил фантазировать, и вот на пятом десятке вернулось.

Порой он вполне серьезно рассуждал: «Заяви они, что остаются в деревне, и там бы, наверху, перепугались. Такие люди, а готовы с народом... И ведь можно было если не спасти Пылёво, Кутай, то хотя бы под это участки выбить, условия лучше... компенсаций добиться».

– Тьфу! – отплеывался; вместо сладости мечтаний, в которых он сам и остальные были героями, готовыми держаться на своей земле до последнего, стало муторно, как только появились мысли-расчеты, корысть.

Но корысть ли – клочок земли под огород, баньку, сарай?.. Хотя было бы куда сунуться. В земле поковыряться, гвоздь в доску вбить.

«Долго мы здесь не протянем, взаперти, – слоняясь по квартире, думал Алексей. – Одуеем, перегрыземся, разбежимся».

И все чаще выходил на лестницу, подолгу курил, сидя на бетонной ступеньке, подложив под зад один из прошлогодних дочкиных учебников.

Глава седьмая. Эксгумация

Первое после переезда лето проводили в городе. Отправиться куда-то далеко – в край-центр или тем более на море – не было денег, да и на отпуск еще не наработали, выезжать же в тайгу, на реку не хотелось. Какая-то обессиливающая злость скручивала: вот совсем недавно было это рядом, в ста шагах буквально, давалось даром, составляло мир, в котором жил, а теперь отдалилось (то есть ты отдалился), и для встречи с рекой, с тайгой требуется с полчаса езды по кочковатой дороге... «Да пропади оно!» – хотелось крикнуть в ответ на ворохнувшееся желание помчаться на моторке по реке, войти в лес с ведрами, торбой за спиной, предвкушая, что сейчас начнутся и грибы, и ягоды, да так рясно, что вмиг вся тара будет забита.

С бывшими земляками Алексею Брюханову встречаться не хотелось – только душу беречь, – к своим родителям, к родителям жены ходил через силу, как обязанность выполнял.

И те и другие жили в двухквартирных коттеджах. В разных, но по соседству.

За год успели обустроить жилища, доделать недоделки, исправить брак. Выкопали подполья, хоть и неглубокие, но для картошки, десятка банок солений хватит; главное, чтоб не промёрзли... Огородили придворовую территорию штакетником (заборы в жёке ставить запретили), матери посадили цветочки, по паре-тройке узеньких грядочек морковки, лука, петрушки. За задами поставили крошечные, чтоб вид не портили, сарайки, официально являвшиеся будками для собак.

У родителей Алексея собака была – привезли из деревни старого, с седой мордой Трезорку.

На паром Трезорка поднялся спокойно и всю дорогу пролежал у ног отца; на новом месте дал посадить себя на цепь, но через несколько дней забеспокоился, стал рваться, выть, облаивал всех, кого видел, будто это они взяли и увезли, приковали здесь. Соседи жаловались: «Никакого покою!»

Несколько ночей отец рядом с ним провел, уговаривал перетерпеть, рассказывал, что теперь это их дом. Кажется, уговорил. Или сломал один старик другого. Теперь Трезорка даже в духоту лежал во встроенной в сарайку будке, ни на что не обращал внимания. Миску замечал, только когда отец раз десять прикажет-попросит:

– Ешь давай, ешь... Поешь, Трезорка...

– Ты с им, как с дитём, – посмеивался кто-нибудь из прохожих. – Как ни увижу – собаку нянчишь.

– А что еще делать-то? И жалко – подохнет с тоски.

– Ну да-а, животные это тяжело переносят. Эт человек ко всему привыкает.

Встречи с родителями – и своими, и жены, наблюдение за Трезоркой только усиливали мутоту... Посидишь, выпьешь кое-как чашку чаю – о водке не вспоминали, боялись устроить под дымом что-нибудь страшное, – повздыхаешь, побряхтишь, потом выкуришь с отцом или тестем сигарету, глядя на коттеджи-близнецы вокруг, на девятиэтажки вдали, на сколоченные из привезенных с родины досок сарайки. Если с отцом куришь, позовешь пса: «Трезор-ор!» Тот слегка шевельнет хвостом, но не выберется на воздух, не заулыбается, как раньше, не припадёт на передние лапы, приглашая поиграть... И Трезор доживает, и родители.

Да и Алексей все чаще ощущал в себе пустоту, такую полную, что даже тоска пропадала. То есть ловил себя на этой пустоте, прогонял ее, начинал интересоваться окружающим, что там в мире, и обнаруживал: неделю-полторы-две не заметил, как прожил. Будто проспал.

Из очередного приступа пустоты выбила встреча с бывшим главой сельсовета Ткачуком. Случилась она в конце августа, вечером.

Шел с работы, и вдруг рядом резко, аж колеса визгнули, тормознула машина, раздалось: – Здоров, тезка!

Алексей обернулся; из мощной японки высовывалось лицо Ткачука.

– А, здорово, Алексей Михалыч. – Брюханов улыбнулся, а внутри заныло – пустоту залила тоска.

– Сядь-ка, поговорим.

Обошел праворульную японку, забрался на пассажирское место. Поручкались.

Ткачук за те месяцы, что не виделись, казалось, помолодел, прибитость сменилась уверенностью, крепостью. «Отошел», – со злобной завистью по-думал Алексей. Вспомнил разговоры о том, что Ткачук отхватил три квартиры, два земельных участка... Потянуло вылезти отсюда. Больше не встречаться.

– Слушай, послезавтра паром к нам идет... в Пылёво, – заговорил Ткачук, и уверенность, крепость сразу сползли, даже глаза изменились, форма глаз – веки отяжелели, от углов растянулись по сероватой коже морщины. – Пора покойников перевозить.

Брюханов мыкнул, не зная, как реагировать. Показалось что сейчас бывший глава сошлется на дела и предложит ехать ему вместо себя.

– Не хочешь со мной? – после паузы, как-то просительно произнес Алексей Михайлович. – Чего-то не по себе одному... Стариков не хочу тащить – еще чиканёт кого. Дело-то такое... Как, поедешь?

Послезавтра – четверг. Рабочий день... Да и вообще, как это – могилы родных раскапывать. Или хотя бы видеть это... Чтоб не увязнуть в сомнениях и страхе, Алексей скорее ответил:

– Поеду, конечно. Поеду! Отгул только надо взять... Во сколько отплытие?

– В шесть назначили. Но пока загрузятся... в семь, наверно...

– Я лучше на лодке тогда. Паромом весь день ползти будем.

– Давай так. Тогда в деревне... – Ткачук перхнул на этом слове, – там встретимся.

Уточнили номера телефонов друг друга. Попрощались, не спросив, как у кого дела, как жизнь. Оба понимали, что не стоит. Не надо.

Оставшийся путь до квартиры Алексей как по ветру летел. С порога объявил жене, что послезавтра плывет в Пылёво. Та услышала, и лицо искривилось так страшно, что он попятился.

– Чего?

– Да ничего! Ничего-о! – выкрикнула Елена противно, совсем как оручая тётка. – Ишь, поплывет он! Колумб нашелся!

Алексей, совершенно трезвый, воодушевленный предложением Ткачука, от природы спокойный, сдержанный, почувствовал, что может ударить жену. Сильно, как мужика, ударить в этот перекошенный рот.

Обхватил левой рукой сжатую в кулак правую... Переждать этот ор. Переждать... Что-то часто он вспыхивает в последнее время. Или тупое опустошение, или вспышки...

Потом долго, нескладно объяснял, что попросил поехать Ткачук, приврал, что у того со здоровьем совсем неважно; что нужно проследить, чтобы выкопали дедов, бабушек, ее, женину, родню. Обещал вернуться в пятницу, край – в субботу.

– Надо увидеть, что наших везут. А то нагребут земли...

И постепенно Елена смягчилась, ожесточение сменили слезы. Ткнулась лбом ему в плечо, простонала:

– Я тоже хочу...

– Ну, – Алексей растерялся, в горле запрыгал ком. – Ну, я поразведаю, и поедем. На выходные как-нибудь сплавим. У Мерзляковых палатку возьмем, у них есть... Поживем как туристы. А? Ладно?

Жена мелко закивала.

Утром Брюханов оформил отгулы на два дня. Объяснил причину. Вроде прониклись.

Рабочий день тянулся бесконечно; Алексей десять раз успел составить в голове список того, что надо взять с собой, как подготовиться к поездке... Вечером побежал к родителям – у них стоял мотор их лодки. Мотор, мощный «Нептун», был исправен, весла, канистры для топлива – в сохранности.

– Завтра часов в пять заберу. – И Алексей рассказал, зачем и куда едет.

Мать, конечно, заплакала, отец одобрительно кивнул: правильно, правильно, надо...

«А на чем до реки допереть все это?» – треснула, как молотком по голове, мысль. Машины у них не было.

Ткачука просить почему-то не хотелось. «Да ему и не до того будет, – нашел объяснение. – Японку он вряд ли оставит на пристани». Дозвонился до Дмитрия Аркадьевича Привалихина, тоже земляка, владельца другой японки – громадной «тойоты». Договорился.

«Ну, вроде все нормально пока», – облегченно выдохнул.

Теперь нужно было купить бензин, масло.

Взял канистры, отправился на заправку. По дороге столкнулся с парнем из Большакова Виталькой Синицыным. Они познакомились несколько лет назад на празднике (почему-то это называли праздником) «Прощание с селом» в бывшем райцентре Кутае. Потом пересекались по всяким связанным с переездом делам. Виталька говорил, что они семьей, скорее всего, переедут в Абакан. Там условия получше с квартирами, и можно будет сразу приватизировать: «В Абакане-то понимают, каково нам. У них то же самое творилось, когда Красноярскую ГЭС пускали, топили деревни... Потом – Саяно-Шушенская... А наши здесь – всех в одну фатеру пихают, главное, чтоб метраж подходил».

И вот он, оказывается, здесь, в Колпинске.

– Да нет, нет, – ответил Виталька на это недоумение, – в Абакан переехали. Все там. Устроились боле-мене. А я сюда вернулся – тянет. В чопе сейчас, больницу сторожу, куряк гоняю... Хе, – усмехнулся, – никогда не думал, что к ментам буду хоть каким-то боком, но вот пришлось... Разъелся килограммов на десять. Живу в общежитии.

Алексей не удержался, сказал, что завтра поплывет в верховье.

– До реки, главное, с мотором добраться.

– Скоро, – сказал Виталька, – она под боком будет.

– В смысле?

– Да вон с востока лес вырубает. Говорят, два залива появится, прямо к холму нашему подберется вода.

Алексей представил и поразился:

– Это сколько еще затопится километров!

– Что ж, есть же Красноярское море, Братское. Теперь вот – наше. Лет за сорок, глядишь, перегнет все внутри, снесет через водосбросы, или как их там... Может, икупаемся.

Говорил Виталька вроде шутливо, но глаза были злые, нижняя челюсть подергивалась, как у несправедливо побитого.

– Я вот только не понимаю, – уже серьезно продолжил. – Место под заливы готовят, а рядом кладбище. На том же, считай, уровне. Дамбу, что ли, поставят?.. Не знаю. Вообще, – протяжный вздох, – честно говоря, крышак плавится, когда раздумывать начинаешь.

– Эт точно, мозги не справляются... А я вот как раз за своими. Завтра, эта, эксгумация будет. Надо проследить.

– А мы своих весной перенесли... Тяжкое, конечно, дело... У бабки моей гроб вообще целый оказался. Открывать не стали, в нем и перенесли... Но тут кладбище, я тебе скажу!.. Городское еще боле-мене – деревца, земля сухая. А нам выделили в низине, болотина почти... Все деревья грейдером вырвали, траншеи нарыли. Могилы, типа. На городском хоронить наших запрещено...

– Почему? – перебил вопросом Брюханов.

– Ну, кто его знает... Директор городского к нам выходил: «Поймите, это совершенно разные территории. Одна – администрации города, другая – дирекции по затоплению». Кое-как закопали, кто смог, старые памятники поставил, остальным – одинаковые кресты. С тех пор там и не был. Надо бы проверить, да не по себе как-то.

Этот разговор Алексея, само собой, не порадовал, зато еще больше оживил. Обязательно надо было сплавать, увидеть, проследить, чтоб не напутали, не напортачили. Да и попросту обязан он быть там в такой момент. И теперь ему диким казалось, что они всей огромной семьей спихнули тогда на Ткачука ответственность за перенос захоронений родни. Их, брюхановской родни. И остальные тоже... Но как в чаду тогда были.

Вечером дома с женой почти не разговаривал, часто встречался с ней глазами, видел в них поддержку. Молча благодарил... Дочка быстро поужинала и ушла к себе. Всё дулась... Алексей заглянул в ее комнату, сказал:

– Купим на днях компьютер. Я тоже созрел. Пускать будешь?

– Буду. – Дочка улыбнулась и сразу стала похожа на себя маленькую, ручную. – Только не компьютер, а ноутбук. Это такой раскладной... И надо Интернет обязательно.

– Ну да, ну да.

Поставил будильник в мобильном телефоне на четыре. Лег, закрыл глаза. Стала представляться вода, которую разрезает лодка. Быстро идет против течения, аж нос задирается, подпрыгивает. Брызги... Уснул быстро, не почувствовал, как устраивается рядом жена.

– Тум-тум-тум, тум-тум-тум, – мягко застучало по ушам; Алексей не сразу понял, что это будильник.

Сел, выключил, прикрыл глаза и сразу стал возвращаться в сон.

Встряхнулся, поднялся. Помахал руками. Слегка знобило, но приятно, как перед важным и большим делом. Так же бывало, когда вставал затемно на охоту, рыбалку.

– Ты уже? – пробубнила с подушки жена.

– Пора, Лен.

– Я там тебе собрала. На столе пакет. Бутерброды еще в холодильнике... Я не буду прожрать, ладно?

– Ладно. Спасибо.

Одевался долго и тщательно. Шерстяные треники, сверху джинсы. Тельняшка, свитер, штормовка... Днем снимет лишнее, а сейчас наверняка прохладно, и торчать на улице долго придется. Тем более на воде. Отвык – все больше в квартире, в цехах.

Сунул пакет с продуктами в приготовленный с вечера рюкзак. Туда же – шерстяные носки. Вроде всё...

Шагал по тротуару, подошвы ботинок громко стукали об остывший асфальт. В воздухе попискивали редкие комары... На востоке густую синь неба разбавляли красноватые мадежи – выползло солнце. И Алексей как-то горделиво думал: «В Пылёве уже почти утро. У нас там светлее». Понимал, что для рассвета триста километров – чепуха, к тому же Колпинск на горе, а деревня, существующая теперь лишь в памяти, в низине, но все равно была уверенность, что там действительно настоящее утро и все ждет его появления: избы, колодец, клуб, дизельная, на которой он проработал двадцать лет, черемухи, усыпанные черными блестящими ягодами, само солнце...

В родительской половине коттеджа горел свет. Мать если и ложилась, то часа на два. Обязательно настряпала пирогов, шанег. Сейчас набьет едой полный рюкзак. Всегда так – стоит пойти за брусничкой на дальние гари, дает с собой запасов полведра: «Вдруг что». И отец кивает: «Идешь на день – бери на три».

Раньше Алексей спорил, сопротивлялся, доказывал, что не надо столько, психовал. Но сегодня решил молчать. Пускай... Наблюдал, как суетится мать, старенькая, маленькая, уже

неможная и в то же время какая-то внутренне удивительно крепкая. Отец тоже подсказывал, перебирал в уме могущие пригодиться вещи.

– Взял, – кивал ему Алексей, – и это взял...

А в груди росло, распирало волнение. То и дело поглядывал на часы, торопил минуты, прислушивался, не едет ли Привалихин.

– А удочки-то брать будешь? – вспомнил отец.

Мать всплеснула руками:

– Да до рыбалки ли ему там?!

– Возьму-возьму, точно, – обрадовался Алексей. – Часок найдется.

Отец достал из крошечного чулана телескопическую удочку в чехле.

– Тут мушка поставлена. Побросай за нашим перекатом. Там харюс после жары как раз кормится.

– И спиннинг надо.

Стали перебирать снасти, отыскивая подходящие блёсны, уловистые мушки, проверяя прочность лесок. А мать все запихивала что-то в рюкзак.

В начале шестого подъехал Дмитрий Аркадьевич. Сигналить не стал, чтоб не будить округу. Постучался в дверь.

Отнесли в «тойоту» канистры, рюкзак, весла, удочки, осторожно уложили мотор, подперев, чтоб не бился.

Мать на прощанье, конечно, заплакала.

– Проследи, сынок, чтоб всё там по-человечески. – И тут же махнула рукой: – Да что тут по-человечески – из земли вынимать.

– Но не оставлять же, – отозвался Привалихин. – Пусть лучше рядом будут.

– Это – конечно... Только все равно грех...

– Грех, мам, выше делают. – Алексей снова почувствовал, как накатывает злоба. – Кто это устроил. Кто топит. Ладно, – остановился, – ехать надо. Пока то да сё...

В машине было жарковато, но дышалось легко – работал кондиционер. «Тойота» шла мягко, не спотыкаясь на неровностях асфальтовой, но разбитой тяжелой техникой дороги, а покачиваясь на них.

– Хорошая машина, – сказал Алексей.

– Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. – Дмитрий Аркадьевич поводил рукой в воздухе, ища деревянное, а потом постучал по своей голове. – Не жалуюсь пока... Скорей всего, большой пробег ее скоро ждет.

– А?

– Переезжать думаю. Сын, Олежка, под Каратузским дом достраивает.

– Где это?

– На юге, в Саянах... Говорит, рано-поздно, а Шушку прорвет все-таки. А если она не выдержит, волна все смоем – и Шушенское, и Абакан, и остальное на километры. И Красноярскую ГЭС. А значит, Красноярск накроет, и дальше... Ученые весь этот процесс просчитали, мне сын статью присылал. Надо, говорит, прятаться.

– И нас заденет? – спросил Алексей, не веря, конечно, в такую глобальную катастрофу.

– Напрямую, может, и не заденет, но тоже... Да и не приживаюсь я тут. Муторно.

«Муторно», – кольнуло Алексея слово, каким и он называл свое состояние.

– Уехать, позабыть, – продолжал Дмитрий Аркадьевич, – если получится. Там, в Каратузском, и климат, сын говорит, хороший. Вот приватизирую свою квартирёшку, продам кому. И двину. Жена, – жена Привалихина умерла лет семь назад, – простит уж, наверно. Она здесь лежит, на городском...

– А это, куда переезжать собрались, не пострадает?

– Ну, это вообще в стороне от Енисея. Там и горы защищают... Олежка три гектара земли купил навсегда – теперь можно, – строится.

В этом «строится» было столько веры в надежное, вековечное, что Алексей позавидовал. И тут же внутри ухмыльнулось: «Ну, Олегыч может себе позволить – бизнес у него нехилый. А нам как...»

– М-да, – выдохнул вслух. – Поглядим, как оно все будет.

– Глядеть, конечно, можно. Но можно и доглядеться.

Мудрые слова... Алексею было что ответить на них. Напомнить, к примеру, что Олег не с пустого кармана начал свой бизнес. Дмитрий Аркадьевич в восьмидесятые был в руководстве совхоза и, когда совхоз из-за скорого, как тогда считали, затопления ликвидировали, неплохо нагрелся на распродаже списанной, но вполне еще исправной техники. И с этими деньгами Олег году в девяностом уехал в Красноярск. Не сгинул, не пропил капиталец, надо отдать должное, – поднялся и теперь строится. А большинство людей и тогда в стороне, и сейчас. Не у всех эта деловая жилка.

Да, было что сказать. Сдержался. Попросту некрасиво будет сейчас заводить подобные разговоры – Привалихин его везет, а он припоминает, считается.

Дорога постепенно шла на спуск, и по обочинам природа становилась живее – вместо холмистой степи появились сначала одиночные деревья – березы, сосенки, потом колки, а дальше и настоящий лес.

– А не знаете, правду говорят, что водохранилище почти до города доберется? – спросил Алексей.

– Да наверно. Там-то, – Привалихин кивнул направо, на восток, – забьки, старицы. Петляла когда-то, быки обходила. Теперь ее заперли, снова стала дорогу искать.

Действительно, местность под возвышенностью, на которой стоял город, была странно-ватой – лесистая низменность, из которой поднимались утесы, быки, каменные столбы. Наверняка миллионы лет назад здесь происходило нечто грандиозное. Узенькая нынче лента реки катилась тогда широченным потоком, разламывая и дробя горы, срезая их части. Потом вода спала, бывшее дно заросло травой, деревьями, а уцелевшие части гор торчат, как напоминание о прошлом.

В одном лишь месте поблизости река не смогла побороть горы, пробить широкую дорогу себе, и там-то, в распадке, полвека назад решили строить очередную электростанцию. Да, удобное место для плотины, нельзя не использовать.

Годы изысканий, расчетов, стягивания техники, десятилетия строительства, и вот она, серая стена плотины, желтые спички кранов над ней... Сейчас устанавливают турбины, оборудуют машинные залы.

Вот-вот запустят. Готовятся, как к великому празднику. Уже сейчас, отбиваясь от упреков, что ничего в стране не производится, не строится, кроме банков и офисов, власть отвечает: «А Богучанская ГЭС?! Возводили практически из руин недостроя, довели до ума. Через несколько месяцев начнет вырабатывать электроэнергию, даст мощный импульс развитию региона!»

Может, и так, может, и так...

«Лодочная стоянка», как ее называли официально, а меж людьми – «кладбище моторок», находилась прошлой осенью в полукилометре от берега. Огороженная рабицей территория, где жители ликвидированных деревень держали свои «Казанки», «Прогрессы», «Сибирячки», «Веги», «Янтари», «Южанки», дюралевые самоделки, деревяшки, долбленки, илимки, а то и катера, яхточки. Одни на козлах, другие на земле, какие-то под брезентом, какие-то просто так...

Мужики, помнится, изматерились, откатывая на тележках, прицепах лодки так далеко. А вот теперь стоянка была от воды метрах в ста. Алексей поначалу подумал, что ее перенесли – «мужики добились», – но потом заметил, что причал для парома другой, новый, стоит дальше по течению, чем прежний, и вообще пейзаж изменился. По крайней мере противоположный берег стал дальше...

Из сторожки вышел разбуженный шумом машины, светом фар охранник, худой старик, наверняка неспособный защитить лодки, если вдруг кто на них покусится.

– Чего надо-то? – хмурясь, крикнул, держась за открытую дверь.

– За лодкой. – И Алексей объяснил, кто он, откуда, показал, где примерно стоит его синяя, с булями, «Казанка».

Вошли в сторожку, старик стал листать журнал. Быстро нашел фамилию «Брюхановы».

– Нет, это другие Брюхановы... Вот наша, – Алексей ткнул пальцем в строчку ниже.

– А, ну ладно. Забирай. Пятый ряд, правая сторона.

На территории стояло несколько тележек. Алексей с Дмитрием Аркадьевичем погрузили лодку на одну из них; Алексей покатил тележку к воде. Вскоре туда подогнал «тойоту» Привалихин.

Пока устанавливали и заправляли мотор, на причале грузились на паром.

– За нашими, видать, – кивнул Алексей. – Обгоню их.

– Ты только не лихачь, – посоветовал сторож. – Теперь не разобрать, где мель, где борозда. И мусору полно. Кувыркнешься – и каюк.

– А кувыркаются? – спросил Дмитрий Аркадьевич.

– Быва-ат. Пока не утоп никто, но к тому идет. И лодок скоко теряют!.. – Сторож достал сигареты. – Один всю ночь на Басковом острове проторчал. То есть это не остров уже – там воды по колено. И вот он там и мыкался целу ночь. Вплавь боится, да и куда плыть – из воды повсюду деревья торчат, а настоящего берега не видать. Чуть, говорит, не спятил. Хорошо еще, вода терпимая, а если б в сентябре случилось...

Алексей слушал внимательно, боясь перебить, не узнать важное. Но когда сторож замолчал и стал закуривать, спросил:

– Значит, Басковой затоплен уже?

– Ну как – говорю, торчат березы... Но так-то – да, нету и его теперь.

Алексея поразило это известие. Остров находился неподалеку от Пылёва, и всегда, возвращаясь с низовья реки, радовались ему, завидев, говорили облегченно: «Ну, почти дома». На Басковом накашивали больше всего сена, на нем укрывались парни и девушки, лежали под березками. Там и у него, Брюханова, первые свидания были... И вот теперь нет острова. По колено воды...

Спихнули моторку в воду, Алексей забрался, поблагодарил.

– Подальше отгребись, там заводи, – велел старик. – Тут ситняк, ветки. На винт намонташь... И, это, болотники-то сыми, вдруг чего – утянут.

Алексей кивнул, погреб. Удивился еще раз – теперь тому, что течения почти не ощущалось. Вода стояла.

«Нептун» рвал лодку вперед, приходилось сдерживать и его, и желание скорее оказаться в родных местах. Действительно, водная трасса, созданная природой, исчезла – посреди реки возникали рощицы, бугры, торчали коряги. И лишь оказавшись перед ними, Алексей вспомнил, что здесь был островок, а здесь – далеко врезавшаяся в реку коса, и резко вилял влево или вправо. «Да, кувыркнуться можно запросто».

Глазеть по сторонам было рискованно – помехи на воде возникали часто неожиданно, за несколько метров от носа «Казанки». Алексей выхватывал взглядом лишь редкие, короткие картинки. Справа – почти у самой воды – лесопилка в бывшем селе Большаково. «Еще

держатся, значит, Масляковы». Слева – тоже словно сползающее в реку село Таежное. Оно жилое, людей из него расселили частично, только тех, чьи избы окажутся ниже уровня водохранилища. Могли бы и всех, но – Алексей слышал или читал – Таежное решили сохранить потому, что через него проходит трасса в Эвенкию. Нужны дорожные рабочие, населенный пункт на пути. Вроде планируют дамбу возводить...

Тоже вот несправедливо: жители Таежного в таком же положении, что и большаковские, пылёвские, кутайские, но их держат, хотя уже затоплены луга, часть огородов. Как им, людям, тут жить под угрозой, что в любой момент рукотворное море может хлынуть на них?

Поражало, сколько осталось по берегам и уже в воде деревьев. Лет пять трубили о том, что идет лесосвод, необходимо спилить и вывезти древесину. В крайнем случае – сжечь. Даже о снятии почвы поговаривали. Дескать, нельзя на дне оставлять столько органики. Но вот под воду уходят тысячи берез, сосен, ёлок, унавоженные огороды, огарки домов, груды железа... Лишь изредка встречались голые, без деревьев, деляны. Хотя и здесь – корни, чернозем, которые будут гнить и гнить, испускать яд.

Да и не под силу людям подготовить это пресловутое ложе так, чтобы не было опасности испортить воду. Природа тысячами лет все здесь распределяла, раскладывала по полочкам, мыла, очищала. И тут приходит человек и диктует свое, да еще приговаривает: «Ничего страшного, мы всё подготовим». Смешно.

«Пропала река, – выло в голове в тон мотору. – Пропало всё-о».

И, как подтверждение, такая сцена: табунок лошадей стоял у берега. Шум лодки напугал его, и лошади шарахнулись прочь. Бежали меж воды и леса, потом свернули в просеку... Алексей поискал глазами пастуха; не увидел. Брошенные, значит, оставленные дичать.

До этого раза весь путь от своей деревни до колпинского причала и обратно Алексей проделывал на моторке раз пять. Перед переселением гонял. Раньше маршруты поездок были куда короче: на острова, на рыбалку, самое дальнее – в Кутай.

В середине восьмидесятых Кутай перестал считаться районным центром, но для местных по-прежнему оставался столицей нескольких окрестных сел и деревушек. Там находилась больница, разные конторы, магазины с богатым ассортиментом, заправка, ремонтные мастерские. Так что по любому поводу жители Пылёва, Сергушкина, Усова плыли или ехали остатками дороги туда.

Кутай был самым большим и старым селом в округе. Стоял в низине, растянувшись вдоль реки. Дальше от берега стелились пашни, выпасы, а за ними темнели тайга и горы.

Наверняка в древности тайга подступала к самой воде, но переселенцам нужно было место для посадок, и деревья вырубали, землю очистили от корней... Сколько труда, тем более если учесть, что тогда не было ни тракторов, ни экскаваторов. Да что там – железных лопат не было...

Не очень живописный пейзаж вокруг Кутая, скучновато без леса, но для автономного существования нескольких тысяч человек место удобное. Есть где хлеб вырастить, где скотину откормить... Огороды в Куте были просторные, картошку садили гектарами...

И вот теперь – ни Кутая, ни той низины, что кормила десятки поколений. Вода. Мелкая вода – кое-где куски заборов торчат, кусты, чернеют кучи обугленных бревен, провода. Больше здесь не по-живешь. Уцелел лишь холмик, на котором белеют развалины каменной церкви, да кладбище, расположенное дальше от берега.

Алексей до предела сбавил скорость, стараясь лучше рассмотреть оставшееся от села, угадать, где что находилось... В Куте у него было много родни, по сути, он и сам был по происхождению кутайский – отец отсюда родом. После техникума отца послали в Пылево, там он женился, обжился. Первое время хотел вернуться с семьей в Кутай, а потом, наоборот, радовался их небольшому симпатичному селу, людям, которые, по его словам, в Пылёве «теплее»...

Щурясь, напрягая глаза, Алексей всматривался в кладбище. Вроде есть там памятники, оградки, но, может, гробы уже выкопали, увезли, а это осталось... Или не забирали отсюда всех?... Хотел причалить к какому-нибудь сухому или мелкому месту, дойти до кладбища пешком – в болотниках как-нибудь доберется, – но не стал. Часа два на это убьет. Потом спросит у тех, кто на пароме, они-то должны знать. Если не забрали, надо будет что-то делать. Там ведь полно родни отцовою, Алексеев сродный брат, Саня, погибший в Чечне. Бросать нельзя.

Страшно было думать, что кости тысяч людей уходят под воду. Добиваться выкопать эти кости из земли тоже, впрочем, страшно. И так и этак неправильно...

Говорят, у некоторых народов есть традиция через сколько-то лет доставать скелеты, мыть кости, куда-то их складывать или закапывать обратно, но у них здесь тревожить покойников и не помышляли. Хоронили навечно – вечный покой. И когда в семидесятые родственники ссыльных литовцев, немцев стали забирать останки, местные поначалу возмущались, ругались, пытались не отдавать. А потом и сами стали увозить на новые места, хотя большинство оставшихся этого не одобряли: «Да мы приглядим! Чего тревожить?»

Теперь же, когда затопление идет вовсю, покойников забрать необходимо; а с другой стороны, всё спрашиваешь кого-то: были бы рады они, что их выкапывают, куда-то везут, хоронят там, где они никогда не бывали...

Последний год Алексей заставлял себя не думать об этом, старался жить настоящим, новым, а теперь ругал, что не узнал у кутайской родни, как та решила со своими. Представлял, что, может, и та родня ругала его: «Лёшка-то Брюханов не шевелится, не вспоминает о баушке, деде. Ясно, на нас спихнул».

– Вот начальство приплывет, выясню, – сказал вслух, будто пообещал и мертвым, и живым; сейчас, после года спячки, чувствовал себя кругом виноватым.

От Кутая до Пылёва по реке немногим больше сорока километров. Почти посреди пути – деревенька Сергушкино. Деревенька маленькая, десятка три дворов, но рядом база лесхоза, колония-поселение, одна из семи в районе.

Раньше, проплывая мимо Сергушкина, приходилось задирать голову, чтобы увидеть избышки, склады, бараки колонии, теперь же высокий берег больше чем наполовину был съеден водой. Но все равно деревенька по-прежнему далеко от реки и, говорят, ее не затопит. Хотя людей выселили, колонию слили с той, что неподалеку от бывшего Большакова, но база лесхоза осталась, и постройки целы. Полно техники – трактора, грузовики, прицепы, легковушки, даже два-три комбайна. Видать, перегнали сюда из Кутая; будет Сергушкино таким островком человеческой цивилизации среди воды. Правда, вряд ли долго протянет – в конце концов кончится поблизости продуктивный лес, и базу ликвидируют. Технику рано-поздно вывезут на лом. Умрут или окончательно съедут те несколько стариков, что, хоть и получили жилье в городе, остались здесь... Конечно, будут наведываться охотники, рыбаки, но вряд ли потрудятся, ремонтируя избы, подновляя печки. Так, переночевать, перекантоваться... И лет через десять-двадцать и эта деревенька перестанет существовать.

За Сергушкиным уже их места – пылёвские. Вот здесь посреди реки был остров Басковой. Березки, пока живые, с зелеными и рыжими листочками, торчали далеко, а под днищем уже стали попадаться кусты и застрявший в них топляк... Алексей резко свернул влево, на глубину, а взгляд не мог оторвать от березок.

«Хоть бы тогда порубили, сволочи, – думал с болью и злобой. – Как же это видеть такое... – Но сразу придумалось оправдание: – Нет, видать, нарочно оставили – как ориентир. Чтoб задёв опасались...»

За Басковым был еще остров, Коренной, не больше, но выше. Но и он уменьшился на три четверти, распался на несколько кочек. Алексей заметил, как из травы плюхнулись на воду утки, побежали по ней, махая крыльями. Две крупные взлетели уверенно, а пять-шесть поменьше, сереньких, – с трудом, то и дело рискуя свалиться. Семья.

Алексей следил за ними и боялся отвести глаза. Знал – ответит и сразу увидит слегка наклоненную к реке террасу, на которой их Пылёво.

С уток переключился на воду перед носом лодки, внушая себе: нужно быть осторожным, вдруг бревно, колья, к которым крепили когда-то сети, еще какая помеха... А на самом деле оттягивал момент, когда взгляд наткнется на пустоту на месте села.

Но бороться с собой долго не мог. Поднял глаза и дернулся от какого-то радостного испуга – крайний к реке дом стоял на месте. Стоял как ни в чем не бывало. Больше того – это была «гусинская» изба, давно оставленная. А теперь заколоченные досками окна освобождены, посверкивали на солнце стеклами.

Глядя в оцепенении на избу, Алексей вспомнил свою утреннюю фантазию о том, что здесь, в Пылёве, все как раньше, и стало жутко – ведь в прошлом сентябре он, уезжая, сам видел, как на деревню двинулся бульдозер, как катили чужие мужики бочки с бензином. И что – не сделали? Оставили? Пожалели? Вдруг в последний момент выяснилось, что расчеты оказались неверными и до их деревни водохранилище не дойдет?.. Избы оставили, и они будут как дачи для местных... Сейчас Алексей войдет в свой дом, сядет, как после тяжелого дня, у двери, потянется...

Громко вздохнул рыданием, оторвался от гусинской избы, перевел взгляд вправо... Соседнего дома не было, не было и школы, выглядывавшей раньше из-за угора... Поняв, что с деревней все-таки покончено, – но почему пощадили избу Гусиных? – Алексей почувствовал облегчение. Неизвестно, как бы действительно повел себя, обнаружив деревню целой. Может, второй раз и не хватило бы духу покидать. Или помчался бы скорее обратно, к жене, родителям: «Стоит Пылёво! Стоит, цело!»

Заглушил мотор, взял весло, стал осторожно подводить «Казанку» к тому месту, где раньше была пристань. Вот внизу столбы, плахи. Над плахами в прозрачной воде мечутся мальки. Удобно им здесь прятаться от щучат, окуньков...

Пристань кончилась, началась дорога; Алексею показалось, что он разглядел даже следы гусениц. Померил глубину веслом. С метр. Это ж сколько воды нужно, чтобы как следует работали турбины на ГЭС?.. И теперь поверилось рассказу Привалихина, что если прорвет плотину, то волна образуется на сотни километров. Такая сила скапливается, давление...

Наконец днище скребануло дно. Алексей обул болотники, прыгнул в воду, затащил лодку на землю. Оглянулся, прикидывая, как причалит паром. Пристани теперь нет, паберега пологая, мель.

– Ладно, чего я-то морочусь, – усмехнулся, – их дело.

Еще постоял, на этот раз сомневаясь, стоит ли оставлять вот так лодку. Не к чему пристегнуть – ни дерева рядом, ни столба... Плюнул.

Снова сменил болотники на ботинки. Съел пару бутербродов, допил чай из термоса. Взял ведерко, пошел в сторону дома Гусиных – недалеко от него находился колодец.

Интересно: когда причаливал, ни комаров, ни мошки не было, а пока переобувался, перекусывал – налетели. Алексей прибавил шаг – подальше от воды, в деревне этой кусачей пако-сти всегда бывало меньше.

Теперь – нет. Дрожащее, сероватое, пищащее облачко сопровождало его и там. Да и не существовало деревни. Алексей остановился в начале улицы, дальше – справа и слева – чернели пятна сожженных изб, стоек, бань. Но сожжено было небрежно, торопливо – остались пролеты заборов, торчали столбы ворот, валялись обугленные бревна, доски. Повсюду листы жести, крошево шифера, осколки печного кирпича, битые стекла, тряпки...

Растения уже начали скрывать этот человеческий мусор – опутывали его выюны, склонялась над ним крапива, чтоб сбросить семена.

– Санитарная очистка, – пробормотал Алексей; резко отвернулся, пошел к колодцу, хотя уже видел, что его нет.

На месте колодца была кучка исщепленного дерева, валялся обрывок цепи... Алексей представил, как к колодцу подъехал бульдозер, смял отвалом хлипкую крышку, срубил, вернулся на этом месте, уничтожая то, за чем пылёвцы следили из поколения в поколение, что оберегали и считали чуть не главным сокровищем. Хотя и рядом река, а во время половодья, после ливней из нее и скотина пьет неохотно – больно грязная.

В деревне было три колодца, и наверняка два других тоже засыпаны... Как-то Алексей услышал, что при саночистке первым делом разрушают колодцы. Тогда мысленно отмахнулся от этой новости: «Сочиняют уже всякое, до кучи», – а теперь убедился. Наверное, чтобы окончательно сделать место нежилым, и заваливают, зарывают гусеницами бульдозеров... В тайге каждый ключ очищен, на сучке рядом висит кружка или берестяной стаканчик. А тут... Что ж, понятно, – нет питьевой воды, и уже проблема провести здесь хоть несколько часов...

Вокруг избы Гусиных все снесено, изломано. На дворе стоит диван, явно не гусинский, откуда-то притащенный, несколько стульев, стол. Кострище, воткнуты две рогатины, рядом валяется закопченная жердина. Что-то варили... Наверное, сжигатели-санитары. А в избе, видать, ночевали. И оставили на всякий случай – может, еще какая бригада прибудет доделывать, дочищать. Да вот хоть эти, эксгуматоры.

Закурил, глянул в сторону кладбища. Там так и стояли высокие, стройные сосны. Не повалили. А доказывали, что территория кладбища тоже уйдет под воду. Значит, вместе с лесом? Или спилят после того, как заберут покойников?

В голове от вопросов, на которые у него ответов не было, закололо. Захотелось спрятаться и уснуть... Надо занять себя чем-то...

Мошка хоть и не кусала почти, чувствуя близкую осень и свою смерть, но донимала, сигаретный дым почти не пугал ее; хотелось пить, и Алексей корил себя, что не взял какую-нибудь мазь от комаров, воды. А ведь на кухне стоит пятилитровая пластиковая бутылка... Даже и мысли не возникало ехать на реку с запасом воды. Раньше, в детстве, купаясь или рыбача, частенько пили из нее. Единственное – боялись конских волос, поэтому не припадали губами, а зачерпывали воду ладонями. И потом, когда перед школой сдавали анализы, ни у кого вроде не обнаруживалось глистов или что там бывает...

Достал мобильный телефон, проверил, есть ли связь. Думал узнать у Ткачука, как там паром, скоро ли планируют добраться. Он-то долетел удивительно быстро. Хотя чего тут удивительного – все шиверы сгладились, течения почти никакого.

Связи не было. Мобильные и раньше ловили здесь туго. Алексей потоптался у крыльца – и тянуло войти, и как-то тошно становилось при мысли, что сейчас увидит внутренность чужого, давно оставленного жилища. Оставленного, много лет простоявшего запертым, а потом вскрытого... Как потревоженная гробница где-нибудь в Египте.

Заходить не стал, направился к лодке. Дождется людей – тогда уж. И на могилки лучше не одному. Комариный писк немного спасает от полной, давящей тишины, но все равно жутковато. Представляется, что сейчас из леса начнут выходить люди. Медленно, неверными шагами. Выйдут и начнут оглядываться, ища деревню... «Тьфу, насмотрелся ужасиков...» А воображение продолжало дергать нервы – закричал жалобно коршун, и Алексей вздрогнул...

Что ж так во рту горит?... И не жарко, и по дороге выпил полтора литра чая из термоса, а язык прямо прилипает... Может, от ветра встречного, когда гнал сюда, или что жареной камбалы вчера поел. Или от волнения жажда...

Постоял с ведром на берегу. Смотрел на прутья тальника, торчащие из воды, будто водоросли, стремящиеся стать деревьями... Присел, зачерпнул воду ладонью, понюхал. Ничем не пахла.

Надел болотники, зашел выше колена. Сполоснул ведро, вылил. Подождал, чтобы снесло, и зачерпнул. Долго смотрел, нет ли чего. В ведре из красной пластмассы вода казалась каким-

то прозрачным ягодным соком... Алексей сделал осторожный глоток, подождал, не появится ли подозрительный вкус. Нет, нормально.

– Запугали совсем, – хмыкнул и стал пить уже без опасения, как в детстве.

Ободрившись, повеселев, решил порыбачить. Примерно час-полтора у него было до парома. Да и пока они как-то будут причаливать, разгружаться, успеет сто раз вернуться.

Решил попытать удачу выше по течению, где раньше были особенно рыбные места. Вспомнил совет отца: «Побросай за нашим перекатом», – и покачал головой: не было уже никаких перекатов. Ровная гладь.

Паром припелехал около четырех часов. Алексей, попробовав то на мушку, то на блесну, поймав в конце концов щучку, возвращался на веслах деревне. Услышал бухтенье, заторопился.

Наблюдал, как осторожно подходит паром к берегу левее затопленной пристани. До суши не добрался метров десять, поэтому выгружались в воду.

– Дотянули, – ворчали мужики, – раньше надо было, пока все тут оставалось...

– По холодку хотели, а теперь поняли – не успеют. Вода-то прет.

Прибыли человек десять рабочих, милицейский капитан, четверо начальнического вида мужчин в новеньких синих куртках и, конечно, Ткачук. Был даже священник; и он тоже, натянув болотники, спустился по сходне в воду, побрел к берегу, держа в одной руке чемоданчик, другой подтягивая рясу.

Пока рабочие разбирали инструменты, мешки, прыскались гелем от комаров, Алексей Михайлович смотрел на то, что осталось от Пылёва, которым руководил последние годы.

– Мда, – вздохнул Брюханов, чтоб не молчать, не нагнетать эту темную тишину, – лучше бы и не возвращались.

– Последнее дело осталось, – качнулся Алексей Михайлович. – Последний долг... Что, пойдем?

На кладбище боль слегка отступила. Здесь было точно так же, как и год назад, и два, и пять. Из-за вечного сумрака – кроны сосен защищали от солнца – бумажные цветы и веночки не выгорали, долго оставались яркими и свежими. Могилки казались какими-то уютными, что ли; лавочки звали присесть, отдохнуть от суеты, беготни... Хорошо было на их кладбище.

Священник раскрыл чемоданчик, разжег кадило, налил из пластиковой бутылки в чашу святой воды, достал кисточку. Один из рабочих вызвался помогать.

– Только, батюшка, – мягко попросил начальник, кажется, представитель потребнадзора, – если возможно, не очень затягивайте. И так мы как черепахи.

Вместо ответа священник запел молитву, пошел вдоль кладбищенской изгороди. Мужики прервали свои разговоры; одни, сняв шапки, крестились, другие просто стояли, пережидая торжественный обряд. Когда священник с рабочим отошли подальше, уже другой начальник обратился к Ткачуку:

– Что, Алексей... гм... – Нахмурился, вспоминая отчество.

– Алексей Михайлович, – подсказал Ткачук.

– Да, извиняюсь... Давайте определять могилы.

– В плане?

– Какие переносим.

– Да все надо переносить.

Начальник теперь нахмурился по-другому – с досадой.

– Как вы представляете себе – все? Вот эта, скажем, – кивнул на темно-серый крестик без надписи. – Чья она?

– Жителя этой деревни. Пылёва.

– А на нее есть заявление?

Ткачук не ответил, и мужчина уже уверенней продолжил:

– На весь район выделена тысяча мест. В районе двадцать одно кладбище попадает под затопление. Три из них – в границе сработки водохранилища. Это там, где вода будет то прибывать, то убывать и возможно размывание грунта. Их мы вынуждены переносить целиком. Остальные – в мертвом объеме. Их вообще не предполагается трогать. Только очистить от надмогильных сооружений. Руководство и так пошло навстречу, чтобы сохранилась историческая память. Но переносить все ваше кладбище, – начальник глянул на кресты, памятники, – это просто нереально.

– Я пообещал людям, что кости их родителей, дедов заберу, – сказал Ткачук. – На этом условии они и согласились съехать.

– А так бы не согласились? – встрял милиционер; ему явно было здесь скучно и тошно, и он решил оборвать спор. – Сколько у вас заявлений?

– Сейчас. – Алексей Михайлович достал из портфеля бумаги. – Сорок восемь заявлений...

– Ну вот, это уже ближе к истине!

– Сорок восемь заявлений на сто шестьдесят три могилы.

– Что-о?! – споривший с Ткачуком тоже извлек из своей папки документы. – У меня именно сорок восемь заявлений.

– Но ведь у людей не по одному покойнику здесь, – встрял Брюханов. – Целые семьи...

– Алексей, э-э, Михайлович, ведь мы же столько часов рядом сидели, – не заметив этих слов, досадовал начальник. – Почему вы раньше мне не сказали про сто шестьдесят?..

– Вы не спрашивали, и я думал, что вопрос решен. Заявления еще год назад приняли в дирекции, сказали, что все оформлено как следует. Доверенности жителей у меня при себе.

– Ох, лукавите вы, Алексей Михайлович. Недаром говорят: кутайцы – народ непростой...

– Слушайте! – Ткачука тряхнуло. – Давайте без оскорблений...

– Может, примемся, – сказал кто-то из мужиков. – Все равно выкапывать. Хоть сорок, хоть двести. Вы решайте пока, а мы начнем.

– Ну да, – поддержали, – а то и за неделю не сделаем.

Начали. Темноволосый молодой человек в синей куртке фотографировал памятник, другой в синей куртке записывал данные о покойнике в таблицу. После этого рабочие брались за инструменты.

В конце концов бригада разбилась на несколько пар и троек. Слышался металлический звяк, скрип ломаемых деревянных оградок, хруст разрезаемого лопатами дерна. И еще – ворчание того, кто спорил с Ткачуком:

– Ни плана кладбища, ни документации. В прежнее время просто раскатали бы трактором...

Брюханов отвернулся, сдержался. Не драться же...

– Кстати, – обратился к Ткачуку потребнадзорский, – а давно было последнее захоронение? Информации в сопроводилровке нет...

Алексей Михайлович сидел, прислонившись к стволу сосны, утирался платком, отгонял комаров. Ответил устало:

– Лет семь назад. В последнее время всё в городе...

– Хорошо.

– Чего в этом хорошего?

– Если захоронение производилось в последние пять лет, то эксгумация обязательна. Ну, по санитарным нормам.

Помявшись без дела, Брюханов взял свободную лопату.

– Можно бабушкину могилу начать?

– А вас прививали?

– Нет.

– Без прививки вы вообще не имеете права здесь находиться, – жестко сказал потребнадзорский.

– Пускай верхний слой снимает, – предложил милиционер. – Все быстрее пойдет.

Подошли к скромной могилке. Невысокая, металлическая, со скошенной верхушкой, покрытая голубенькой краской тумбочка, холмик с растущими на нем марьиными корнями обрамлен стругаными досками. С порыжевшего овальчика на живых смотрела, грустно улыбаясь, пожилая женщина в темном платке. Всем здесь, кроме Алексея Брюханова, чужая. Умерла почти тридцать лет назад, и Алексей помнил ее все смутнее, туманнее, несколькими короткими эпизодами, то ли бывшими на самом деле, то ли уже им придуманными...

– Это, конечно, ваше дело, – неожиданно мягко сказал потребнадзорский, – но зачем тревожить? Там ведь, по существу, и косточки уже распались. Человек в буквальном смысле растворяется в земле. Может быть... Есть такая традиция – могила без праха. Кенотаф называется. Заберем памятник, установим на городском кладбище.

Алексей и сам, стоя с лопатой в руке над могилами давно ушедших людей, понимал, что раскапывать, наверно, не стоит... Может, у священника спросить? Да и так видно, что священнику это дело не по душе. И если скажет: «Не трогай, оставь», – то он беспрекословно послушается? Все равно сомневаться будет...

– Я родителям обещал, – перелаывая себя, выдал Алексей и стал разбирать деревянную рамку.

– Погодите, надо задокументировать! Артем, фотографируй...

Углубившись в землю, рабочие надевали респираторы, меняли верхонки на перчатки из толстой резины... И вот раздалось приглушенное респиратором, будто действительно из-под земли:

– Дошел!

Начальники, Ткачук, Алексей обступили разрытую могилу, с пугливым любопытством смотрели, как рабочие выуживают желтоватые кости, что-то металлическое, кусочки истлевшего, напоминающие угольки, дерева, ошметки ткани, кожаной обуви или ремня... Неожиданно перчатка вывернула череп с криво, как в ухмылке, висящей челюстью...

– Господи, – простонал Алексей Михайлович, отшагнув, но тут же вернулся обратно.

Останки складывали в черный мешок. Переборамошив землю в яме, собрав, видимо, всё сохранившееся, подняли мешок наверх. Там его заклеили, прикрепили бумажку: «Сизых Георгий Макарович», – прошлись по бумажке скотчем, понесли мешок к воротам кладбища.

Этого Сизыха, одного из десятков пылёвских Сизыхов, знали в деревне как Титькина. Такое прозвище он получил за то, что любил обрывать хваставшихся добром, хорошим уловом вопросами: «А курицы титьки у ты есть?... Курицы титька-то не попала?» Люди обижались и стали в отместку называть его Куричьей Титькой. Прозвище сократилось до Титьки и прижилось, со временем превратившись чуть не в фамилию. Георгий Макарович вроде не злился, если слышал ее, зато внуки, когда их называли Титькиными, дрались жестоко.

Умирал Георгий Макарович долго, как большинство стариков. Сначала не смог выполнять мужскую работу, потом и самую простую. Днями сидел на лавке возле калитки, подставив солнцу морщинистое, ссохшееся лицо. К нему подходили другие старики, мужики помоложе. Сизых с ними разговаривал, сочувствовал, если у тех были неприятности, давал советы, но стоило кому начать похвастаться, тут же хмыкал и спрашивал: «А куричью титьку в премию не вручили?»

Появлялся на лавке Георгий Макарович реже и реже, а потом узнали: всё – помер.

О нем довольно быстро забыли – ничем особенным при жизни он не отличился. Его ветвь Сизыхов какое-то время продолжали называть Титькиными, но потом перестали. И вот спустя четверть века он вернулся. И всё с той же ухмылкой, будто спрашивал про куричью титьку.

«А как там хоронить будут? – наблюдая за тем, как собирают останки, подумал Алексей. – Для каждого... для каждой горстки костей новый гроб?... Пересыплут из мешков в гробы, заколотят и представят родне? Или прямо в мешках положат?...»

Убеждал себя, что это не так уж важно, что вообще глупо сейчас думать об этом, но вопросы множились, бухли в голове. И происходящее сейчас, то, что будет в морге или где там через два-три дня, а потом на городском кладбище, казалось ненастоящим, нереальным.

Вернулся к участку с родней, присел на лавочку, – та, трухлявая, качнулась под ним, – достал сигареты. Курил, смотрел на таблички с фамилиями, именами, отчествами, годами жизни, на лица...

Весь последний год был уверен, что переносить нужно, а теперь, увидев череп потревоженного, сомневался все сильнее, боялся сделать ошибку, за которую и его, и его живых близких людей накажет высший закон. В далекой древности этот закон велел людям хранить покой своих мертвых, а он, Алексей Брюханов, его нарушает – взял лопату и стал копать.

К тому же есть в этом перезахоронении нечестность, ложь.

Вот собираются на городском кладбище члены большой семьи. Старшие рассказывают детям, внукам о бабушках, прабабушках. И младшие спрашивают: «А они тоже здесь, в Колпинске, жили?» И старшие натужно, стараясь не касаться действительно важного, объясняют: «Нет, в деревне. Там, на реке... Теперь той деревни уже нет». Да, деревни нет, а те, кто там всю жизнь прожил, там умер и был похоронен, теперь лежат здесь. И, получается, ничего страшного, если могилки все-таки сохранены, имена-фамилии, фотокарточки уцелели. Другое дело, когда отвечаешь на вопрос младших, где их бабушки-прабабушки, дедушки-прадедушки так: «Они лежат на кладбище родной деревни. Это место теперь под водой, его затопили из-за вот этой электростанции».

– Слушай, тезка, – подошел Ткачук, – там у ребят, я видел, зубила, молотки. Может, поднимешься, добьешь год на стеле? Пора. Кто знает, когда мы еще сюда попадем.

Алексей обрадованно вскочил – могилки с готовностью заслонила мысль о стеле. Вот оно, в самом деле важное: выбить на металле циферки – год, когда Пылёво исчезло.

– Да, конечно, надо!.. А это... прошлый выбивать или нынешний? Избы в прошлом году пожгли.

– Ставь этот. Кладбище держало еще, а теперь...

– Ну да.

Выпросили пару зубил, молоток, отвертку; Алек-сей попил воды – бригада привезла несколько огромных бутылей – и отправился к Камню влюбленных, на котором несколько лет назад поставили сваренную из стальных листов почти двухметровую стелу с надписью: «Здесь было село Пылё-во. Основано в 1667, затоплено в...». Теперь предстояло уточнить, когда затоплено. Когда все закончилось.

Камень – единственная серьезная возвышенность в округе – километрах в двух от села. Дорога идет с еле заметным подъемом, и вот – каменный бугор, а за ним обрыв. Внизу река, бьющаяся на завороте о стену Камня.

Все детство Алексей слышал от взрослых: «На Камень не бегай!» Но все равно они, пацаны, часто не слушались. Забирались и стояли на самой макушке, держась за как нарочно для поддержки выросшую здесь кривенькую сосенку, и осматривали мир. Огромный, широкий, загадочный мир. И тянуло, подталкивало что-то сигануть с Камня – казалось, не вниз полетишь, а по воздуху. Будешь кружиться, как коршун, – свободно, долго, без всяких усилий. А если надо, отправишься далеко-далеко, в неведомые края... Желание прыгнуть было таким сильным, что начинали дрожать ноги, ладони потели, голова кружилась, и человек пятился назад, сползал с Камня.

Как страшные предания, передавались рассказы о бросившихся отсюда. Одни бросались из-за любви (потому место и получило такое название – Камень влюбленных), другие от обиды, а некоторые вроде без всякой причины: жил-жил человек и ушел на Камень...

Пока поднимался, видел много грибов – желтели, как масло, из-под прелых листьев грузди, обабки аппетитно серели, напоминая куски вареного мяса, манили оранжевыми шляпками волнушки... Сначала Алексей даже сорвал несколько грибов, а потом остановился: куда деть, как нести? Пожалел, что не сунул в карман пакет – в лодке были же, специально взял... Сложил сорванное на край тропы – на обратном пути захватит.

Стела – приваренные друг к другу листы железа – напоминала могильный памятник. Встречаются подобные вдоль дорог, на берегах, а то и в глухой тайге. Вряд ли кто похоронен под ними, но родня, товарищи погибшего привозят памятник на место аварии или несчастного случая с охотником, геологом, ставят, чтоб обозначить место. Теперь это не просто обочина, кусочек берега, частица огромной тайги, а место трагедии.

Так и здесь – действительно могильный знак. Памятник селу, где родились, прожили, умерли тысячи людей. Многие тысячи за эти триста лет...

Не перекуривая, не давая себе снова задуматься, Алексей стал откручивать еще блестящую, но по боковинам тронутую ржавью (а говорили – из нержавеющей стали) плашку с надписью «Здесь было...». Болты тоже начали ржаветь, сростаться с гайками. Но открутил... Нашел удобный камень-плитняк, положил на него плашку. Попробовал одним зубилом, другим. Сталь поддавалась неохотно.

– На то и сталь, – усмехнулся Алексей.

Теперь уже закурил и выкурил всю сигарету, внимательно разглядывая плашку, зубила, молоток, готовясь к долгой, однообразной работе. По сторонам, на воду старался не смотреть. Нечего...

Затушил окурок и приступил.

– Ток, ток, ток, ток, – раздавалось вокруг. Словно механический дятел долбил железную кору.

До темноты всех достать, конечно, не успели. Расположились на ночевку.

Рядом с избой Гусиных растянули большую, напоминающую шатер палатку, перетащили в палатку и избу спальные мешки, одеяла; развели костер, стали варить гречневую кашу, грели у огня банки с тушенкой.

– Настоящая, белорусская! – порадовался кто-то.

Отозвались смешками.

Настроение было приподнятое, душевное, как обычно случается у людей на отдыхе после трудного дела. Даже поругавшиеся днем теперь не то чтобы помирились, а забывали о дневном. Расположились кругом, курили, смотрели на огонь.

Это сидение у костра всегда объединяет, сближает; и начальство сейчас было не отличить от простых работяг.

Ткачук держался особняком. Сидел на ступеньках гусинской избы, ждал ночи, чтобы лечь где-нибудь и уснуть... Скорей бы наступило завтра, скорей бы закончить и – точка. Оставить Пылёво действительно в прошлом... «Но ведь, – одергивала мысль, – похороны будут. И наверняка опять ругань, сложности».

Нет, прошлое долго еще не отпустит...

Слава богу, хоть Люба Гришина уехала... Всю дорогу сюда Ткачук боялся: причаливают, и появляется Люба... Она до конца, в том числе и по его, Ткачука, просьбе держала в Пылёве магазин. Когда наступил срок съезжать, Люба отказалась садиться на паром: компенсацию за потерю бизнеса (хотя какой это бизнес, в последнее время вряд ли какую-нибудь прибыль полу-

чала) ей не давали, и товаров оставалось на четыреста тысяч рублей. Куда их было девать – неизвестно...

Ткачук как глава сельсовета пытался помочь, добиться компенсации, открытия магазина Гришиной в Колпинске. Получал ответ: «Магазин – пожалуйста. Пускай оформляет документы, находит соответствующее здание. А с компенсацией – вопрос решается. Сейчас происходит корректировка проекта в связи с помощью малому бизнесу района».

Магазин в городе Люба открывать боялась, да и нереально было конкурировать с местными. «Задуют в месяц!» Осталась зимовать в пустом, выжженном Пылёве. И постепенно Ткачук потерял с ней связь, перестал справляться о ее делах. А теперь испугался встречи. Но нет – нету здесь уже ни Любы, ни ее магазинчика «Северянка». На месте здания – пятно пожара. Свежее, чернее других. Весной сожгли или в начале лета...

– Э, товарищ директор, – позвали, – иди ишь. А то совсем обессилишь.

Почему-то Ткачука называли директором; в этом обращении слышались ирония, смех... Ладно, чего там, перетерпит.

Поднялся, взял пакет с бутербродами, бутылкой водки, пошел к костру.

– Где твой второй-то? – спросили.

– Да сам беспокоюсь уже. – Действительно, ночь почти, а Брюханов не возвращается.

– Не дай боже он с моим инструментом слинял!

– Куда он денется... И лодка на месте.

Ткачук устроился на еще теплом после дня кирпиче, достал водку:

– С устатку по капле. – Глянул на представителя дирекции по затоплению; тот пожал плечами.

– Тут, может, этого придется искать, – сказал милиционер. – Вместо отдыха.

Кое-кто из рабочих поддержал, и Ткачук почувствовал себя виноватым, поставил бутылку на землю.

– Так, прогорело? – Молодой мужичок в энцефалитке вывалил из помятой кастрюли картошку, стал палкой запихивать под угли.

– погоди! кашу разложим, – остановили. – А то вся в пепле будет.

– А откуда картошка? – спросил Алексей Михайлович; картошка была явно только что из земли.

Мужичок палкой указал себе за спину:

– Да вон деляна. Два куста выдернул – целая кастрюля.

– Насадил кто-то, – вроде как с сожалением вздохнул милиционер.

– Ну дак понятно, не падалкой выросла...

«Мерзляков, скорее всего, – определил Алексей Михайлович. – Его участок там был...» Вслух говорить не стал. Какая им разница – Мерзляков или кто другой допёр сюда в мае несколько кулей семенников, вскопал вручную поле, набросал в ямки картофелин... Теперь собирается ехать за урожаем. Главное, чтоб его не опередили. А то вот так по кустику можно всё повысить.

Ткачук хотел заметить, что нехорошо чужое брать, но не стал – и так дуются за лишнюю работу.

– Идет вроде кто-то, – сказали с той стороны круга.

– Главное, чтоб не медведь, хе-хе.

– Немудрено.

Это был Алексей. И Ткачук, увидев его, понял, как волновался. Как за ребенка.

– Что долго так?

– Туго двигалось. – Алексей присел на корточки. – Ну и... как-то нехорошо...

– Хорошего мало, – неожиданно поддержал представитель дирекции. – Мы вас понимаем... понимаем, как это... Я ведь сам с Шагонара.

– А где такое? – спросил тот, что принес картошку.
– В Туве... Большой поселок был, точнее, город официально. В восьмидесятые попал в зону Саяно-Шушенского водохранилища... Тоже переселили.
– Да? А сами... – в голосе Брюханова послышалось дрожание. – А сами зачем на такую работу пошли?
– Думал, пользу здесь принесу, – ответил представитель то ли серьезно, то ли с сарказмом.
– И как, получается? А?
Алексей Михайлович потянул Брюханова:
– Пойдем на руки полью. Поесть надо – и спать.
Когда отошли, попросил:
– Лёш, не заводись... Давай без ора... У меня что-то давит, – потер грудь. – Ладно?.. Эти – они винтики. До тех, кто накрутил их сюда, нам не добраться, Лёш...
– Ну да, ну да, – пробормотал Брюханов сосредоточенно, явно думая о другом.
– Ты слышишь меня?
– Слышу... Я не буду... А священник здесь?
– Уехал. За ним катер пришел.
– Ну и ладно... А с этими что говорить... – Брюханов сказал это снисходительно-брезгливо. – Лейте, надо действительно умыться. Как-то зудливо.
Вернулись к шаящему красноватыми углями костру; представитель рассказывал:
– ...Приехали к дядьке в Краснотуранск, это рядом с Красноярским морем, и он нас повез рыбачить. Налимов ловить. Плыдем на моторке, я смотрю, а под водой деревья стоят. Лес настоящий то ли елок, то ли лиственниц. Вершины в полуметре примерно от поверхности... И так жутко стало!.. А потом Саяно-Шушенское... Пороги затопили, сорная, больная рыба в верховье Енисея пошла... Тут, думал, иначе будет, по уму...
– Налимов-то наловили тогда? – спросил милиционер.
– Да наловили... Только – пришлось полчаса варить. Паразиты в нем. Почти вся рыба в Красноярском море больная. Живая, плавает, а из брюшек черви торчат...
– Полчаса?! Это что от налима останется после варки такой?
– Каша, ясно!
– У меня же в лодке щучка лежит, – вспомнил Алексей. – Надо запечь, а то пропадет. Здесь-то еще здоровая... Съедем по крошке – помянем деревню, реку.
Мужики невесело захекали.

Ткачук с Брюхановым ночевали в гусинской избе. Там же легло и большинство рабочих. Начальство предпочло палатку.

Брюханов похрапывал, накрывшись курткой, а Алексей Михайлович и рад был уснуть, но никак не мог. Только вроде начинал задремывать, и в груди тут же дергало. Распахивал глаза, прислушивался к себе.

Сердце колотилось, будто пробежал в гору, и при каждом ударе упиралось словно в иглу. Укалывалось, сжималось, боль на мгновение пропадала, а потом, при новом ударе, – снова укол. Не сильный, но ощутимый, пугающий. Казалось, сейчас ударит сильнее, и иглолка проткнет... Сейчас, когда не спал, и сердце, и игла удерживались на грани, а стоило поддаться дреме, и – дергало серьезной болью.

Лучше не спать, не терять контроль над собой.

Алексей Михайлович высосал за ночь четыре таблетки нитроглицерина – не помогало. Хотелось класть под язык еще таблетку и еще, перестать чувствовать это колющее колочение. Но вряд ли таблетки помогут. Вряд ли.

Дождлся рассвета, пробрался к двери, вышел на улицу. Надеялся, на свежем воздухе станет легче.

Постоял на крыльце, дышал как мог глубоко, но свежести не было. Пахло золой, чем-то кислым. Остро, едко надувало размокшим свиным навозом. Видимо, стайку где-то подтопило... Место, где была стайка...

Плеснулось в животе, и Ткачука вырвало сухой горечью.

– Перепил, – попробовал пошутить, отплеываясь, – таблеток.

Присел на ступеньку. Торопил время... Вернется в город, пойдет в поликлинику. А лучше – скорую вызовет сразу на пристани. Надо как следует пролечиться. И начинать новую жизнь. Другую...

Когда прижало с переселением, хотелось повезти семью – жену и младшую дочь, ей восемнадцать, – на свою родину, в Горловку под Донецком, откуда в семьдесят пятом году и приехал сюда молодым специалистом. Стал даже узнавать, какие условия переезда – другая страна ведь теперь, – пытался восстановить связь с родственниками.

Дочь, вечно сонная, усталая какая-то, была вроде и не против, а жена – ни в какую. «Я отсюда не уеду!» К тому же дали две квартиры – отдельно им с женой двухкомнатную и дочери однушку. Вообще-то не положена такая роскошь для трех человек, прописанных по одному адресу, но для начальников, хоть и таких невеликих, как Ткачук, делали исключения. Вроде как, намекали этими щедротами, что не надо очень-то качать права.

Ткачуку особо качать права не пришлось – их Пылёво переселили сносно, никто без крыши над головой не остался, никого откровенно не обманули. С предпринимателями только вроде Любы Гришиной не все гладко, но тут он ничего сделать не мог...

Хотя недовольные, конечно, были, и про него, Ткачука, шептались: квартиры, деньги, машина новая, земельные участки... В деревне личная машина была ему не нужна, а в городе решили купить.

До сих пор Ткачук оставался главой Пылёвского сельсовета (его еще формально не упразднили), но собирался выйти на пенсию – у них тут не нужно ждать шестидесяти лет, район приравнен к Крайнему Северу, – подрабатывать извозом. Прибыльное дело – кого в Богучаны, кого в Канск, кого до ближайшей железнодорожной станции, а это двести с лишним камушков... Уже вошел в таксистскую мафию... Надо зарабатывать – силы пока есть.

Повторяя, как заклинание, «силы пока есть» пересохшим, одревеневшим ртом, Ткачук поднялся, дошел до пластиковых бутылей, набулькал воды в кружку. Влил в себя не глотая – вода проваливалась, словно в яму.

Скорей бы проснулись, продолжили. Закончить, погрузиться и – прочь отсюда. Выполнить последний долг и заставить себя забыть. Может, и уехать подальше. Настоять, убедить жену...

Вернулся к крыльцу, только хотел присесть, как вода метнулась обратно. Холодная, не успевшая согреться в животе, ударила потоком в жухлую траву.

«Что ж это...» Ткачук стоял, согнувшись, на подгибающихся ногах, буквально омывался ледяным потом, удивлялся тому, что с ним происходит... Никогда сильно не пил, но раза два-три отравлялся плохой водкой, и тогда наутро случалось подобное – полоскало прилично, выворачивало нутро. Но все же не так. Сегодня было другое, по-другому. И с чего? Наверняка не от водки – выпил вчера граммов сто. Не могло так с водки, тем более его одного.

Доплелся до дивана возле кострища. Достал таблетку, стал жадно сосать ее, тереть меж языком и нёбом.

Позавтракали быстро и молча, чувствуя неловкость после вчерашних откровенных разговоров. Говорили вчера много и в основном жалели, что приходится сжигать деревни, уничтожать приметы человеческого пребывания... В темноте говорить было легко, а сейчас, на

солнце, перед новым этапом стыдной работы стало совестно, что ли... Набивали живот хлебом и подогретой тушенкой, брали инструменты, шли к кладбищу.

– Мужики, – позвал Ткачук, – я вам не помощник сегодня. Не потяну...

– Да, директор, чего-то ты зеленый совсем.

Подошел Лёша Брюханов:

– Что случилось-то? Действительно, вид неважный.

– Не знаю... То ли отравился чем, то ли сердце опять. Давит. И колотьё такое... нехорошее.

– М-м... да... Ладно, пойду тоже поковыряюсь.

– Может, не надо, Лёш. Пусть они сами. Мало ли... Мы и не прививались... Да и как это видеть? Я вчера насмотрелся, а теперь вот... – Ткачук потер грудь.

Алексей постоял, поозирался, будто придумывая себе дело. Не придумал, махнул рукой:

– Пойду. Мало ли что они там... Возьмут, дерна накидают в мешки...

Ткачук покивал. Да, нужно наблюдать. Нужно. Но сам больше не мог.

Сидел на продавленном, изуродованном диване, прикрыв глаза. Не то чтобы хотелось спать или так, с закрытыми глазами, было легче. Но больно было видеть окружающее. То место, где прожил три с лишним десятилетия. То место и не то – ничего, что было дорого, чему отдал столько сил, не осталось. Черные язвы вместо построек, которые еще недавно составляли село под названием Пылёво...

Чтоб отвязаться от этих мыслей, Ткачук поднялся, побрел было. Сам не решил, куда, но понимал – надо чем-то себя отвлечь.

Сделал несколько шагов, и в груди опять остро и на этот раз особенно глубоко ширнуло, разом лишило подкопленных сил.

Остановился, замер... Игла ушла из сердца постепенно и не до конца. Жало осталось. Как заноза в коже, на самой границе с мясом. Любое движение – и на долю миллиметра углубляется, скребет жилочку нерва... Так и сейчас.

Достал бутылёк с нитроглицерином, выудил таблетку, зажал в ладони. Если что, в последний момент, может, успеет сунуть в рот, раскрошить зубами.

Осторожно вернулся к дивану. Долго усаживался. Сел криво, завалившись на левый бок. Так колотьё было слабее...

Сколько видел бессильных стариков и инвалидов, которым и рукой двинуть трудно. Торчали они целыми днями на лавках, глядели на мир с бесконечной, непереносимой тоской и завистью к тем, кто шевелится легко, свободно... Алексей Михайлович, проходя мимо, сочувствовал, жалел в душе, но никогда всерьез не задумывался, каково им переживать каждую минуту немощи. Сочувствовал как-то мельком, мимоходом, иногда представлял всю их жизнь целиком, а минуту – минуту за минутой – нет. И вот сам сейчас переживал, с невероятным усилием ставшего немощным тела, парализованного болью и страхом мозга, преодолевал каждую минуту.

Три раза лежал в больнице. Один раз ногу ломал, два раза – с сердцем. Тогда прихватывало, но не так, и ложился больше затем, чтоб хуже не стало. Как говорится, в профилактических целях... В больнице время тоже тянется изматывающе медленно, но там рядом соседи, такие же несчастные, объединенные одной бедой; там врачи, медсестры... А вот когда сидишь один, неспособный шевельнуться, не знающий, вспомнят ли о тебе, заберут ли, накормят... И Ткачуку стало жалко себя, жалко до слез. Наверно, так же жалко себя старикам, которых хоть на час оставили одних...

Ночь без сна дала о себе знать – глаза слипались, голова клонила. Алексей Михайлович боялся забыться – поднимал веки, топорщился, но сразу же обмякал и начинал плыть... «Вот так и уплывешь», – как бы со стороны предупреждали его, и он на несколько мгновений приходил в себя. А потом снова обмякал, ронял голову... И сон победил.

Не будили комары и мошка, назойливые пред-осенние мухи; разговоры вернувшихся мужиков, звяк инструментов Ткачук слышал будто из-под воды. Он приоткрывал глаза, отмечал урывками, что они собирают вещи, складывают палатку. Некоторые даже что-то ему говорили, о чем-то спрашивали, но он не мог понять, что именно.

Потом – затрясли. Сначала слегка и, кажется, сразу – сильно, больно. Ткачук вынырнул: – А-а...

– Алексей Михалыч, – перед глазами испуганное лицо Брюханова, – вы чего? Плохо совсем?

– Так...

– На самом пекле сидите. И без фуражки. Спечёт ведь...

– Лёш, – Ткачук стал постепенно оживать, – воды дай. Попить.

Сделал глоток. Решил: если вырвет, то хоть малым.

– Как там? Всё?

– Всё. Всех забрали... То есть кто в списке был... вашем. Остались совсем бесхозные, на них и фамилий нет. – Брюханов старался говорить уверенно и твердо. – Нормально всё. А вы что-то совсем расклеились.

– Да вот... Весь я... В город надо.

– Скоро отправитесь. Мешки... покойников загрузили уже... А может, этот... остеохондроз? Он ведь и в груди бывает...

– Может... Хорошо бы.

Брюханов отошел, и Алексей Михайлович сразу заскользил обратно в сон...

– Что, директор, едешь? – Голос. – Или тут останешься?

– Еду, еду... Плохо мне...

Помогли встать и даже поддерживали под руки по пути к парому. Ткачук вспомнил, что так же сам поддерживал Фёдоровну, местную старуху, когда уезжали отсюда прошлой осенью.

Тогда он был крепким и сильным. Бегал по дворам, ободрял, успокаивал. А теперь... Ведут, как... как ханутого. Есть тут такое слово «ханутый» – резко сдавший, не способный за собой следить.

«Ханутый... хануть... кануть».

– А Лёша где? Лёша Брюханов...

– Твой-то? Вон, с лодкой возится.

И пока Ткачук искал его неверным, расслабленным взглядом, Брюханов уже подбежал к нему.

– Что? Прямо так?... – И сморщился, будто и ему тоже больно.

Завели в лодку, Алексей подгреб к парому, передал рабочим, которые подняли Ткачука на палубу.

– А сумку-то... Сумку забыл, – только сейчас вспомнил он. – Лёш, сумка моя в избе...

– Понял, сейчас!

– Да нет, слушай, не надо. Ничего там важного... Не надо, брось. Пускай остается.

Брюханов кивнул. Стоя в лодке, окликнул представителя дирекции:

– Вы прямиком в город?

– Конечно. До ночи надо разобраться...

– А в Кутае как с кладбищем? Осталось или всё уже?

– Частью весной перенесли, сейчас еще заявки подбираем. А что?

– Да родня там... Не знаю, остались, нет. Надо посмотреть.

– Ну, – представитель пожал плечами, – посмотрите.

– Брат там двоюродный... в Чечне погиб. Плохо, если останется.

– Если менее пяти лет назад захоронен, то обязан быть эксгумирован. Санитарные нормы.

Этот официальный тон сначала задел Брюханова. Ничем сейчас представитель не напоминал вчерашнего жаловавшегося человека, испытывавшего когда-то то же самое, что и они здесь. Захотелось сказать резкое в ответ. Но, видимо, необходим такой тон – он как защита. Будешь на все сто человеком в таких условиях, при такой работе – ненадолго тебя хватит.

На пароме завелся мотор, втащили сходни...

– Алексей Михалыч! – крикнул Брюханов.

Тот, держась за ограждение, смотрел на разложенные на палубе черные мешки. Десятки мешков. В стороне – памятники, кресты; не все забрали, лишь самые крепкие, дорогие... Вот, в общем, и все, что осталось от кладбища, на котором без малого век хоронили пылёвцев...

– Алексей Михайлови-ич!

С усилием оторвал взгляд, повернулся на голос. Под бортом покачивался в лодке тезка.

– Я до Кутая сейчас. Посмотрю там... На пристани встретимся. – И уточнил после паузы: – На городской.

Ткачук покивал рассеянно. Дотащился до пожарного ящика. Сел на него, привалился к стене рубки, устало закрыл глаза... Доберутся, и надо скорую вызвать... Сразу же.

Нащупал в кармане телефон... Скорей бы доехать.

Паром медленно сполз с мелины, пыхтя малыми оборотами, выровнял свое длинное тело и двинулся вниз по реке. Раньше давал прощальную сирену, а теперь ушел молча. Некому стало объявлять, что покидает их, – никто здесь уже не живет, и даже мертвых почти не осталось.

Когда вытаскивали Витьку Логинова, с которым вместе учились, работали, Брюханов ушел подальше. Отвернулся, с напряженным вниманием разглядывал шершавый ствол сосны... Двадцать лет назад Витька погиб. Что там от него осталось за двадцать лет?.. Лучше не представлять, не надо представлять...

Вернулся к гусинской избе, забрал сумку Ткачука. Хоть тот и говорил «не надо», но зачем оставлять... Постоял на месте лагеря. Мусора добавилось. Не-ужели все так и останется, уйдет под воду?

Пошел к лодке. В болотниках идти было тяжело, свернутые голенища бились о ноги. Тело почесывалось и ломило, голова слегка кружилась. Отвык от природы, огоружался.

Столкнул «Казанку», запрыгнул и, пока ее медленно выносило из заливычика, уложил вещи в багажник, покурив, глядя на берег. Мгновение сомневался, куда деть чинарик, потом бросил в воду, опустил мотор, завел. Уселся, погнался...

До кутайского кладбища не добрался. Вся долина, на которой стояло село, превратилась в залитый водой емурынник. Рвы, бугры, рывины... На лодке не пробиться.

Алексей привязал ее к уцелевшему столбу чьих-то прясел, пошел было пешком, но очень скоро провалился в прикрытую сучьями, щепками ямину. Болотники залило, одежда промокла.

Выбираясь, заметил вяло шевелящийся возле смородинового куста рыжеватый меховой комок. Подумал, что, может, кошка попала в беду. Подошел, ткнул в шерсть пальцами. Комок дернулся, и на Алексея уставилась оскаленная мордочка ондатры, грязно-желтые передние зубы подрагивали. Глазки смотрели затравленно и злобно.

– Тишь, тишь, – отступил Брюханов. – Ты чего не прячешься?

Мелькнула идея шлепнуть ее палкой, увезти с собой. Шкурки ценятся, а мясо собаке сварить... Но что-то подозрительно непугливая. Или тоже растерялась, ошалела от таких перемен, или больная...

Дохлюпал до лодки, отжал штормовку, рубаху, вылил землистую жижу из сапог. Проверил мобильник – он был в верхнем кармане, не намок.

Солнце уже сползло на край неба. Еще часа два – и стемнеет. Надо возвращаться.

– Ладно, в городе разужнаю.

Снова оделся, застегнулся, стал грести в сторону русла. Лодка то и дело наезжала на кочки, цепляли ее кусты, проволока, жерди.

– Помойка, а не дно будет...

Паром обогнал недалеко от Большакова. С палубы ему махали, и Алексей мельком пома- хал в ответ.

Прибыл на место уже в сумерках. Пока снимал мотор, брал тележку, закатывал лодку на стоянку, подоспел и паром.

С мотором на одном плече и рюкзаком на другом Алексей пошел к пристани. До города решил добираться с рабочими – за ними наверняка автобус приедет. Или с Ткачуком, с началь- никами. Уж где-нибудь поместится...

Раза два приостанавливался – сорокакилограммовый «Нептун» давил плечо, – переды- хал. Посматривал на паром; там было странно тихо и безлюдно – никаких признаков разгрузки.

Поднялся на деревянный настил, увидел сидящих на корточках мужиков. Начальство тоже было здесь, но сидело не на корточках, а на единственной скамейке. Даже команда парома торчала у ограждения. Многие курили. Молчали.

Алексей спустил рюкзак, потом, поддерживая левой рукой, поставил на доски мотор. Искал глазами Ткачука.

Не нашел, и, словно ледяная волна, окатила догадка... Все же спросил:

– А Алексей Михалыч где?

И рабочие, и начальники смотрели на него. Никто не хотел отвечать, брать на себя этот груз.

– Что случилось-то? – выдавил новый, уже лишний вопрос Брюханов.

– Там, на палубе, – сказал милиционер. – Захрипел и повалился. Сразу... Еще там, после Кутая...

Алексей сделал шаг к парому; мотор упал набок.

– Мы позвонили в скорую, в полицию, – добавил потребнадзорский. – Не едут что-то до сих пор... Экспертизу сделать должны.

– Ну да, мало ли... Еще начнут таскать...

– Да перестань...

Брюханов вошел на скупо освещенную фонарем с рубки палубу и не сразу различил в обилии мешков лежащего Ткачука. Лицо его было прикрыто таким же черным мешком.

Глава восьмая. Ничего личного

Остатки села Большакова – дома Марины Журавлевой и Масляковых, лесопильный завод – держались до июля две тысячи двенадцатого года. Первыми сдались Масляковы – жена Александра Георгиевича, не представляя, как переживет здесь еще одну зиму, собрала самое необходимое и уехала к старшему сыну в Лесосибирск. Тайком уехала – муж и Дмитрий в это время были в Колпинске на очередном судебном заседании. Вернулись – на столе записка: «Больше не могу. Буду пока у Олега».

Александр Георгиевич, и так за последние два года заметно сдавший – еще бы, каждый день в таком напряжении жить, – после отъезда жены совсем расклеился, как-то весь рухнулся. Целыми днями сидел за большим столом на кухне, о чем-то все думал, думал. На вопросы Дмитрия поднимал растерянное лицо, взглядом просил повторить. И даже если сын спрашивал о чем-нибудь пустяковом вроде: «Есть будешь?» – отвечал с горьким выдохом: «Не знаю, брат, не знаю».

Дмитрий стал бояться оставлять его одного. А как не оставлять? Надо наблюдать за лесопилкой, за продуктами ездить в магазин возле колонии. Глаза бы не видели эту колонию, поселенцев, но куда денешься – остальное кругом все разрушено, сожжено... Мчался туда и обратно как угорелый, а в голове стучало: «Только бы не сделал чего с собой!»

Через полмесяца Дмитрий решил: отказаться от избы, получить квартиру. Повесил на воротах фанеру с надписью: «Не сжигайте! Уехали получать ордер»; повез отца в город, стали оформлять документы. Созванивались с матерью.

– Не хочу я в Колпинске этом проклятом! – кричала она. – Предлагали же Сосновоборск, вот пусть там и дают!

Дмитрий, смягчая, повторял слова матери сотрудникам дирекции по затоплению. Те с усмешкой пожимали плечами:

– Жилищный фонд в Сосновоборске исчерпан. Остался Колпинск, или вот в Богучанах еще полдома в резерве.

– Зачем нам Богучаны... Они тоже скоро под воду пойдут.

– Ну, это еще не решено.

– С нами тоже сколько лет не решено было...

Дмитрия перебивали:

– Так, давайте без прений. Мы не проектировщики. Берете двухкомнатную здесь? Комнаты большие, изолированные. Лоджии под стеклом. Новая планировка.

Дмитрий снова набирал мать, уговаривал согласиться на Колпинск:

– Родные места все-таки, мам...

– Тем более не хочу! Все напоминает... И все эти тут же – будут смотреть как на дураков.

– Да почему?

– А что – столько ерепенились, а в итоге к тому же знаменателю.

– Но что делать-то? Отец... – Дмитрий отошел в угол кабинета, – отец совсем... неживой совсем стал.

– Ну вот – довел себя! И меня чуть не довел. Разве бы я сбежала так... Поняла, что еще маленько – и всё...

– Это да. Но делать что теперь? И надо скорей решать – там дом без присмотра, лесопилка...

– Да гори она, эта лесопилка! – заплакала мать.

– Мам, успокойся... Двадцать лет нормально прожили благодаря ей...

– Нормально? В чужих углах теперь...

Дмитрий слушал задыхающийся плач, смотрел на скрючившегося на стуле отца, и его трясло от страха... Да, страшно, когда родители одновременно теряют не только силы, но и разум. Тем более в самый трудный момент. В тот момент, когда нужно объединиться и вместе решить...

– Мам, позови Олега.

– Олег на работе. Он – работает.

«В отличие от меня», – мысленно досказал Дмитрий.

Олег после школы поступил в речное училище, отслужил в армии, а после нее устроился в Лесосибирский порт. В тридцать восемь лет стал старшим сменным диспетчером; и сначала его жена, чуть что, просила: «Олега не трогайте. У него очень ответственная работа», а потом и остальная родня стала бояться отвлекать. Действительно, занервничает, что-нибудь напутает, и – под суд...

В тот день решения принято не было; Дмитрий отвез отца к Юрию, двоюродному дяде, который жил с давным-давно разведенной женой в одной квартире. Долго они сопротивлялись, судились, требуя каждый по отдельной хотя бы однушке, но в конце концов, боясь вовсе остаться без жилья, согласились поселиться вместе.

– Дядь Юр, можно батя у вас переночует? – попросил Дмитрий.

– Ну дак, конечно... Проходите. – Был дядя тоже словно крепко ушибленный. – Проходите... Только у меня кровать-то одна. Но ничего, разместимся... – Саш, – рассмотрел брата, – ты чего такой? – Глянул на Дмитрия: – Инсульт?

– Да нет вроде... Не знаю. – Про себя добавил: «Вполне реально. Так за дни перемениться...»

Стал сбивчиво рассказывать, что мать не выдержала, уехала к старшему, с лесопилкой все по-прежнему непонятно. Вряд ли удастся отстоять или получить компенсацию.

– Значит, переезжаете? – покивал дядя Юра.

– Что ж делать... Приходится. Видите как...

– А я не хочу, может! – вдруг вздернулся отец. – С какой стати?! Кто меня спросил? – И пошел из квартиры.

Как Дмитрий и не совсем настойчиво дядя Юра его ни удерживали, рвался на улицу. Повторял:

– Домой надо! Домой!

Пришлось ехать с ним.

Дмитрий гнал «ниву» по разбитой, местами уходящей в болото, давно не подновляемой насыпке и молил, чтоб дом был целый... На лесопилку уже плюнул – главным было теперь, чтобы дали эту несчастную двушку в Колпинске, чтобы родители снова оказались вместе. Перевести необходимое, а дальше – как-нибудь. Как-нибудь. Теперь – как-нибудь.

Дом был цел, лесопилка – тоже.

Ночью Дмитрий спал вполглаза, слушал отца за стенкой. Тот ворочался, скрипел сеткой кровати, садился, курил... Раньше курил или на крыльце, или – в холода – у печки, теперь же стал в комнатах. Что уж...

Рано утром позвонил брату Олегу – на территории села оставалось две-три точки, где телефон ловил, – стал уговаривать, чтоб убедил мать согласиться на квартиру в Колпинске.

– Да мы едем уже, – перебил Олег, – вместе. К Енисейску подъезжаем. Я как вчера узнал, сразу решил лететь. Надо решать.

– Надо-надо, конечно!..

– Если все нормально, часам к четырем будем.

По прямой между Лесосибирском и Колпинском километров пятьсот. Но на автомобиле по прямой не доберешься – Енисей, тайга и болота преграждают путь. Прямых авиарейсов нет. Чаще всего добираются так: едут из Лесосибирска в Енисейск (это километров тридцать), где

аэропорт, летят в Красноярск, а уже из Красноярска – в Колпинск. Такая получается дуга в тысячу с лишним километров.

– Тогда в городе встретимся. В дирекции этой, по затоплению. Мать знает, где она.

– Добро.

Теперь нужно было уговорить отца снова одеваться в выходной костюм, садиться в машину... Позавтракали, Дмитрий побродил по двору, попытался чем-нибудь заняться. Не получалось. Вернулся в избу, сказал, что пора ехать...

– Зачем? – Отец слабо, но, кажется, искренне удивился. – Мы ведь дома.

– Сожгут нас здесь. Или утопят. Вода каждый день ползет... Надо ехать. Все уже уехали.

Усадил отца в «ниву». Закрыв ворота. Рванул.

В течение дня почти всё оформили по квартире. Попытались настоять на трехкомнатной, которую им когда-то обещали. Но обещавшие давно уволились, а нынешние заявили, что действуют строго по нормативам.

На следующий день прибыл «КамАЗ». Стали загружать мебель, мешки с одеждой, коробки с посудой... Многое было упаковано уже давно.

– А с делом-то нашим как? – почти не принимая участия в скорбной работе, спрашивал отец. – Бросаем, получается?

– Сейчас с этим разберемся, потом с лесопилкой будем решать.

– Так же? – Отец кривился в усмешке. – Ну-ну...

– Бать, ты устал, действительно, – мягко говорил Олег. – Отдохнуть надо, отлежаться...

Кстати, лесопилка-то на кого оформлена?

– Ну, на батю, ясно, – сказал Дмитрий.

– Может, на тебя доверенность выписать? Чтоб ты был в правах. А, бать, ты как?

– Я, конечно... что ж... Димка со мной всю дорогу. Надо если, я – за.

Уже под конец погрузки пришла Марина Журавлева. Похудевшая, постаревшая, в серой одежде напоминающая старуху.

– Всё, значит, съезжаете?

Масляковы виновато закивали.

– Я тоже, скорей всего. Нет сил уже никаких. Как стена, не пробить... Вдобавок муж бывший очнулся – Павлика стал искать. Забрать хочет... Главный по опеке грозился материнских прав лишить, как бомжиху. В общем, не мытьем, так катаньем...

– Они хоть кого укатают, – поддержала мать. – Мы-то люди, а они – механизм!

Дмитрию понравилось это сравнение. Представился огромный стальной мутант с сотнями шестеренок, пил, наждаков, поршней, отверток, кувалд... Пыхтит, скрежещет и лезет, лезет на людей, не желающих сойти с дороги. Кувалды, наждаки, пилы быют, долбят, скребут, режут...

Родители переселились в квартиру, а Дмитрий еще с полмесяца прожил в родном доме...

Изба стояла тихая, огромная, уже неживая. Вот стоило вынести несколько важных предметов (многое осталось), и жизнь из нее ушла... Дмитрий пытался понять, почему так, и вспомнил один случай из детства.

Когда ему было лет пять-шесть, они всей семьей приехали в Красноярск. Отец решил показать сыновьям и дочерям столицу края.

Отправились, конечно, в музей. «Там скелет мамонта!» – восторженно говорил отец.

Скелет мамонта – скрепленные проволочками кости – на Дмитрия никакого впечатления не произвел, а вот стоявший рядом лохматый носорог перепугал так, что он с визгом бросился отцу за спину.

«Ты чего? Он ведь неживой! Гляди, – и отец подвел его к носорогу, – глаза – это ж стекляшки. У живого бы так горели! И шерсть тусклая... Не бойся, это чучело просто».

И теперь, глядя на родной дом, Дмитрий видел, что он как чучело. Макет дома уже, а не дом. И окружающее его – тоже.

Наверное, чтобы хоть на какое-то время вернуть сюда жизнь, Дмитрий решил устроить банный день.

Давно как следует не топили баню – зимой ездили мыться к родне в город, в теплое время года подтапливали слегка, чтоб сполоснуться... Не до настоящей бани без электричества и когда с водой напряженка. Колодцы завалили, загадили после того, как большая часть жителей переселилась; мотор, который качал воду из реки для летнего водопровода, сняли еще раньше. Все возможное сделали, чтобы оставшимся недовольным расселением жизнь здесь стала невыносимой.

Снял заднее сиденье «нивы», поставил туда две фляги. В багажник сложил чистые канистры. Захватил ведра, поехал к реке.

Канистры наполнил быстро, а чтобы залить фляги, пришлось помотаться с ведрами туда-сюда – от машины к реке, от реки к машине...

Привез, вылил во вмазанный в печь бак. Опять же постепенно вылил – черпал из фляг в ведро ковшиком... Затопил печь. Еще раз отправился к реке.

«Куда столько? – сам себе удивился и сразу объяснил: – Лишним не будет».

Хорошенько помыл тазы, полók; дверь в предбанник держал открытой для света – жар еще наберется.

Набил топку сухими березовыми поленьями, вышел во двор... Стайки были нараспашку, будто проветривались, сушились для новой животины. За стаиками – огромный, но почти заросший сорняком огород. Лишь соток пять засадили весной картошкой; две грядочки под чесноком, одна – под морковкой. Батун, укроп, петрушка росли дикарями... Серьезное в этом году садить не решились – какой смысл, если в любой момент могут раздавить бульдозером.

Конечно, если бы мать настояла, был бы огород, как в прошлые годы. Но в марте она не посеяла в ящиках семена помидоров, перцев, капусты, и этого вроде не заметили. В апреле не заговорили, что надо вспахать землю... В мае, когда чистили подполье, достали картошку и лишнюю по-быстрому, молча раскидали по лункам, присыпали землей. Не тяпали потом, не окучивали. Но сейчас она так радующе-надежно темнела густой зеленью в окружении бледно-зеленых сорняков, что казалось, всегда, вопреки всему здесь будет расти пропитание людям...

– Что хотел-то? – спохватился Дмитрий, заозирался, как теряющий память старик. – А, блин, точно!..

Забрался по лестнице на вышку. Там под плахами крыши висели березовые веники. Старые, три года им. Но если аккуратно распарить, может, и сгодятся.

В ожидании, пока вода станет горячей, заправил две керосинки. Еще побродил по двору, убрал под навес ящик с трехлитровыми банками, которые родители хотели взять с собой, но в последний момент бросили: «Куда?»

Вышел за ворота. Первым делом по привычке глянул в сторону лесопилки. Дыма нет. Хорошо... Постоянно, каждую минуту ждал поджога и уже удивлялся, что не жгут.

В балке на лесопилке живет бомжующий мужичок по прозвищу Опанька. Дмитрий подкидывал ему картошки, хлеба, и мужичок исполнял обязанности сторожа. Хотя какой он сторож? Так, видимость: подъедут, велют стоять на месте, и будет стоять и смотреть, как обливают лесопилку бензином, бросают спички...

Повернул голову в другую сторону. Там, на соседней улице, стоял дом Марины Журавлевой. Изба, защищенная забором с лицевой стороны, окруженная стаиками, гаражом... А сзади – жидкие прясла, кое-где повалившиеся.

Между этими двумя жилищами – Дмитрия и Марины – изжеванная гусеницами земля, местами заросшая крапивой, лебедой; изредка зеленели недоломанные ветки черемухи, кусты

малины, смородины... Горы мусора уже не так резали глаза, как после пожаров, – железо в основном вывезли, обгорелые бревна затянулись травой...

Неожиданно для себя Дмитрий направился к дому Марины. Решил позвать ее на баню. Сначала она вроде как испугалась такому предложению.

– Да нет... я тут... у меня... – залепетала.

Она была старше Дмитрия лет на пять; он плохо ее помнил до всех этих событий – уехала, когда он еще учился в школе. Время от времени коротко приезжала к родителям... Так, здоровались, как здороваются с любым в деревне, кроме врагов или откровенно подозрительных незнакомых... И последние три года, когда оставались в числе немногих жителей, а потом и последними, не сблизили. Дмитрий завозил Марине продукты, которые передавали ее родные; несколько раз, когда дом Журавлевых пытались взять приступом эки из санбригады, вступался, требовал документы, постановление на уничтожение построек. Марина тоже прибегала к лесопилке, увидев возле нее движение, тоже кричала, угрожала непонятно чем. А в основном жили порознь, за своими воротами. Иногда и по неделе не виделись. Заметив Марину, несущую от реки ведра на коромысле, Дмитрий порывался было помочь, но останавливался – не принято было здесь помогать в каждой мелочи.

– А чего? – улыбнулся сейчас Дмитрий, тоже смущаясь. – Я воды навозил – полные баки. И постирать можешь.

– Тебе постирать надо?

– Нет-нет, мне не надо. Я сам по мелочи... Решил протопить как следует, похлестаться напоследок. Наверно, последние дни остались и мне, и тебе...

– Я послезавтра уезжаю, – сказала Марина. – Мой бывший опять приезжает насчет Павлика.

– Забрать все хочет?

– Ну да... Но, думаю, не так уж хочет... Его подкупили, что ли, чтоб меня отсюда выкурить...

Дмитрий со вздохом покивал, не очень веря в такой хитроумный план. Хотя все может быть.

– Прижали нас к стене, прижали... Так что, – постарался придать голосу жизни, – придешь париться? Я не настаиваю, – спохватился, чтоб не подумала, что и у него тоже какой-нибудь план, – просто решил предложить... Ну, так сказать, прощанье с деревенской нашей жизнью.

И Марина неожиданно уверенно сказала:

– Да, приду.

В парилке было пекло – сухой воздух входил в грудь мелкими, короткими хапками, обжигал легкие. Сквозь жар чувствовался вкусный запах березы – веники в тазу с водой ожили, листья свежо зеленели.

Держа над головой керосинку, Дмитрий заглянул в бак. Вода двигалась, пузырилась. Больше топить не надо. Достаточно.

Поставил лампу на лавку возле двери – там не так горячо. Не должна взорваться.

Вышел на воздух, и как раз вовремя – в приоткрытую калитку заглядывала Марина.

– Можно?

– Входи-входи! – Дмитрий почувствовал волнение; заволновался не из-за того, что она пришла, а потому, что пришла так быстро.

В одной руке Марина держала сверток с бельем, в другой – банку с чем-то розовым.

– Остатки брусники вот намешала.

Дмитрий принял банку, повел гостью.

– Ух ты-ы! – отпрянула, когда он открыл дверь в парилку. – Даже волосы затрещали!

– Где-то шапки были... Не должны забрать...

Поднял крышку короба-лавки, где хранился разный шурум-бурум: старый ковшик, созревшие вехотки, использованные веники для голиков... Нашел несколько войлочных шапок; достал две, вынес во двор, поколотил о столб, выбивая пыль.

– Вот, держи, – подал Марине и решился спросить: – По очереди будем или как?

Она глянула на него, и Дмитрий угадал, что выбирает ответ. Секунду, но не решалась выбрать.

Выбрала:

– По очереди.

– Тогда – прошу. Разберешься, что как. Воду не жалея.

– На дом мой посматривай. Им только возможность дай...

– Ладно. – Дмитрий вышел из предбанника.

Снова пошлондался по двору. Поднялся в избу. В кастрюле была приготовленная вчера тушеная говядина с картошкой, в ведре с холодной водой утоплена бутылка водки... Пригласить Марину поужинать? Или это уж будет слишком?... Домогательство...

Растопил кухонную печку, поставил греть еду. В голове рисовалась хлещущая себя веником по бокам, спине, ляжкам женщина. Вот сползает с полка, окатывается... Грудь поднимается и опускается от тяжелого дыхания... Почти два года он один: была по-друга, но уехала с родителями далеко, в Шарыпово. Это на юге края. Последние недели перед отъездом она явно ждала от Дмитрия каких-то слов – может, что скажет решительно: «Оставайся со мной!» Или замуж позовет, или с нею отправится... Но Дмитрий отмолчался, и она уехала. Потом спохватился, стал звонить ей – не отвечала. Длинные гудки или – «абонент временно недоступен». Ругал себя, клял, что так тогда поступил, то есть никак не поступил. Был во время ее сборов и отъезда как в каком-то тумане озлобления из-за гибели родного села, их с отцом дела. Злился и на тех, кто сдавался, уезжал; это, наверное, распространялось и на подругу. Тем более что она, наоборот, воспряла: вот-вот будет жить в благоустроенной квартире, ее отцу предложили хорошую работу, до крайцентра часа три на машине...

«Ну и катись», – мысленно бросал ей Дмитрий; старался избегать встреч. И вдруг не стало нужды избегать – исчезла.

Теперь тосковал, скучал. И чем явней становилось то, что и он тоже вот-вот исчезнет отсюда, тем тоска становилась острее. Все было напрасно – злость, борьба за дом, за лесопилку. Два года прожиты напрасно, неправильно...

Проверил дом Марины. Ни дыма, ни людей... Подошел к бане. Крикнул:

– Как дела? Нормально?

– Всё хорошо, – ответила Марина из-за двери. – Заходи.

Она сидела в предбаннике, завернувшись в голубоватую простыню. Сладковато улыбалась, и от этой улыбки обычно напоминающее старушечье лицо стало почти девчоночьим.

– Отличная баня, – сказала. – Спасибо, что позвал.

Дмитрий смотрел на ее розовые, без веснушек и родинок плечи. Кругловатые, крепкие. Знобятицами волнами накатывало возбуждение...

– Да не за что, – ответил механически; присел рядом с женщиной, отвернулся.

– Жалко баню такую. – Теперь голос Марины был как обычно – скорбным, утомленным. – И все другое... У меня в гараже «Иж» стоит. Дедушкин еще... Так-то вроде старье, чермет, а как подумаю, что погибнет... Мы с дедушкой так гоняли!..

– Это с такой люлькой остроносой?

– Угу...

– А, да, помню! – И Дмитрий действительно вспомнил тот мотоцикл. За рулем борода-тый дядька вечно в одном и том же спортивном петушке, а в похожей на ракету люльке за мут-

ным стеклом – надменно улыбающаяся девчонка. – Мы с пацанами тебе завидовали страшно. Сколько раз собирались колесо у люльки проколоть.

– Да? – Смешок.

– Ну так – даже в магазин на мотике!

– Мы в такие чащобы на нем забирались! И на «уазике» не проедешь. Раз чуть не опрокинулись, после этого деда меня ссаживал – следом бежала, а из выхлопушки столбы черного дыма... Я и спала иногда в коляске. Днем заберусь в гараже и сплю, будто в путешествии... Что ж, – спохватилась, – собираться буду. Заболтаемся, а жар спадет, тебе не хватит.

– Да ладно, если что – подтоплю... – Дмитрию хотелось еще поговорить; нашел повод: – Картошку выкопать надо, со дня на день заявятся ликвидаторы.

– А вы, что ли, садили?

– Да немного... Слушай, может, посидим после баньки? У меня мясо с картошкой... выпьем по капле...

Посмотрел на Марину и снова увидел ее такую волнующую нерешительность. Эта секунда показалась ему длиннейшей, как прыжок с чего-то высокого...

– Не надо, Дим, – мягко попросила. – Не надо... Сейчас вот хорошо, и пусть так... Спасибо тебе.

– Хм, ты уже благодарила.

– Я не за баню сейчас...

Она ушла другой, чем была последние месяцы. Распрямилась, посветлела. Словно разбила и смыла с себя шершавую корку горя, убивающего напряжения, иссушающего ожидания худшего.

Легко шагала по бывшей улице, и Дмитрию казалось, что сейчас подскочит и побежит вприпрыжку, как в детстве девчонки любят...

Долго, в несколько заходов, стегал себя веником. Листья летели в разные стороны... Когда силы кончались, выбирался в предбанник, хватал свежий воздух, прокашливался, сплевывая в поганое ведро скопившуюся в легких сероватую слизь. Отпивал брусничную воду и снова заходил в парилку. Бросал на камни кипятка, лупцевал спину, бока, грудь, ноги.

В последний заход помыл шампунем голову, ополоснулся. Поставил таз на полок дном вверх, на него – ковшик. Вынес лампу, затушил.

– Ну, всё.

Решил полежать с полчаса, но уснул и без ужина, не выпив ни рюмки, проспал до позднего утра.

Проснулся легким, невесомым. Долго, не шевелясь, лежал на спине, медленно и подробно, как в чужом доме, оглядывая комнату.

Сквозь прикрытые ставни пробивался яркий свет летнего солнца, и сумрак разрезали сочно-белые, будто свежая краска, полосы.

В сумраке прятались наваленные по углам горки домашнего хлама, который скапливался годами, вроде и не мешал, находясь под комодом, в шкафу, под кроватью. Но началась сортировка – что брать с собой, что оставить, – и он тут же заполнил пространство. Растолкали, и пусть остается.

Стены голые. Бледные пятна на тех местах, где стояла мебель, висел ковер. Лишь карта мира уцелела. Старая, на которой СССР, ГДР, Югославия. По ней старший брат и сестры учили географию, потом и Дмитрий, но уже зная, что не все там так, как стало... Хотели поменять на новую. Так и не поменяли... Мать иногда протирала влажной тряпкой покрывающую континенты и океаны пленку.

С карты взгляд переполз на потолок. Неровный, шишковатый, с выпирающей балкой-матицей. Она казалась надежной, как хребет... Дмитрий пытался представить, какое дерево пошло на эту балку. Огромное, старое, но здоровое. Скорее всего, сосна, а может, и

лиственницу такую нашли. Кто-то из предков нашел, выбрал в тайге, долго спиливал с кем-нибудь в паре. Наверняка ручной пилой джиркали... Обрубили сучья, вытягивали на веревках к дороге, потом как-то доставили в деревню. Наверное, лошадь тащила или грузовик, но все равно дело нелегкое... Ошкурили, отесали, отрезали по размеру, дали высохнуть. Подняли на сруб, уложили, настелили плахи, сверху засыпали глиной. Возвели крышу. И вот много десятилетий эта балка держала потолок, окаменела под штукатуркой, известкой. Оберегай ее от влаги, и, скорее всего, будет такой же крепкой и надежной вечно.

В балку ввинчен крюк, за который зацеплен провод. Еще недавно здесь висела люстра с тремя лампочками, окруженными стеклянными чешуйками. Когда лампочки горели, чешуйки переливались красноватым, голубоватым, и вся комната расцветивалась бледной радугой. А сейчас чернеет страшный, не отпускающий крюк.

«Так, вставать, вставать!» И Дмитрий вскочил, сделал несколько упражнений – подобие зарядки, – быстро оделся. Убеждал себя, что впереди полно срочных и важных дел.

Когда и на чем уехала Марина, он пропустил. Может, на лесопилке был, или за продуктами отскакивал, или картошку копал, увлекся, или просто в избе сидел. Понял, что ее больше нет, услышав деловитые, безбоязненные крики мужиков, взрэвы бульдозера.

Вышел за ворота. Возле Маринино дома сновали человечки в серых куртках, забрасывали в кузов грузовика какие-то предметы – отсюда не разглядеть. Громыхнуло железо. Может, сейчас и «ижак» выкатят...

Вернулся во двор, заложил калитку. Стал собирать еще остающееся важное, грузил в «ниву». Скатал белье, перину... С минуты на минуту явятся и сюда. Их дом тоже формально не существует: в паспорте и родителей, и Дмитрия – новая прописка.

– Есть кто? – сипловатое. И следом удары черенком то ли лопаты, то ли топора в калитку. – Хозяевá-а!

На моментом ослабевших ногах Дмитрий подошел, открыл.

Этих мужиков он знал – поселенцы с колонии. Два года воевал с ними, и вот они победили. Стояли и держали на губах усмешки. Казалось, сейчас сплюнут ему на ботинки и спросят: «Ну чё, чмырина, приплыл?»

– Пора, – сказал явно бригадир, здоровенный, пожилой уже, но крепкий; за какую-нибудь драку с увечьем сел, отбыл на зоне сколько-то лет, а потом оказался на поселении, сделался начальником. – Готов, нет?

В этом «нет» слышалось нетерпение и заведомая досада, что сейчас этот паренек опять начнет сопротивляться, утверждать: еще ничего наверняка не решено, где документы?..

– Готов, – сказал Дмитрий. – Машину выгоню...

Снял жердь, раздвинул ворота. Сел в «ниву», завел. В зеркале заднего вида торчали поселенцы-ликвидаторы. Медленно стал выезжать; они расступились и неспешно направились во двор. Дмитрий выскочил:

– Э, мужики! Я сам!

– Что – сам?

– Сам подожгу.

– До «подожгу» долго еще. Надо проверить.

– Чего здесь проверять? Все, освободил.

– Ну, – бригадир нахмурился, – вдруг баллон какой газовый, бочка из-под бензина...

– Нет тут бочек никаких. Все в порядке.

– Рамы снять надо, – искал бригадир новые доводы, – металл убираем. Негорючее все. Тут система целая...

Дмитрий устал. Готов был позволить им хозяйничать. Но глянул на дом Марины, который ворошила оставшаяся часть бригады, представил чужих под родной крышей и стал закрывать ворота.

– Нет, я сам. Давайте бензин.

– Слушай, ты свои порядки не наводи. У нас – санообработка территории, а не просто – подошел, спичку кинул... Едь, парень. Тем боле тебя тут как бы и нет уже...

– Были дома, которые со всеми вещами жгли!.. Ничего...

Поняв, что бензина ему не дадут, да его и не было у мужиков с собой, Дмитрий достал из багажника «нивы» канистру.

Теперь бригадир встал на пути. Сказал сухо, с угрозой:

– Нам велено негорючее вынести, стекла снять...

– Мужики, – Дмитрий неожиданно для себя заговорил жалобно, умоляюще, – дайте мне самому... Это мой дом, я здесь всю жизнь... Не могу я, чтоб вы... – Запнулся, но досказал: – Курочили.

Бригадир обернулся к своим. Те равнодушно ждали. Один буркнул:

– Я хрен его знает.

– Чё – хрен его знает?! Ты ж потом будешь в золе этой рыться – стекляшки выгребать, железки. Шифер вон...

– Да шифер сгорит, – по-прежнему просительно заметил Дмитрий.

– Его снять положено, вывезти. Это яд... – Бригадиру надоело, махнул рукой. – Все, в общем, грузись и едь. И – забудь. Всё аккуратно сделаем.

И Дмитрий отступил. Сунул канистру обратно.

– Ладно. Только побуду в избе минуту. – Он не курил, но сейчас захотелось. – Сигарета есть у кого?

Бригадир неуверенно, опасаясь какой-нибудь хитрости, достал пачку «Явы». Дмитрий вытянул за фильтр сигарету.

– А спички...

– Хм... Как ты поджигать-то собирался?

– Да есть где-то... сейчас не соображу...

Бригадир щелкнул зажигалкой. Дмитрий затаился, с трудом протолкнул дым в грудь.

– Погодите, я сейчас. Быстро...

Сел на лавку у порога. Поплывшим от табака взглядом обвел кухню. Два закрытых ставнями окна походили на глаза, которые выпучились, пытаются что-то увидеть, но не могут разорвать, сбросить толстые бельма... Огромный стол напоминает скелет какого-то безголового животного – непривычно пустой, голый без клеенки... Печка казалась уменьшившейся, кривоватой, жалкой.

Дмитрий попытался вспомнить, какой кухня была тогда, когда здесь жили, не думая о переезде. Почему-то вспомнилась бабушка, мнувшая тесто на пельмени. Дед чинит подошву унтов; Дмитрий, маленький, ничего еще не умеющий, следит за их работой, учится... В горле булькнуло рыданье.

Бросил окуроч в черную пасть топки, вышел.

Обосновался в подсобке на лесопилке; сторожку занимал Опанька – не выгонять же... Пока поживет здесь, до холодов еще далеко. Тем более что печка есть – маленькая, железная. Ею не обогреешься, но хоть картошку сварить...

То и дело смотрел в сторону своего дома, который был не виден за бугром. Ждал дыма. Дым не появлялся, и становилось все тревожнее... Небо чистое, ярко-голубое. Но солнце не печет, греет сдержанно, бережно, воздух влажноватый – лучшая погода для огородных посадок. В такую погоду огурцы, помидоры, остальное прямо прёт, наливается...

Устроившись в подсобке, расстелив на нарах постель, направился в цех.

Ходил вдоль полотна, по которому гнали кругляк к пиле. Постоял возле накрытой мешковиной циркулярки, вспомнилось, как она чуть не отхватила ему палец. Обрезал доску, и она зацепилась за борт полотна неровно срубленным сучком. Дмитрий толкнул ее сильнее, рука сорвалась. Он до сих пор чувствовал холодный ветерок вращающегося диска и коготок стального зуба, царапнувшего кожу. Царапнул еле-еле, даже кровь не пошла, лишь осталась белая полоска... Дмитрий выключил циркулярку, сел на штабель досок. Трясло. Впервые оказался на той грани, что отделяет здорового человека от калеки. Представил, как бежит с окровавленной рукой домой, разрушает своей бедой непростую, но размеренную, крепкую жизнь семьи...

Это воспоминание потянуло следом другое. Лет в десять Дмитрий поехал с отцом в Колпинск, и там отец встретил знакомого. Вместо трех пальцев на его правой руке были багровые пенёчки.

«Ты куда пальцы дел?!» – воскликнул отец.

Знакомый прямо расплылся в улыбке и с этой улыбкой сказал: «Да Ельцину отправил. Ему нужней – страной руководить».

Эта улыбка и шуточный тон потрясли Дмитрия. И уже когда ехали обратно в деревню, решился спросить: «А что, он рад, что ли, что без пальцев остался?» – «Да как рад? – не понял отец. – С чего ты взял?» – «Ну, улыбается, шутит». Отец покачал головой: «А что ему остается? Про себя-то рыдает – в сорок лет инвалидом остаться. Потому и шутит, чтоб себя не добить».

Тогда Дмитрий не поверил такому объяснению, а точнее – не понял. Ему хотелось еще спрашивать, но боялся узнать что-то по-настоящему страшное, от чего представление о жизни перевернется.

Да, не стал спрашивать, а потом постепенно забыл о том беспалом. И вот вспомнилось, обдало мертвящим ветерком, какой кружится возле зубьев-крючков циркулярки, и Дмитрий, здоровый, целый, ощутил себя увечным – без рук, с изрезанными внутренностями. Бессильный, ни на что не способный, бесполезный. Осталось лишь зло шутить, чтобы не полезть в петлю. Но и шутить не получается – мозг размяк, растрясся...

Сдернуть мешковину с пилы, включить двигатель, закатить на полотно бревно... Даже потянулся к щитку, и замер, и захохотал – света-то нет. Электричества нет. Там, в тридцати километрах, вот-вот загудит ГЭС, погонит куда-то киловатты по толстым проводам, и ради этого их лесопилка – то, что делало их семью неинвалидами, некалеками, – должна исчезнуть. Сгореть, погрузиться под воду.

– Оп-па, эт ты!.. – изумленный и обрадованный голос. – Я думал, чужой кто, дрын вот прихватил...

Из-за штабеля бросового горбыля вышел Опанька. Невысокий, плотный, в старой, но вполне приличной штормовке, истертых, но чистых джинсах. В одной руке и впрямь палка, в другой кукан с десятком рыбешек.

– Тоскуешь? – кивнул на пилу. – Да-а, я б тоже послушал визг ее. Песня жизни, хм...

Дмитрию стало полегче от схожести мыслей – своих и этого бесприютного человека.

Опанька появился в Большакове лет пять назад, и не из дичающих таежных деревень, а откуда-то, как здесь говорили, с материка. Обитал в брошенных избушках; когда его выгоняли из одной, перебирался в другую. Иногда пропадал, потом объявлялся снова. Временами подрабатывал здесь, у Масляковых, а когда лесопилка перестала действовать, стал добровольным сторожем за крышу над головой – маленький дощатый балок-сторожка с одним оконцем.

– Я вот с уловом, – приподнял Опанька кукан, – наварим давай. Или домой поедешь?

– Я здесь теперь.

– Всё? – В голосе сторожа послышался испуг.

– Угу... Жду вот, когда дым пойдет. Но не жгут чего-то.

– Потроша-ат. Им всё в дело...

Дмитрий поморщился:

– Не надо.

– У, понял-понял... Как, ушицу заварганим?

– Не хочу. Вари... Я в подсобке себе устроил – там пока поживу...

«Пока, – повторил мысленно и так же мысленно спросил Опаньку: – Мне-то есть куда потом, а тебе?»

Не спросил, конечно. Ушел в подсобку, лег на нары не раздеваясь, поверх покрывала, накрылся курткой. Стали лезть мухи, комары; перетянул куртку на голову. Спрятался.

Почти два месяца удерживал Дмитрий лесопилку. За это время в городе был считанные разы – проведаль родителей, всячески уверял их, что дела идут нормально. Продуктами затаривался в магазине возле колонии, у поселенцев покупал бензин для «нивы». Деньги они брали неохотно, требуя водку, которую в их магазин не завозили, но у Дмитрия водки не было. «Не езжу в город, комиссию жду насчет компенсации», – объяснял, заодно давая понять, что с лесопилкой дело в процессе решения и жечь нельзя.

Но на самом деле было иначе. Разбирательство в суде застопорилось, заявления в разные краевые инстанции возвращались в район. «Замкнутый круг», – привычно объясняли это себе Масляковы. И чем, как разорвать этот круг – непонятно.

Родители получали пенсию, помогал Олег, а Дмитрий был хоть и защитником семейного дела, но в то же время вроде как и нахлебником. По крайней мере себя так ощущал. Подумывал начать снимать оборудование лесопилки, продать двигатели, пилу – и не решался приступить. Все надеялся.

Рыбачил, рыбой и питался в основном – варил, жарил кое-как на печке. Шли по большей части ельцы, окуни, сорога, пескари, которых у них называли «мокчёны» и ели далеко не все. Брезговали. Но иногда попадались и ленки, хариусы, причем нередко в тех местах, где им совсем не место, – не на быстрине, а в заводях. Будто с ума сошли от перемен на реке.

А река менялась чуть ли не на глазах. Расползалась в стороны, течение было какое-то круговое, а то и обратное. И порой, когда Дмитрий видел, как вырванный куст или коряга плывет к истоку, пугался, что тоже спятил.

Часто жужжали моторные лодки, бухтели паромы и баржи. Что-то всё вывозили и вывозили с верховья.

В конце августа Дмитрий получил важное и тревожное известие. Как раз рыбачил недалеко от лесопилки, а по реке спускались на моторке двое в окружении мешков.

Неожиданно лодка свернула, мотор с жужжания перешел на прерывистые взвивы, а потом и умолк. Мужики приближались к Дмитрию.

«Блин, всю рыбу распугают!» – разозлился он; здесь неплохо брало.

– Здорово! – не причаливая, упираясь в дно веслом, сказал дядька лет шестидесяти. – Ты Маслякова сын?

– Ну да. А что?

– А мы Мерзляковы... Хм, похожие фамилии...

«Ради этого и подплыли?»

– Мы из Пылёва сами, – продолжал дядька. – У бати твоего бруса брали когда-то. Видим, пилорама стоит...

– Стоит. Но не работает.

– Да это понятно... В октябре гидру запускают. Накапливают воду. По восемь сантиметров в сутки поднимется... Пришлось вот картошку срочно копать...

Дмитрий покивал, желая, чтобы они поскорее отправились дальше. Чтобы исчезли. Не хотелось разговаривать. Только-только наступило в душе какое-то равновесие, приучился жить

почти первобытно, привык к ожиданию набегов врагов, был готов их отражать; в определенном режиме жил. И вот подплыли свои и грузят.

– Слышали, распоряжение дано с пилорамой вашей разобраться, – продолжал дядька. – Мусора повсюду полно остается, а целых построек не должно быть. Так что будьте в курсе.

– А от кого слышали? – спросил Дмитрий.

– Знакомый в дирекции работает. У них совещание было, получили, сказал, втык за пилораму. Из Москвы может комиссия приехать, а она стоит...

– Понятно.

Лодка ушла дальше; Дмитрий попытался еще порыбачить, но не клевало, да и не стоялось уже на месте. Вроде бы ничего такого мужики не сказали, но тревога росла, превращалась в панику...

За эти месяцы поселенцы приезжали чуть не по два-три раза в неделю. Явно на разведку, хотя маскировали это под не очень-то ловкие поводы: предлагали купить то бензин, то солярку, продать железо. Иногда Дмитрий покупал бензин, но чаще аккуратно, без резких слов, отказывался. Не стоило их злить, провоцировать на ссоры. Они, видимо, только и ждали, когда Дмитрий пошлет их подальше, чтоб налететь... Дмитрий сдерживался, поселенцы уезжали.

Официальные власти не появлялись. Суд молчал. И до слов этих Мерзляковых Дмитрий уверился, что лесопилку просто бросили – дескать, сама собой утонет. В прямом смысле – концы в воду.

Но вот, оказывается, начальству – непонятному, многоголовому, неизвестно, кого именно представлявшему, государство или миллиардера по фамилии Баняско, – очень нужно, чтобы лесопилка перестала существовать до затопления.

Дмитрий долго ходил вокруг двигателей, пил и цепей и в конце концов решил: вывезет хоть что-нибудь, хоть что-то спасет.

Снял деревянный короб с мотора «Тайга», стал откручивать гайки. Мешали работать воспоминания, как радостно, с осторожностью устанавливали лет семь назад этот самый мотор. И вот толком не поработавшую, не отработавшую свою цену «Тайгу» приходится снимать.

Появился Опанька:

– Помочь?

– Пока не надо. – Лучше одному, наедине...

Дмитрий с Опанькой почти не общался. Виделся, конечно, постоянно – обитали-то в метрах друг от друга, – но разговоров избегал. Его раздражал, злил обустроенный, размеренный вопреки обстоятельствам быт Опаньки, его бодрость, песенки вполголоса. Казалось, что вот человек, долго мыкавшийся по свету, наконец нашел свое место, обрел смысл жизни.

Основным занятием Опаньки была заготовка дров. Притаскивал лесину, долго швыркал ножовкой. Отпилив чурку, колот ее на поленья. Снова швыркал... Складывал поленья вокруг сторожки, словно воздвигал еще одни стены.

– Теплее будет, – похлопывая по поленьям, объяснял. – От ветра защита.

Дмитрий пожимал плечами, удивляясь его уверенности в том, что будет здесь зимовать. Потом понимал: да нет, не уверенность, а надежда. Надежда, стремящаяся стать уверенностью. Дескать, вот так всё и будет. Оставят их в покое, бросят, забудут. И вода остановится рядышком...

А на что еще надеяться? Он, Дмитрий, если прижмет по-настоящему, сядет и уедет к родителям, а Опанька?.. И в дом престарелых не пустят – молод еще для престарелого.

Может, потому и не сходил с ним близко, не вел откровенных бесед у костра, не ел им приготовленное, чтобы потом, когда придется оставлять это место, не чувствовать вину перед этим вновь лишившимся приюта мужичком. «И так даю ему пожить, – успокаивал себя Дмитрий, – даже в лучших условиях, чем сам. Сторожка – почти изба, а у меня – сарай. Вот-вот насквозь промерзнет».

Через пару дней после разговора с Мерзляковыми Дмитрию нанесли визит. Позже, после последовавших за этим событий, он пытался сообразить, что значил этот визит – то ли последнее предложение, то ли окончательное предупреждение, то ли отвлекающий, путающий маневр...

Подъехал к воротам – Дмитрий держал их на замке, хотя ограды вокруг по существу не осталось – огромный черный внедорожник. Выбрались из него немолодые плотные дядьки. Сразу видно – не работяги. Двое в костюмах, один в плаще. Водитель, видя, что Дмитрий идет к воротам медленно, посигналил – поторопил.

– Вы хозяин? – кивнув на строения, поинтересовался седоватый, восточной внешности и говоривший как-то по-восточному мягко мужчина.

Дмитрий остановился в шаге от ворот из стальных прутьев.

– Да. А вы кто будете?.. Если не секрет, конечно.

– Не секрет, – восточный улыбнулся. – Я директор дирекции по подготовке водохранилища. Рашид Рифатов. – И добавил веса отчеством: – Рашид Рагибович.

– Директор? Другой же директор был.

– Котельников?.. Он ушел.

– Хм, – Дмитрию стало забавно, – недолго посидел.

– Недолго. – Рашид Рагибович переступил с ноги на ногу. – Вы наспустите? Нехорошо через решетку.

Дмитрий открыл ворота. Трое начальников, стараясь идти по траве, а не по комьям земли, двинулись к лесопилке.

– Предприятие, как я понимаю, в рабочем состоянии, – сказал директор. – Оборудование укомплектовано...

– Да. – Говорить, что начал разбирать пилы, Дмитрий не стал.

– А что же вы так – все ложе водохранилища готово, только вы остались. До пуска – месяц. И... – Рашид Рагибович сделал значительную паузу. – И участие самого президента согласовано. Понимаете? Он нашел время, а здесь... Может сорваться такое событие. Как так, уважаемый?

«Уважаемым» без имени Дмитрия до этого называли только милиционеры.

Рашид Рагибович остановился и вопросительно-грустно смотрел на Дмитрия. Даже как-то жалеюще, как на неразумного, которого и жалеешь за неразумность, и наказать бы нужно...

Против воли Дмитрий почувствовал себя действительно виноватым. Отвел и опустил глаза. Но стоило только перестать видеть глаза директора, гипноз пропал.

– Мы бы давно перевезли, когда бы нам место дали. В двух судах судились, оценку делали, какая должна компенсация быть, если вот так всё оставить.

– И что же дала оценка? – со скрытой усмешкой спросил человек в плаще.

– Четыре миллиона.

– Да? – Рашид Рагибович недоуменно и тоже вроде как с усмешкой приподнял густые седоватые брови. – Это немало. Очень немало... Из чего возникла такая сумма?

Дмитрий хотел было начать перечислять, сколько стоит оборудование, техника, сколько коллектив лесопилки потерял на вынужденном простое... Вместо этого, чувствуя все нарастающую злобу, особенно после усмешек, сказал:

– Все расчеты у вас в дирекции лежат. Поглядите.

– Но хотелось бы услышать от вас. На месте, так сказать... Мы вот можем обосновать каждый рубль. К финансам относимся очень серьезно. – И Рашид Рагибович из доброго человека стал стремительно, с каждым словом, превращаться в сердитого, готового покарать. – Первые за двадцать лет государство запускает крупное, стратегическое предприятие. Брошены все силы, техника, трудятся в усиленном режиме, на достижение одной цели тысячи людей. Тысяч-

чи! И тут находятся такие, которые не только не помогают, а – наоборот. Которые, по существу, саботируют!

Дмитрий слышал такое только в старых фильмах. Кажется, именно с такой же слегка нерусской интонацией подобное там и говорилось. «Когда все в едином порыве!..»

Стало весело, как перед дракой. Сказать сейчас этому нелепому оратору пару ласковых и выпроводить гостей за ворота. Они вряд ли будут сопротивляться. Повесить замок... А если не захотят уходить – в подсобке есть ружье. Покушение на частную собственность считается уголовным преступлением...

Директор, видимо, уловив настрой этого парня в камуфляжном бушлате, сменил тон:

– Есть такое к вам предложение: мы предоставляем вам две машины «ЗИЛ». Паром выделить нельзя – он не сможет причалить... Так вот, послезавтра придут машины, вы грузите технику.

– А дальше? – У Дмитрия зажгло в груди.

– Сергей Андреевич, – директор указал на мужчину в плаще, – думаю, изыщет место на складах для временного хранения. Я не ошибаюсь, Сергей Андреевич?

– Попытаюсь.

– Нет, так не пойдет, – теперь Дмитрий усмехнулся. – Нам нужна земля, хотя бы полгектара. Не для того мы все эти пилы покупали, чтоб они ржавели на складе.

– Но я же сказал – «для временного хранения». Администрация района рассматривает вопрос о предоставлении участка под ваш бизнес.

– Два года уже рассматривает...

Рашид Рагибович стал терять терпение:

– Молодой человек, эта земля, – мотнул головой полукругом, – уже документально изъята для государственных нужд. Государственных!

– Государственных? А вроде ГЭС Баняске принадлежит, миллиардеру этому...

– Ох, вы, кажется, совсем не понимаете особенностей времени. ГЭС – проект, в котором участвует и частный бизнес, и государство. Так принято во всем мире. Во всем цивилизованном мире!.. – Рашид Рагибович сделал короткую паузу, чтоб успокоиться. – Дирекция по подготовке в моем лице, администрация района в лице вот Романа Борисовича готовы пойти вам навстречу. А вы – не хотите. Поймите, что своим немотивированным упорством вы тормозите всю цепь. Сложную, долго и трудно создававшуюся цепь. Вы знаете, например, что людям в колонии угрожает голод?

– В смысле?

– Колония фактически не выполнила условия договора по санитарной очистке территории. И им не перечислены деньги на закупку питания. Колонии-поселения, как вам наверняка известно, находятся на самоокупаемости. И вот мы не знаем, чего ждать от заключенных, – уже начались признаки недовольства...

«Намек понят», – отметил Дмитрий; ждал, что еще скажет директор и эти двое его сопровождающих.

– Поэтому мы очень просим вас пойти нам навстречу, – голос Рашида Рагибовича снова стал мягким, почти униженным. – Мы пошли, и вы тоже пойдите... Выделяем два грузовика, рабочих, если нужно, и место на нашем складе. И рассматриваем возможность выделения площади под производство. Так ведь, Роман Борисович?

Представитель администрации с явным неудовольствием произнес:

– Это предмет для переговоров.

– Так что, уважаемый, отправлять машины?

Дмитрий секунду-другую сомневался. Потом сказал:

– Без документов, что нам предоставлена земля под лесопилку, я ничего перевозить не буду.

– Да ведь это не решается за пять минут!

– У вас два года было... больше даже, чтобы решить... Гнать людей с земли, где они жили, вы можете... – Дмитрия колотило, говорить стало трудно, будто его кто-то хватал за горло. – Гнать можете, а взамен давать – переговоры. Интере-есно!..

– Вы тут анархию не проповедуйте, – жестко заговорил Роман Борисович. – Это не старые времена, когда любой захватывал и делал что хочет. Хотите – покупайте. Частная собственность на землю у нас теперь разрешена. Покупайте и распоряжайтесь.

– На какие шиши?

– Берите кредит. Или – заключайте договор на аренду. Вообще все предыдущие годы вы арендовали землю с вопиющими нарушениями, и, по закону, и вас, и администрацию сельсовета нужно бы привлечь к ответственности...

– Да на этом месте свалка была!..

Роман Борисович развел руками:

– Территории промышленных и бытовых отходов существуют везде...

– Всё, достало! – Дмитрий почувствовал, что вот-вот может броситься на этого непрошибаемого, крупного, сытого представителя. – Вам надо, чтоб нас не было, а мы – будем! Всё, до свидания.

– Нехорошо вы говорите. – Азиатская манера проявилась в голосе Рашида Рагибовича особенно отчетливо. – Нехорошо. Мы к вам, а вы навстречу пойти не хотите... Но прошу вас подумать.

– Я давно обо всем подумал. – Дмитрий стал слегка успокаиваться, решил еще раз объяснить. – Сами смотрите: у моей семьи был этот заводик. Отца упросили на месте свалки сделать что-нибудь... Мы работали, людям работу давали, у нас покупали доски, брус, дрова... Тут объявляют: «Всё, выметайтесь!» – «Куда?» – «А куда хотите!» Это как, нормально? А?

– Послушайте, – заговорил Роман Борисович, – если бы вы были одни у нас, это одно. Но мы переселяем тысячи людей. Из них сотни – предприниматели... Такого в новейшей истории России вообще еще не было, чтобы столько людей с места на место... Сейчас нет возможности предоставить вам участок, и даже в законе такого нет... Но мы будем пытаться решить вашу проблему. Пока же предлагаем перевозку и склад для хранения.

И тут, в который раз услышав про склад, Дмитрий перешел границу, отделявшую зыбкий мир от откровенной войны. В запале крикнул:

– Да не нужно нам ваше хранение! Мы работать хотим! Когда дадите возможность работать, тогда будем разговаривать...

– Значит, вы категорически отказываетесь от наших предложений? – уточнил директор, гневно шурясь.

– От таких – да!

Дмитрию казалось, что еще немного, и он додавит – отступить-то этому начальству некуда, поэтому и примчались...

– Что ж, нехорошо. Мы к вам с душой, а вы – так... Очень нехорошо.

Рашид Рагибович развернулся и пошел к воротам. Следом – остальные двое. Дмитрий расслышал, как Сергей Андреевич, мужчина в плаще, заворчал:

– Я ж говорил, что ничего не даст. С этим народом... Зря только время потратили.

После разговора Дмитрий не мог найти себе места. Захлестывали злоба вперемешку с почти детской радостью победы и уверенность: начальники примут его условия. Дотерпел, додержался, дождал!.. Испугались, когда прижало, примчались сами. Понятно: возьмет и решит президент перед запуском ГЭС посмотреть, как там на водохранилище. А тут – бац! – лесопилка с ним, Дмитрием. Кто? Почему? По какой причине не переехал? И полетят эти местные шишки. Котельников, предыдущий директор по подготовке к затоплению, с год всего проси-

дел в своем кресле и слетел. До него Наговицына, такого жучару, тоже со скандалом уволили. У Рашида этого наверняка тоже не все чисто... «Норма-ально, – потирал руки Дмитрий, – сдвинулось!»

Даже позвал Опаньку распить заветную бутылку водки, стал рассказывать, что за люди были днем. Не смог удержаться – порадовался вслух скорой своей победе. Опанька же, наоборот, затосковал, задумался.

«Действительно, ему-то это приговор. Куда ему, когда я все вывезу, а остальное спалят?» Хотелось как-нибудь ободрить. Но как?

Допивали уже в молчании.

Ночью приснился яркий, совсем как жизнь, сон. С сюжетом.

Вот он в квартире, утро. Светлая, просторная комната, ванна белая и теплая... Вот завтракает, но почему-то один – родителей нет нигде, – и едет на работу.

Заводик тоже светлый, из свежего дерева, крыши пилорамы, сторожки, подсобки, склада покрыты зеленой металлочерепицей. Территория огорожена рабицей. И там, за оградой, трудятся люди. Дмитрий узнает их – это те, кто был и здесь. Лёшка Щербаков, дядя Юра... А вот отец. Веселый, сильный. «Здорово, брат! – улыбается, направляясь навстречу своей, как раньше, походкой слегка вперевальцу. – Давай подключайся – еще два куба досок срочно надо нарезать».

Когда-то в детстве случалось – от слишком ярких снов перехватывало дыхание и Дмитрий резко просыпался, будто кем-то ударенный... И вот сейчас так же...

Распахнул глаза и долго не мог понять, где он. Почему так холодно и чем это пахнет – прелью какой-то, пылью.

Постепенно все вспомнил, осознал, что не комната, в которой он только что просыпался во сне, а щелястая подсобка. И нет еще заводика, на который поедет, позавтракав, и отец сейчас погасший, сломавшийся... Но ведь есть такое понятие – вещий сон. Может, это как раз такой сон... И Дмитрий стал с удовольствием повторять его сейчас, проживать заново...

Весь день разбирал оборудование, аккуратно укладывал детали, чтобы потом не перепутать, собрать быстро и правильно. Всё прислушивался, не едет ли снова машина с начальством, согласным на его условия. Или гонцы от начальства. А следом «ЗИЛы», рабочие... Быстро грузятся, Дмитрий забирает вещички из подсобки, закидывает в «ниву» картошку, а дальше – всё как во сне.

Но машины не было, давила тишина – даже птицы не щебетали. Исчезли после того, как порубили деревья.

«Ничего, завтра, – успокаивал себя Дмитрий. – Вчера говорили же – “послезавтра”. День прошел, значит – завтра. Как раз успею подготовиться».

Вечером до красноты протопил железную печку, понимая, что она через пару часов остынет – ночи уже под минус, – но хоть заснуть в тепле. Лег, не снимая штанов, бушлат; навалил поверх одеяла тряпья. Уснул быстро, как хорошо поработавший, много сделавший человек.

...Услышал шаги и поначалу не придавал значения – скорей всего, Опанька шарашится. И тут – удар в дверь. Запора нет, да и зачем ее, хлипкую, ни от кого не способную защитить, запирать? К тому же «нива» там, за дверью, – ее охранять надо в первую очередь, а не себя...

Дмитрий подскочил, выпутываясь из одеяла, курток, ослепленный острым столбом света. И из этого столба получил удар в скулу. Голова дернулась, потянула за собой туловище... Завалялся набок... Новый удар, еще...

Бил явно один, бил молча, лишь сопя и при каждом ударе коротко, сухо хэкая.

«Только подняться, – крутилась волчком мысль, – надо подняться». Силы еще оставались... Подняться, отбиться. Еще удар, еще, еще... Дмитрий упал на пол и сразу получил в висок ботинком. Свет погас...

Очухался на улице. Лежал на животе возле «Нивы». Вокруг метались тени, блики; где-то, казалось, очень далеко, размеренно вскрикивал Опанька.

– Во, и ружье у него имеется, – голос над головой, – патронов целый пояс.

– Ага, из него и застрелится!

Смех.

Дмитрия рванули вверх, поставили на ноги.

– Живой пока?

Он увидел незнакомое, широкое лицо мужика лет пятидесяти. Мужик зло кривил рот, а глаза были спокойные.

Держа Дмитрия одной рукой за грудки, стянув, завернув одежду у горла, слегка душа ею, другой рукой мужик обшаривал его карманы. Дмитрий не видел, но чувствовал, как он вынимает мобильник, бумажник с паспортом и деньгами, ключи от машины.

– Вы что творите? – хрипнул Дмитрий, глотая воздух и соленые слюны. – Вам зачем это?

– Ничего личного, земляк. – Мужик на мгновение пересекся с Дмитрием взглядами. – Нам сказали, мы делаем.

«Кто?» – хотел спросить и понял, что об этом спрашивать нельзя; силы немного вернулись, можно попробовать вырваться и если не уработать этого, шарящего по карманам, то хоть убежать. Но рядом с мужиком стояли еще двое или трое. Они перехватят...

– Ничего личного, – повторил мужик. – Ты сам виноват – думать надо было, с кем бундю заводить. У людей проблемы из-за тебя...

И сказав эти несколько явно чужих слов, он будто осознал, что Дмитрий виноват на самом деле, и, не ослабляя хватки левой рукой, правой засадил ему в голову... Сознание опять обвалилось.

Обнаружил себя Дмитрий в тесном ящике. А, багажник... «Ниву» потряхивало, по лбу постукивало что-то деревянное. Черенок чего-то... Пошевелился и застонал от колющей боли в виске, в скуле...

– Погоди, немного осталось, – сказали Дмитрию; это был другой голос, не того мужичары.

– Скоро отмаешься, – добавил третий, молодой, какой-то азартный, – и всем станет полегше.

Разговаривать с ними не надо – бесполезно. По крайней мере сейчас. Вообще лучше притворяться беспомощней, чем есть. Пусть расслабятся. И тогда попытаться сбежать.

Толкнул крышку багажника. Заперта. Разбить окно и вывалиться? Нет, быстро не получится... Остается ждать и надеяться на удобный момент. Или что они передумают... Снова надеяться...

«Нива», ощутил, нырнула в низину.

– Вот тут само то, – сказал азартный. – Толстый, стоп!

– Дуло залепи!

– Чего?!

– Ты меня еще по имя-отчеству называй.

– А, ну извини...

«Не убьют», – обдала теплом мысль. И тут же остудила другая: «Играют?»

Машина остановилась. Мужики, тяжело кряхтя, стали вылезать. Открылась крышка багажника, сильные руки схватили Дмитрия и бросили на землю. Рядом звякнула лопата... Дмитрий хотел приподняться и получил два удара ногой. Один попал по руке, другой – в бок. Там хрустнуло, боль не дала вздохнуть. «Ребра!» – молча крикнул Дмитрий. Скрючился, свернулся, протяжно, сквозь боль, промычал.

– Дернешься, горло сломаю, – сказал тот, что бил. – Ме-едленно подышать будешь, торопить ее будешь, смерть свою... Понял, нет? – И по сравнению с другими – слабенький пинок по ноге выше колена.

Дмитрий хотел сказать: «Понял», – но получился невнятный бормоток. Челюсть не слушалась.

– Чё, копать? – спросил голос азартного.

– Да копать, копать! Утро скоро, пока провозимся... И холодно, сука...

Лопата с хрустом резанула травянистую землю... Один, копавший, фыркнул и плевался, остальные молчали. Кто-то закурил...

Дмитрий лежал на боку, пытался разглядеть лица, узнать место... Тот, что бил, видимо, соскучившись, невольно помог – взял его за шиворот, поставил на колени.

– Ну вот, земля, довоевался. А мог бы жить да жить еще.

Одеты мужики были не в поселенческие бушлаты, а в гражданские куртки, ватники. Но один показался знакомым – как-то приезжал в деревню на санзачистку. А может, просто похож... Да и как утверждать, что это за люди – поселенцы из колонии, или строители гидры, или вовсе нанятые где-нибудь бичуганы, которые сделают дело и укатят за тридевять земель...

Находились в какой-то приречной логовине – рядом с местом, где копали яму, поблескивала в траве вода. Дальше ничего не различить – густая чернота августовской ночи. И, наверное, поэтому не было страшно, точнее, не верилось, что это реальность, что сейчас его, Дмитрия Маслякова, двадцатичетырехлетнего парня, не станет. И последнее, что он увидит, – беловатые столбики света фонариков, потные мужики и эта плотная, как стена, тьма.

Вспомнилась давнишняя передача по телевизору. Там показывали съемку расстрела одного человека. Говорят, запись у боевиков нашли... Обыкновенные парни-кавказцы приводят в какой-то то ли пустующий склад, то ли в цех заброшенного завода мужчину в тельняшке. Расспрашивают, обращаясь на «вы», зачем он приехал в их город, шпион или нет, военный... Парни хорошо говорят по-русски, мужчина слегка нервничает, но не рвется уйти, не повышает голоса. Даже когда парни объявляют, что убьют его. Один достает пистолет, приказывает: «Разувайтесь». Мужчина садится, расшнуровывает ботинки, снимает. Встает. «Можно покурить?» – спрашивает. Ему отвечают: «Нет». Парень поднимает руку с пистолетом; мужчина стоит и смотрит. На секунду-другую оба замирают. Потом – выстрел. Мужчина в тельняшке падает.

Так просто.

– Ну чё, долго еще там? – сказал бывший; Дмитрий решил, что Толстым называли именно его.

– Земля тяжелая...

Толстый достал из машины ружье, надломил его, вставил патроны. Взял курки, ткнул стволом в голову Дмитрию.

– Довоевался, – повторил, видимо, понравившееся слово. – Молись теперь.

– Убери, – размыто сказал Дмитрий. – Что делаешь!..

Грохнуло. И – тугой, режущий уши звон. Сквозь него – крик:

– Я тебя завалю, гаденыш! Завалю и зарю! Завтра здесь вода будет. Вода все скроет. И хрен кто найдет. Ты понял? Понял?!

Тычок стволом в голову. Между затылком и ухом.

«Пугает, – бессильно заклиняло внутри. – Пугает».

– Всё, хорош. Уляжется.

Схватили и поволокли. Точнее – понесли, как котенка, за шкурку... Бросили.

– Как, удобно?

Яма оказалась совсем мелкой. И снова обдало надеждой: «Не будут...» Ведь всплывет, если действительно...

– Мужики, кончайте, – проговорил сквозь болевые щелчки в челюсти. – За ерунду... убивать...

– Думать надо было, как ведешь себя. Раньше думать надо было. А теперь-то что... – И Толстый навел ружье.

Дмитрий всерьез, как о чем-то самом важном, задумался, чем заряжен патрон. Знал, что в поясе есть два патрона с пулями, два – с крупной дробью, штук десять – с мелкой... Можно ли убить мелкой дробью? Если в упор, то, наверное...

– Слушай, земля, а если договоримся? – нарочито неуверенно сказал Толстый. – Можем мы договориться, как считаешь?

– Да не хрен с ним говорить! – встрял азартный. – Заложит ведь, сука! Вальнём...

– Заткнись. – Толстый опустил ружье и присел на кукорки. – Будем договариваться?

– Будем...

– Угу, хорошо. Значит, первое – ты сам сжигаешь эту свою хреновину. Сегодня же. И вопрос закроют. – Подождал. – Да? Нет?

Дмитрий хотел сказать, что позавчера приезжало начальство и вопрос с перевозкой почти решен. Попытался, но первые же слова превратились в кашу, и сил объяснять не было. Замолчал, глядя на ботинки Толстого, ожидая удара.

– Ты чё, пьяный, не пойму...

– Челюсть, – сказал Дмитрий; получилось – «цеюсь».

– Так я не понял – да или нет?

Дмитрий кивнул.

– Так, добро. И второе – насчет звиздюлин. Сам, типа, с крыши упал, еще откуда...

– На машине перевернулся, – подсказали.

– Нам по хрен причина. Главное – сам. А что поучил маленько, так сам виноват. – Толстый заговорил как старший товарищ, и Дмитрий с изумлением и стыдом почувствовал к нему чуть ли не симпатию. – В натуре, чё ты тянешь на всех-то? Всем хреново делаешь... Давай, короче, замнем это дело.

Он помог Дмитрию подняться, спросил:

– Тебя Димкой зовут? Правильно?

Дмитрий кивнул; хотелось плакать от счастья. Сам себя упрекнул: «Мало ж тебе надо».

– Ну как, договорились, земля?

– Да.

Обратно везли уже не в багажнике, а на заднем сиденье. Парализующее ожидание скорой смерти сменилось физической болью. При каждом вдохе и выдохе резало с правой стороны груди, в виске кололо, лицо оплыло, и нижняя челюсть, казалось, рассыпалась там, под кожей. Голова кружилась, тошнило, на глаза давило изнутри...

Но даже не сама физическая боль, а понимание того, что его именно сломали – и физически, и морально, – не давало думать о том, как быть дальше... «В больницу надо, – кричало, требовало. – В больницу скорее надо».

Мужики – их было трое – молчали; тот, что был рядом с Дмитрием, смутно ему знакомый, все отворачивался. Сидевшие впереди напряженно смотрели в лобовуху. За окнами колыхался сумрак – на краю неба появилась, растекалась красновато-серая полоса восхода...

Приехали. Вылезли из «нивы». Толстый открыл багажник.

– Это что в канистре? Бензин?

Дмитрий кивнул, но Толстый не увидел кивка, стал свирепеть:

– А? Не слышу! Ты опять мурыжить решил?

– Бензин.

– Так бери и действуй. Нам ждать некогда... Давай-давай, шевелись.

– Говорил, надо валить, – сказал азартный; он был невысокий, худой, но, кажется, жилистый. – Не будет толку...

Дмитрий достал канистру, понес к лесопилке.

– Сам поймешь потом, что это правильно. Точку ставить пора, – внушал Толстый. – Нам-то по хрену вообще-то – ничего личного. Но другие многие парятся – долбят их за эту вашу херню. А она стоит и стоит... Пора уже... Плескай.

Правая рука слушалась плохо. Открыв канистру, кое-как подняв ее, Дмитрий неуклюже стал поливать столбы навеса, стену сторожки... Вспомнил про Опаньку.

– А эвек? Зесь эвек бый...

– Чего?

– Человек здесь еще был, – отчетливей повторил Дмитрий.

– А, он всё... ушел. Забудь про него... Спички-то есть? Держи тогда.

Надо было сказать про пилы, про вещи в подсобке, про пять кулей картошки, про то, что сегодня, прямо сегодня, скорее всего, из города приедут машины. Но Дмитрий не мог – больно было говорить, да и бессмысленно. Их не убедишь.

Голова кружилась, земля под ногами плыла и словно обрывалась... Сделать вид, что сознание потерял? Может, это спасет, а может, испугаются и бросят в огонь.

– Мы машину возьмем. Потом найдешь... Травмы сам получил. Так? – говорил Толстый. – Паспорт и телефон вернем сейчас... Мы не бандюганы какие... Надо так – поучили. Чиркай давай, и – разбежимся.

Спичка зажглась легко. Дмитрий подержал ее меж пальцев, глядя на это слабое оранжево-синее, красивое перышко, а потом бросил на стену.

Бензин ухнул, пламя разбежалось по доскам.

Глава девятая. Служебная информация

Ни в какой «Вернисаж» Ольга не перешла. Осталась в медленно, но необратимо гибнущем «Голосе рабочего». Муж после того разговора на кухне несколько раз намекал: надо бы воплощать в жизнь, о чем тогда договорились. Ольга отвечала на эти намеки рассказами, что где происходит, сколько повсюду несправедливости, нарушений, откровенного воровства. Муж мрачно кивал.

В командировки, правда, ездить перестала, больше времени стала проводить с дочкой, чаще работала дома. Тем более что написать что-то серьезное в узком кабинете, где сидят спина к спине четверо сотрудниц, было невозможно. Главред понимал это и не возражал против удалёнки.

Проводив дочку в школу, Ольга включала компьютер и погружалась в чужие беды и горести, которыми были переполнены социальные сети, ее личная и редакционная почты.

Людей выселяли из их квартир за долги ЖКХ в общежития, обманывали при покупке и продаже жилья, увольняли с работы по прихоти начальства; родители не могли устроить детей в сады; проваливались тротуары, взрывался газ, горели дома, обваливались стены, лопались и лопались трубы... Казалось, весь их почти миллионный город состоит из сплошь несчастных людей. Но стоило выйти на улицу, оглянуться, и это чувство исчезало: Ольга видела людей деловитых, у многих – улыбки; дома стояли надежно, асфальт на тротуарах лежал крепко, в ближайшем детском саду весело играли детишки. И крики отчаяния в компьютере представлялись ненастоящими, придуманными, вброшенными туда, чтобы посеять панику, лишить сил и энергии жить...

Ольга списывалась с теми, у кого беда, встречалась, расспрашивала, старалась увидеть своими глазами, убедиться... Попавших в беду были сотни и сотни, но среди десятков тысяч более или менее благополучных они оставались неприметны.

И город с каждым годом становился ярче, выше, современнее. Трудно было поверить, что покрытые декоративной обшивкой стены гнилы, под асфальтом – ржавые трубы, что вот здесь, в этом переулке, стоит общага, куда набивают тех, кто не смог оплачивать коммунальные услуги, а вот здесь, за этими окнами, лезет в петлю отец семейства, увязнувший в трясине долгов по кредитам...

Да, эти сотни и сотни были растворены в десятках тысяч, но они существовали, и их становилось все больше. Любой мог оказаться в числе этих сотен и сотен, и об этом Ольга писала свои статьи. О том, что никто по-настоящему не застрахован, не защищен.

«Голос рабочего» погибал, надеяться было уже не на что, и Андрей Иванович, главред, даже самые острые статьи Ольги ставил в номер без обсуждений и сомнений. «Хлопнем дверью посильней», – часто повторял он в последнее время.

Событий за пределами города Ольга старалась не касаться. Во-первых, не могла убедиться, а писать со слов было рискованно – наговорить могли такое, что потом по судам затаскают. А во-вторых, бороться за справедливость по всему огромному краю невозможно, лучше сосредоточиться на его столице. Станет лучше в столице, может, изменится ситуация и в районах...

Но много часов тратила она на чтение писем, сайтов провинциальных газет, материалов своих коллег, документов, распоряжений администраций... Следила и за происходящим в Кутайском районе.

Новости оттуда приходили по большей части не-утешительные, а то и дикие. Многому не хотелось верить – казалось, что это сплетни, пугалки, чья-то действительно подрывная деятельность, о которой в последнее время стали говорить на самом верху... Но многое, очень многое подтверждалось.

«Совершенно точно знаю, что в с. Усово затопили кладбище. Там родственники проводили эксгумацию, но осталось много безродных могил, и они теперь под водой. Также затопили скотомогильник (возможно, с сибирской язвой) метрах в 500–600 к югу от кладбища. Почему “возможно”? Потому что я мясо мертвых коров на экспертизу не брал, но как закапывали падшее стадо, помню отлично».

«А у нас скотомогильник покрыли бетоном. Всё по технологии. А потом стали уточнять место, оказалось, что на километр ошиблись!»

«По мнению ученых-сейсмологов, в районе створа ГЭС находится соленасыщенный порог. В течение двух лет Центр геодинамики и сейсмостойкого строительства пытается убедить заказчиков пробурить скважину, чтобы проверить данные геофизическими методами, а не косвенными. Но заказчики от этого под разными предлогами уклоняются. Если соль находится на глубине трехсот – пятисот метров, то это относительно безопасно – по существующим разломам она долго будет размываться. Если же это около ста метров, то вода при уровне ее в водохранилище выше ста метров и при давлении в восемь атмосфер начнет проникать в природные разломы и трещины, размывая соль. Через пять-десять лет плотина начнет проседать».

«В 1975 году крайисполком выявил в Кутайском районе 37 объектов, которые планировалось перенести в Колпинск, где хотели создать историко-этнографический музей под открытым небом. Пока разрабатывали проект, наступили новые времена, и процесс остановился. В 2005 году провели инвентаризацию, и оказалось, что сохранилось лишь пять объектов. Пока они ждали переезда, из пяти осталось два. Сколько же памятников деревянного зодчества все же переедут из зоны затопления?»

«Далеко не все захоронения перенесены. А хоронили людей до самого недавнего времени. Мы пишем письма в “РусГидро”, указываем, что по Федеральному закону “О погребении и похоронном деле” землю, где были кладбища, нельзя использовать еще двадцать лет. Недавно получили ответ. По мнению юристов корпорации, водохранилище – это не использование территории. Может быть, это и по букве, но точно не по духу закона. Очень обидно за тех, кто так любил эту землю, лег в нее, а теперь может стать источником многих несчастий. Ведь любое захоронение при затоплении несет серьезные экологические риски: от различных вирусов, многие из которых живут чрезвычайно долго, до токсинов вроде трупного яда».

«Чету Деммер расселили по однокомнатным квартирам, одного – в Абакане, другого – в Саяногорске! “Вы развелись?” – спросили мы. “Нет, согласились от безысходности. Нам сказали – лучше жилья не будет”».

«В районе села Проклово появилось белое пятно диаметром примерно двадцать метров. Оно шипит, словно в воду сбросили карбид. Специалисты выдвигают версию, что это захоронение химических удобрений. Не исключена и каустическая сода, так как в селе несколько десятилетий назад располагались кожевенные мастерские».

«До запуска ГЭС остается меньше двух месяцев, и только сейчас, похоже, начинается поиск путей выведения БоГЭС из офшоров... Напомним, что согласно списку аффилированных лиц находящаяся в Никосии кипрская компания “BOGES LIMITED” имеет 93,72 % участия в уставном капитале ОАО “Богучанская ГЭС” – организации по строительству и эксплуатации Богучанской ГЭС, правопреемнике Управления строительством Богучанской ГЭС, которое было создано в 1976 году в составе треста “Братскгэсстрой”.

Строительство ГЭС было возобновлено в 2005 году. Финансирование проекта на паритетных началах взяли на себя частная компания “Россал” и государственная РАО “ЕЭС России”, а после распада этой структуры в 2008 году – один из ее правопреемников “РусГидро”. Но обе стороны практически сразу столкнулись с нехваткой средств.

В последние годы, находясь на высших государственных постах в Правительстве РФ, и Владимир Путин, и Игорь Сечин делали громкие заявления, призывая покончить с практикой финансирования строительства Богучанской ГЭС через схемы с участием кипрских офшоров.

По результатам таких заявлений доля кипрской “BOGES LIMITED” в ОАО “Богучанская ГЭС” не изменилась ни на одну сотую процента.

Каким образом БоГЭС оказалась в офшорах, рассказала пресс-секретарь “РусГидро” Елена Вишнярова: “Когда мы начинали переговоры о возобновлении строительства БоГЭС, в отрасли не имелось свободных инвестиций для того, чтобы делать это за свой счет. Необходимо было привлекать инвестора. Но у него оказались серьезные требования: одним из условий сотрудничества явилась регистрация материнской компании БоГЭС и Богучанского алюминиевого завода в офшорной зоне”.

Этим настойчивым инвестором оказался господин Баняско и его компания “Россал”. Потом разразился финансовый кризис, активы “алюминиевого барона” оказались размыты, но стройку ГЭС завершать как-то было надо. Так компания Баняско из инвестора фактически превратилась в посредника между гидростроителями и государственной казной.

Государственный “Внешэкономбанк”, председателем наблюдательного совета которого является премьер Дмитрий Медведев, фактически финансирует, в том числе бюджетными средствами, офшорный проект. Сумеет ли Баняско возвратить взятый у государства долларовый кредит – вопрос непростой. Срок возвращения заемных средств достаточно большой – 14 лет. Много воды утечет за это время».

«Дюжина сел и поселков района стерты с лица земли, жители худо-бедно расселены. А вот поселок Таежный поистине находится между небом и водой. В законе Красноярского края от 25.10.2007 года № 3–624 были перечислены конкретные адреса домов и квартир, попадающих под затопление. Позже, по настоянию жителей поселка и после проведения новых обследований границы зоны затопления, был утвержден дополнительный список.

Но когда началось затопление, выяснилось, что под воду может уйти и центральная котельная, обеспечивающая теплом все важные объекты поселка (школу, детский сад, почтовое отделение, клуб, администрацию). На сегодняшний день котельную от прибывающей воды отделяет меньше 200 метров. Кроме того, берега размываются, некоторые усадьбы уже сейчас находятся на кромке водохранилища, далеко не вышедшего на плановый уровень. Ухудшилось качество питьевой воды, подтапливаются погребы...

Власти пообещали изучить проблему. Но почему Таежный, находящийся примерно на том же уровне, что и Большаково, Кутай, Пылёво, расселили частично? Оказывается, по словам губернатора края, поселок имеет очень важное стратегическое значение в рамках транспортной логистики. Дело в том, что через Таежный проходит строящаяся трасса Яркино (Кутайский район) – Ванавара (Эвенкия). Ввод в эксплуатацию дороги позволит дополнительно добывать 2,7 млн кубометров древесины в год».

Ольгу давно не потрясли самые вроде бы вопиющие факты несправедливости и откровенного воровства. Наверное, огрубела душой, может быть, отчаялась что-то исправить и изменить... Как билась в прошлом году, чтобы вывести на чистую воду тех, кто заработал и дал заработать на составлении генплана уничтоженных уже деревень. Генплан стоил десять миллионов рублей. Десять миллионов рублей, выброшенных на ветер!..

Ольга упорно пыталась выяснить, когда, кто, зачем заказал этот генплан. «Несколько лет назад заказали», – с полуулыбкой отвечали ей. «Когда именно?» – «А какое это имеет значение?» Ольга изумлялась: «Огромное! Решение о возобновлении строительства было принято в две тысячи пятом году. Опубликовали генплан в две тысячи одиннадцатом. Не могли же его составлять шесть-семь лет». И снова в ответ полуулыбка: «Почему не могли? Генплан – дело серьезное. Требуется время».

Генплан был явно халтурный. Обо всех селах написано примерно одно и то же, и одно и то же светлое будущее им всем прогнозировалось. И его публикация в тот самый момент, когда села эти догорали, была словно издевательство, глумление.

«Совпало, – объясняли Ольге. – А обнародовать было необходимо, так как это общественная информация». Ольга выходила из себя: «Какая информация?! Что на дне будут парки, фонтаны, благоустроенные коттеджи?» – «Что ж, так получилось. Станцию решили достраивать на самом верху и достаточно неожиданно...» – «А почему не отменили разработку генплана?» – всё добивалась Ольга. «Как – отменить? Выигран тендер, привлечены специалисты. Расторжение контрактов повлекло бы такие неустойки и штрафы!.. Вы что, так не делается...» – «А можно все-таки ознакомиться с документами – кто заказывал генплан, кто участвовал в тендере?» А в ответ от одного, другого, третьего собеседника в дорогом костюме: «Я вам не могу предоставить такие документы... И я... Это служебная информация...»

Да и только ли история с генпланом превратилась в тайну, покрытую непроницаемым мраком...

Все и везде было запутано, заперто, скрыто лабиринтом посредников, субпосредников, подрядчиков, субподрядчиков, замками регламентов, подзаконных актов, нормами корпоративной этики, каменной недоступностью начальства, фразой «служебная информация».

Ольга хорошо помнила, как в конце советского времени даже самый маленький начальник мог обещать: «Да, я разберусь, я постараюсь сделать». И разбирался, пытался и часто делал. Как депутаты помогали своим избирателям, даже заискивали перед ними. Застала она то время, когда журналистов одни боялись и устранили беспорядок, только бы не напечатали плохо в газете, другие бежали к журналистам, как к последним заступникам.

Теперь же начальство, депутаты были или совершенно недоступны, или, если соизволяли встретиться, то, не пряча скуки и чего-то, очень напоминающего презрение, выслушивали претензии, людскую боль, стойко переносили чужие слезы и мольбы и в итоге чаще всего отвечали: «Это не в моей власти». – «А в чье-ей?» Тут было множество вариантов ответа: представитель исполнительной власти отсылал к власти законодательной, представитель законодательной – к исполнительной, краевой чиновник кивал на федеральный уровень, федеральный – на краевой...

Однажды Ольга добралась аж до заместителя министра экономики и регионального развития края. Добралась не одна – одну бы ее вряд ли к нему подпустили, – вместе с московскими тележурналистами.

Замминистра долго и складно, увлекательно рассказывал о планах по развитию региона. И уже под конец беседы, а точнее, почти монолога, Ольге удалось задать тот, как ей казалось, самый важный вопрос, в котором содержалась суть проблемы большинства переселяемых из зоны затопления:

– Почему людям предоставляют только жилую площадь – восемнадцать метров на человека, хотя они теряют землю, постройки, вынуждены бросать технику?

И замминистра, глядя на Ольгу, как на глупую девочку, стал объяснять:

– Есть определенный лимит финансирования. Исходя из установленного лимита финансирования и определен норматив жилых квадратных метров. Все зависит от денег. Было бы денег больше, был бы и норматив, наверное, больше.

А дальше дал понять, что вопрос финансирования не в сфере правительства края.

– А в чьей сфере? – настаивала Ольга.

– Водохранилище является федеральной собственностью, – уже с интонацией утомления отозвался замминистра, – подготовка зоны затопления, в которую входит в том числе переселение населения, финансируется преимущественно из федерального бюджета.

– Но ведь именно вы курируете подготовку к затоплению.

– Курировать и финансировать, как вы можете понять, – не одно и то же. – И, не дав Ольге спросить, где же та организация, тот человек, какие определяют, сколько нужно выделить средств на устройство переселенцам достойной жизни на новом месте, замминистра вновь запел о перспективах: – Этот район, где реализуются столь масштабные проекты, ведь это

будущее России. Объективно будущее России! Ведь это вторая Тюмень на самом деле. Строительство гидроэлектростанции – первый шаг. Там мощнейшие общемировые запасы бокситов, железной руды, каменного угля, магнезитов. Это то, за счет чего будут жить наши внуки...

– А за счет чего жить там переселенцам сегодня? – вырвалось у Ольги.

Скулы замминистра, молодого еще человека, повело в сторону, глаза полыхнули. Но он тут же взял себя в руки, улыбнулся:

– Поверьте, никому с голоду и холоду мы умереть не дадим.

По итогам этого разговора Ольга написала заметку, ее опубликовали, а через несколько дней столкнулась с коллегой из другой газеты, Ритой.

– Целá? – вроде как в шутку, но не совсем изумилась та.

– Ты о чем?

– Прочитала о твоей встрече с этим замом. У меня с ним месяца два назад тоже диалог был, но совсем другой. Как жива осталась – не знаю.

Рита посмеялась невесело и рассказала такую историю:

– Узнала, что в минрегионе заседание согласительной комиссии, будут переселенцы без жилья. Пробралась, в общем, правдами-неправдами, нашла кабинет. Захожу – кворума нет, и все четверо или пятеро членов комиссии – чиновники. Ни депутатов, ни прокурорских. Короче, междусобойчик такой, заранее безрезультатный... Представилась, а мне в ответ: «Вон!» Это как раз вот этот замминистра. «Почему? – спрашиваю. – И еще таким тоном». – «Еще раз повторяю: за дверь! В третий раз повторять не буду!» И прямо трясется от злости. А мне, наоборот, как-то легко стало. «Почему это я должна выйти? Я – журналист». Тут он вскочил – и ко мне через весь этот кабинет огромный. Ну, перепугалась, конечно, – бычина такой!.. – Рита выдохнула. – Подскочил вплотную, руки дергаются, а сам пузом меня к двери толкает. «Пройдите!» – «Не выйду! Аргументируйте свое поведение». И он снова как завопит, своим охранникам уже: «Охрану сюда! – И мне: – Вы не будете здесь присутствовать!» Побежал обратно, сел за стол. Прямо мультик какой-то... Я процитировала из закона о СМИ, где о правах журналиста. А он: «Не надо демагогии. Вы – никто». – «Я, по крайней мере, гражданка эрэф!» – «Вы не будете здесь присутствовать!» – «У вас закрытое заседание?» – «Я не собираюсь давать вам никаких комментариев. Сейчас придет милиция, она с вами поговорит». – «Полиция», – говорю. «Не выводите меня из себя! Как вы вообще сюда попали?» – «У меня разовый пропуск». – «Мы разберемся, как вы его получили, как проникли в здание правительства!» Остальные сидят как болванчики. Молчат. И переселенцы молчат, слова боятся сказать... Верят еще во что-то... Полиции, в общем, нет, замминистра водички попил и снова начал беситься: «Где ваше журналистское удостоверение?» Я решила: «Хрен тебе что покажу», – и цитирую из закона, что гарантируется свобода поиска, получения и распространения информации любым законным способом любому гражданину. А он: «Выйдите отсюда, в конце концов! Не мешайте работать!» Тут появляются полицейские эти, и он им прямо истошно: «У нее диктофон!» Ну и меня молча вывели. А на улице, под солнцем, стоит человек тридцать с плакатами: «Мы остались на дне!», «Прекратите геноцид!» Через пять минут всех разогнали. Ну, то есть плакатики поотбирали, пообещали, что, если скандировать будут, – десять суток ареста... Те, кого на комиссию допустили, ничего не добились, конечно... Вот так.

Рита смелой журналисткой была и о работе согласительной комиссии не раз писала жесткие материалы. Поэтому, видимо, на нее и случилась у замминистра такая реакция...

Немногие начальники ведут себя, как этот зам. Большинство же просто не замечают журналистов, да и обычных людей. «Путину буду писать!» – время от времени слышит Ольга от тех, кто устал биться о стену, отделяющую от них местные власти. Потом, при следующей встрече, интересуется: «Написали?» – «А?» – «Вы говорили, что Путину писать будете». – «А-а, – тяжелый взмах руки, – толку-то... Ему и не донесут мою цидулку, выкинут... Да и что я напишу? Не умею я, а умеющим платить надо...»

Ольга считала себя неглупой, образованной, умеющей размышлять, владеющей словом, но и она не понимала, как сформулировать подобное письмо. Фактов несправедливости и воровства были сотни, но их заслоняла, придавливала одна большая не-справедливость, одно глобальное нарушение прав человека – затопление обитаемой земли из-за строительства предприятия, – которое из-за своей глобальности иногда начинало казаться нормой. И появлялось сомнение: вероятно, так и должно быть, иначе быть не может, и все эти претензии отдельных людей, их жалобы – это нечто неизбежное в таком огромном деле, какое делается там, на реке?

Она быстро гасила в себе эту полубезумную мысль, ругала себя, но не удивлялась ей – так непреклонны были начальники, так уверенно они доказывали: в целом всё в пределах закона, всё в штатном режиме, недовольные бывают всегда, – что поневоле им начинало вериться.

А потом вдруг еще вчера, казалось, готовый отдать жизнь за то дело, которому свято служил, увольняется по собственному желанию или его отправляют в отставку, увольняют, а то и заводят на него уголовное дело, берут под стражу... Да, еще вчера высокий, широкоплечий мужчина с серьезным, жестким лицом доказывал: «Это дело государственной важности! Тысячи людей стремятся скорее построить, запустить, поднять регион в ряд промышленных центров, а вы!.. Стыдно, преступно совать палки в колеса такому важнейшему процессу!» Еще вчера стыдил, предупреждал об уголовной ответственности, а сегодня уже за решеткой, подзревает в хищении в особо крупном размере, суд рассматривает меру пресечения... Уволившегося с месяц назад неожиданно объявляют в международный розыск, сообщают в новостях, как он, оказывается, выводил средства за рубеж...

Места же этих уволившихся, уволенных, отставленных, арестованных занимают другие – такие же представительные, серьезные, умеющие говорить складные и горячие речи, выразительно декламирующие тексты законов и постановлений. И к простым людям эти относятся так же – как к чему-то лишнему, путающемуся под ногами, мешающему двигать важное, значительное вперед.

На некоторых должностях за последние шесть-семь лет сменилось трое-четверо деятелей. И даже туда, где несколько предшественников оказывались в заключении, не боялись идти. Садиться в те же кабинеты, руководить, подписывать документы, а потом отправляться в СИЗО...

Раньше Ольга не могла понять, как вот при Сталине не было пустующих постов в ОГПУ, НКВД, – ведь знали же, что до них несколько человек были расстреляны, а все равно шли, работали и затем спускались в расстрельный подвал, подставляли затылок. Или понимали, что без этого государству нельзя, или надеялись, что их-то не тронут, что они станут последними в этой цепочке?

И нынешние, наверное, тоже надеются. Тем более что теперь не расстреливают...

Снова пухнут, как подкисшее тесто, в голове сомнения, снова туманит смута: если этот, и тот, и еще тот, и тот, осужденные или подозреваемые кто в хищении, кто в мошенничестве, кто в нецелевом использовании миллионов, распекали и стыдили других, то где гарантия, что и остальные, пока уважаемые, тоже не воруют тем или иным способом? Вон тот, ушедший с такого высокого поста по собственному желанию, неужели не унес с собой миллионы? А этот и этот?.. А может, и выше, много выше тоже далеко не все чистые и честные. Деньги всем нужны...

Хотелось не думать, не обращать внимания, не находить плохое. Или хотя бы не принимать близко к сердцу. Пыталась убедить себя: «Занимаешься этим, потому и кажется, что все ужасно. Дворники тоже наверняка уверены, что все вокруг только тем и занимаются, что мусорят, врачам кажется, что все болеют, полицейским – что все закон нарушают, каждый – преступник, сантехникам – что у всех протекают краны... Нужно просто выполнять свои обязанности и не доходить до психологии. Станешь философствовать, копать в себе – и свихнуться немудрено. Надо слегка отстанаться».

Снова и снова уговаривала себя относиться ко всему легче, спокойнее, а действительность, как назло, подкидывала новые и новые факты, которые ранили, возмущали... И вот – еще два известия, которые в очередной раз свели на нет все уговоры. И сами по себе они были из ряда вон, да к тому же касались людей, которых Ольга хорошо знала, – Дмитрия Маслякова и Алексея Брюханова. Первого жестоко избили, и теперь он в Колпинской больнице, и второй тоже в больнице, в Канске, с подозрением на сибирскую язву.

Поняла – надо ехать. Сказала мужу.

– Ты же обещала, что без командировок. – Максим мгновенно осунулся, стал немолодым, усталым. – И Насте в школу в понедельник.

– Ну, я на пару дней... – Она почувствовала себя чуть ли не изменницей, рвущейся из семьи; рассердилась на себя, на мужа за это чувство. – Максим, это мой долг – рассказывать людям, что там делается. Одного изувечили, другой с сибирской язвой...

– Но можно же по телефону, скайп у них там есть наверняка... С родственниками спиться по электронке...

– Нет, это не то. Надо своими глазами. – И Ольга торопливо заверила: – С Брюхановым, у которого сибирка, лично, конечно, не буду встречаться. Да меня и не пустят. С врачами поговорю, историю болезни, может, удастся увидеть... Обещаю с Брюхановым не контактировать!

Муж как-то криво, половиной лица усмехнулся на это обещание. Постоял, глядя в сторону от Ольги, пожал плечами:

– Решай сама. Я не могу запрещать.

Ольга поцеловала его, пошла собираться.

– Как поедешь? – остановил Максим. – И куда – в Канск, Колпинск?

– Сначала в Канск, думаю...

– Давай я звякну ребятам, наверняка кто-то сегодня-завтра едет в ту сторону.

– Я на автобусе лучше. С людьми по дороге поговорю, послушаю.

– Как знаешь...

Автовокзал почти в центре города. Главное здание, высокое, каменное, со шпилем, уже давным-давно превратилось в торговый центр – ряды из стеклянных будок-магазинчиков. Торгуют всем подряд – от запчастей для автомобилей до конфет и детского питания.

Иногда в это здание поднимается – лестница длинная – какая-нибудь старушка, долго бродит по узким проходам меж магазинчиков, недоуменно смотрит на платья, безголовые манекены, игрушки в витринах, лифчики, рыболовные снасти, пылесосы и наконец спрашивает дрожащим от немоги голосом одну из продавщиц:

– А где тут кассы-то?

– Вот у меня касса, – говорит продавщица.

– Да не, мне эту, где на автобус продают. Домой надо скорее.

Чаще всего старушке указывают, где купить билет, а бывает, попадаетесь продавщица вредная или действительно не знающая, что сидит в автовокзале, и принимается морочить старому человеку и без того слабую голову:

– Нет тут никаких автобусов. Магазин это, бабушка.

– Да как же?! Мне сказали, что сюда надо. Как я теперь?..

Билетные кассы, зал ожидания находятся за этим большим зданием. В пластиковой пристройке. Рядом – площадка для автобусов. Тесноватая, зажатая со всех сторон магазинчиками, ларьками...

Ольга купила билет до Канска, глянула на часы. До рейса еще минут сорок. Села на свободное место. По соседству беседовали две пожилые женщины.

– ...И всю ночь бегал с двустволкой, всю деревню в страхе держал. И никто ничего сделать не мог, – шелестел печальный голос. – Мы Игоря, как в войну какую, в сарай заташили,

плечо перекрутили, чтоб кровь остановилась... Всю ночь просидели. Потом уж, когда этот уснул, мужики его повязали, ружье отобрали. Били долго... А мы Игоря в район повезли. – Шелест дрогнул, послышались слезы. – А он уже не в себе. Ну, без сознания... Всю ночь с раной такой без помощи медицинской... Теперь вот борются за руку, всю изрезали... Гниет... А был бы участковый, так этого... гадину эту быстро бы утихомирил, Игоря скорее до больницы доставили.

– Да-а, – сочувствующе вздохнула вторая женщина; помолчала, завела ответную историю: – Но вот не знаешь, когда лучше с участковым, когда – нет... У нас два года участкового не было, и было несколько случаев тоже, когда очень бы он помог. Просили, чтоб прислали или из своих кого... И допросились на свою голову. Приехал, голубчик. Сначала вроде хороший человек. С женой, дочка школьница. С двумя чемоданами приехали с Казахстана. Помогали им – картошки дали на посадку, молоком, творогом угощали... И он приветливый, улыбочивый, со всеми перезнакомился, поговорить любил. Ему и прозвание дали – Зайка. У него фамилия Зайков... Месяц-другой проходит, видим, меняется. Улыбка в оскал такой превратилась, и весь – другой. Оказался страшным человеком. Все про всех разузнал – здесь палённой торгуют, там без регистрации живут, там – нарушение, там – не по закону... И все село в такой кулак зажал!.. Кто у нас предприниматели, платили ему как по часам, только б не заявлял. Из всего деньги вытягивал... До чего доходило: ребятишки старый аккумулятор разбили на свинец, он увидел, ребятишек к себе в контору отвел, запер, и к родителям: «Задержан по подозрению в хищении!» У кого хищение, чей аккумулятор – без разницы. «Да мой, – говорит. – Напишу, что мой аккумулятор украли и раскурочили. Или давайте договариваться, или вызываю следственную группу из города». И за ничейный аккумулятор тысяч десять содрал!.. На машину – на джип огромный – собрал денег за год. Еще через год дом выкупил... Гонял на джипе бешено. Сколько кур передавал, поросят!.. Да что это-то?! – возмутилась как бы на себя женщина, вспомнив. – Учительницу из школы так покалечил, до сих пор хромает. Не знаю уж, как он от нее откупился или запугал, но не подала заявления. Упала, мол, сама... А Миша Попов из-за него на себя руки положил.

«Наложил», – мысленно поправила Ольга, и стало стыдно, будто действительно встряла в этот взволнованный рассказ.

– Молодой парень еще был совсем. Ну, выпил с друзьями, домой пошел, а тут этот Зайка. «А, в нетрезвом виде!» И потащил в контору свою. Миша: «Не пойду!» Этот ему руку заламывать, Миша – отпихнулся. Зайка вроде отстал, а ночью из города целая группа нагрянула. Мишу выволокли из дому, увезли. Родители несколько дней искали. И ни в городе, нигде... Потом появился. Не избитый, без синяков, а такой... прибитый такой. Неживой. И тут слух пополз, что там, где держали его, его... ну, опустили... И через несколько дней он взял и повесился. Жена осталась, сын. Но вот, видно, так его... что жить не смог.

– Ужас какой, – покачала головой соседка по сиденью и шевельнула правой рукой, обозначая, что крестится. – Беда-а...

– Выпившим Зайка шагу шагнуть не давал. Где какой праздник, он уже дежурит неподалеку. И как видит, что за ворота пьяненький выходит – к нему. «В состоянии опьянения! Статья такая-то. Протокол, штраф». И не волнует, что человек через два двора живет, рядом жена, дети часто. Никакие уговоры не помогали. Нетрезвый в общественном месте – и всё. И на карман от таких редко брал – ему выгодней было нарушение зафиксировать. Лучший участковый района из месяца в месяц, премии, уважение там, у начальства.

– Так на него управы и не нашлось? – спросила соседка; Ольга тоже ждала, чем же закончится история. Неужели до сих пор правит селом?

– Нашло-ось... Только тоже... Один раз поймал он подвыпившим Димку Якушкина, а он сын журналистки. Она в районе работает... корреспондент... Ну и тоже произошло, как с Мишей. Но только Димка бойчее оказался, и его прямо у нас избивать стали. Полсела бе-

жалось – прорвало людей... Димку не отбили, увезли его. Наших человек двадцать следом в город поехало, в администрацию, к прокурору... Ну и завертелось. Сначала Димку чуть было не засудили за нападение на милиционера, потом Зайку стали судить за превышение – у Димки травмы нашли, почка повреждена, сотрясение... Тут случай помог – прислали нового начальника милиции, ну и он не стал покрывать... В общем, как-то там договорились, и Зайка ушел из участковых, пошел работать на зону, но оттуда быстро сбежал. Теперь подсобником у одного нашего предпринимателя, которого обирал больше других... Пожалел – взял работать.

Соседка громко, досадливо ухмыльнулась:

– Любим мы жалеть, прощать. Только перестал гад какой гадости делать – сразу прощаем. Еще благодарим, что перестал.

– А что делать, – без вопроса в голосе отозвалась вторая, – не убивать же друг друга...

– Вот-вот, – снова ухмыльнулась соседка и отвернулась, словно рассказавшая такую историю была в чем-то виновата.

В Канске, как всегда в командировке, Ольга первым делом отправилась в гостиницу. Места, конечно, имелись... Частая деталь советских фильмов, когда «мест нет!», казалась ей выдуманной. Хотя, может, тогда гостиниц почти не было или люди активно перемещались?..

Наверное, не хватало гостиниц. А теперь в мало кому интересном Канске их с десяток. «Канны», «Сибирь», «Медведь», «Юг», «Атлантида»... Выбирай на вкус и кошелек. Ольга устроилась в отеле «Юг» – номера дороговаты, зато находится неподалеку от инфекционного отделения.

Оформившись, положив вещи, отправилась к отделению. Это было большое, недавно построенное четырехэтажное здание. Долго его строили, трудно...

В приемном покое Ольга поискала взглядом расписание свиданий с родственниками, но не нашла. Спросила у сидевшей за стеклом девушки.

– А кто вам нужен? – та нахмурилась, насторожилась.

Сказать, что к Брюханову, – рискованно. И Ольга ответила размыто:

– Я так, на всякий случай...

– Это инфекционная больница, здесь свидания в индивидуальном порядке.

– Понятно.

Был уже вечер, и сейчас вряд ли разузнать о Брюханове у врачей что-то получится. Решила действовать завтра.

– А главврач когда принимает?

Дежурная внимательно посмотрела на Ольгу.

– А что вам нужно, женщина? Что вы хотите конкретно?

– Узнать, как больница работает. – И решила соврать: – Родственницу сюда должны положить... Волнуемся.

– Не стоит волноваться. Здесь хорошо лечат, оборудование передовое, врачи – профессионалы...

– Да, да. Спасибо.

Ольга уходила, затылком чувствуя недоуменно-подозрительный взгляд дежурной, пытающейся понять, что это за посетительница и что ей на самом деле надо.

И вспомнился случай. Однажды, еще в самом начале девяностых, приехал к ним в город писатель чуть ли не из Москвы. Делал путеводитель «Золотое кольцо Сибири». До того побывал в Тобольске, Омске, Томске, Минусинске. Посещал музеи, осматривал уцелевшие церкви, фотографировал. И в крайцентре принялся заниматься тем же – посещал, осматривал. Между прочим сфотографировал и здание КГБ. А снимал всерьез – со штативом, с выбором ракурса.

К нему очень скоро подошли милиционеры: «Пройдемте». Ольга как раз оказалась рядом, ее поразила сцена: идет этот человек, высокий, худощавый, как нарочно, в клетчатой

кепке с наушниками (в фильмах про Шерлока Холмса такие носят), со штативом на плече. И рядом бегут мальчишки и кричат: «Шпиона поймали! Шпиона поймали!»

Ольга, начинающая журналистка, направилась следом за процессией. Конечно, не знала, что это, что происходит, но почувствовала – может получиться сюжет.

Человека привели не в КГБ, а в отделение, и Ольга без труда прошла туда, встала у стеночки, наблюдала... Человека стали допрашивать: «Кто? Зачем?» Тот объяснял, что собирает материал для путеводителя. Здание понравилось, решил снять. Милиционеры кивали и усмехались. Явно не верили. Да и Ольга не верила – была воспитана на том, что их город – один из промышленных центров, много секретных предприятий, закрытый для иностранцев. А тут такой типчик, слабо похожий на русского. Даже речь странноватая, тянет слова, будто подбирает правильные.

Человек показывал паспорт, свои записки. На милиционеров это не производило никакого впечатления – все так же кивали и усмехались. Тогда человек в отчаянии покопался в кармашках своей сумки, нашел красную корочку. Выкрикнул: «Я член Союза писателей СССР!» И это сработало. Удивительно, но милиционеры подтянулись, старший принял корочку, посмотрел, что там написано, изучил фотографию, печать и стал извиняться... Через минуту заподозренного в шпионаже отпустили, правда, попросив не печатать фотографии здания КГБ и заводов. «Музей там, домик Ленина, Сурикова, а это – не надо». Человек пообещал, и ему поверили на слово.

И вот сейчас Ольге казалось, что дежурная крикнет: «Держите ее! Шпионка!» Подбегут охранники, схватят за руки... Нашупала во внутреннем кармане куртки журналистское удостоверение, командировочные документы...

На следующий день пришла в больницу уже как журналист. Потребовала встречи с главным врачом.

Главврач была на обходе, и Ольга села ее ждать возле регистратуры. Внутрь не пустили.

Прождала, правда, недолго – минут через двадцать к ней подошла пожилая, интеллигентного вида, с усталыми глазами женщина.

– Вы ко мне?

– Да, видимо. – Ольга поднялась с лавочки. – Я корреспондент краевой газеты «Голос рабочего» Ольга Семенихина.

Женщина кивнула, тоже представилась:

– Наталья Александровна Тонина, главный врач инфекционного отделения Центральной городской больницы. У вас какие-то вопросы?

– Да, хотелось бы поговорить... – Ольга не решалась назвать тему, зная по опыту, что собеседник, узнав, о чем его хотят спросить, может просто замкнуться, закрыться и, даже вроде бы отвечая, ничего существенного не скажет.

Так и случилось. Услышав о Брюханове, главврач сделала каменное лицо и с таким лицом ждала вопросы.

– Можно под запись? – Ольга показала ей трубочку цифрового диктофона.

– Пожалуйста.

– Подтверждается ли у Брюханова подозрение на сибирскую язву?

– Анализы отправлены в Иркутский противочумный институт. Ждем результатов.

– А ваше мнение, Наталья Александровна, – это может быть сибирская язва или нет?

– Мое мнение ничего не значит – нужны точные данные... Мы назначили курс лечения.

Язвочки исчезают. Ждем результатов из института.

– А что за курс лечения?

– Восстанавливающие препараты.

Ольга надавила:

– А названия можете сказать?

– Это врачебная тайна.

– Но ведь люди волнуются, не знают, чего ждать!

– Что волноваться? Нужно соблюдать элементарные правила гигиены. А Брюханов, как мы выяснили, пил некипяченую воду из водоема, участвовал в раскапывании захоронений, трогал падшее животное. Ондатру. Хотя практика показывает, что заражение сибирской язвой происходит при общении с крупными животными... Диагноз данного больного пока неясен.

– На территории водохранилища множество скотомогильников, большинство из которых уходит под воду совершенно незащищенными. Это может послужить причиной заражения?

Главврач чуть заметно поморщилась, словно услышала глупость.

– С этим вопросом нужно обращаться не ко мне.

– А к кому, не подскажете?

– Гм, вы сами знаете адресатов... Может быть, в Роспотребнадзор... Мы врачи, мы – лечим.

«Действительно, – вдруг искренне согласилась Ольга, – что я к ней лезу? Ее дело – лечить». И стало как-то стыдно перед этой немолодой, с утра уже утомленной женщиной... Вообще зря сюда приехала... Решила напоследок попытать счастья:

– А можно ли встретиться с Брюхановым?

– Зачем? – Главврач аж глаза округлила.

– Увидеть своими глазами, что у него все в порядке.

– Нет, это исключено. Он находится в боксе повышенной безопасности. Вход туда посторонним категорически воспрещен.

– Но ведь вы сами сказали, что у него, скорее всего, не сибирская...

– Не передергивайте, пожалуйста! Я сказала, что результатов пока у нас нет... В любом случае – у него не легочная форма и не кишечная, а возможно, самая легкая – кожная. Хотя, еще раз повторяю, все скажут результаты анализов. Это может быть и аллергия. Да мало ли что...

Из больницы Ольга ушла почти ни с чем. В гостинице долго мучила свой мобильник, пытаясь дозвониться до краевого Роспотребнадзора. Наконец на звонок ответила пресс-секретарь по имени Ирина.

– Перестаньте нагнетать панику! – возмущенно потребовала она в ответ на вопросы Ольги. – Это уголовное наказание! Ясно?..

– Послушайте, послушайте, но ведь люди должны знать правду.

– Какую правду? Какую еще правду?!

– Есть ли в регионе угроза сибирской язвы...

– О господи, да нет никакой язвы!

– Значит, диагноз у Алексея Брюханова не подтвержден?

Пресс-секретарь на мгновение замаялась. А потом завскакивала с еще большей эмоциональностью:

– Конечно, не подтвержден! И не было никакого диагноза про язву. Навыдумывают, и давай разносить!

– А чем же болен Брюханов? Ведь он уже неделю в инфекционном отделении. Ведь есть же причина?

– Это служебная информация.

– Я-асно! Из-за этого народ и волнуется.

– Из-за чего еще волнуется?

– Из-за того, что от него всё скрывают.

– Никто ничего не скрывает! Когда ответственные лица посчитают нужным проинформировать общественность – она будет проинформирована... Всё, мне некогда толочь воду. До свиданья. – И пресс-секретарь отключилась.

Ольга посидела на кровати, покачивая в руке телефон.

– Отрицательный результат – тоже результат, – успокоила себя услышанной где-то поговоркой.

Да нет, результат был – два интервью, впечатления от больницы... Поднялась, стала собираться. Пора было ехать в Колпинск.

О своем приезде никому сообщать не стала. Снова устроившись в гостинице, походила по городу, прислушиваясь к разговорам людей, наблюдая за прохожими... Вроде бы все спокойно, нормально. И стали опутывать знакомые сомнения: действительно ли существуют здесь такие проблемы, о которых стоит писать, рассказывать тысячам читателей... Наверняка не все идеально, но где идеально?..

Было хуже, становится лучше и лучше. Проблемы решаются. Пусть медленно, со скрипом, и все же... А она вот лезет со своими вопросами, мешает постепенному движению вперед, раздувает из мухи слона.

«Да уж – муха! – возмутилась своим мыслям. – Один с непонятным диагнозом в боксе повышенной безопасности, другой избитый в больнице».

Нашла в записной книжке адрес Брюхановых – телефона жены Алексея у нее не было, а алексеевский все эти дни молчал, – пришла к дому, набрала номер квартиры на домофоне.

– Да? – после пиликания испуганный женский голос. – Кто там?

Ольга назвалась.

– Я ничего не могу сказать. Ничего не знаю, – ответил голос.

– Послушайте, я хорошо знакома с Алексеем. Я хочу разобраться в ситуации. Помочь, – убеждала Ольга. – Я была в больнице, в Канске, меня не пустили к нему... Пожалуйста, разрешите поговорить с вами.

– Я ничего не знаю. – И уже сквозь слезы: – Извините!..

Минуто-другую Ольга подождала у двери. Надеялась, что жена Алексея одумается, выйдет, все расскажет.

Нет, не выбежала...

Ольга позвонила старшему Маслякову, договорилась о встрече. Жили они недалеко, на соседней улице.

– Проходите, проходите...

Александр Георгиевич и его жена Людмила показались Ольге совсем беспомощными, угасшими. В глазах – старческая просительность и тоскливая какая-то надежда.

– Где Дмитрий? – Ольге показалось, что его уже нет на свете. – Он в больнице? Да?

– Дома, – пробормотал Александр Георгиевич. – Вчера привезли.

– В больницей опасней, чем здесь, – добавила жена. – Там такое случилось...

Ольгу провели в комнату, где лежал Дмитрий.

Серое лицо с коричнево-сизыми пятнами синяков, багровые коросты на месте губ... Глаза заплывшие... Посмотрел на вошедшую, узнал Ольгу, замычал, дернулся подняться.

– Лежи ты! – досадливо вскрикнула мать. – Опять ребра съедут... – И, обращаясь к Ольге, объяснила: – Три ребра сломали, челюсть...

– Здравствуй, Дима, здравствуй, – кивая при каждом слове, сказала Ольга. – Лежи, конечно. Не надо... – Хотела спросить: «Как ты?» – но поняла, что нелепо спрашивать, и так все видно. Да и, судя по мычанию Дмитрия, ответить он вряд ли сможет.

– И скулами не шевели, – продолжала мать, – дай срастись хоть немного. А то всю жизнь потом болбокать будешь.

– Ольга Борисовна, – отец Дмитрия пододвинул стул, – садитесь вот.

Ольга присела. Смотрела и смотрела на Дмитрия. Не то чтобы синяки и царапины были страшны. Не это было страшно – ей приходилось видеть лица, измолоченные в фарш... Вспоминался Дмитрий другой – тот, на лесопилке. Молодой, крепкий, злой. Хозяин, у которого отнимают хозяйство. Но он был готов стоять до конца... И вот отняли.

– И ведь, – плача, рассказывала мать, – ведь самого поджигать заставили! Ведь это садизм самый настоящий... Лежи ты! – снова крикнула Дмитрию. – Потом сам все расскажешь. Пусть хоть срастется там маленько...

– А почему забрали из больницы? – спросила Ольга.

– Ну а как... – начал было Александр Георгиевич, но так вяло, что жена тут же перебила:

– Это вообще ни в какие ворота! За такое сразу надо садить... Дима, в общем, написал заявление, показания дал...

«Как? Письменно или устно? – захотелось уточнить Ольге, но сдержалась. – Позже».

– Сказал, что узнал одного – он в бригаде был, когда дома жгли. Из этих, из поселенцев... Начальник колонии сразу присылает бумагу: в ту ночь, мол, когда произошла драка – он, сволота, такое избиение дракой назвал! – все находились на территории колонии, отлучек не зафиксировано. А через день начальники эти сами в больницу пожаловали. Дождались, когда Дима один в палате останется, и говорят: «Дал показания – думай о последствиях». Предложили забрать заявление, пока не поздно... Ну, тут мы и решили его увезти. Пусть здесь, чем там... Возьмут, действительно, вколют чего-нибудь – это ведь не только в фильмах бывает...

– Да-а, – вздох Александра Георгиевича, – сломали они нам хребет... Был бы я помоложе, да сил бы...

Жена снова перебила:

– Да перестань! Довоевались. Оба! Один вон весь... другого чикануло...

– В смысле? – не поняла Ольга.

– Ну, insult случился. Не сильный, говорят, но все равно... С Димой еще непонятно – может, и инвалидность придется оформлять. Тоже ведь... и внутренности поотбивали.

– Надеялся я на ребят с Чечни, – по-прежнему медленно, как понимала теперь Ольга, не вяло, а с усилием заговорил Александр Георгиевич, – думал, они поднимутся. Много их, и племян мой из них, Андрюха. А нет – тихо. Порастворились в этой жизни гадостной, приспособились... А собрались бы да передавили гнид...

Жена Людмила скривилась, покачала головой:

– И что бы было с ними? Объявили бы террористами и постреляли... Им только этого и надо, чтоб премии получать. А весь народ никогда не поднимется.

– Весь народ не поднимется, – повторил-согласился Александр Георгиевич.

Воспользовавшись паузой, Ольга спросила:

– А про сибирскую язву что у вас слышно? Я вчера в Канске была, хотела с Алексеем Брюхановым встретиться. По крайней мере, увидеть...

– Да что слышно... – сказала Людмила. – Ничего толком не слышно. Разве мы достойны, чтоб нам что-то объясняли?

– Хотела зайти к жене Брюханова – она не пустила. В домофон крикнула: «Ничего не знаю».

– Это продавщица которая?

– Наверное...

– Ну, ее помуржили, говорят, не дай бог. И дочку их.

– А что такое? – Ольга незаметно включила диктофон.

– Да, говорят, всю квартиру чем-то опрыскали, одежду мужа сожгли. С них взяли подпису, что столько-то дней ни с кем общаться не будут. Ну, вроде карантина.

– М-м, – кивнула Ольга, – поэтому, видимо, она меня и не пустила.

– Может, и поэтому... В общем, как прокаженные они какие. Не знаю, как продукты покупают... И старших Брюхановых тоже на карантине держали. Но они хоть в доме, не в квартире этой тюремной. – Людмила, будто впервые здесь оказавшись, оглядела комнату. – И тут ведь все одно к одному. Слышали, Ткачук умер, Алексей Михайлович? Глава Пылёвского сельсовета. И так нехорошо умер...

– Почему ж нехорошо? – на этот раз перебил Александр Георгиевич. – Всем бы так...

– Ну вот вам всем только умереть теперь! Жить надо... дальше жить надо!

Про Ткачука Ольга читала в Интернете, но подробностей не знала. Слушала Людмилу.

– Поехал, в общем, с бригадой в Пылёве могилы раскапывать...

– Кадбище пееносить, – кое-как поправил Дмитрий.

– Ну молчи ты, нельзя тебе говорить! И так со следователем наговорился... И, в общем, на обратном пути его инфаркт свалил. Или инсульт, не знаю... Привезли уже неживого. С этими вместе... кого он выкапывал... А с ним и Брюханов был, Алексей. Он после приезда и заболел – температура, сознание стал терять, язвы появились... Переполох тут такой начался!.. Ткачука после похорон хотели выкапывать – вдруг и у него сибирка. Пока не стали, ждут, что с Брюхановым решится...

– Как там... – слабо улыбнулся Александр Георгиевич, – Шекспиру и не снилось.

– Это уж точно. Страсти такие, что... Ох, – Людмила встряхнулась, будто сбрасывая ношу плохого, – давайте хоть чаю попьем, а то... Как-то надо жить дальше. Пойду воду поставлю.

Возвращаясь в гостиницу, Ольга услышала слова, которые добавили еще вопросов. Двое мужичков медленно проходили навстречу, и один говорил:

– Да какая зарплата! За хреновую жратву работаем. На курево рыбалкой – в магазине меняем... Мне бы три тыщи, и на хрен отсюда без оглядки.

– Чего, вообще не платят? – изумленно-испуганно спросил второй.

– Последние месяцы вообще ни копы.

– А мне шестьдесят кусков пообещали.

– А-а, на словах и сто обещают... И живем, как кильки в томате...

Ольга приостановилась, смотрела им вслед. Хотелось догнать, расспросить подробнее.

И как это будет выглядеть? Подбегает женщина к двум мужчинам на пустой улице. Представляется журналисткой, задает вопросы... С одной стороны, ничего особенного, удивительного, а с другой – мало ли на что это их спровоцирует... Незнакомых людей, особенно таких, Ольга побаивалась.

А может, этот, говорящий, как здесь плохо, таким образом отваживает возможного конкурента? Допустим, оба сварщики, и первый работает неважно, находится на грани увольнения, и вот приехал новый, собирается устраиваться. Первый его перехватил и пугает, надеясь, что он ужаснется условиям и сегодня же умчится.

«Завтра постараюсь выяснить насчет зарплаты, быта», – успокоила себя.

Вечером записала по памяти ту часть разговора с родителями Дмитрия, которая была до включения диктофона, услышанный разговор мужичков, сцену возле брюхановского подъезда... Позвонила домой, муж сказал: «У нас всё нормально». В голосе – откровенный упрек. Как дела у нее, спрашивать не стал...

На другой день пошла в ОВД. Благодаря удостоверению журналиста пустили к начальнику почти без проволок. Но одного взгляда на него хватило Ольге, чтобы понять: ничего и здесь выяснить ей толком не удастся.

– Я по поводу произошедшего с Дмитрием Масляковым, – сказала.

– Да я догадываюсь, догадываюсь... Что ж, присаживайтесь, как говорится.

Начальник, полковник, был пожилой, грузный, явно нездоровый. Почему-то Ольга стала гадать, сколько раз он может подтянуться, пробежит ли три километра...

– Хочется прояснить ситуацию с Масляковым, – начала она. – Установлены ли те, кто избивал?

Полковник приподнял широкие плечи, и шея на секунду совсем исчезла.

– Идет доследственная проверка. Видимо, будет заведено уголовное дело...

– Видимо? Значит, еще не точно?

– Хм, дела не заводятся просто так... Заявление потерпевшего есть. Правда, обстоятельства не совсем ясны. Разговаривает он неважно, письменно излагает мысли еще хуже...

– Ну так челюсть сломана, сотрясение мозга...

– Данных, – с нажимом перебил начальник, – медицинской экспертизы пока я лично не видел. И вообще, пока я не имею никакого права распространяться.

Ольга изо всех сил уговаривала себя быть спокойной, уравновешенной, но все же загорячилась:

– Но людям нужно хоть что-то знать. А то создается ощущение полной безнаказанности. Человек избит жестоко, не исключено, что останется инвалидом, а те, кто бил, – на свободе. Тем более – осужденные. Вообще, получается, свободно разгуливают за пределами колонии...

– Я бы на вашем месте не стал утверждать так однозначно. Подозреваемые, может быть, и есть, но в любом случае никто вам сейчас не назовет, кто это. И, – начальник кашлем прочистил горло, – и есть ли они на самом деле.

– Но почему же?

– Потому что это служебная информация.

– Господи! – Ольга всплеснула руками. – Повсюду эта служебная информация!

Полковник неожиданно светло улыбнулся:

– А что вы хотите? Эта гласность без берегов ни к чему хорошему не привела. Государство какое с ней развалили!... Соответствующие службы, короче говоря, работают, о результатах будет доложено. И я бы, – голос полковника стал доверительным, – не стал безоглядно защищать Маслякова. Парень он непростой, крученный. С осужденными вел незаконную торговлю – покупал у них горючее, иногда на водку менял, цветной металл сбывал. Так что...

– Собирать металлолом – это теперь предосудительно?

– Ну, смотря как и что. Пиратским образом – конечно. Вот был случай не так уж давно: когда советские телевизоры всюду выбрасывали, один умелец ходил по свалкам и доставал из них детали, в которых золото содержалось. Насобирав слиток приличный... В итоге получил реальный срок. Вот так... Алюминий, медь хоть и не золото, но тоже... Объемы важны.

– Ну так убирайте сами алюминий и прочее...

– Этим занимаются другие структуры, – снова посуровел полковник, – а мы следим за тем, чтобы не нарушался закон. Причем – откровенно не нарушался. Для дальнейшего есть прокуратура, следственный комитет.

– А лес топят по закону? – жестче заговорила и Ольга. – Скотомогильники?... Вообще все это переселение так уж законно проведено?

– Ну, на заявления мы реагировали. К тем же Масляковым неоднократно выезжали, когда некие лица лезли к ним на предприятие.

– Некие лица... Вам известно, что это за лица.

– Порой удавалось задержать и привлечь к административной ответственности, порой – нет... Впрочем, меру виновности определяет, как известно, суд... Покажите нам стопроцентного преступника – мы его задержим.

Ольга вздохнула:

– Да я о других лицах. О другом вообще...

– Я вас не понимаю. – Полковник откровенно издевался. – Если у вас факты нарушения закона имеются – пишите заявление. Будем разбираться. – И он кивнул на стопочку чистой бумаги с лежащей на ней ручкой.

Ольга посмотрела ему в глаза; полковник спокойно, с полуулыбкой выдержал взгляд... Ольга поднялась:

– Ладно, понятно. По крайней мере, с делом Дмитрия Маслякова мы разберемся сами.

– Не волнуйтесь, и мы разберемся. То есть – соответствующие органы.

– До свидания.

– Да, заглядывайте, если что. – И уже в спину напомнил: – Соккрытие важных для следствия фактов карается по закону.

– Ну так следствия-то нет.

– Будет, будет. Все будет.

До ближайшего автобуса в Красноярск оставалось почти два часа. Ольга еще успевала зайти в районную газету, сохранившую старое, теперь слегка нелепое название – «Советский Кутай». Нет давно советской власти, нет теперь и Кутая, а в названии газеты они существуют...

Зайти в редакцию нужно было хотя бы за тем, чтобы отметить командировочное.

В редакции работали сплошь женщины, причем пожилые, и газета оставляла ощущение старомодности. Состояла она почти целиком из бесцветных материалов, юбилейных здравниц, объявлений, перепечаток из центральной прессы. Если и встречались статьи, вернее, заметки, информашки о проблемах, то проблемы эти подавались как небольшие просчеты, отдельные недостатки.

И сейчас, наэлектризованная неудачными разговорами с главврачом, полковником, видом избитого Дмитрия, бессилием его родителей, запуганностью жены Алексея Брюханова, Ольга с ходу задала главному редактору «Советского Кутая» совсем не политкорректный, оскорбительный даже вопрос:

– Жанна Олеговна, у вас в районе такое происходит, трагедии, можно сказать, а газета благостная до предела. Каждый номер на вашем сайте просматриваю и поражаюсь прямо. Что, боитесь правду писать?

Сказала и испугалась, что сейчас Жанна Олеговна или завизжит что-нибудь вроде «пошла вон отсюда!», или заплачет. Дернула и трусливая мыслишка: «Командировочное не подпишет».

Но главред отреагировала удивительно... Нет, не спокойно, а как-то мужественно.

– Да, вы правы, боимся всю правду публиковать. К тому же никто не даст нам этого сделать. – Выдержала паузу, видимо, ожидая вопроса «почему», но Ольга не спросила, и Жанна Олеговна стала объяснять: – Газета входит в концерн печатной продукции. Включили ее вопреки нашему желанию – коллектив вообще ничего не решает, газета является органом администрации района... И лет семь уже назад, когда эту вертикаль выстраивали, газету включили в концерн. Формально – для того, чтобы избежать финансовых рисков, упорядочить структуру, а на деле... Мы ведь и печатаемся не здесь, не в Канске даже, а прямо в Красноярске! Опять же формально это сделано в целях повышения качества полиграфии, а получается... Высылаем один макет, а тираж поступает – часто не узнаём. Иногда треть материалов заменяют! И каждую неделю звонят, требуют: «Больше позитива! Больше позитива!» Репортажи о встрече земляков исчезнувших деревень со скрипом проходят, статью о том, как к нам Валентин Григорьевич Распутин приезжал и что говорил, о чем плакал прямо, так обкорнали, что не узнать... Мы пробуем, пытаемся. Хоть и боимся, что всех поувольняют, но – пытаемся. Правда, толку-то, если такое впечатление...

И Ольга отчетливо увидела стену, которой окружены эти люди. Высокую, крепкую, непробиваемую стену. И ей впервые за долгое-долгое время стало как-то по-детски совестно за себя. Сказала:

– Извините.

Глава десятая. Идет вода

Игнатия Андреевича Улаева называли в родной деревне Молоточком. Слышалась в этом прозвище насмешка над его прямо страстью вечно всё перестраивать, ремонтировать. Забор подновлял два раза в год – осенью и весной, крыши стаяк, дровяника перекрывал бесперечь, настил во дворе при первом намеке на то, что одна плаха затрухлявела или просто не так плотно прилегает к другим, начинал перебирать. Даже ящики для куричьих гнезд и собачью будку не оставлял Молоточек в покое.

Жена, пока жива была, ругалась: «Уймись ты, долбила! В мозгу уже эти гвозди твои!» Соседей тоже раздражал стук и стук с утра до ночи.

Теперь у Игнатия Андреевича молотка не было. Вообще квартира стояла почти пустая – лишь самое необходимое, чтоб поесть, поспать, посидеть перед телевизором.

Хотя привез из деревни много чего. Всю квартиру забил до отказа. Из прихожей расходились узенькие тропинки в комнату, кухню, туалет. А вокруг мешки, коробки, углы разобранной мебели, коврики, половики, даже струганные доски на всякий случай.

Приезжала дочь из Ачинска, попыталась разобрать, распределить; Игнатий Андреевич махнул рукой: «Сам потом».

Больше года прожил так, все собираясь, а потом понес на улицу. Удивился, увидев возле контейнеров целые горы коробок, тряпок, полок, железок. По привычке подбирать нужное стал было в этих горах копать. Опомнился, отдернул руки, заматерился.

Через пару дней встретил в магазине своего земляка Виктора Плотова, бывшего учителя труда, сказал ему, что выкинул многое из того, что привез, чем там, в деревне, дорожил.

– Да мы тоже избавились, – ответил Виктор скорбно. – Куда тут девать? А давило так, моя аж задохаться стала.

– Во-во! И я. Спать не мог... К чему мне теперь уж барахло это?..

Жил Игнатий Андреевич один. Побоялся уезжать далеко от родины к кому-нибудь из детей.

– Седьмой десяток добиваю. Докряхчу тут уж. Хотя кого знакомых буду видеть. А чего мне в Ачинске или Бердске каком-то?

Вскоре, правда, ему пришлось пожалеть, что так круто обошелся с вещами: зимой в гости зачастили мужики-односельчане, а усадить всех – собиралось иногда человек семь-десять – было некуда. Пришлось идти в магазин мебели, купить несколько табуреток.

Выпивали редко, в основном под чай и сигареты вспоминали прошлое, делились новостями и слухами, известиями, что там и как теперь на месте их деревни Пылёво.

– Сын плавал тут перед шугой – вода до школы дошла, – сообщал старик Мерзляков, и собравшиеся несколько минут молча представляли место, где была школа, расстояние и высоту до того, прежнего, берега.

– Высоко-о, – вздыхал за всех кто-нибудь.

– А, это, там ведь памятник фронтовикам стоял, – вспоминал другой. – Не слышал, его-то забрали?

– Забрали-забрали. Теперь все такие памятники на кладбище стоят. Рядком.

– М-м, ну ладно...

Но обязательно появлялся и несогласный с «ладно»:

– Не на кладбище таким памятникам место, а на площадях центральных, возле школ. Это символ, чтоб ребята видели, помнили.

– Здесь, в городе-то, столько площадей не наберешься – со всех деревень расставить.

– Ну да...

Курили, вздыхали.

– И сколько деревень затопило, получается?

– Ну давай считать.

И с горьким каким-то удовольствием перечисляли названия не существующих больше сел и деревень:

– Кутай, Пылёво наше, Сергушкино...

– Сергушкино-то при чем? Оно стоит. До него никакой потоп не доберется.

– Избы стоят, а людей убрали. Техники там! Всё, что насобирали по окрестью, – туда.

Барж на десять хватит загрузить железом.

– Ну, мы не про это сейчас... В общем, Сергушкино тоже считаем...

– Проклово, Большаково.

– Усово...

– Красивая деревенька была.

– Да, маленькая, но как игрушка.

– Немцы строили, чего ж...

– Не немцы, а литовцы.

– Ну, разницы-то...

– Косой Бык, Селенгино, – упорно продолжал тот, кто предложил сосчитать.

Но его снова перебивали:

– Селенгино уж давно пустым стояло.

– По бумагам-то было. Да и дома оставались...

– Костючиха там до последнего жила. Старуха такая – ух! Всех гоняла...

– Померла.

– Да ты что! Не слышал...

– Буквально перевезли ее, и через месяц... Теперь какой-то суд с родней.

– А чего?

– Ну, квартира не в собственности была, поэтому город, или кто там, не отдает родне...

Ну, там черт ногу сломит разбираться.

– Мозги.

– А?

– Мозги сломит.

– Мозги-то мы себе здорово повывихивали. До сих пор как в чаду.

– Эт точно.

– Эх-х...

– А с Таежным как? Неужели оставят?

– Часть расселили, но в основном стоит.

– Там так – у кого изба на суше, а огород – на дне. Кочегарка на самой кромке – метров десять буквально от воды...

– Вроде, слышал, дамбу какую-то мощную сыпят. Важный, говорят, поселок, нельзя терять.

– Ну дак, федеральная трасса через его проходит.

– И чего? Дорога дорогой, а людей-то зачем там держать? Они вообще там в панике – каждый день ждут, что затопит. Тем более сейчас, зимой...

– Может, хе, деньги кончились – переселять. Разорились на нас.

– Они разорятся...

– Вон и Путин на пуск гидры не приехал. Из Москвы руководил. Сэкономил.

– Приехал бы, порыбачил заодно.

– Да чё ему у нас... Его Шойгу на рыбалку в такие места возит!.. А мы... в говно превратили реку...

Приходил к Игнатию Андреевичу и Алексей Брюханов. После долгой непонятной болезни он похудел, потускнел... В первое время, выписавшись, пытался добиваться правды – что же все-таки это у него за язвы на руках (они, черноватые, то исчезали, то появлялись снова, гноились), но заметил: чем громче добивается, тем сильнее сторонятся его окружающие, – мало ли, действительно, чем заражен, – и бросил. Принимал рекомендованные лекарства, они вроде бы помогали.

В основном помалкивал, усмехался горьким шуткам и острым словам земляков. А потом стал приносить листочки.

– Дочери купил компьютер и сам в него лазить наладился. В Интернет. Много там всего... Для чего раньше надо было целую библиотеку перелопатить, теперь за пять минут найти можно. Там и про наши места много чего. Могу почитать. Записал кое-что.

– Давай-давай, Лёш, хоть узнаем.

Брюханов кашлянул, объяснил:

– Это путешественник, еще до Петра Первого, семнадцатый век... Не путешественник то есть, а посол. В Китай ехал и к нам забрался. Дневник вел... И вот он пишет, короче: «На левой стороне деревня Кутай, от острова Варатаева две версты. На той же стороне речка Кутай. А на той речке поставлена мельница, и собирают на Великого Государя...»

– погоди, – остановил Брюханова Геннадий, бывший тракторист, а теперь грузчик в торговом центре. – погоди, почему на левой стороне? Кутай же на правой был.

– Может, раньше на левой, – заикнулся Игнатий Андреевич, – три века назад-то...

– Ну а речка тоже место поменяла?

– Лёха неправильно списал, видать.

Невесело посмеялись.

– Я думаю, это он относительно себя определял, – предположил Брюханов. – Он же вверх плыл. И от него, значит, слева.

– Гм... видимо... Чего там дальше?

– «А как идешь от деревни Кутая, и от того места идут всё острова, и другого берега не видать».

– Угу, угу, значит, точно вверх шел. Островов выше Кутая полно.

– «На той же стороне деревня Огородникова, от речки Кутая пять верст. На той же стороне деревня Кромилова, а под деревней речка Мамырь, от деревни Огородной четыре версты. На правой стороне деревня Софронова...»

– А что это за Мамырь? – нахмурился, вспоминая, Игнатий Андреевич. – Под Братском, знаю, Мамырь есть, село... Это он уже в Иркутскую область, что ли, уплыл?

– Да вряд ли... Да мало ли Мамырей? У иркутов и поселок Кутайский тоже есть. Тоже недалеко от Братска.

– Да?.. То-то с нами не церемонились – одним Кутаем больше, одним меньше... Москву бы не стали топить...

– Хе-хе, эт ты к месту сказанул. Про Москву.

С минуту молчали, представляя, что вот появилась идея перегордить Москву-реку, построить на ней ГЭС. И началось расселение москвичей по России...

– А Пылёво-то, – не выдержал Виктор Плов, – Пылёво наше там хоть упоминается?

Брюханов мотнул головой:

– У этого – нет. Дальше будет... А здесь вот что интересно: оказывается, столько деревень стояли между Кутаем и Усть-Илимском. Тут названий двадцать. – Глянул в бумагу: – Софронова, Суворова, Смородникова... И вот, кстати: «Против той деревни Смородникова искали жемчуг. И в тех местах жемчугу сыскали небольшое, и велми мелок. Только сыскали одно в гороховое зерно грецкое».

Это сообщение вызвало долгий спор. Одни удивлялись и не верили, что в их реке могут обитать жемчужницы, другие уверяли, чуть не божились, что видели не только эти раковины, но и мелкие жемчужины в них.

– Ну, я даже и не додумался, что это жемчужина, – говорил Женька Глухих. – Думал, песчинка такая крупная. Мало ли...

Ему не то чтобы верили, но опасались объявлять, что врет, – именно Женька, выпивоха и шалопай, никчемный мужичок, притащил несколько лет назад в деревню осетра на сорок килограммов...

– А вот здесь про Пылёва, – продолжал Брюханов, – который, наверно, и деревню поставил. Или сын его... «Вверх по реке деревня Кутайская, а в ней пашенные крестьяне: Дёмка Привалихин, Васька Пылёв, Ивашко да Лучко да Клишко Савины».

– Привалихин, – вздохнул Виктор. – Сколько всего случилось за триста лет с лишним, а фамилия сохранилась. Не фамилия даже – род!

– Ну, в документах куча фамилий знакомых. Заборцевы, Рукосуевы, Сизыхи, Верхотуровы, Саватеевы, Усовы. Моих предков полно – Брюхановых.

– Да-а, веками держались. А вот взяли их... нас всех и – смыли.

Много вечеров и выходных дней провели бывшие пылёвцы за обсуждением брюхановских записей. Бывало, и кряхтели, глотая слезы, когда слушали вроде этого школьного сочинения:

«В объятиях красивой природы, в живописнейшем местечке среди лесистых сопок, располагалось красивое таежное село Пылёво – моя родина. Исключительно удобное место по достоинству было оценено еще в семнадцатом веке. Наши предки наверняка были поражены богатством и красотой этой местности. Кругом непроходимая тайга, где грибы и ягоды, а на лесных полянах – море цветов. Когда-то первые засельники метр за метром отвоевывали землю у суровой тайги, чтобы вырастить хлеб. Поля вокруг были небольшие, словно заплатки. Защищенные от ветров, они давали хорошие урожаи. В реке всегда было много рыбы, в лесу – зверей.

Люди здесь жили гостеприимные, накормят проезжего всем, чем богаты сами, наварят ухи или затушат мяса с рассыпчатым картофелем.

Стояло Пылёво на видном месте – высоком берегу, окруженное с одной стороны тайгой. Летом долины вдоль берега были все в цветах. Зимой, когда река покрывалась льдом и снегом, между холмами и изгибами стелилось такое широкое белое поле, что дух захватывало. Как жалко, что теперь ничего этого не стало».

Как-то с листочком пришел и Геннадий. Долго мусолил его, потом не выдержал:

– Я тут стишок... ну, написал, в общем. Послушаете?

Стихи и песни в Пылёве сочиняли многие, поэтому не особенно удивились. Хотя от Генки этого не ожидали – он всегда лирику не любил, посмеивался.

– Давай-давай, Ген!

– Чего...

Замолчали. Смотрели в стороны или в пол, чтоб не смущать. Геннадий тщательно прокашлялся и начал:

Богучаны, Богучаны —
Заполняет землю тухлая вода,
Создавая олигархам океаны
Для процентов новых с рабского труда.

– Нет, – скомкал бумажку, – не в этом дело. Не про то...

– Ты чё, Ген?! Нормально...

– Да не про то, говорю же. Не в олигархах дело, не в плотине, алюминии... И не в том даже, что мы свою родину потеряли. Не от этого тошно.

– А от чего? – сухоvalo спросил старик Мерзляков.

– Ну, мне вот лично не от этого. Я, как... как вы видели, знаете, никогда особо этой деревенской жизни не радовался. На огород меня силком жена тянула. Грядку выполоть – хуже, чем повеситься... Мне легче было трактор перебрать, чем картошку протяпать. Ну не лежала душа, с детства не лежала... А теперь маюсь, и снится огород этот чёртов, двор свой, хоть и жаловаться вроде грех – квартиру нормальную дали, работа – не копейки платят, тем боле не на горбу таскаю мешки, а тележкой, цивилизованно...

– И к чему ты все это? – устав слушать, поторопил Виктор.

– К тому, что не саму деревню нам жалко. Ладно, – поймав глаза мужиков, Генка поправился, – мне, о себе говорю... Не деревню саму и эту жизнь деревенскую, а... Там я жил, томился по чему-то такому, по другому. И вот попал в другое, и чувствую – потерял защиту... Не такую, что, в смысле, от земли оторвали, а... а другую какую-то... Как объяснить?..

– Чего-то ты такое загнул, что сам вон запутался, – усмехнулся Игнатий Андреевич. – Скажи прямо: скучаю по деревне, жалко...

– Скучаю. Скучаю, но не потому, что мне там хорошо было. Хм, – Геннадий усмехнулся пришедшему сравнению, но все же произнес его: – Так вот некоторые, слышал, по тюрьме скучают.

– Ну-у!

– Или по армии. По армии же скучаете? А точнее всего, думаю, это как если монастырь закрыть и монахов разогнать, чтоб они в миру жили... Они будут жить и мучиться, о своем монастыре плакать.

– Какой у нас монастырь! – хохотнул Женька Глухих. – У нас такие были ягодки в Пылёве!

– Я ж не в этом смысле...

– Ну да, Ген, – сказал Брюханов, – я понимаю, кажется... Я тут одну историю вычитал: в тридцатые годы на Волге построили станцию, и там огромные территории затоплялись, переселяли сотни тысяч. И я нашел документ в компьютере, что двести с чем-то человек отказались переселиться и утонули.

– Ни хрена себе!

– И под документом, в обсуждалке, целая ругачка: одни говорят, что быть такого не могло, фальшивка, мол. Что, дескать, вода медленно поднималась, месяцами, их бы всех переловили и насильно увезли бы. А другие – нет, могли утонуть, в подполье набились, в ямы...

– В тридцатые годы – могли, – задумчиво произнес старик Мерзляков. – Тогда другой народ был. Это нас, как баранов, погнали, и мы побежали.

– Хм! – Генка стал расправлять листок. – У меня тоже тут про баранов было... Щас...

Только вот в какие страны
Потечет дешевый ток Сибири?
И дешевый алюминий
Чьи заполнит закрома?
Мы же все, о господи, бараны,
Не хватает нам ни чести, ни ума!

Конец посиделкам положил такой случай.

Собрались, как обычно, разговаривали. Вспоминали в кои веки забавное. По кругу байки гоняли. Смеялись. И тут – звонок в дверь.

– Виктор, видать, – Игнатий Андреевич поднялся с табуретки. – Обещался сёдни зайти. За дверью стоял милиционер. Погоны старшего лейтенанта.

– Здравствуйте, я ваш участковый уполномоченный, – представился. – Разрешите? Игнатий Андреевич, растерявшись, посторонился, пропустил.

– Улаев Игнатий Андреевич? – И не дожидаясь ответа, участковый прошел в комнату, на голоса. – Приветствую... Накурено-то у вас. – Не констатировал, а словно сделал замечание.

Мужики замолчали, смотрели на пришедшего. И каждому показалось, что его застали на чем-то незаконном, по крайней мере – нехорошем, предосудительном.

– А что такое? – после некоторого оцепенения спросил Алексей Брюханов.

– Да вот сигналы поступают, и я обязан проверить. Сообщают, что здесь постоянно проходят собрания.

– Собираемся земляки, вспоминаем, – спохватившись, что он здесь хозяин, сказал Игнатий Андреевич. – Чего тут такого?

– Да я понимаю. – Участковый покивал, но так, будто не поверил. – Понимаю... И в то же время обязан проверить. Тем более обстановка в стране не очень простая, разные силы появляются... Слышали, в Москве заговор раскрыли? Нет?... По телевизору постоянно передают: группа лиц планировала Транссиб перекрыть, эков поднять в Ангарске, чтоб беспорядки устроили... Встречались с зарубежными разными хмырями... Арестовали их, допрашивают, сообщников ищут... Блогеры, сепаратисты всякие голову подняли...

– А кто это – сепаратисты? – спросил Игнатий Андреевич с усмешкой, вспомнив слово «сепаратор».

– Кто отделиться хочет. Чтоб, например, Сибирь отдельно была.

Женька Глухих шутливо обрадовался:

– А и неплохо бы...

– Ну-ка! – Уполномоченного как ошпарили. – Не надо таких заявлений. За них теперь и загреметь можно... Так что, – снова оглядел сидевших в комнате немолодых, потрепанных, с морщинистыми напряженными лицами мужиков, – так что, граждане, прошу быть поаккуратней. Договорились?

Они без готовности покивали.

– А вы, – повернулся участковый к Игнатию Андреевичу, – хозяин квартиры, как я понимаю.

– Но.

– Я к вам, если позволите, буду заглядывать. Вы человек одинокий, пожилой. Вдруг что...

Когда он ушел, повозмущались, посмеялись. Вроде отнеслись к этому визиту как к недоумению какому-то, анекдоту. Но с этого дня стали приходить к Улаеву все реже и все меньшим количеством. А через месяцок посиделки и вовсе прекратились.

Нет, не то чтобы мужики испугались милиционера с его предостережениями, но как-то неуютно, недружелюбно стало. Сломало его вторжение настроение, убило теплоту. И даже грусть воспоминаний стала какой-то ненастоящей, наигранной.

Игнатий Андреевич проводил дни перед телевизором. Смотрел всякую ерунду; попадая на новости, скорее переключал каналы. Но успевал услышать: в Сирии бои, сотни убитых и раненых, бывший полковник Квачков приговорен за подготовку мятежа к тринадцати годам заключения, в Либерии разбился самолет, в Республике Коми взорвался газ в шахте, разбился самолет на Украине, в Европе в каком-то блюде вместо говядины обнаружили конину, и это вызвало грандиозный скандал...

Каждая отдельная новость, каждая передача вообще-то располагали к раздумьям, но их было так много, они лились таким непрерывным потоком, что в них попросту захлебываешься, тонешь.

Читать Игнатий Андреевич не любил, не понимал, как можно часами ползать взглядом по строчкам. Всю жизнь он занимался физическим трудом: копал землю, ворочал наём, прибавал доски, ставил столбы, – и теперь, ничего не делая два года, чувствует, как дряхлеет, размякает, слабнет.

Уже через несколько месяцев после переезда напугали руки, кисти рук. Задубевшая, почти окаменевшая кожа стала сначала шелушиться, а потом отслаиваться целыми пластами. Желтовато-серые панцири мозолей на ладонях и у основания пальцев отпадали, но отпадали не сразу, а постепенно, с одного края. Игнатий Андреевич пытался отдирать их, но не получалось – было больно. Словно отдираешь недозревшую коросту.

Под этим сходящим панцирем появлялась красная, как после ожога, тоненькая кожа. Щипало, когда мыл посуду, да и просто умывался. Пальцы стали гибкими, чувствительными к любой мелочи. Даже отдельную крупинку сахара могли распознать.

– Хе-хе, скоро на пианине заиграю, – шевеля пальцами, приглядываясь к ним, говорил Игнатий Андреевич; было и тревожно, и как-то приятно ощущать их такими, новыми, как бы не совсем своими.

И в конце концов само собой, без усилий снялось обручальное кольцо, которое вросло в кожу-панцирь сорок с лишним лет назад... После смерти жены Игнатий Андреевич подумывал даже распилить его. «Да на хрена! – рассердился на себя за эту мысль. – Не еще же раз жениться!» А теперь перепугался: как знак какой-то это кольцо на ладони. То ли действительно возьмет и встретит женщину, приведет в дом, то ли... Покойников-то обычно без золота хоронят, даже коронки зубные снимают.

Положил кольцо в ящик комода, постарался забыть о нем.

Не забывалось – все сильнее давило одиночество, гнули дряхлость, старость... Игнатий Андреевич почти каждый день выходил на улицу, подолгу, медленным шагом, бродил по городу, избегая оживленных мест, автомобильных магистралей. Убеждал себя, что для здоровья бродит, дышит свежим воздухом, но на самом деле что-то искал, ждал чего-то. И часто замечал стариков и старух, так же бродящих поодиночке и явно тоже чего-то ищущих...

Встречал и знакомых, но даже со своими земляками лишь здоровался. Говорить уже было нечего и не о чем. Да и редкие известия, касавшиеся их города, родных мест, не трогали. Вот, например, арестовали главу дирекции по подготовке ложа водохранилища Рашида Рифатова – воровал, говорят, безбожно, или – наконец компенсировали убытки владелице пылёвского магазина «Северянка» Любе Гришиной. Ну и что? Какой толк? Ничего не изменится. Пылево и другие деревни это не вернет, водохранилище с плотиной из-за этого не исчезнут. Придется ему, Игнатию Андреевичу, и сотням таких же стариков и старух доживать в чужих, немилых квартирах, на не своей земле, дышать пусть свежим, но не своим воздухом... Да и у тех, кто моложе, вряд ли будущее светлее. Наоборот – они дольше стариков мучиться будут. Счастливых он пока не встречал.

В середине апреля позвонила дочь. Спрашивалась о здоровье, а потом произнесла серьезным и несмелым голосом:

– Отец...

Игнатий Андреевич решил, что она опять начнет уговаривать переезжать к ней в Ачинск: «Не хочешь в квартире – избушка есть хорошая на примете. Купим...» Заранее вскипел, хотел перебить, но услышал неожиданное и моментом вернувшее силы:

– Отец, ты не против будешь, если Никитка с тобой проживет недели три? Мы тут ремонт хотим сделать, лоджию застеклить, пока деньги подкопились, а потом с Юрой, – это муж дочери, – на море съездить. На Кипре тепло уже будет, и путевки дешевые... Как-то замотались последнее время, и вдвоем побыть... Как, не против?

– Не против, ясно! – Игнатий Андреевич услышал в своем голосе молодецкую нотку. – Вези!

– Спасибо... И Никитке полезно будет... В этом году в первый класс ведь. Хоть впечатлений наберется.

– Ну да, ну да! Когда ждать?

– В следующие выходные тогда. Надо и мне, и Юре отпуска оформить. Не оформляли пока, твое мнение хотели узнать.

– Ну уж, разве бы я отказал? – обиделся Игнатий Андреевич.

– Да нет! Но вдруг... здоровье бы не позволило...

Полторы недели, которые ждал внука, тянулись бесконечно долго. За первые два дня Игнатий Андреевич подготовил в комнате уголок для Никитки, собрал кровать, купил детских книжек, раскраски, альбом для рисования, – знал, что внук любит рисовать.

Никитку в последний раз видел прошлым летом – дочь с ним приезжала на короткое время. Тогда ему было пять лет, теперь, значит, шесть. Самый хороший возраст, чтоб что-нибудь рассказывать поучительно-интересное, общие занятия находить. Как говорится: старый да малый... У сына дети взрослые, у них свои интересы совсем, а у дочери один вот Никитка... Скорей бы... Может, рыбачить будут ездить: говорят, клюют на водохранилище окуни хорошо...

Так извелся Игнатий Андреевич ожиданием, что под конец и спать не мог – кружил по квартире, как волк в западне.

Дождлся, приехали. Дочь переночевала, прибралась – хотя вроде Игнатий Андреевич и навел порядок, но женщине виднее, – разложила Никиткины вещи в комод и, о чем-то пошептавшись с сыном, в чем-то его убедив, отправилась обратно.

Никитка не то чтобы заметно подрос за этот неполный год, но пополнел, что ли, посерьёзней. Стал похож на мужичка. В основном сидел на кровати, играл в тонкой пластиковой плашке.

– А что эт у тебя такое? – кивнул Игнатий Андреевич на плашку.

– Айфон... Он как телефон... и еще много другого есть. – Никитка отвечал, серьезно глядя в экранчик, двигая по нему пальцем.

– Новое изобретенье?... Может, погулять пойдем?

– А куда?

– Ну, это... Тут площадки есть детские. Качели.

Внук промолчал. Игнатий Андреевич придумал другое:

– Или давай на рыбалку. А? У меня удочки есть, снасти. Наладимся и поедем.

– А долго ехать? – не отрывая глаз от экранчика, спросил Никитка.

– Минут двадцать.

Сказав это, Игнатий Андреевич с минуту ждал реакции внука – или «поехали», или «да ну, далеко». Но он молчал, казалось, не услышав последних слов деда. Да нет, слышал... Игнатия Андреевича кольнула обида, и он собрался сказать Никитке, что нельзя так себя вести. Предложили тебе – отвечай...

Никитка опередил неожиданным вопросом:

– Дедушка, а у тебя огород есть?

– А?... Нет, нету теперь... В деревне был. Помнишь деревню?

Внук оторвал взгляд от экранчика, коротко глянул на Игнатия Андреевича.

– Нет, не помню.

– Ну да, тебе года три было. Куда помнить... Большой огород был, арбузы росли. Ты как-то объелся... – Игнатий Андреевич хотел досказать – «и описался», но не стал. – Малина, смородина... Много было всего.

Снова молчание, и теперь не тягостное. Игнатий Андреевич мысленно ходил по огороду...

– Дедушка, – позвал Никита.

– А?

– Дедушка, а деревни теперь совсем нету?

– Ты, это... ты лучше «деда» говори. – О деревне было тяжело говорить. – Мы своих всегда «деда», «баба» называли.

– «Баба» же плохое слово.

– Почему это?.. А, ну это в другом ведь смысле. А бабушку бабой можно называть.

Ничего...

Снова в разговоре прореха. Потом новый, еще более тяжелый вопрос:

– Деда, почему мы все так скучно живем? Почему у нас дома такие скучные?

– Как – скучные?

– Не как у народных людей. – Никитка отложил свой айфон и заговорил необычно для себя торопливо и горячо: – Я когда президентом стану, сделаю, что все будут в отдельных домах жить. И чтобы у всех были свои коровки, и свинки, и куры. И женщины будут женскую работу делать, а мужчины – мужчинскую.

– Хм, – с озадаченной улыбкой кивнул Игнатий Андреевич. – Хорошо бы... Правильно мыслишь.

– А сейчас неправильная жизнь. Все перепуталось. Женщины как мужчины есть, и мужчины как женщины совсем. И делать нечего, когда не на работе, не в садике. Дома сидим и... и нечего.

– Да, Никит, в деревне некогда было скучать. Как с утра начиналось... – Игнатий Андреевич решил объяснить, почему многие живут в городах: – Государству города нужны, чтобы много людей вместе жили. Заводы, фабрики... Рабочие должны рядом быть, для них и стали строить большие дома с квартирами такими вот... А там и другие все так жить стали.

– А вот в фильмах иностранных в городах в отдельных домах живут. Там лужайки у них, и огороды есть...

– Ну да, видал. Но не все так... Это какие должны быть пространства, чтоб миллион людей на земле поселить... Но, конечно, так правильной. И у вас ведь в Ачинске тоже много изб с огородами.

– Их сносят, большие дома ставят.

Игнатий Андреевич улыбнулся на это «дома». Поправлять не стал. Покачал головой:

– Ну да, ну да...

– Я маму с папой прошу дом купить, они не хотят.

– Почему?

– Что времени нет на него. И не надо на грядках кланяться, говорят... Папа получает хорошо – можем что надо покупать. Ну, еду разную.

– Так-то так, только ненадежно это все. Зарплаты, город. В любой момент может так случиться, что все снова к земле кинутся... Да уже сейчас вон целые замки строят вокруг Москвы. Гектарами землю скупают. Готовятся...

– К чему готовятся? – с какой-то взрослой тревогой спросил Никитка.

– Что придется на земле жить. Самим всё рбстить, как ты велишь, когда президентом будешь... Вспашут свои лужайки и картошкой засадят, а те, кто в квартирах, – пойдут по миру.

Никитка тяжело вздохнул и снова взялся за айфон.

– Ну чего, едем рыбачить? – спросил Игнатий Андреевич.

Внук буркнул:

– Не хочу.

На памяти Игнатия Андреевича из всех церковных праздников отмечали, помнили один – Пасху. Даже в годы гонений на веру красили яйца, пекли куличи и в воскресенье приветствовали друг друга не обычным «здорово», «здравствуйте», а – «Христос воскресе». И даже партийные отвечали в этот день: «Воистину воскресе!»

Церковь в их селе была закрыта, а потом ее, деревянную, обветшавшую, свалили, построили на ее месте клуб; в избах не осталось красных углов – иконки, если и были, стояли в дальних комнатах на комодах или скрывались в буфетах, за зеркалом. Но в Пасху их доставали, выставляли на виду, зажигали свечи... Постящихся Игнатий Андреевич не встречал, хотя в последнюю неделю перед Пасхой многие ограничивали себя, особенно в яйцах – даже ребятишкам запрещали их есть, а яйца были одним из главных продуктов: мясо далеко не всегда имелось, а яйцо-другое выпил, и сыт...

Под конец восьмидесятых с религией стало посвободней, хотя в их деревне, да и по району это никак не проявлялось – церковей не строили, обрядов не соблюдали. Случалось, крестились, но если выезжали в Красноярск или другие крупные города... В Кутате здание храма вроде бы вернули церкви, но это ускорило его превращение в руины. Был там до этого склад под крышей, с застекленными зарешеченными окнами, а через полгода бесхозности остались голые стены. Потом и стены стали рушиться... Некоторые местные жители, а в основном приезжие специалисты забили тревогу, правда, ничего это не дало: «Все равно территория уйдет под воду. Какой смысл восстанавливать?» Возникла идея перенести стены с уникальными узорами в Колпинск или Енисейск, и тоже быстро умерла: «Нет средств на столь сложную операцию. Для Сибири, конечно, кладка уникальная, но в европейской части России подобных храмов в избытке». И в итоге стены церкви были затоплены – даже на подрыв их дирекция по подготовке не стала тратить.

В новом райцентре – Колпинске – построили большой Преображенский собор. Прихожан было немного, но почти всегда кто-нибудь молился или пытался молиться. Обращались с просьбами к богу.

Игнатий Андреевич верующим себя не считал. В ранней юности посмеивался над крестившимися на заколоченную черную церковку женщинами. Однажды об этом узнала мать, подбежала к нему со страшным лицом, толкнула в грудь: «Не смей-й! Не смей смеяться! Это нам пофартило, что живы все, отец целым с войны вернулся. А им... Им только и осталось кресты класть на себя!»

С тех пор Игнатий Андреевич таких не то что уважал и понимал, но жалел. Действительно, от хорошей жизни к религии вряд ли кто припадет, а несчастным хоть какая-то надежда, поддержка. Сам же он полагался на свои силы и прожил, считал, неплохую, ровную, крепкую жизнь. Последние годы только – смерть жены, переселение с родины, хоть и добровольное, но тягостное одиночество... С другой стороны, пенсия не нищенская, квартира с большой комнатой, застекленная лоджия. При желании можно под теплицу приспособить или верстак поставить. Правда, смысл-то...

В молодости он любил праздники. Радовался, когда приглашали в гости, и сам не оставался в долгу – бывало, полдеревни собиралось, гуляли до утра. Но с годами желание праздновать постепенно пропадало, и даже в Новый год кое-как дожидался боя курантов и шел спать. В чужие дома почти не ходил, гостей не созывал.

Единственным праздником, которого ждал, к которому готовился, осталась Пасха.

В Пылёве, да и вообще по краю перед Пасхой было принято делать ремонт – белили, красили, мыли, выбивали половики и коврики, в позднюю Пасху вторые рамы снимали. Приблизались и на могилках родных, подкрашивали памятники, лавочки, оградки, украшали бумажными цветами. Поминать покойников собирались обычно в первую субботу после Пасхи. Несли яйца, конфеты, кусочки уже зачерствевших куличей; некоторые ставили перед памятником стопку водки, тем, кто курил, клали пару сигарет...

Даже после смерти жены Игнатий Андреевич почти каждую весну белил ковыльной кистью избу, хлопал деревянной лопаткой по развешенным на заборе коврикам, покрывалам, приводил в порядок двор, огород, подбивал гвоздями ослабевшее, расшатавшееся за зиму. Чистил могилки на кладбище. Сам красил яйца в луковой шелухе, но кулич теперь покупал в магазине – там продавали испеченные в кутайской пекарне.

Прошлую Пасху, правда, не справил. Не было душевных сил. И яйца не покрасил – шелухи, которая в деревне собиралась вроде сама собой, не оказалось, а искать, спрашивать показалось глупо и унижительно как-то. На кладбище тоже не был. Ходил туда всего один раз – когда хоронили перевезенных из Пылева. Увидел, где теперь могилки родителей, жены, дядьев, друзей.

Больше не мог – так непохоже было это новое их жилище на то, что принято называть могилками, погостом. Надеялся, что покойные простят его.

Может, и в этом году Игнатий Андреевич не стал бы готовиться к Пасхе, но рядом оказался внук. «Пушай приучается. Хоть что-то засядет в памяти... О жизни, хм, народных людей».

Никитка сперва помогал нехотя, кривясь, иногда одной рукой – в другой был айфон, – но быстро увлекся.

Конечно, большой ремонт делать не стали, да и не было в этом надобности – квартира еще свежая, обои светлые. Это в избе, тем более в которой углем топят, за зиму стены сереют, печка вообще стоит черная, а здесь, конечно, не так... Помыли плитку, окна, вынесли во двор и выбили дорожки и половики (ковер со стены Игнатий Андреевич снимать не решился – тяжеловато). Никитка колотил висевшие на турнике тряпки азартно, гикал, когда вылетало облако пыли.

Пока выколачивали, к турнику выстроилась небольшая очередь; Игнатий Андреевич порадовался: значит, не умерла традиция...

Помыли полы, постелили пахнущие свежим ветерком половики, длинную полосатую дорожку, ведущую из прихожей в комнату.

– Завтра стираться начнем, – сказал Игнатий Андреевич. – Пасху надо в чистом встречать.

Одежды сменной было и у него, и у внука немало, белье постельное занимало два ящика, но не хотелось оставлять нестиранное в праздник, да и внука делом занять...

Пододеяльники, простыни закладывали в машинку «Ока», а рубахи, носки терли на стиральной доске. Никитка впервые видел ее, был поражен.

– Вот так народные люди белье до чистоты доводили, – объяснил Игнатий Андреевич и похвалил себя, что не выкинул доску.

– Деда, а можно мне?

– Давай-давай. Я передохну.

И внук стал шоркать носки по волнистому полотну.

– Молодец. Вон грязь какая стекат. Никакой машинке так не суметь.

Купили кисточки, белой, голубой, коричневой краски, искусственных цветочков и в субботу утром, за неделю до Пасхи, отправились на кладбище.

– За могилками, брат, надо ухаживать, – говорил Игнатий Андреевич. – Мы, вишь, их сюда взяли, добились, чтоб рядом были. А так бы затопило их... И уж раз взяли...

– Как – затопило? – перебил Никитка.

– Ну, тут ведь море сделали, на месте деревень наших. Электричество теперь из воды делают...

– Да, это я знаю. Не из воды только, а из ее энергии. Она через турбины идет и вырабатывает ток... И кладбища затопили?

– Почему затопили? Сюда вот перенесли... Брошенные могилки только остались... маленько... По-этому надо поддерживать, чтоб видно было, кто лежит, чья родова.

Сели в автобус в сторону кладбища. Сразу столкнулись с Валентиной Логиновой, землячкой.

– Вот с внуком едем могилки красить, – не без гордости сказал Игнатий Андреевич.

Озабоченное лицо Валентины прояснилось улыбкой:

– Это младший ваш?

– Ага. Никита. Осенью – в школу.

– Хорошо-о... А я тоже решила навестить... Но так уныло там, так уныло, господи!.. Как хорошо на нашем было. – И Валентина привычно заплакала. Не рыдая – просто слезы потекли из глаз и голос стал мокрым.

Доехали до конечной остановки, расположенной неподалеку от старой части городского кладбища. С недавних пор стали делить – кладбище городское и переселенческое.

Кусты, деревца, между ними памятники, кресты, тумбочки, но много и затянутых травой пустых холмиков. Лежат под ними первые жители Колпинска – те, кто съезжался сюда в семидесятые перекрывать реку камнями, рыть фундамент плотины, строить временки и бараки. Часто были они людьми одинокими, из дальних мест, и некому сохранять о них память. Тумбочка с традиционной тогда звездочкой подгнила и упала, табличка, где имя-фамилия-отчество, изржавела, и всё – словно не было человека на свете... Книга в кладбищенской конторе, в которой записано, кто где похоронен, мало что может дать – если и сохранились сведения о покойнике, то уж тот пяточок земли вряд ли определишь...

Но были могилы и ухоженные. С ажурными оградками, лавочками, а то и столами для поминок, окруженные елочками, черемухами, рябиной. Представлялось, что мертвым лежать там хорошо и спокойно и что жизнь у них была ровная, правильная, ненеправильная.

– А наши скоро? – видимо, начав уставать, спросил Никитка.

Проселочная дорога вдоль кладбища ощутимо вела под гору. Но идти действительно утомительно. Пасха в этом году поздняя – пятого мая, – и сейчас, в последние дни апреля, солнце припекало, от каждого шага с земли поднималась удушливая пыль. Деревца кончились, потянулись унылые сероватые кресты недавних захоронений.

– Вот и Наталья Сергеевна наша, – сказала шедшая впереди Валентина Логинова.

Остановились, постояли. Игнатий Андреевич вспомнил, как копали ей могилу на деревенском кладбище лет пять назад; старики – Игнатий Андреевич тогда себя к старикам не причислял, копал с мужиками – сколотили гроб, старухи обтянули его красной материей, женщины готовили для поминального застолья... Но похоронили Наталью Сергеевну здесь (дочь забрала), да и правильно – не пришлось выкапывать, перевозить сюда, как других. Страшная процедура...

Валентина отозвалась на эти мысли:

– Хоть на хорошем месте лежит. Сухо, не так, как у наших...

Да, перенесенных из деревень похоронили в низине, где был чахлый осиновый лесок. Осины выдрали бульдозером – вон они гниют вдали кучей, – вырыли траншеи и поклали кости покойников из их Пылева, из Кутая, Косого Быка, Большакова...

Ровные ряды однообразных крестов. Игнатию Андреевичу напомнили они, эти ряды, фотокарточки захоронений погибших в России немцев во время войны. Такой же бездушный порядок...

На деревенских погостах порядок был другой: хоронили родню рядом, кружком, и получались такие островки могил, напоминающие фундаменты каких-то невидимых изб. Вот здесь род Привалихиных, здесь – Заборцевых, Рукосуевых, Брюхановых, Сизыхов... А вот Эккеры, Гамбурги – у старших еще свои кресты, нерусские, потом – обычные советские памятники, а у недавних кресты уже наши...

Теперь же все под одно. Лишь изредка увидишь отличительное пятнышко – значит, родня настоящая, чтоб забрали памятник с деревенского, родного погоста, или сами привезли.

– Деда, а там речка, да? – потянул за рукав Никитка.

– А? Где? – И Игнатий Андреевич сразу увидел беловатую полосу льда вдали справа. – А, ну да... Не речка то есть, а это... водохранилище. Подступило.

– А вон там тоже вода...

– Вода! – ахнула и Валентина Логинова.

Меж холмиков, как какие-то щупальца, ползла вода. Медленно, тяжело, тратя силы и время на то, чтобы промочить, напитать сухую почву. Концы этих щупальцев словно проваливались в землю, делая ее, серовато-коричневую, почти черной, но через несколько секунд новый толчок огромного организма двигал щупальце дальше. И новая полоска земли чернела, вода исчезала, а следом уже шел новый толчок.

Этих щупальцев становилось все больше, они двигались по дорожкам, охватывали кладбище... Меж крестов бежали к дороге люди.

– Го-осподи-и! – взвыла Валентина. – Господи, да что ж это...

Игнатий Андреевич глянул на свои руки, будто ожидая увидеть в них лопату, но в руках была лишь сумка с краской, кисточками, водой... Да и что тут сделаешь лопатой... Главное, внука не потерять в этой сутолоке.

Никитка стоял рядом, заворуженно смотрел на щупальца.

– Алё! Алё! – кричала Валентина. – Вода идет на кладбище! Прорвало что, я не знаю... Сообщите там, поднимайте всех! Вода идет...

К Игнатию Андреевичу подскочил смутно знакомый мужик в бушлате.

– Уводи пацана! На реке затор, видать... Так может хлынуть!.. – Но сам не побежал дальше, оглянувшись, достал сигареты. – Вот судьба же, а! И здесь не уберегли... Довелось им хлебнуть. Эх-х...

Сделал несколько быстрых затяжек, бросил сигарету.

– Уходить надо. Бежать!

Мужик затопал вверх по дороге. Игнатий Андреевич с Никиткой – за ним... Сзади голосила и металась Валентина Логинова.

Словарик

- Балок* – временное, наскоро построенное жилище, времянка.
Бендюжка – небольшое строение, будка, времянка.
Болбокать – говорить невнятно.
Болотина – болотистое, сырое место, но не топь.
Болотники – высокие резиновые сапоги.
Борозда – основной поток реки.
Братан – двоюродный, троюродный брат.
Брезг – чуть свет, полоска рассвета.
Букары – жучки, букашки, а также личинки.
Були – продольные полости на бортах, расширяющие кормовую часть и повышающие устойчивость лодки.
Бульбан – язь.
Бык – скала, большой камень на реке.
Верхонки – тонкие рабочие рукавицы.
Вехотка – мочалка, тряпка для мытья посуды, полов.
Волняшка – гриб волнушка.
Волхитка – колдунья, ведунья.
Вызобать – быстро выкурить сигарету.
Гоить – обустраивать, создавать уют.
Горлодёр – приправа из помидоров, чеснока и хрена.
Дуплё – глубокий погреб, ледник.
Емуринник – местность с ямами, кочками.
Жабнуть – быстро выпить.
Жулькать – мять, теребить, полоскать.
Забоки – речные рукава, часто засохшие.
Завозня – крытое помещение для телег, саней, а также для разнообразного хозяйственного скарба.
Задёва – коряга, камень на реке.
Заежка – маленькая придорожная гостиница.
Заплот – глухой, плотный забор.
Застебать – наскоро зашить.
Зауголок – внешний угол сруба, выступающие концы бревен.
Здрюк – здоровяк.
Икряники – оладьи из икры речной рыбы.
Илимка – большая лодка для перевозки груза.
Казёнка – чулан в сениях.
Капашный – маленький.
Каржаветь – покрываться налетом пыли, зарастать грязью.
Каэс – катер служебный.
Колки – небольшие рощи, лесочки.
Кондыбаться – что-либо делать с трудом; медленно идти.
Конский волос – беспозвоночное животное, личинки которого ведут паразитический образ жизни.
Косиножки – сенокосцы из класса паукообразных.
Кукан – прут, проволока или шнур, на которые нанизывают выловленную рыбу.
Кукырки (кукорки) – корточки.

Куржак – густой иней.
Кусошник – нахлебник, приживала.
Куть – место напротив устья печи, где собственно готовят пищу.
Лабуты – просторная, разношенная обувь.
Лопатина – старое тряпье.
Мадужи – пятна, полосы на одноцветной поверхности.
Медведка – низкая тележка.
Мизгирь – паук.
Мокчён (мокчон) – пескарь.
Насыпуха – насыпная дорога.
Натутуришиться – наохлиться.
Паберега – мелкая вода возле самого берега.
Пеньки – основание перьев.
Переборамошить – перетрясти, перекопать, перепутать.
Пермяч (перемяч) – круглый пирожок с отверстием в центре.
Потенезить – бегать, суетиться.
Разболокаться – раздеваться.
Расщеперенный – раскрытый, растопыренный.
Рёлка – бугор, возвышенность.
Ремуга – старая одежда.
Ритарай – оборванец, неопрятный человек.
Рясно – обильно (чаще всего о ягодах).
Седало – насест.
Серёдьиш – середина реки.
Ситняк – травянистое место на реке.
Снежина – глубокий, плотный снег.
Сродный брат – двоюродный брат.
Стайка – помещение для домашнего скота.
Увал – вытянутая возвышенность с пологими склонами.
Угор – возвышенный берег.
Хануть – резко ослабеть, стать немощным.
Хлипать – тихо плакать, всхлипывать.
Челдоны (чалдоны) – русские старожилы Сибири.
Чуни – домашняя обувь, чаще всего из овчины.
Шаять – гореть без пламени, тлеть.
Шивера – быстрое течение и мелкое место на реке.
Шляча – слякоть, снег с дождем.
Шубинки (шубенки) – рукавицы мехом внутрь.
Шебутной – суетливый, беспокойный.
Шуга – вода со льдом.
Энцефалитка – костюм, защищающий от клещей, комаров, клопов.

Полоса

1

Шулина в поселке не любили. Во-первых, какой-никакой, а начальник, а во-вторых, имелся у него в голове один пунктик (некоторые и прямо говорили – дурь), который усложнял людям жизнь. Ну, пусть прямо так уж не усложнял, но и не облегчал, хотя условия для этого облегчения вроде бы были, – вот, в каких-то трех километрах от поселка. Но Шулин мешал, и его не любили...

Поселок назывался не слишком благозвучно – Временный.

Основали его в начале тридцатых годов действительно как временный пункт на пути этапов, которые тогда гнали и гнали на Север. Сначала на берегу реки Изьвы построили барак и пристань, казарму для конвоя, потом контору, столовую, лавку... К пристани причаливал пароходик, в него загружали раскулаченных, потом врагов народа и уголовников, спецпереселенцев, власовцев и пособников и везли за полярный круг на угольные шахты, флюоритовые, титановые рудники...

Поначалу постоянного населения во Временном не было, но постепенно понадобились кочегары, сторожа, повара, могильщики, врачи... То одного, то другого зэка-доходягу оставляли здесь умирать, а если кто выживал, оформляли на местные работы; появились и женщины, а там и ребятишки стали рождаться.

В конце сороковых организовали во Временном леспромхоз, оленеводческое хозяйство, возвели цеха рыбообрабатывающего заводика; пристань превратилась в порт, и вдоль берега протянулись ряды складов из шпал. Стала ощущаться нужда в рабочих руках, и потянулись сюда вольнонаемные. После амнистии в пятьдесят третьем, из катящегося с Севера потока, осело человек с полста освобожденных. Население вскоре перевалило за тысячу. Во время хрущевских перекроек появился Временский район.

Рос поселок, росли мелкие предприятия, появлялись новые должности, и людей требовалось всё больше и больше.

Рубили тайгу, искали нефть, газ, руды, ловили красную рыбу, выделявали олени шкуры...

Правда, большим неудобством было то, что не удавалось проложить во Временный и, через него дальше, круглогодичную автомобильную трассу. Связать поселок и стоящие севернее деревни с железной дорогой. Трасса была, но зимняя – через болота. Летом же единственным средством связаться с внешним миром оставалась река. Пароходики и катера ходили вверх-вниз по Изьве, доставляли почту, провизию, галантерею, привозили и забирали пассажиров.

Хуже всего было в середине весны и в конце осени, когда по реке шел лед, а болота еще не замерзали. И месяца три в год Временный оставался островком, оторванным от остального мира.

Правда, в семидесятые и эту проблему решили – неподалеку от поселка построили аэропорт. Небольшой – одноэтажное кирпичное здание с кассой и стойкой регистрации, залом ожидания на пятьдесят человек, буфетом, кабинетами сотрудников. Залили полосу для самолетов местных линий, поставили ремонтную мастерскую, завезли оборудование.

И после открытия рейсов Временный совсем уж приобрел цивилизованный вид. Кажется, будет он теперь жить и жить, расширяться и развиваться. Да так оно и получалось – рас-

ширился и развивался. Основаны были ветеринарное училище, курсы медсестер, оленеводческий и речной техникумы, оснащена судоремонтная база.

В конце восьмидесятых население к четырем тысячам подступало. Говорят, рассматривался вопрос о присвоении Временному статуса города. Правда, главным препятствием стало название, и пока где-то наверху ломали голову, как его позвучнее переименовать, начались девяностые.

Алексей Сергеевич Шулин приехал во Временный в восемьдесят первом, когда аэропорт стал для местных уже привычным, необходимым – одним из составляющих их жизни. Рейсы совершались ежедневно (никто уже и не помнил о том, что первоначально аэропорт создавался как вынужденное замещение автомобильному и водному транспорту), за сорок минут – полтора часа можно было оказаться в Печоре, Ухте, Воркуте, Сыктывкаре... Приехал Шулин сюда по распределению, окончив Егорьевское училище, где получил профессию техника по хранению и транспортировке горюче-смазочных материалов. До Временного год с небольшим отработал в Печоре – набирался опыта.

Конечно, в детстве и юности мечтал стать летчиком. Вырос в деревне Малый Ключ на востоке Башкирии. Вроде бы до Уфы сотня километров, но настоящая глушь – леса, бездорожье. И пролетающие над деревней самолеты казались воплощенным чудом. Все жители задирали головы и смотрели, следили за этими железными птицами.

Лет с десяти Алексей знал, что станет летчиком и так же будет летать над лесами, деревушками, мечтал, что на его самолет так же будут заворуженно смотреть пацаны.

Поступал в Оренбургское высшее летное, но не прошел медкомиссию, и больше по совету училищных стариков (механиков, техников, сторожей), чем по желанию, поступил на техника. «Всё равно при самолетах», – успокаивал себя словами таких же, только на сорок лет старше, не получившихся пилотов.

Учился без особого рвения, равнодушно выслушал после получения диплома, что направляют его в неведомый Печорский авиационный отряд. Посмотрел на карте – кружок почти по центру Коми АССР, вокруг синие штришки, обозначающие болота. Рядом синяя извилистая полоска – река...

Год в Печоре оказался лишь стажировкой, акклиматизацией, своего рода курсом молодого бойца. Потом их, недавних выпускников, выстроили на площади возле бюста Ленина, и в торжественной обстановке командир отряда зачитал: «Иванов – аэропорт “Кипиево”, Кузнецов – аэропорт “Усть-Цильма”, Шулин – аэропорт “Временный”...»

Во «Временном» работало тогда больше ста человек. Алексей оказался почти без дела. Точнее, на подхвате, на побегушках. Что-нибудь принести, помочь, убрать, переставить. Да, людей много, работы – не очень. Как-то всё было отлажено, отстроено, и казалось, что так и будет течь жизнь. Постепенно старшие уйдут на пенсию, их заменят молодые, которым к тому времени стукнет лет по сорок. А следующие, прибывшие по распределению, будут ждать, набираясь опыта, своего часа заняться серьезным делом.

Вся страна так жила – и шоферы, и комбайнеры со сталеварами, и начальство вплоть до членов Политбюро. Неспешная, постепенная смена поколений...

В восемьдесят втором Шулину выделили квартиру в двухквартирном доме. В восемьдесят третьем он женился на местной девушке Марии, еще через год родилась дочь, через два – сын.

Зарплата была неплохая, а тратить ее оказалось особенно не на что. Продукты, в основном, свои, хрустали вроде как не нужны, двух ковров хватило, чтоб украсить стены, очередь на машину длинная... Копили, и летом (не каждое лето, понятно, но часто) летали на родину Алексея, на море – в Анапу. В Ленинграде побывали однажды, и за три дня обошли основные музеи, после – в Таллине у училищного друга Шулина.

Да, обыкновенная жизнь обыкновенных, как тогда говорили, советских людей. Без роскоши, но и без ощущения припертости к стене. Нормально жили, неплохо...

В восемьдесят шестом Шулин стал начальником склада ГМС, в восемьдесят восьмом – старшим техником.

Жена Маша после декретов тоже устроилась в аэропорт – кассиршей. Одной из семи. Работали тогда в две смены. Рейсов было много, на все направления летали Ан-24, Як-40, Л-410, Ан-28. Ан-2 забирался в любой глухой угол...

Сейчас, спустя двадцать с лишним лет, то время вспоминалось Алексею Сергеевичу светлым, счастливым. Но было там много того, что мешало, раздражало, давило. И потому перестройку встретили не то чтобы с восторгом, но уж точно с надеждой, что благодаря ей станет лучше. Закончатся перебои с топливом, заменят старое оборудование, здание аэропорта расширят, а то и новое отгрохают; перестанут с далекого верха слать дурацкие приказы и распоряжения, невыполнимые из-за местных природных условий... Да, много при так называемом застое было глупости, вечно всего не хватало, требовали выполнять план перевозок, не слушая, что, к примеру, летом люди летают активно, а зимой мало, и поэтому летом можно пускать дополнительные рейсы, зимой же слегка сократить... Предшественникам Шулина – начальнику склада горюче-смазочных материалов, старшему технику, директору аэропорта – приходилось чуть ли не каждый месяц мотаться в Печору, просить, требовать, изыскивать то одно, то другое... Даже специальные люди тогда были, умеющие доставать, – снабженцы...

А потом – бахнуло. Лопнуло и разлетелось то, что казалось надежным, на века, несмотря на все проблемы и перебои... Да нет, не прямо так взяло и бахнуло, если хорошенько прокрутить в памяти. Постепенно лопалось, почти незаметно, и в этом-то вся беда. Никто и представить не мог, что мелкие лопанья в итоге развалят казавшееся нерушимым.

В девяностом году рейс Временный – Печора сделали не ежедневным, а пятидневным. Рейс Временный – Сыктывкар из пятидневного превратился в трехдневный. Стали сокращаться и остальные. Дескать, нерентабельно гонять полупустые самолеты... В девяносто втором работу аэропорта перевели на одну смену, и сократили персонал до семидесяти человек. Зал ожидания теперь на ночь запирали.

Особо всем этим никто не возмущался, тем более что всю страну лихорадило. Думали: полихорадит и отпустит. И вернется как было. Да и логика в сокращениях рейсов, работников всё же имела. Хоть сердце сопротивлялось, но голова упорно находила логику. Защищала этим сердце, что ли...

Потом как-то незаметно перестала работать система оповещения пассажиров, и не раздавалось больше из динамиков бодрое и внушительное: «Уважаемые пассажиры! Объявляется посадка...» Потом закрыли туалет – система канализации оказалась слишком накладной, – люди стали ходить в сортир на улице. Потом отключили световое табло. Потом прекратились полеты в Сыктывкар, Ухту, а в Печору самолеты стали отправляться два раза в неделю; связь с мелкими населенными пунктами района осуществлялась от случая к случаю, – кто-то тяжело заболел, спецгруз нужно было доставить, строительную или дорожную бригаду...

Штат всё сокращался и сокращался. Большинство специалистов уезжало на юг, в города, другие находили работу в поселке, третьи на пенсию выходили.

Когда в девяносто шестом Шулину предложили должность начальника аэропорта, там работало двадцать семь человек. Мысленно оглядевшись и перебрав их, оценив, он понял, что остался один действительно способный занять эту должность, и согласился.

И даже тогда катастрофой не пахло. Просто было отсечено всё вроде бы необязательное, но необходимое для функционирования сохранилось. Парк из трех Ан-2 оставался, связисты, метеорологи выполняли свои обязанности, касса продавала билеты, техники осматривали прибывающие самолеты, заправляли горючим, а при необходимости могли дать срочный

ремонт... И потому известие, поступившее в конце девяносто восьмого, когда установилась зимняя дорога в большой мир (специально дождались, что ли?), что аэропорт «Временный» расформировывается, а на его основе оборудуется вертодром, стало ударом. Вот тогда действительно бахнуло, лопнуло.

Хорошо запомнилось, как улетала из «Временного» тройка Ан-2. Летчики погрузили свои вещи, кое-что нужное для самолетов. Попрощались с Шулиным, с теми несколькими мужиками, женщинами, с ребяташками, кто пришел на аэродром... Жили здесь летчики как чужие, в гостинице, тяготились долгими сменами в этом поселке, а теперь выглядели, словно на похоронах. Да и провожающие... И вот забрались в самолетики, завели моторы, погрели минут пять... Первая «Аннушка» побежала по полосе, подрагивая крыльями. Взлетела. Побежала вторая, за ней – третья. Женщины зарыдали, кто-то из мужиков снял шапку...

Некоторое время – дни, недели, наверное, – Шулин не мог поверить. Как это? Значит, больше не сядут на полосу самолеты, не взлетят. Не спустятся по трапу пассажиры, а вслед за ними пилоты и, кроме Ан-2, конечно, – стройненькая, одним своим видом дарящая радость, стюардесса.

Да, не мог поверить. Принимал и отправлял вертолеты, и говорил себе, что это так, из-за дефолта. Где-то обваливаются банки, падает курс рубля, разоряются бизнесмены, растет государственный долг, и вот у них тоже ухудшение. Пройдет, всё вернется, восстановится.

Земляки тоже не верили, при встрече спрашивали, когда вернут самолеты. И Шулину становилось стыдно, – стыдно было отвечать, что не знает, стыдно, что именно при нем погиб аэропорт, что среди восьми оставшихся в штате сотрудников его жена. Вроде как по благу она уцелела... Но, впрочем, от этой последней причины стыдиться Шулина вскоре избавили – штат сократили до трех человек: начальника и двух сторожей. А в две тысячи третьем, когда аэропорт «Временный» вычеркнули из реестра гражданских аэропортов Российской Федерации, остался один Шулин. И начальник, и кассир, и диспетчер, и сторож... А что? – вертолет приземляется, забирает пассажиров, поднимается. Зачем лишние люди, лишняя трата финансов на зарплаты?

В конце две тысячи восьмого, когда бушевал очередной финансовый кризис, уволили и Шулина. Точнее, перевели на договор.

2

В последнее время Алексея Сергеевича всё чаще, да почти постоянно, донимали воспоминания. Конечно, не сидел он на лавочке, погруженный в них, но, занимаясь делами в ограде, шагая по улице, пытаясь уснуть вечером, накатывало прошлое. И далекое, и совсем недавнее.

Да, прощелкали годы, как распаренные орехи на здоровых зубах, и вот уже пятьдесят два. Дети выросли и разъехались – сын в Сыктывкаре, дочь в Ленинграде. С той поездки всё мечтала, еще девчонкой, там жить, и вот сбылось. Муж у нее, дочке три года, денежная работа...

И сын, и дочь ненавязчиво, но часто и, кажется, искреннее, предлагали родителям переехать. Что уже здесь? Да, привыкли, жизнь прожили, но ведь тяжело. Купить квартиру хоть в Печоре, а лучше в Сыктывкаре; можно и южнее что посмотреть. Наверняка в Костроме, Вологде, Кирове найдется подходящий вариант. Деньги соберут, деньги вообще-то есть. Или на родину Алексея Сергеевича вернуться. Климат там мягкий. Родня...

Выслушав детей, Мария смотрела на Шулина, она всегда на него смотрела в сложные моменты, с первых же дней замужества зная, что он – главный. (Конечно, бывали размолвки и даже ссоры, возникала усталость друг от друга, но ссоры быстро гасились, усталость исчезала. Да и как долго дуться, когда друг без друга невозможно.) Шулин под ее взглядом ежился и отвечал сыну или дочери:

– Куда теперь мотаться... Судьба нас здесь соединила... Да и неплохо нам с мамой здесь. Да, Маш?

Жена кивала, правда, без большой готовности. Ясно, хотелось под старость лет поселиться в квартире с водопроводом и ванной, теплым туалетом. И, честно признаться, сам Алексей Сергеевич тоже в принципе был не против. Главное, что останавливало: стыд. Ведь он оказался последним начальником аэропорта, и теперь, когда аэропорт закрылся, решив уехать, вроде бы предавал местных. Прибыл, дескать, когда всё было хорошо и прочно, доработал до развала, а теперь, с приличным северным стажем для большой пенсии, отбыл в теплые края, в цивилизацию...

Рассуждать и размышлять Шулин не умел. Не понимал, как кто-то может напряженно о чем-то думать, выбирать; к нему решения приходили быстро, даже не приходили, а словно бы находились в нем и в нужный момент высвечивались. Когда ему объявили, что аэропорт закрывается, не выбирал, что теперь делать, а продолжил считать себя начальником всего хозяйства, а не просто вертолетной площадки – участочка бетона пятьдесят метров на пятьдесят.

Шулин так и следил за складом, где хранилось необходимое для приема и отправки самолетов, для их экстренного ремонта, сохранял обстановку аэропорта вплоть до пустого газетного автомата, стендов, давно погасшего табло. В меру сил заботился о полосе. И это удивляло и злило многих его земляков.

Кажется, один только Саня Рочев разделял шулинское упорство. Часто, встречая, останавливал и полусшепотом говорил:

– Правильно. Держи, Лёха, а то захватят. Эти, американцы с китайцами только и ждут ведь, когда ослабнем совсем. Потом налетят и сожрут. Как Панаму, помнишь? Гренаду... Сейчас Ирак вон... Сожру-ут. Как котиков морских дубинками перебьют.

Но Саня – он и есть Саня, местная голытьба. По юности отморозил пальцы на ногах, теперь шаркает по поселку туда-сюда, пенсию получает, от безделья философствует.

Временный расположен в низине на берегу Изьвы. Много раз в советское время пробовали оборудовать тротуары, благоустроить улицы. Но болотина съедала гравий, а деревянные настилы через две-три зимы превращались в труху. Многие дома кривились, одним краем оседая в жижу, некоторые так и целиком медленно погружались. Пройдешь мимо низенькой избы – окна почти у земли – и вспомнится, что лет двадцать назад это был высокий дом с завалинками... Вырыть сухой подвал во Временном являлось целой наукой...

Фундаменты под школу со спортзалом, двухэтажную гостиницу, склады строили такие, что случайный человек мог подумать: на этом месте будет возведен небоскреб... Любопытный клочок твердой почвы был для временцев бесценным.

И вот неподалеку лежит почти полтора километра отличной бетонки, стоит крепкое, просторное здание, еще несколько сооружений, а использовать их не разрешает уже непонятно кто. Бывший начальник бывшего аэропорта, а теперь просто шишка на ровном месте.

Когда-то взлетно-посадочная полоса была огорожена колючей проволокой. Но деревянные столбы давно сгнили и повалились, колючка изржавела. Металлический забор перед центральным зданием еще держался, но ничего не защищал. Обойди его справа и слева, и попадешь на территорию. И потому людей очень забавило, что Шулин запирает ворота на большой навесной замок. Даже шутка появилась: когда кто-нибудь говорил, что у него все надежно, ему тут же отвечали: «Аха-аха, как ворота у Шулина!»

Но как не нелепы были эти бесполезно запертые ворота и кусок забора, они, наверное, останавливали людей от того, чтобы залезть в здание, стащить полезное, просто напакостить, стекла побить.

А вот на полосу постоянно зарились...

Нет, в первые два-три года после закрытия аэропорта то ли по привычке, то ли из-за уверенности, что вот-вот всё станет по-прежнему, на территорию не заходили запросто. Потом же стали гулять по бетонке, а то и заезжать, грибники оставляли на ней машины, мужики приспособливали сухой бетон для сушки дров.

У начальства тоже появились на полосу виды. Хотели построить на ней то новое здание лесопилки, то склады, то даже биатлонное стрельбище (очень популярный вид спорта стал в последние годы в республике), планировали разобрать, выложить из плит центральную улицу поселка, покончив таким способом с почти круглогодичной распутицей. (Правда, разбирать оказалось невозможно – полосу заливали на месте, прямоугольниками, и при попытке оторвать их от земли, бетон крошился.)

Шулин отбивался и от начальства, и от простых временцев. Простых сгонял с полосы; люди отвечали с озлобленным недоумением:

– Да почему бревна нельзя здесь сложить?! Что, на твоей спине лежать будут, что так выeshься? Просохнут – увезу... Ты дурак, что ли, Лёха?.. Я по-твоему машину в грязи оставлять должен, когда рядом бетонка?..

– Нельзя взлетно-посадочную полосу загромождать, – отвечал Шулин туповато, не находя других аргументов.

– Где она, взлетно-посадочная?! Что здесь взлетает и садится? Вороны?

Но Шулин не отставал, готов был драться, обещал побить у машин стекла, пожечь бревна, и люди отступали. Хотя на другой день, на третий, четвертый они же или кто другой снова пытались занять на полосе местечко.

С начальством было легче. Помогала здесь, как ни странно, путаница с тем, кому принадлежит бывший аэропорт.

В девяносто восьмом году на базе государственного предприятия «Комиавиа» было создано государственное унитарное предприятие «Комиавиатранс». «Комиавиатранс» вроде бы передало имущество аэропорта во Временное местному начальству. Муниципалитету. И договоры составили, и министр госимущества республики их подписал. Но на деле договоры эти оказались бесполезными бумажками. Сколько начальник правового отдела, энергичная женщина, ни добивалась реальной передачи аэропорта району, все чиновники и юристы только руками разводили: «Это не документы, а филькины грамоты».

Шулин тоже пытался в них разобраться, но уже само определение «унитарное предприятие» показывало, что сделано всё для того, чтоб потерялись концы. Ничто никому конкретно не принадлежит, никто ни за что не отвечает. Никто не имеет ни на что законных прав. Хочешь – бери, но если кто-то захочет отобрать, отберет в два счета, но и у него могут отобрать так же легко...

И когда глава администрации Павел Иванович Дедин начинал планировать под что можно приспособить почти полтора километра твердого покрытия, Шулин спрашивал с улыбкой, вроде как шутя:

– Неужели оформили право собственности, Пал Иванович?

– Но если даже нет новых документов, что с того? – начинал медленно, по-начальнически кипятиться глава. – Который год брошенная полоса лежит...

– Почему брошенная, – перебивал Шулин. – Присматриваем. И пригодится еще по прямому назначению. Давайте подождем. Разрушить, застроить легко...

Хоть и осторожно, Шулина поддерживал замглавы Виктор Николаевич. Он сам, из глухой деревушки, увидел свет благодаря самолету. Мать не могла разродиться, и ее экстренно отправили в Печору на Ан-2, где сделали операцию. «Не было б самолета – умерла бы и мать, и я в ней, а так – полчаса, и в больнице», – говорил иногда с каким-то, что ли, удивлением Виктор Николаевич.

Да, неразбериха в документах по владению сыграла на руку Шулину. Хуже было там, где владельцы таких же сокращенных аэропортов нашлись. В одном месте на полосе склад построили, в другом – лесопилку разместили, в третьем и вовсе демонтировали...

После снега Шулин чистил, в меру возможности, дренажную систему, несколько раз вырубал пробивающийся из щелей ивняк, а вокруг полосы крепнущие сосенки и березки. Тут возникали конфликты с лесником.

– А разрешение получили? – спрашивал тот, оглядывая лежащие деревца.

– Какое еще разрешение? – теперь Шулин чувствовал себя каким-то незаконным, лезущим на чужую территорию.

– На порубку.

– Слушай, по инструкции четыреста метров концовки и сто метров боковых должны чистыми быть. Я и так не всё...

– Этой инструкцией теперь подтереться можно. Природа свое берет, восстанавливается, а ты... Нету здесь больше аэродрома. Не-ту!.. Командуй вон площадкой своей, а природу не трогай. Я могу и протокол составить. Сейчас с экологией строго.

До протоколов, правда, не доходило. Власть покачать, это одно, а подавать в суд – все-таки как через что-то переступить. И лесник ограничивался угрозами. Профилактикой, так сказать.

Полоса, как видел Алексей Сергеевич, построена была на совесть. Бетон почти не вымывался дождями, не крошился, если, конечно, специально не долбить, дренаж действовал, стоило время от времени освобождать трубы от травы и мусора. Но прав был лесник – природа свое брала. Кусты пробивали изъеденный битум в швах, лезли к солнцу, расширяли жизненное пространство вокруг... Году в две тысячи втором, еще до того как аэропорт окончательно вычеркнули из числа существующих на свете, Шулин попросил прислать ему из отряда хоть сколько-нибудь битумной мастики: «Залью швы, а то расползется полоса». Но его подняли чуть ли не на смех: мертвому припарки, дескать, делать решил. И добавили, что работающее еле держат, не до закрытого.

Такие вот воспоминания колюче ворочались в голове Алексея Сергеевича. Нехорошие. Но вспоминать о том времени, когда аэропорт жил полной жизнью, было еще тяжелей. Жутко становилось, когда представлял людный зал ожидания, – здесь и местные с коробками и мешками, решившие слетать в Печору, а то и в Сыктывкар на рынок: грибами, мясом, рыбой, ягодами поторговать. Улетали утром, а вечером возвращались с пятеркой, червонцем навару... Здесь и отпускники в костюмах с чемоданами. Здесь – геологи, геодезисты, изыскатели, рыбаки и охотники дожидаются рейса дальше на север. Туристы с гитарами и котелками на рюкзаках, непонятные личности, кружащие по Союзу в поисках лучшего. Лучшей доли, как тогда говорили... Больно было вспоминать всех этих механиков, техников, радистов, метеорологов, диспетчеров. Где они все, куда исчезли... Где самолеты, которые приземлялись и взлетали, приземлялись и взлетали... Пилоты, стюардессы...

Все исчезли, превратились в призраки, бродили беловатыми сгустками по пустому зданию, колыхались под стендами с расписаниями рейсов и правилами, пестрым плакатом «Москва – столица СССР», пытались достать «Правду» из газетного автомата. В давным-давно запертых, не нужных теперь складах и ангарах что-то позвякивало, подлесок возле полосы вдруг начинал трепетать, будто по бетонке пробежал самолет... Не обладающий особым воображением Шулин чувствовал в эти моменты почти ужас и потому, если уж начинало прошлое мучить, старался направлять воспоминания на недавнее. Хотя какое оно недавнее, – двенадцать лет как прекратились самолетные рейсы и аэропорт умер, семь лет как похоронен – выбыл из реестра и навигационных карт. Нет его теперь по документам, не знают о нем пилоты, кроме нескольких старожилов, которые все еще, каждый раз как в последний, поднимают свои

морально устаревшие (хм, модное выражение) «Аннушки» в оставшихся семи аэропортах республики. В семи из почти двадцати.

А что Шулин? Он делал всё возможное, чтобы могила его аэропорта не исчезла. Пусть уж могила, но не пустое место.

Несколько раз в неделю Шулин, приезжал, приходил туда и что-нибудь делал. Сгребал снег с вертолетного квадрата, а если оставались силы – с полосы то лопатой, то скребком, то при помощи «уазика» (приспособил на бампере лист жести), иногда, во время больших снегопадов, трактор давала администрация поселка. Был трактор и в распоряжении Шулина, но только по документам – на самом деле рассыпался еще в начале двухтысячных... Занимался зданием, неумолимо ветшающим, убирал с территории появляющийся и появляющийся мусор; когда стало ясно, что скоро металлическое оборудование, неиспользуемое для приема и отправки вертолетов превратится в груды ржавины, сдал его. Не из-за денег даже, а чтоб не видеть как разрушается некогда ценное.

Во время работы становится светлее, легче, а без дела воспоминания заливают душу горькой мутой.

3

В девяносто девятом, осенью, Алексей Сергеевич получил приглашение на нерадостное торжество – начальник авиаотряда уходил на пенсию и звал на прощальный банкет.

Сезон вертолетных рейсов еще не начался, срочных дел не было, и Шулин отправился в Печору. Плыл на теплоходике «Посейдон», свежеекрашенном, но все равно откровенно старом, кривоватом, ползающем вверх-вниз по рекам еще с шестидесятых годов.

Сперва быстро спустились по Изьве в Печору, а потом медленно двинулись вверх по течению. Весь световой день ушел на преодоление двухсот с небольшим километров. А на Ан-24 можно было за сорок минут добраться, на Як-40 так и вообще за двадцать с небольшим. На разогрев, взлет и посадку времени больше уходило, чем на сам полет...

Все пятьдесят шесть пассажирских сидений на теплоходе были заняты; люди дремали, маялись от безделья (читать или еще чем-то заниматься было холодно), курящие то и дело выходили на палубу покурить, и возвращались продрогшие, долго дергали плечами, терли синеватые скулы. Какая-то старушка, севшая в Кипиеве, временами начинала плакать – сильно болел живот, ехала в город на обследование.

– Обследуют, и назад отправят, – стонала. – И опять здесь столько времени мучиться...

Ей сочувствовали, заверяли, что положат в больницу, подлечат. Правда, искренней уверенности в этих заверениях не слышалось.

Шулин устроился у окна, закутавшись в бушлат, подняв воротник. Смотрел на тянувшийся берег. Густой, но чахлый лес, иногда разбавленный домишками и пустошью. Большинство домишек нежилые, да и не домишки уже, а трухлявые срубы. Селились когда-то люди, давали название месту, плодили детей, проживали свои жизни; поколения сменялись поколениями. Где-то десятки поколений, где-то два-три. И теперь почти везде снова безлюдье. Лет через двадцать срубы окончательно превратятся в прах, пустоши – бывшие огороды и пашенки – зарастут деревьями, и – никаких следов человеческой деятельности, положенных сил, пролитого пота.

Судя по всему, рано или поздно и его Временный тоже обезлюдит. И то, что сейчас население растет, не радует: люди бросают поселения севернее, бегут сюда, а потом побегут и отсюда. И останется когда-нибудь в республике Сыктывкар, Ухта, может быть, Печора, Усинск (пока нефть не выкачают) и десяток станций между ними. В Воркуту будут вахтовым методом наезжать, да и то вряд ли – всё чаще говорят, что уголь там добывать нерентабельно...

Чтоб отвлечься, Шулин стал представлять, как встретится с Михаилом Егоровичем, уходящим на пенсию командиром отряда, как выпьют с ним, поговорят. Да-а, заслуженный отдых...

Сколько ему? Он и тогда, в восемьдесят первом, когда Шулин приехал в Печору после техникума, был уже в возрасте, а теперь-то... Хотя вряд ли так уж много по нынешним меркам, мог бы наверняка еще поработать. Мог бы, если бы не последние события – за предыдущие два года авиаотряд почти рассыпался. Конечно, люди понимают, что кризис, денег нет, новой техники нет, ничего вдруг не стало, что вся Россия превращается в руины, но все-таки, скорее всего, Михаила Егоровича винят. Он – начальник. А хороший начальник должен быть всемогущ.

Шулин поморщился от этой очередной мрачной мысли, снова заставил себя думать о другом. Хотел вызвать радость тому, что скоро, уже скоро встретится с теми, с кем столько лет делал одно дело, был связан нитями рейсов, кому передавал через летчиков документы, связывался по рации, но лично встречался редко. И вот в кои веки соберутся за одним столом, поднимут рюмки... Усмехнулся, вспомнив, за что будут пить. Почти поминки.

Успел к окончанию торжественной части.

Со сцены актового зала авиаотряда говорили хорошие, теплые слова о Михаиле Егоровиче, благодарили за годы, отданные гражданской авиации, за воспитание целой плеяды пилотов, технических специалистов... Да, говорили много душевных слов, но они не могли разбить грусти и обреченности. И говорившие, и сидевший за заваленным цветами и ценными подарками столиком виновник торжества знали, держали в голове, что все достижения прошлых десятилетий проваливаются в яму новой разрухи – разрухи, которая в сотни раз печальней первобытной дикости.

В зале были начальники аэропортов из многих городов, сел и поселков республики – Брыкаланск, Синегорье, Кипиев, Нерица, Усть-Щугор, Усть-Лыжа, Усть-Воя, Усть-Цильма, Мутный Материк, Усинск, Вуктыл, Комсомольск-на-Печоре, – но почти все эти аэропорты уже были закрыты. И хоть теплилась надежда, что их откроют, но недаром же говорится: надежда умирает последней.

На сцене Михаил Егорович отмалчивался – так, сдержанно благодарил, кивал, обнимал коллег. Но когда перебрались в ресторан, расселись за выставленными буквой «П» столами и выпили под грустно-торжественные тосты несколько рюмок, бывший командир поднялся и заговорил своим хриловатым, грубоватым голосом:

– Спасибо, товарищи, что собрались. Я вас позвал не для того, чтоб слушать от вас речи о себе... Какой, мол, чудесный я был человек, строгий, но справедливый начальник... Нет, не для этого... хочу прощения у вас попросить. Многих из вас, а может, и всех, встречал я в отряде, кого двадцать лет назад, кого десять... Встречал и отправлял в медвежьи углы, чтоб вы делали их не медвежьими. Многие отработали положенный срок и уехали, а вы вот остались... Есть и местные уроженцы, и у вас прошу прощенья... В Усть-Цильме вот староверы прятались, прятались, а мы на них весь наш мир своими самолетами... Кажется иногда, что лучше бы уж было, как раньше, как при царе-горохе – олени, тележницы, упряжки собачьи. А тут... Разбредили, раздразили, и... Трудно обратно сползать, тяжело... И вот увидел я, участвовал, когда строилась наша авиация, открывали и открывали аэропорты посреди болот, а теперь, получается, поучаствовал в их закрытии. Сам приказы подписывал... В неполные тридцать лет всё и уложилось. И расцвет, и закат. – Михаил Егорович помолчал, глядя перед собой, но явно видя не обстановку ресторана, а другое. – Нет, не закат, не прав я. Не может так всё глупо погибнуть. Придут к руководству новые люди, придут, наладят. Восстановят. Председатель правительства появился, дельный человек... Его этим, президентом бы... Да... Не может кануть такая наша мощь в ничто. Главное, товарищи, очень прошу, приказываю даже, берегите что есть. Не поз-

воляйте порушить... Разные времена родина наша переживала, и оказывалось, что прав тот был, кто сберегал. Давайте за это выпьем. Берегите. Возродится наше дело, товарищи!

Мужики сорока пяти – пятидесяти лет, кто в пиджаках, кто в свитерах, а некоторые в темно-синих форменных костюмах, поднялись, стали чокаяться в первый раз за этот вечер приподнято, бодро. Услышали нужное.

С тех пор Шулин несколько раз звонил Михаилу Егоровичу. Знал, что живет он один в большой квартире в центре Печоры. Жена умерла, дети давно разъехались, навещали отца редко. Предлагали и ему уехать, но Михаил Егорович отказывался. (Может, по его примеру отказывался и Шулин.) В редкие приезды Шулина в город, встретиться с бывшим командиром не удавалось, да и неловко было навязываться в гости, а Михаил Егорович почти не выходил на улицу.

Но в ноябре две тысячи восьмого, когда ему объявили, что выводят за штат и предложили заключить трудовой договор, Шулин решил встретиться. Нужно было поделиться новым неприятным известием, почувствовать поддержку, убедиться, что есть кто-то, кроме него, Шулина, не согласный с нынешним положением дел.

Отправился к гостинице – там была одна из точек в поселке, где стабильно ловил сотовый телефон, набрал номер. Пока сигнал плутал в небесных волнах, пришло на память, что в середине девяностых у них тут взяли и расставили на улицах телефоны-автоматы. Аппарат под синим пластиковым навесом. Позвонить можно было, как значилось в наклеенной рядом с аппаратом инструкции, в любое место на Земле. Правда, этими телефонами почти не пользовались – то карт на почте не было, то аппараты не работали, то местные пацаны отрывали трубки. Вскоре приехала бригада и демонтировала эти телефоны. Пара синих навесов сохранилась до сих пор, их в шутку называют нано-связью... Сотовая связь работает плохо, зависит то от погоды, то от ретрансляторов, да и телефоны далеко не у всех, не всем по карману; поговорить с родными большинство ходит по старинке на почту, заказывает минуты...

– Да, – хрипнуло в мобильнике, – слушаю.

– Михаил Егорович?

– Он самый.

– Здравствуйте, это Шулин, Алексей. Из Временного.

– А, здорово! Как жизнь?

– Да, в общем... – Он растерялся, говорить о своих проблемах по телефону не хотелось. – Так, в общем... Я вот что, Михаил Егорович... Я в город собираюсь, хотелось бы увидеться. Посидели бы, есть что рассказать. Да и соскучился.

Бывший командир довольно крикнул – приятно стало, наверно, что по нему кто-то скучает.

– Приезжай, конечно, Лёш. Приезжай. Адрес-то знаешь? Нет?.. Записывай.

Шулин хлопнул левой рукой по карману, хотя знал, что ручки там нет. Ругнул себя, ответил:

– Да, записываю. – И потом несколько раз мысленно повторил услышанную улицу, дом, номер квартиры.

Через день, прихватив кусок соленого свиного мяса, напеченных женой шанег с творогом, банку брусники, сел в вертолет, который столько лет отправлял и принимал, как пассажир. В этот день следила за взлетом Мария.

На вертолетах Шулин летал редко и всегда с опаской. У самолета крылья есть, и откажи хоть все турбины, он будет какое-то время планировать, и в распоряжении у пилотов окажется минута, чтоб попытаться спасти пассажиров, свои собственные жизни. А тут... Перестанет винт крутиться – камень камнем. И сколько их попадало в последнее время. И в основном, в отличие от самолетов, по техническим причинам... Самолеты надежнее, да и удобнее про-

сто. Даже в Ан-2 поговорить можно, кресла рядками, в вертолете же сидишь вдоль стенок на неудобных откидных сиденьях, смотришь на того, кто напротив и слушаешь, слушаешь этот треск над головой. И молишься, чтобы треск не оборвался, не захлебнулся. Захлебнулся, значит, каюк...

С раскалывающейся после такого полета головой, Шулин добрался до офиса «Комиавиатранса», мельком прочитав, подписал трудовой договор (сопротивляться, знал, бесполезно), услышал сочувственные слова начальства: не от нас зависит, везде сокращения, перевод на договоры... Попрощался, поехал к Михаилу Егоровичу. Уже было вошел в подъезд, но вспомнил, что не взял бутылочку, а без нее как-то не по-людски. Побродил по кварталу, наткнулся на целый оазис магазинов вокруг перекрестка. Купил ноль семь «Полярного Урала».

За десять лет Михаил Егорович изменился неузнаваемо, и Шулин даже сперва подумал, что ошибся адресом. Вместо подтянутого седого мужчины ему открыл бесформенный, какой-то разваливающийся старик, с клочками облысевшей, будто зараженной стригущим лишаём, головой.

– А-а, Лёш, про... проходи, – сквозь одышку прохрипел он и, постукивая палкой, пошел в глубь квартиры. – Дверь... захлопни. И... и не разувайся. Так...

Пока Шулин вытирал ноги, снимал полушубок и шапку, Михаил Егорович успел облачиться в синий форменный пиджак, оба борта которого были увешаны медалями, знаками, значками, какие вручали ему за годы работы... Шулин удивился – до этого не замечал за бывшим командиром тяги демонстрировать награды. А теперь и на стене над письменным столом висело десятка два грамот, вымпелы. Висели, кажется, недавно и были повешены немощным человеком – кое как, криво, приколоты какая грамота одной кнопкой, какая несколькими...

Квартира была запущена, пахло прелью, лекарствами, чем-то прокисшим, и как-то нелепо здесь выглядел светящийся экран компьютера.

– Садись куда-нибудь. – Михаил Егорович посмотрел по сторонам, увидел стул, на котором лежала одежда. – Вон... на кровать перебрось...

Шулин сел и не знал, что сказать. Мял в руках лямку сумки.

Когда собирался, летел, уже вел мысленно с Михаилом Егоровичем беседу. Пусть грустную, но откровенную, и потому лечащую. И бывший командир представлялся ему по-прежнему крепким, старшим, а потому и более сильным, и Шулин ждал от него слов поддержки, советов, заранее их словно бы слышал. А оказалось... Потянуло подняться и начать уборку, хоть он и не очень-то умел этого делать. Мусор вынести, посуду помыть, подмести пол...

– Ты... слышал... безработный теперь, – медленно произнес Михаил Егорович и пристально посмотрел на Шулина, и по этому взгляду Шулин наконец почувствовал, что перед ним действительно его бывший командир.

– Не совсем... На трудовой договор перевели.

– И что теперь делать думаешь?

– Да что... Работать. Пенсию ждать. Четыре года осталось до северной...

Михаил Егорович покивал.

– Аэропорт-то как? Под коровник уже приспособили?

– Нет пока. Держимся.

От этих коротких, умышленно сдержанных вопросов и таких же ответов, за которыми так много несказанного, у Шулина сдавило грудь, и захотелось громко прокашляться.

– А взпэпэ?

– Лежит. Берегу как могу. Конечно, битум нужен, стоки прочистить как следует – триси-ком и лопатой не очень наковыряешь... Но в целом – терпимо.

– М-м... Полоса у тебя хорошая. Николай Владимирович Накоряков лил. Бетон марки «четырееста»... Сначала проектировщики пробивали аэропорт четвертого класса! – Михаил

Егорович булькнул хохотом. – Это полмиллиона пассажиров в год. Две тысячи в день! Еле уговорили поскромнее проект принимать – на семьдесят тысяч. А оказалось, и такой не нужен... Что в сумке-то? Бутылка?

– Да взял на всякий случай... Шанег жена отправила, свинины соленой.

– Что ж, можно и выпить, и... – Михаил Егорович стал подниматься, – и закусить.

Перебрались на кухню, неспешно разговаривали. Редко посмеивались, вспоминая какие-нибудь забавные случаи, которые, правда, и случались нечасто, а в основном горевали, возвращаясь и возвращаясь к делам последних пятнадцати лет.

– И ведь по всей... по всей стране так, – говорил Михаил Егорович, пересиливая одышку, но сейчас, кажется, не от движения, а от негодования. – Вот слушаешь новости, ухо... цепляет, что там-то закрыли, там-то списали, сократили. А если всё вместе собрать... Если всё вместе – катастрофа. Катастрофа, Алексей. Да!.. Пойдем-ка...

Он первым, довольно резво, поднялся, зло постукивая палкой двинулся в большую комнату; Шулин шел сразу за ним, выставив руки, готовый в любой момент поддержать, если бывший командир повалится.

Михаил Егорович сел за стол, велел:

– Стул бери... Рядом сюда... – Стал щелкать мышкой; экран снова осветился. – Внук вот научил, теперь целыми днями... сижу... любуюсь. Вот и ты полюбуйся.

И стали на экране сменяться фотографии. Лайнеры, бомбардировщики, истребители с отрезанными крыльями, а то и распиленные на куски, как огромные рыбы на разделке; вертолеты с облупившейся краской, побитыми стеклами, снятыми винтами; заросшие взлетные полосы, руины аэровокзалов, гора мусора под надписью «Регистрация», рухнувший потолок в зале ожидания...

Хриплый, прерывающийся голос бывшего командира комментировал эту галерею:

– Распиленный «Антей»... Кладбище Ми-2... Аэропорт в Усть-Илимске. В восьмидесятом запущен, в прошлом году – исключен из реестра... Кладбище Ан-2 под Тюменью... Аэропорт в Амдерме, на ладан дышит... А это у нас, под Сыктывкарком – строили, строили аэропорт, и бросили... А вот, гляди, новость... – Михаил Егорович закрыл фотографии и быстро нашел какую-то статью. – Почитай.

Щурясь и часто моргая с непривычки читать с экрана, Шулин пополз взглядом по строчкам:

«В республике Коми приостановлена продажа билетов на так называемые “социальные” авиарейсы, которые совершает внутри региона единственный авиаперевозчик – компания “ЮТэйр-Экспресс”. Как сообщили ИА КОМИИНФОРМ в справочной сыктывкарского аэропорта, сыктывкарские кассы не продают билеты на рейсы в северном направлении – в Усинск, Ухту, Воркуту и Печору. На данный момент из всех внутренних рейсов в продаже есть билеты только до Усть-Цильмы.

“К нам поступило расписание буквально полчаса назад. Самолеты до Усть-Цильмы будут летать по прежнему расписанию – по вторникам и четвергам. Ситуация по другим направлениям пока не известна. Информацию о том, появились ли рейсы в нужном направлении, пассажирам лучше уточнять каждый день”, – поделились в аэропорту Сыктывкара.

Как рассказали ИА КОМИИНФОРМ в Департаменте транспорта, связи и машиностроения Министерства промышленности и энергетики Коми, Усть-Цильма – труднодоступный район, поэтому авиаперевозчику предоставляются дотации на рейсы в этот муниципалитет. От дальнейших комментариев в ведомстве отказались. “Мы разбираемся. Пока вопрос по секвестированию республиканского бюджета не будет рассмотрен на заседании сессии госсовета Коми, мы не можем сказать ничего определенно”, – заявили в ведомстве».

– Да и «Усть-Цильму» закрыть хотят, – продолжил Михаил Егорович, как только Шулин отвалился на спинку стула. – Про это у меня тоже есть... Сейчас... Во, нашел.

«Жители Усть-Цилемского района Коми могут остаться без единственного аэропорта. Как рассказали корреспонденту ИА REGNUM в администрации района, оборудование аэропорта устарело и не соответствует современным требованиям безопасности, а значит, оно может и не получить лицензию на пассажирские перевозки.

“Мы, конечно, надеемся, что до закрытия не дойдет. В этом году в бюджете района нет денег на реконструкцию оборудования, однако готовится проектная документация, чтобы заложить средства на нужды единственного в районе аэропорта в бюджет следующего года”, – сообщил и.о. заместителя главы Усть-Цилемского района Петр Петров.

Пока же необходимые на ремонт аэропорта два с половиной миллиона рублей району пришлось взять “в долг” из республиканского бюджета.

Напомним, дважды в год – весной и осенью, когда ледоход и ледостав перекрывают единственную наземную дорогу Ираель-Ижма-Усть-Цильма, связывающую район с республикой, ее закрывают для пассажирских и транспортных перевозок. Единственной возможностью попасть из Усть-Цильмы в другие населенные пункты республики для 15 тысяч жителей района остается авиаперелет. Самолеты прилетают в район из Сыктывкара 2 раза в неделю – по понедельникам и четвергам. Если закроют аэропорт, до столицы Коми жителям района придется добираться через реку по переправе. Причем в распутицу – когда официально дорога закрыта – добираться с одного берега на другой останется своими силами, подчас рискуя собственной жизнью».

– Вот видишь как, Лёш. И это... это не только у нас. Везде такое, повсюду... Почитай теперь про аэродром под Югорском. Богатый город в Хантах, газовики живут, и под боком списанный военный аэродром был... Это сейчас как завязка, две тысячи второго года, а развязку потом покажу.

Статья называлась «Югорский Кенигсберг». Потирая глаза, Шулин читал. Не читать было неловко, оскорбительно по отношению к Михаилу Егоровичу. Да и что-то заставляло принимать в себя эти горькие истории.

«...Департамент государственной собственности Ханты-Мансийского автономного округа сообщает, что Департаментом было направлено ходатайство в Министерство имущественных отношений РФ по вопросу передачи аэродрома “Комсомольский” в собственность Ханты-Мансийского автономного округа с последующей передачей его в муниципальную собственность г. Югорска или прямой передачи в муниципальную собственность г. Югорска...

Судьбой аэродрома и бывшего закрытого на сто замков гарнизона, надежно укрытых лесами Советского района обеспокоен не только областной депутат Г. Корепанов. Реальную помощь обитателям бывших ДОСов (домов офицерского состава) оказывают правительство Ханты-Мансийского автономного округа и глава города Югорска Р. Салахов, о них заботится член Совета Федераций Федерального Собрания П. Волостригов (в прошлом начальник штаба батальона дислоцировавшейся здесь воинской части).

Сейчас все эти наделенные властью люди пытаются договориться с Министерством обороны России о передаче бывшего военного аэродрома городу Югорску. Минобороны навстречу не идет, оно намерено разобрать взлетно-посадочную полосу по плитам и распродать хоть оптом, хоть в розницу. И при этом напоминает, что (цитируем) “жилой фонд, объекты социального назначения и жизнеобеспечения, а также автомобильная техника в количестве 11 единиц распоряжением Минимущества России 1999 г. № 977-р переданы в муниципальную собственность г. Югорска”. То есть подчеркивают, что северяне и так получили сполна».

– Прочитал? А теперь – дальше. – Михаил Егорович еще раз, другой щелкнул мышкой, и появился новый текст – цепочки совсем уж мелких букв. – На одном авиационном форуме нашел – пилоты, техники переписываются... Две тысячи шестой...

«Приветствую всех на ветке! Пару раз прозвучал вопрос про полосу в Комсомольском, немного расскажу. Гарнизон “Комсомольский” располагался в Ханты-Мансийском АО, Тюмен-

ской области. Если смотреть по жд. ветке от г. Серов на Приобье, в шести км от раз. Мансийский или девять от ст. Геологическая (г. Югорск). БВПП 2800х42 на которой базировался 763 ИАП Авиации ПВО. Полоса строилась в конце шестидесятых в тяжелых условиях, как в климатических, так и бытовых про которые и говорить не приходится».

Ошибки мешали вникать в смысл, но Шулин пробивался взглядом дальше, понимая, что это важно узнать.

«Первый прибывший десант ижбата, строителей, ОБАТО строили в тайге землянки и жили в них. Рельеф местности пересеченный: болота, овраги, реки. Ходили такие слухи что, самый главный экспедиции которая нашла подходящее место для аэродрома получил высокую правительственную награду. Т. е. площадь должна быть намного больше размеров ВПП, роза ветров, и т. д. и т. п. специалисты лучше знают. Благодаря самоотверженному, героическому труду ВПП была построена и приняла сначала Як-28п, а начиная с 1983 г. МиГ-31 тем самым обеспечивала прекращение наших северных рубежей, предприятий топливно-энергетического комплекса. Дальше по моему мнению интересные вещи происходили! В 20 км. п. Советский строят сначала ГВПП, затем в восьмидесятых БВПП гражданского аэропорта. Мативация – гарнизон закрытый и на одной полосе с гражданскими базировка не возможна. В это время полк Б-Савино в г. Перми спокойно летают с гражданами с одной полосы на не менее секретной матчасти. Во времена смуты девяностых авиация стала ненужной и в 1998 мы попали под “раздачу”. Полк сократили, ласточек отдали в Пермь, Ростов на Дону, Правдинск. Аэродром законсервировали передали оставшейся камендатуре. Затем кам-ру сократили, стали сторожить гражданские ну и началось...

Блин, оказывается Россия как и СССР офигенно богатая страна. Сначала ввалили бабок немеренно на постройку, а в наше время она нахрен не нужна стала никому. Во как!

По слухам МО РФ продало ее Челябинскому предпринимателю, а тот уже продолжил это дело и пошла разборка всего и вся. Разобрали и продали все наземные сооружения до последнего кирпичика. Остались только два автопарка ОБАТО и полковой. ВПП была в три плиты – разобрали.

Этой осенью 2006 г сняли и вывезли последние... АЭРОДРОМ “КОМСОМОЛЬСКИЙ” ПЕРЕСТАЛ СУЩЕСТВОВАТЬ... Как после войны или бомбежки. Через несколько лет все заростет и ничто не напомнит о том что здесь было. Всего за 50 лет такая богатая и в тоже время грустная история – банк Империял!»

– Да-а, – выдохнул Шулин, отворачиваясь от компьютера, – дикость.

– На... на этом форуме десятки таких рассказов. Всё рушат... Ведь вот действительно – был под Югорском аэродром, и почему его гражданским не оставить? Не продать по этим... по разумным ценам? Ездят в Советский, это километров сорок. Советский у них... я бывал... центр района, но маленьким городок, а Югорск – растет, «Тюменьтрансгаз» у них там... И вот взяли и разобрали аэродром под боком... Зачем?..

Михаил Егорович поднялся, опираясь на палку, прошел по комнате, хрипло и сердито пытая. Шулин смотрел на него со стула и казался себе маленьким и бессильным.

– И ведь слово, – бывший командир задыхался, – слово придумали – оптимизация! Скоро до... дооптимизируемся – пешком будем... пешком по России бродить... Нет, куда там бродить!.. Отвыкли... Поляжем в своих норах и сдохнем.

4

Осень две тысячи десятого года.

Осень почувствовалась числа с пятнадцатого августа – потянуло с севера холодком, чаще и грустнее лили, точнее, моросили дожди. До заморозков еще далеко, но ведра ждать больше не стоит. Хорошо, если выдастся три-четыре ясных дня, чтоб выкопать и просушить картошку,

морковку, прибратся на огороде. А там останется одно большое дело – дрова напилить и наколоть. На растопку есть просохшие за лето полешки, а чтоб стойкий огонь держать, нужны с соком, лучше берёзовые. Поэтому готовили топливо после жары, почти перед снегом. А уж по морозцу начнут скотину резать, петухам головы рубить; забивать мясом ледники. И дальше – полгода зимы.

Жизнь, что называется, шла своим чередом. И ясные дни в конце августа выдались, и даже больше, чем обычно, – разобравшись с уборкой в огородах, люди пропадали в тайге. Брали грибы, бруснику, клюкву. В начале сентября завизжали в некоторых дворах бензопилы: самые нетерпеливые шинковали лесины на чурки.

Странное время – ранняя осень. И грустно, что теплые дни кончаются, уныние должно накатывать перед долгими месяцами морозов и сумрака, но люди наоборот веселеют, становятся деловитыми, торопливыми. И не то чтобы именно торопятся до зимы дела переделать, а просто появляется желание поработать, поспешить. Некий инстинкт, что ли, диктующий, что если сейчас продремлешь, то зиму можно и не пережить. Торопятся даже те, кому вполне по карману заказать пару кузовов колотых дров, кто может продукты в магазине покупать, а не делать запасы, как это заведено еще с тех времен, когда никаких магазинов не было, и не знали о них; когда каждый полагался лишь на себя.

Да и погода способствовала активности – в конце августа, в сентябре, как и в апреле – начале мая, почти нет комарья и гнуса, духоты, вытягивающей силы похлеще самой тяжелой работы. Когда дождь не идет и ярко светит уже остывающее, но живое солнце – вообще хорошо. Дома не усидишь. А во двор вышел, и сразу какие-нибудь дела нашлись...

Нынешняя не календарная еще, а природная осень началась для Шулина, как и многие предыдущие. Те же домашние заботы и почти ежедневные поездки на аэродром. В эти именно дни обострялась у него борьба с местными за полосу. Грибники-ягодники упорно ставили на нее, сухую, удобную, машины, мотоциклы, телеги и шли в подступающую с северо-запада тайгу; мужики вытягивали на бетон стволы, чтоб подсохли. Случалось, некоторые и подобие пилорамы здесь пытались устроить: одни ошкуривали лесины, другие членили на чурки, чтоб потом было удобней скидывать в кузов или телегу.

Шулин, как мог, боролся. Аргументов, чем дольше полоса была недействующей, находилось всё меньше, и он чаще и чаще давил тупым, самому себе смешным: «Нельзя... не положено». Да и какие, действительно, аргументы? Двенадцатый год не приземлялся здесь ни один самолет.

Но то ли нежелание драться и очень уж ожесточенно скандалить (а Шулин не отставал, пока машину не убрали, бревна не увозили прочь), то ли нечто другое, заставляли временцев пусть нехотя, матерясь, освобождать злосчастный бетон. Ненужный для авиации, но такой удобный для хозяйственных дел.

Ведь как – приехал человек за грибами. Вот, метрах в двухстах начинается тайга, древняя, щедрая. Можно на машине и дальше лезть, но зачем? Грязь, болотины, разбитые колеи – есть риск выхлопушку сорвать, поддон пробить. Лучше здесь оставить, припарковать, цивилизованным языком выражаясь, а самим с ведрами, корзинами, торбами – вперед. Пройти немного и – чуть влево, чуть вправо от тропинок – грибы, ягоды, островки кедрача попадаются, можно шишек набить (хотя если лесник с колотушкой поймает, обязательно потреплет нервы) ... Да, оставил машину и пошел. Но тут прибегает бывший начальник аэропорта и начинает: «Уберите. Нельзя. Не положено». А если уйдешь, по колесам пинает, чтоб сигнализация верещала, если же нет сигнализации, бродит, ищет владельца машины, телеги, кучи бревешек...

В общем, пунктик у человека в голове. И пунктик этот засел накрепко.

Десятого сентября Алексей Сергеевич Шулин поднялся с готовым уже распорядком на день. Умывание, завтрак, чистка стаек, а перед обедом поездка на полосу. Будут нарушения

– ругань; не будет, и слава богу. Вечером должны машину дров привезти (заказал), отберет, что на столбики пойдет – забор надо подновить, – остальное в ближайшую неделю порежет на чурки, поколет, а жена сложит в поленницу за баней. Если же не привезут дрова – вскопает пару-тройку грядок в огороде. Всё поменьше личинок и окрепших корней на весну останется.

Проснулся около семи. Не вскочил – некуда торопиться, а в избе тепло, масляный радиатор включен на слабый обогрев, но для такой погоды хватает; печку подтапливают раза два в неделю, чтобы сырость из дома выгнать... Да, полежал, подержал себя между дремой и явью... Сентябрь входит в права. Сейчас золотая осень, а дней через десять может ухнуть снег. По реке пойдут льдины, сперва мелкие, тонкие, как стеклышки, но с каждым часом, с каждым порывом холодного ветра они будут расти, расти. И буквально через два-три дня река окажется заваленной ледяными глыбами. Они станут тереться друг о друга, трещать, ломаться. И эта борьба не скоро закончится победой мороза – течение, живые струи воды несколько недель не дадут сковать реку, надежно спаять льдины между собой. И эти-то несколько недель будет работать аэропорт. Пусть даже в виде вертолетной площадки.

Шулин будет встречать и провожать сине-белые Ми-8, его жена Маша, бесплатно, на общественных началах, что называется, займет место за кассой – станет продавать билеты, взвешивать багаж, выпускать пассажиров на вертолетный квадрат... И, главное, на этот период Алексей Сергеевич с женой станут не просто супругами, прожившими друг с другом почти тридцать лет, а – соратниками. Они займутся одним, и не маленьким, своей семьи, делом, снова почувствуют ответственность за других людей, свою значимость; вечером им найдется о чем важном поговорить, что обсудить, ощутить приятную усталость.

В предвкушении этого Шулин и жил все последние дни, торопил время, призывал холод, снег, шугу на реке, хотя и понимал умом, что чем дольше продержится мягкая погода, тем лучше всем. Больше времени на подготовку к зиме, да и сама зима отодвинется, сократится ее мертвое царствование. Весна придет в свой срок – во всяком случае, с середины февраля дни станут заметно расти, свет солнца – теплей и теплей, и пусть ночами будет за тридцать, но зато днем – радостно. Это не гнетущий сумрак ноября... Февраль сменится мартом, а там – апрель, и Шулин с женой снова окажутся нужны: по Изьве пойдет лед, сперва широкими полями, а потом глыбами, осколками, крошкой, и во Временный будут летать вертолеты. Четыре-пять недель.

Пройдет лед, и снова пустоватая, мелкая жизнь; из начальника вертолетной площадки Алексей Сергеевич превратится в обычного, одного из многих, живущих вроде бы лишь для себя и своей жены, внутри своей ограды, но с пунктиком, что на бетонной полосе, в пустующих зданиях аэропорта нельзя находиться посторонним.

Правда, иногда ему приходилось уступать. Зимой в зале ожидания часто ночевали дальнобойщики, ставили фуры вообще-то на площадку перед главным зданием, но могли загнать и на полосу; в прошлом году, под нажимом администрации, Алексей Сергеевич пустил в аэропорт дорожную бригаду. Она ремонтировала трассу. И хоть летом трасса все равно становилась непроезжей, но и для зимника необходимо сохранять основу – строить лынины через парящие и в самый лютый мороз ручьи и ключи, кое-где класть гать, лежневку, делать отсыпку, вырубать кусты и деревца, которые постепенно, год за годом, сужают просеку. Без основы по болотам и зимой ездить рискованно: под слоем снега и льда – жижа, заглатывающая все, что в нее попадает. Легкий джип может проскочить без проблем, а большегруз – провалится.

Дорожники прожили в здании аэропорта три месяца – с конца июля до начала октября. Не раз Шулин ругался с ними из-за машин на бетонке, мусора и грязи в здании; вообще все эти месяцы он не находил себе места. Словно в его доме чужие хозяйничают. Приходил в аэропорт каждый день, наблюдал за дорожниками, делал им замечания, злил. Когда они уезжали на трассу – прибирался на полосе и возле здания, и это тоже раздражало дорожников, – оставит

сварщик электроды на крыльце, или механик пробитую покрывку на бетонке, а вернутся, их нет. То ли воровством это считать, то ли граничащей с дурью тягой к порядку.

Съехали дорожники, когда зимник стал схватываться, и через несколько дней отключили свет в аэропорту. Тут как раз подошел сезон воздушных перевозок, – зал ожидания и кассу как-то нужно обогреть, а главное – освещать вертолетный квадрат. Ми-8 прилетал утром, затемно... Стали выяснять, кто должен платить долг по электричеству – администрация района, «Комиавиатранс» или дорожники. Бодались из-за нескольких тысяч рублей ожесточенно больше месяца. А Шулин сажал вертолеты по кастрюлькам – разжигал костерки в кастрюлях по четырем углам. Люди стыли в промерзшем темном помещении, Мария пальцы поморозила... А купленные Шулиным большей частью на свои деньги электрические калориферы (дизель не работал давным-давно) стояли мертвыми железяками. И погода давила под сорок.

В конце концов вопрос с долгом по электричеству решился – деньги, скрипя зубами, перечислили дорожники, и последние полторы недели отправка и прием пассажиров происходили с относительным комфортом. Габаритные огни горели, в здании аэропорта было выше десяти градусов тепла.

А как этой осенью? За год опять накопился солидный долг, хоть Шулин изо всех сил старался экономить. Летом даже подстанцию отключал на всякий случай... Да, как сложится осенняя навигация... В любом случае непростые недели ему предстоят, но всё же он ждал их с нетерпением, приятным волнением. Следил, не вытащила ли Мария из залавка зимнюю одежду – хотелось отметить этот момент, увидеть, как она проверяет бушлаты и ватные штаны, чинит шерстяные носки, рукавицы-шубинки...

С этим ожиданием, тайным, но острым нетерпением проснулся и десятого сентября.

Жена поднялась раньше и уже ушла во двор. На выключенной, но еще горячей плите томилась каша. По запаху Алексей Сергеевич определил, что гречка. Съесть тарелку с молоком и полдня голода не чувствуешь...

Проходя через кухню, покосился на лавку возле двери, куда обычно выкладывала жена зимнее перед тем как вынести на двор, выхлопать... Нет, пусто на лавке... Ладно, действительно, торопиться некуда. Надо успокоиться и просто ждать.

Но на улице, хоть и сразу почувствовал, что почти по-летнему тепло, первым делом глянул в сторону реки. Она была чистая, весело серебрилась течением.

Мария во времянке крошила кочан.

– Доброе утро, – сказал Шулин. – Что так рано поднялась?

– Да не спится... Состояние какое-то... – Но не стала заражать его тревогой. – Да и пора уж капусту солить.

– М-да...

– Позавтракаем, кадку обработай, и в подвал спустить надо.

Шулин покивал, пошел к сортиру. По пути потрепал подбежавшего Пирата. Колючая шерсть напомнила, что надо побриться. Бритье потянуло мысль о поездке на аэродром. Посмотреть, как что. Два дня не был, а пора такая – что угодно там натворить могут. Вроде и народ неплохой, но что без присмотра оставишь, по кусочкам разнес. Был тут двухэтажный барак – когда-то заежка. После строительства гостиницы барак этот остался пустовать. Конечно, здание старое, аварийное – нижние венцы бруса погнили, шифер в трещинах, – но думали под что-нибудь приспособить, или как-то отремонтировать капитально. Пока думали, решали, прикидывали – его растащили. Кто стекла и рамы, кто целые еще листы шифера, кто балки, брус. И года через три даже следа не осталось. Заросли крапивы...

– Сейчас завтракать будем? – спросила жена, когда Шулин возвращался.

– Давай сейчас, и приступим. Умоюсь только... побреюсь... Днем хочу до аэропорта доскочить...

Жена неопределенно кивнула. Как бы и согласно, но и, кажется, с подсознательным, от себя самой скрываемым раздражением. Что, дескать, мотаться, время тратить, бензин жечь?.. И столько лет вот так – почти бесцельно туда-сюда, туда-сюда...

Водил электробритвой по щекам, подбородку, смотрел на свое лицо в зеркале. Пожилой мужик, глубокие морщины, из которых непросто выбривать волоски, и приходится распрямлять морщины пальцами... Усы над верхней губой, когда-то черные, теперь седые. Усталые глаза, белки с красноватыми прожилками... Вот проспал почти семь часов, но сил сон не добавил, не освежил. Как нырнул вечером в черную ямку, так утром из нее вынырнул. Вынырнул, поднялся и пошел.

И вот очередной день со своими делишками, заботами, мелкими радостями, мелкими неприятностями. А потом закатится солнце, и снова нужно будет нырнуть, закрыть глаза и забыться. Будут какие-то блики, какие-то сны, которые тут же забудутся, оставив лишь ощущение или чего-то неприятного, или наоборот, хорошего. А потом веки расползутся, глаза увидят знакомую комнату, Шулин сядет на кровати, потянется, покряхтит, поднимется и пойдет... Жизнь.

За жужжанием бритвы не придавал значения новому звуку. Мельком подумалось, что это Мария сепаратор завела, или, может, тяжелый трактор по улице ползет. И только когда выключил бритву, уши прокололо таким родным, но забытым. И на несколько секунд Шулин остолбенел, пытаясь вспомнить, что это.

Помогла жена – сунулась в комнату, громко выдохнула:

– Лёша, там самолет!

Выбежали во двор. Над поселком делал круг Ту-154. Летел низко, медленно, и поэтому казался нереально громадным, непонятно как держащимся в небе... Оказавшись над рекой, стал двигаться вдоль ее русла. Постепенно почти скрылся из виду, и звук ушел. Лишь отдаленный гул.

– Каким ветром его сюда?.. – усмехнулся Шулин, и пошел в дом, взял рацию, надеясь выяснить в отделе МЧС (до авиаотряда связь не дотягивала), что случилось. Странное дело – самолет, тем более такой большой, здесь: авиатрассы одни намного севернее, другие – южнее.

Вернулся во двор, встал под телевизионной тарелкой, где связь была обычно лучше. Самолет появился снова, пролетел над аэродромом и резко повернул вправо.

– Что это он? – дрожащим голосом произнесла Мария, испуганно глянула на мужа.

Да, это уже действительно тревожно...

И тут ожила рация:

– Временный, Временный. Прием! Временный, слышишь меня? – сквозь шипение женский голос.

Шулин нажал кнопку ответа.

– Да, слушаю!

– Это метеостанция... Тут, кажется, на твою полосу большой самолет метит. Как понял?

– Да вижу. Вроде... – Следил, как Ту, сделав полукруг, снова приближается к аэродрому. – Но как он на мои тыщу триста? Ему два километра надо.

И Шулин стал объяснять женщине на метеостанции, что такой самолет здесь не сядет. Не хватит ему полосы... Объяснял, чтоб что-то делать – просто стоять и наблюдать за явно попавшим в беду и пытающимся опуститься на землю лайнером было невыносимо.

Вдалеке ударила сирена пожарной машины. Кто-то пробежал за забором... И Шулин дернулся к гаражу.

– Маш, открывай ворота!

Выгонял «уазик» на улицу, ждал, пока сядет жена, а сам, выворачивая глаза, следил через лобовое стекло за самолетом.

После второго круга над аэродромом он ушел довольно далеко, и Шулин решил – заставил себя решить, – что вся эта паника напрасна и смешна. Может быть, какой-нибудь облет совершается, испытания или еще что, а они тут переполошились, как дикари на острове в Тихом океане... Даже из машины вылез, прищурившись, пытался разобрать, что там делает Ту – улетает окончательно или... Нет, возвращался, и шел уже так низко, что, казалось, от верхушек деревьев его отделяют метры... Ближе и ближе, и всё снижается, снижается. И вот нырнул за деревья, исчез.

– Ой, господи! Лёша! – закричала жена, закрыла лицо руками; и Шулин почти уже видел взрыв, столб огня. – Господи...

Не было взрыва. Деревья стояли желто-зеленой стеной, небо синее, облачка...

– Это американцы, чтоль, прилетели? Бомбардировщик! – появился возле «уазика» Саня Рочев. – А, Алексей Сергеич, как думаешь?

Не отзываясь на эту глупость, а может, и не глупость вовсе, Шулин метнулся за руль; на соседнее сиденье девчонкой запрыгнула Мария. Помчались к аэропорту, и всё ожидали, что сейчас-сейчас все-таки рванет, вспыхнет впереди...

На полосе стояли два пожарных «ЗИЛа», милиция, МЧС... Самолет увидели не сразу, – он был метрах в ста пятидесяти за концом взлётной, уперся носом и крыльями в те деревья и кусты, которые Шулин не рубил лет десять... Несколько березок срезаны крыльями; были бы стволы немного толще, оторвали бы крылья, пробили баки... Да и туловище разодрали...

Возле двух аварийных выходов сели надувные трапы, но людей уже спустили. Они толпились рядом, снимали на мобильные телефоны самолет, лес вокруг, полосу с пожарками, перепуганно-удивленных милиционеров... Слышались смешки и шутки. Нервные, но без истеричности. И эти смешки дали понять Шулину, что всё благополучно. Все живы.

5

– Алёш, иди скорей, наших показывают!

Шулин отложил газету, соскочил с кровати.

– ...В Кремле чествуют членов экипажа неисправного самолета, севшего в тайге в начале сентября, – рассказывал в телевизоре ведущий новостей, и сразу после этих слов появился светлый зал, президент страны. – Пилотам, спасшим тогда жизни десятков людей, Дмитрий Медведев вручил высокие государственные награды. Оба командира воздушного судна получили из рук президента золотые звезды Героя России. Остальные члены экипажа удостоились орденов Мужества. Представить к наградам своих спасителей попросили президента пассажиры того рейса. Обращаясь сегодня к летчикам, Дмитрий Медведев назвал настоящим подвигом то, что им удалось сделать.

После речи главы государства, в которой Шулин отметил фразу: «Можно только догадываться, какие эмоции вы испытывали в этот момент», – выступил пилот, что сажал тогда самолет:

– Хотел бы поблагодарить свой экипаж, моих коллег. Мы выполнили всё, что могли. Хотелось бы поблагодарить и пассажиров нашего корабля, которые стойко и мужественно перенесли такую нестандартную ситуацию.

А потом Шулины увидели на экране телевизора Ту-154, стоящий среди кустов, помятые крылья, переднее шасси, увязшее в грязи... А голос диктора комментировал:

– Напомню, эта история произошла в начале сентября. У лайнера, летевшего из Якутии в Москву на высоте двухсот километров, – Шулин усмехнулся этой оговорке, и внутреннее напряжение, с каким смотрел сюжет, слегка спало, – отказала электроника, отключилась навигация, связь. Как потом рассказывали сами члены экипажа, сквозь облака штурман выверял горизонт по стакану с водой. А перед заходом на посадку возникли неполадки еще и с топлив-

ной системой. В итоге Ту-154 приземлился на заброшенном аэродроме. Никто из семидесяти двух пассажиров не пострадал...

– Как это, на заброшенном! – взвилась вдруг жена. – Был бы он заброшенным!..

– Ладно, Маш, – Шулин устало потянулся. – Чего ты?..

– И о тебе ни слова. Хоть летчик бы мог...

– Да сказал он там наверняка. Просто не всё же показывают. Эфирное время...

Вспомнилось: после того, как слегка пришли в себя и те, кто приземлился, и приехавшие спасать, летчики поинтересовались, что это за аэропорт. Им сказали.

– Не знаю такого, – один пилот, черноглазый, лысоватый, глянул на второго. – Андрей, а ты?

– Нет, не слышал.

Не знал и штурман.

– Он уже почти десять лет не существует, – стал объяснять глава администрации. – А самолеты не прилетают с девяносто восьмого.

– Да? – летчики не поверили. – С девяносто восьмого? Бетон за это время раскрошиться должен. Зарасти. А тут и концовка почти вся чистая...

Глава района взял за локоть и подвинул ближе к летчикам Шулина:

– Это вот наш Алексей Сергеевич, начальник аэропорта... теперь – вертолетной площадки... Всех гонял!.. А ведь, – глава, кажется, изумился своей мысли, – а ведь как знал! Как знал, слушайте, что пригодится!

Летчики протянули Шулину руки:

– Спасибо вам! Большое вам спасибо!

...Алексей Сергеевич мотнул головой, стряхивая эти приятные, но мешающие жить воспоминания. Сказал жене:

– Ладно, Маш, не бери в голову... И спать надо ложиться – завтра вертолет встречать.

И про себя добавил: «Еще дня три-четыре. А там – зима».

После того приземления в поселок съехались журналисты, начальство. Специалисты осматривали Ту, решали, что с ним делать, журналисты расспрашивали местных, как они вели себя, когда над их Временным появилась такая махина. Брали и брали интервью у Шулина. Сначала он бегал от микрофонов и камер, но потом, поддавшись шепоткам со всех сторон, что эти интервью помогут его аэропорту, таким же аэропортам республики, поселку и другим поселкам, стал рассказывать.

– ...Работал сначала начальником аэропорта, а теперь – вертолетной площадки. В одном лице работаю... Проблемы есть: охрана, ремонты, содержание... Вообще, одному работать, конечно, сложно. Когда работали все службы, штат был сто тридцать человек. А теперь... Вертолет летает три раза в неделю – понедельник, среда, пятница. На период распутицы пускают. Пассажиров много, работы хватает... Работаю один, хотя и я уже так... Два года как на договоре. Это значит, что я не имею ни северных льгот, ни северной дороги, ни оплачиваемого отпуска. Получаю определенную сумму... Помогает супруга – обилечивает, биркует, взвешивает... Обращался ли за помощью? Да все прекрасно знают эту ситуацию. У меня еще более-менее, а у других... В Кипиеве, это село тут недалеко, начальник был на ноль пять ставки, а теперь сократили и определили на сезонные работы по договору. Работает в весенне-летнюю и осенне-зимнюю навигации, а в остальное время считается безработным. И это многие нынешние начальники вертолетных площадок теперь так... Я хоть получаю не в навигацию деньги за дежурство. Как охранник... Больше десяти лет в аэропорт не вкладывалось ни копейки. Всё, как было тогда, так и осталось. Не то чтобы удобства какие-то, а кабель не меняли – постоянно перегорает... Конечно, сообщение, что садится к нам самолет, вызвало подозрение, но я сам уже это видел. Сел в машину, приехал. Были уже пожарные, эмчээс, все сработали на совесть.

Экипаж вел себя спокойно, достойно... А потом что?.. В пределах двадцати минут со мной связался Нерадько Александр Васильевич, руководитель Федерального агентства воздушного транспорта, поинтересовался посадкой. Я доложил... Полосу старался содержать в порядке. Сперва была надежда, что снова начнутся авиарейсы, а потом уже так... Самому неприятно, когда мусор, посторонние предметы... Летчики были благодарны, и я им благодарен, что не подвели и сели на мою полосу. Оказалась она в нужном месте в нужное время.

Сюжеты о севшем Ту крутили в федеральных новостях дня три, а в местных – с месяц. Потом сняли документальный фильм, куда попали рассказы нескольких временцев о лайнере над поселком, и даже Саня Рочев со своим – «думал, американцы, бомбардировщик!» – блеснул...

Местные поначалу стали относиться к Шулину с явным уважением. Он не был для них больше чудиком-самодуром. Впечатление произвело вручение ему почетной грамоты Министерства транспорта Российской Федерации. Грамоту привезли командир Печерского авиаотряда и представители печорского отделения «Комиавиатранса». Вручали в клубе, торжественно. Командир, высокий мужчина лет сорока пяти, симпатичный, современный, но с какой-то застоявшейся грустью в глазах, зачитал со сцены текст:

– «За добросовестное исполнение своих обязанностей и поддержание в рабочем состоянии взлетно-посадочной полосы аэропорта “Временный”».

Потом Шулину жали руку, обнимали, а Саня Рочев, хлопнув командира по плечу, заявил:

– Неправильно в грамоте сказано. Не так.

– Что – не так? – напрягся командир.

– Не за «добросовестное исполнение» надо, а – за «добровольное»!

– В смысле?

– Он же добровольно полосу сберегал. Так ведь?

Командир потянул губы в стороны, изображая улыбку:

– Может, и так.

Когда прощались с ним, Шулин попросил передать привет Михаилу Егоровичу.

– Да, да, постараюсь, – кивнул командир. – Слышал, что болеет он сильно... Надо навесить.

На другой день после посадки Ту Шулин сам позвонил бывшему командиру, чтоб сообщить, что произошло. Но Михаил Егорович в ответ лишь бессвязно хрипел... В общем, не получилось толком рассказать, а тем более ответные слова услышать...

Видимо, не желая сильно отставать от Москвы, вскоре Шулина наградили еще одной грамотой, республиканской, «За многолетний добросовестный труд». Глава республики подписал. Грамота пришла вместе с премией – «Комиавиатранс» выписал двадцать шесть тысяч рублей... Возникли слухи, что Шулина выдвинули в народные герои, в неведомом многими интернете собирают какие-то подписи за него, деньги на снегоход...

И чем больше было внимания к Алексею Сергеевичу за пределами поселка, тем сильнее стало нарастать раздражение местных. Не всех, конечно, зато довольно активных, острых на язык. В основном мужиков. Обсуждали, что не такой уж Шулин герой, вспоминали: в начале двухтысячных вывозил он металл с аэродрома, сдавал, на полосу пускал большегрузы, которые кочуют зимой по северным районам, возят в дальние сёла товары и горючее... Да и, как утверждали некоторые, саму полосу Шулин когда-то был не прочь разобрать и продать, но это оказалось невозможным. «Были бы плиты не на месте залиты – продал бы!» Вспоминали, что и не особенно за полосой он следил, чистил от снега. Администрация присылала свои трактора, чтоб пробивали дорогу к аэропорту, разгребали вертолетную площадку. «А теперь, вишь, один он герой!»

Возникали и споры:

– Ну а что было делать с ненужным железом? Дождаться, пока ржа сожрет? И не на себя он деньги с этого тратил...

– А на кого?! На какие шиши зубы себе отремонтировал? Вон заблестели как.

– Дальнобойщиков как не пускать? Где ночевать-то им?

– Ну так понятно... Но если бы самолет в тот момент прилетел, а тут – десять фуры. И что бы было?

– Ну да...

– Поэтому, говорю, не надо из него героя лепить. Повезло мужику, и всё.

– Но ведь не дал же разрушить всё, полосу застроить.

– Была б возможно – и разрушил бы, и застроил...

До Шулина доходили отголоски этих разговоров. Саня в основном докладывал, хотя и сам с мужиками не прочь был повспоминать, перемыть кости. Разговоры задевали, впрочем Шулин и сам не считал себя героем. Да, пытался сохранить аэропорт, но в меру сил и возможностей, без героизма. И нельзя сказать, что берег все до последнего гвоздика, ничем не попользовался. Сначала, первые годы – да, держал в неприкосновенности, над каждой мелочью дрожал, а потом, видя, что как прежде не будет, а металл гибнет, многое действительно сдал на лом. И машины пускал, кое-что получал за это... Одно дело, три года ожидать и надеяться, пять лет, а другое – десять, двенадцать.

Действительно, обстоятельства сложились счастливо, что за год до посадки порубил новый ивняк в швах (за несколько лет он стал превращаться в крепкие деревца), слегка почистил концовку; что сама полоса была свободна от машин, бревешек, крупного мусора, который постоянно на ней появлялся... И даже свободная полоса могла не спасти – наткнись Ту передним шасси на пенек на концовке – клюнул бы носом землю, покатись чуть левее или правее – врезался бы одним из крыльев в толстое дерево и взорвался: баки-то, говорят, были заполнены процентов на сорок. И так Шулин не мог понять, как удалось посадить такую махину. Тем более что закрылки не работали, не помогли тормозить. Чудо. Чудо без всяких кавычек.

В конце ноября с Алексеем Сергеевичем связались из государственной теле-радиокomпании. Совсем молоденькая, судя по голосу, девушка сообщила, что его приглашают принять участие во встрече с премьер-министром.

– Это ежегодный разговор Владимира Владимировича, – добавила. – Вы, наверное, в курсе...

– Да, как-то видел, – осторожно отреагировал Шулин.

– Так вот, нам нужно знать, каким видом транспорта вы предпочли бы прибыть в Москву. Проезд, естественно, будет оплачен. И сформулируйте вопрос... Итак, я записываю.

Шулин не находил, что ответить. Прямо сказать, что нет, не поеду, как-то язык не поворачивался... Да и растерялся.

– Извините, я так быстро не могу решить. Давайте до завтра...

– Да вы что?! – Девушка изумилась. – Нужно срочно. До вечера списки утвердить... Я вам перезвоню через два часа. Пожалуйста, определитесь.

За эти два часа Шулин успел десять раз мысленно сказать, что никуда не поедет, и десять раз согласиться ехать в Москву. Обсудил звонок с женой, с командиром Печорского авиаотряда. И жена и командир сказали, что ехать надо. А потом позвонил сам директор «Комиавиатранса» и осторожно стал убеждать:

– Алексей Сергеич, это такая возможность обратить внимание на наши проблемы. Понимаете?... Владимир Владимирович когда лично узнаёт, никогда не оставляет... Вспомните Пикалёво – за полчаса решил... Понимаете?

– Понимаю.

– Так что ждем в Сыктывкаре. – Голос директора повеселел. – Встретим. Проводим.

Девушка перезвонила через два часа и десять минут.

– Как, определились?

– Определился, еду.

– Каким видом транспорта? Наземным, авиа?

– Да на самолете хотелось бы, – усмехнулся Шулин; странно было ехать на поезде по делу, связанному с авиацией.

Обсудили маршрут, оплату проезда, размещение в Москве. Решили, что вопрос будет о будущем малой авиации.

– Очень хорошо, – подытожила девушка. – Тринадцатого – четырнадцатого декабря я или другой референт с вами свяжемся.

Недели перед поездкой превратились в сплошную нервозность. Шутка ли, встреча с премьер-министром предстоит. Все время об этом думал, да и люди вокруг не давали забыть... Жена переживала главным образом о том, в чем Шулин отправится.

– Давай костюм купим, – каждый день предлагала. – Рубашку новую. Галстуки-то висят... Выберешь.

Шулин сопротивлялся:

– Не надо костюмов. Свитера есть хорошие. Как я в этом костюме... Отвык. И не советское время – сейчас свобода в одежде.

Шли местные со своими просьбами Владимиру Владимировичу, то и дело звонили из Печоры, Ухты, Сыктывкара, из сел. «Ты ему скажи...» Некоторые просьбы Шулин записывал – действительно, при случае можно упомянуть, или передать там как-нибудь помощникам. Проблем и трудностей у людей множество, неподъемные горы...

Устал от звонков и мыслей о предстоящем. Даже снится стало, как эта встреча происходит, и во сне было легко: Алексей Сергеевич обстоятельно рассказывал Владимиру Владимировичу о том, как дичает Север без малой авиации, как сложно людям добираться до городов, и Владимир Владимирович помогает да так, как это бывает, видимо, лишь во снах – Шулин возвращался домой, а на его аэродроме уже кипела работа – швы на бетонке замазывали битумной мастикой, здание ремонтировали, территорию огораживали легким ажурным забором...

В последний день съездил в аэропорт, посмотрел на стоящий на краю полосы Ту. Осенью его вытянули тягачами с концевки, и теперь где-то наверху решалось, что с ним делать. То, доходили слухи, порежут и вывезут, то – оставят здесь и разрешат использовать администрации по своему усмотрению, потом проносилось: нет, не оставят, а отремонтируют и поднимут в воздух. Авиакомпания и страховщики явно выбирали сейчас, что оптимальней...

Но Ту, это не главное. Хотелось просто побыть в своем холодном сейчас кабинетике, пройти по помещениям, пустым и мертвым до середины апреля. Недавно одна навигация окончилась, до следующей – четыре месяца. Благодаря истории с самолетом она наверняка будет не хуже предыдущей. Электричество, по крайней мере, не отключат. Правда, не факт – долг снова копится, оборудование не становится новее...

И, как во снах, Шулину стало представляться, что если он четко и ясно расскажет премьер-министру о проблемах, перечислит, что нужно, то дела начнут налаживаться. Хотя бы в райцентрах. Хотя бы вертолетные площадки как следует обустроить. Хотя бы вертолетов станут больше пускать, а то иногда до драк доходит – человеку срочно надо лететь, а места заняты, и следующий вертолет через два дня. И лезет внутрь...

Да, пусть только вертолеты летают, но цивилизованно, раз пять в неделю. В воскресенье обязательно. Детей в город свозить – в музей, в театр... Здание починить – почти всю зиму стоит холодным, напитывается влагой. Штукатурка отслаивается, краска сползает, кирпич крошится. Сиденья рассыпаются. А главное – проводка, кабели гниют, изоляция трескается. За последние годы было несколько замыканий, постоянно где-нибудь то одно, то другое отсоеди-

няется. Лазаешь тогда с тестером, ищешь место разрыва цепи... Вот-вот, и окончательно рухнет, распадется, превратится в труху и пыль. Во многих других местах уже превратилось.

6

Сначала планировал ехать на автобусе до станции Ираёль, а там поездом до Сыктывкара и – в Москву на самолете. Но не было никакого желания двенадцать часов париться в поезде, и выбрал другой маршрут: от Временного до Печоры по зимнику (три с лишним часа), от Печоры до Сыктывкара на Ан-24 (час с небольшим), а от Сыктывкара до Москвы на Боинге 737 (два часа).

Конечно, и раньше без пересадки было не обойтись. Но она была одна – или в Печоре, или в Ухте, или в Сыктывкаре (и туда, и туда, и туда из Временного летали самолеты). До столицы страны можно было добраться за четыре часа, а теперь – в лучшем случае, больше восьми.

И в Печоре, и в Сыктывкаре Шулина встречали люди из администрации главы республики, журналисты. Сопровождали от зеленого коридора до стойки регистрации; люди из администрации вроде как охраняли, журналисты задавали вопросы, чего он ждет от общения с Владимиром Владимировичем.

– Жду лучшего, – отвечал Шулин, пряча глаза от камер – какой-то шоу-звездой себя чувствовал.

Слава богу, журналисты донимали не очень, да и времени у них для этого особенно не было – Алексей Сергеевич старался скорее пройти досмотр и спрятаться в зале ожидания. Хотелось не то чтобы задремать, а отключиться от тех мыслей, что донимали все последнее время... Да какое последнее? – много лет уже. Просто это приглашение обострило их, сделало главными, почти единственными. Ни о чем другом уже не думалось.

Но отключиться не получалось. Ни в залах ожидания, ни тем более в самолетах. Наоборот, мысли вертелись всё быстрее и хаотичнее. И Шулина уже подмывало не обстоятельно рассказать премьеру о проблемах, а бросить ему: «За годы после Ельцина стало еще хуже!» И сам же себя осаживал: ну, не во всем ведь хуже – еда и деньги у людей худо-бедно есть, кое-какая уверенность, что завтра не случится крах, как было в девяностые... Да, не во всем. Но вот главное... Цели у людей никакой. Одна цель – охранять свою ограду, пополнять припасы в погребе и холодильнике, а то, что вокруг – никого не волнует. Или волнует, но не до такой степени, чтобы подниматься и воевать с подступающей все ближе глухой, черной стеной... Шулин любил тайгу, но не хотел, чтобы она главенствовала над всем остальным, всё остальное задавила. А она возвращалась – больная, уродливая на изжеванной гусеницами тракторов, ковшами экскаваторов, залитой бетоном, засыпанной гравием земле; тайга расплзалась, съедала поля, дороги, брошенные деревушки. Когда тайга подступит совсем близко к их Временному, большинство людей побежит на еще сохранившиеся пяточки цивилизации, а некоторые останутся, приспособятся к тому существованию, какое вели первобытные люди.

Власти выгоднее избавиться от множества мелких поселений, в которых живут на три четверти пенсионеры, инвалиды, плодовитые матери-одиночки, безработные, алкоголики, требующие заботы и денег. Да, деревни, села, поселки, даже городки, в которых нечего делать, – обуза. Только что будет с территорией, на которой никого не останется? Конечно, не факт, что туда придут другие народы: китайцы, японцы, американцы. Но во что превратится народ, собранный в нескольких десятках мегаполисов... А ведь это соби́рание происходит на глазах. Что было в конце восьмидесятых и что стало сейчас, под конец двухтысячных...

Процесс начался давно. В школе что-то рассказывали про брошенные деревни в девятнадцатом веке, когда крестьяне шли на заводы. Потом, это уже на памяти Шулина, боролись с неперспективными деревнями. Но массовое переселение из деревень и северных городов началось в начале девяностых. И не стихает, только набирает обороты.

Названия «Воркута», «Магадан» вызывают у многих мрачные ассоциации: лагеря, ГУЛАГ. Но если не станет Воркуты и Магадана, окажется ли это благом... А их исчезновение вполне реально. Останутся какие-нибудь метеостанции, а все эти кварталы пятиэтажек с выбитыми стеклами и полопавшимися трубами канализации будут медленно разрушаться...

Шулину судьба дала возможность заботиться о чем-то кроме территории внутри своей ограды. Пусть не самоотверженно, часто сознавая напрасность своей заботы, он сохранял аэропорт, полосу. И вот на нее сел аварийный самолет. Люди остались живы. И о Шулине затрубили: герой, герой. Да не герой... Другое слово нужно... Кто-то так же пытается сохранить корпуса закрытого завода, комбайн в развалившемся совхозе, сокращенную деревенскую школу, забытый военный склад, опустевшую ферму... Может быть, десятки таких по России, может быть, сотни, тысячи. Но время идет, просвета не видно, руки опускаются. Тайга наваливается, болото засасывает, пески хоронят. Но ведь так нельзя!

Вот об этом тянуло, да уже требовало сказать премьеру, а разум отвечал, что – глупо, и так всем известно, да и что может изменить Владимир Владимирович... И попросту времени никакого не хватит для подобной речи, никто ему, Шулину, столько не даст говорить в микрофон. Там минута будет какая-нибудь, полторы. Не больше.

Терминал D аэрокомплекса «Шереметьево» – новенький, чистый, почти пустой. Никаких толп, никаких, сидящих на полу в окружении багажа горюнов. Словно музей какой-то. (Правда, и в Сыктывкаре в последние годы обилия пассажиров не отмечается, за исключением последней недели августа.)

Шулина встретили черноволосая девушка в олимпийской бело-красной куртке с надписью на спине «Russia», назвавшаяся Алиной, и двое высоких тонких юношей, оставшихся для него безмянными. Проводили в микроавтобус «мерседес».

– Алексей Сергеевич, – глянув в папочку, произнесла девушка, – сейчасждемся еще одного человечка – через десять минут самолет приземлится – и поедем. Хорошо?

– Хорошо, – пожал плечами Шулин, и мысленно добавил: «Хорошо, человечек».

Подождали, дождались паренька в очках, судя по всему, молодого ученого. Тронулись.

Довольно долго микроавтобус кружил по эстакадам, развязкам, кольцам рядом с терминалом. Наконец выбрались на дорогу. Водитель поддал газу, но вскоре скорость упала – «мерседес» превратился в одну из песчинок длиннющего и медленного автомобильного потока, ползущего в сторону Москвы.

– Смотри-ка, первый час, а Ленинградка до сих пор не рассосалась, – вздохнул один из юношей.

Другой ответил со спокойной обреченностью:

– Давно пора привыкнуть, что Москва – одна большая пробка. Да и, – поправился, – ближнее Подмосковье. К тому же ночью опять снег выпал.

– При Лужкове все-таки лучше чистили...

– Так, Алексей Сергеевич, – пошептавшись с очкастым юношей, подседа к Шулину девушка Алина. – Сейчас мы едем размещаться в гостинице. В три часа вас ждут в постпредстве Коми. Посмотреть на вас хотят ваши земляки. – Улыбнулась, и сама взглянула на него то ли с искренним, то ли с притворным интересом. – Потом – отдых. Завтра к одиннадцати часам нужно быть в студии. Сами понимаете, что точное время начала и окончания встречи с премьером неизвестно. Начнется ориентировочно в двенадцать, идти будет, может быть, три часа, может быть, пять. Поэтому нужно плотно позавтракать, запастись терпением... Да, – Алина листанула бумаги в папке, – и завтра вечером вас пригласили на запись программы «Пусть говорят». Вы согласны в ней участвовать, Алексей Сергеевич?

– Ну, если прилетел, то можно и поучаствовать.

– Ясно, – девушка сделала пометку. – Буду вас курировать в эти дни. Обо всех изменениях постараюсь сообщать заранее. График постоянно меняется, уточняется.

– Понял.

Всё было сказано, а микроавтобус полз еле-еле. За окном медленно проплывали огромные свежие здания «Икея», «Метро», «Вольво», «Леруа Мерлен», «Тойота», «Атак»... «Нда, теперь основные силы, бетон и стекло в магазины вкладывают», – подумалось Шулину, и он усмехнулся этой мысли. Действительно, глупой. Что ж, есть покупатели, спрос, значит, будут возникать новые и новые магазины, торговые центры. Вон сколько людей на одном этом шоссе. Несколько тысяч. Им всем нужно есть, у них квартиры, которые неплохо бы обставлять удобной и свежей мебелью, оснащать современной техникой. У большинства загородные дома, которые тоже неплохо бы оснащать...

Да, несколько тысяч человек в тысячах автомобилей, большинство из которых недешевые. Наших «жигулей», «волг», а тем более «москвичей», «уазиков» практически не попадает, зато японских, корейских, немецких, шведских – вся дорога от горизонта до горизонта. Что впереди, что сзади... Автомобили необходимо обслуживать, а желательно – как советуют специалисты – менять каждые три года. После трех лет эксплуатации начинаются проблемы. Да и действительно – «тойота», это не «уазик», который на всю жизнь... Хотя появившись у Шулина возможность купить «тойоту», он наверняка бросил бы свой «уазик», и потом менял бы «тойоту» в положенный срок на новую. Расставался бы без сожаления, зная, что новая – еще лучше.

Может, на самом деле не нужны эти северные города и поселки, где самой природой они не предусмотрены. Лишь высасывают деньги из страны... Будут прилетать на вертолетах вахтовые бригады на месяц, а потом, отработав, возвращаться в теплые, без гнуса и копоты, края, где абрикосы висят над окнами, месяц-другой греться на солнышке, пить витаминными, готовиться к очередной смене...

Телестудия поражала своими размерами, высоченным потолком, обилием сложной аппаратуры. Какой-то космический корабль далекого будущего, а не телестудия, декорации в которой завтра будут разобраны и наверняка списаны – для следующего разговора премьер-министра с народом сделают новые, еще более яркие и внушительные.

Поначалу Шулину было приятно сидеть в удобном кресле, интересно изучать обстановку, но вскоре стало жарко, – вроде и свежий ветерок надувал из бесшумных кондиционеров, а дышать нечем, пот под свитером щекошет спину, бока. Жарко было и от обилия людей, и, главным образом, от освещения. Мало что в глаза светили мощные фонари, так еще и стены утыканы лампами, висят переливающиеся белым, синим, красным панели, огромные экраны. Может, и не все эти приборы накаляли воздух, но создавали ощущение, что ты внутри духовки. Ощущение это усиливала стеклянная стена справа – за ней столы с компьютерами, бегают люди...

А в студии девушки, под руководством молодого человека – режиссера, видимо, – пересаживали некоторых зрителей и участников будущей встречи. Шулина не трогали – как сразу определили в первый ряд, так и оставили в покое... Нет, однажды обратили внимание. Подошла дамочка с оранжевыми волосами, в руках коробочка и кисточка. Без прелюдий стала прикасаться кисточкой к его лбу. От неожиданности Алексей Сергеевич отшатнулся; оранжевая оправдывающимся тоном объяснила:

– Бликовать будет. Нужно пригасить.

– М-м, понятно. Пудрите...

Глядя на сидящих в креслах, на работников студии, Шулин удивлялся – почти всё это была молодежь, люди лет двадцати-тридцати. Он оказался чуть ли не самым старым.

– Так! – похлопал в ладоши режиссер. – Внимание, господа! Владимир Владимирович уже прибыл. Прошу всех соблюдать порядок, не шуметь, не выкрикивать. Заостряю внимание:

мы находимся в сфере ФСО!.. Тем, кто задает вопросы, микрофон у журналисток не выхватывать, говорить коротко и ясно. Эфир у нас прямой, поэтому всё должно быть слаженно и четко. Все меня поняли?

Ему ответили аплодисментами.

Премьер-министр появился ровно в двенадцать часов. Бодро сбежал по ступенькам, кивнул пригласившему его за стол крупному светловолосому ведущему с детским лицом. Уселся, поздоровался. И посыпались вопросы. То ведущий задавал, то находившаяся за стеклянной стеной известная журналистка Мария Ситтель, то сидевшие в студии, то люди в других городах, появлявшиеся на большом экране. Владимир Владимирович обстоятельно, но и без особого увязания в теме, отвечал.

Вопросы по большей части были серьезные, даже смелые, некоторые наверняка неприятные премьеру. Про массовое убийство в станице Куцевская, про совсем недавнее побоище на Манежной площади, про пожары под Москвой, с которыми справиться сумели только дожди, про взрывы в метро, взрывы на шахте Распадская, про Ходорковского, мозги в гараже, бандитизм в Гусь-Хрустальном... Шулин слушал, и пыл, который нагнетался в нем в последние недели, угасал, угасал в чужих бедах, горе, неблагополучии. Неблагополучии, получалось, всей страны.

Прошлые встречи Владимира Владимировича с народом он смотрел урывками, вполглаза, быстро уставал, да и тратить три-четыре часа на сидение перед телевизором было жалко. А теперь поневоле не пропускал ни слова, не позволял себе задуматься о постороннем – ведь в любую минуту одна из девушек с микрофоном могла подойти к нему.

И еще не позволял отвлекаться, дергал вопрос: если нынешний премьер-министр, а в прошлом, на протяжении восьми лет, президент, и до того какое-то время премьер-министр в курсе всех проблем, если, судя по его ответам, он хочет, чтобы было лучше, то почему этого движения к лучшему не происходит? Такого явного, для большинства бесспорного движения. Ощущение, что огромная страна сползает в пропасть, а ее украшают пестрыми блестяшками – как их? стазы? зразы? – чтобы сползание не было так заметно.

Но людей не обманешь, они видят, чувствуют, что сползают. Трубы, которым сорок лет, лопаются, асфальт проваливается, бандиты управляют целыми городами, в шахтах никакой защиты от метана, наши новые «лады» ломаются сразу после схода с конвейера, бензин, сделанный из нашей нефти, мы покупаем за границей, в Белоруссии даже.

– На одной из своих пресс-конференции, – в очередной раз обратился ведущий к премьеру, – вы как-то сказали, что для того, чтобы в стране всё было нормально, каждый должен тяпать свою делянку. Каждое утро вставать, – ведущий улыбнулся, и премьер улыбнулся тоже, качнул головой, – и тяпать. Знаете, мы нашли человека, который так и поступал. Причем, практически в буквальном смысле этого слова. Он, когда уволили всех его товарищей, – тут Шулин всерьез напрягся, догадавшись, что говорят, скорее всего, о нем, – один поддерживал в работоспособном состоянии целый аэродром. В результате спас восемьдесят человек. – Ведущий нашел глазами Шулина. – Сейчас он находится в нашей студии. Я попрошу Марию Моргун подойти к этому человеку.

– У нас в студии, – торжественно заговорила девушка в синем платье, – начальник вертолетной площадки Алексей Сергеевич Шулин из поселка Временный республики Коми. Именно на ту взлетно-посадочную полосу, которую Алексей Сергеевич поддерживал в течение двенадцати лет, в сентябре приземлился самолет Ту-154М, который летел из Якутии в Москву. У самолета отказали все бортовые приборы. И вот... – речь девушки прервали аплодисменты; захлопал и премьер. – И вот, как мы помним, экипаж самолета наградили, Алексея Сергеевича награды пока обошли, но народ оценил его работу по достоинству, и интернет-сообщество признало его народным героем. Сегодня, я знаю, – обратилась девушка к Шулину, – у вас наболевший вопрос, с которым вы приехали... Пожалуйста.

Микрофон оказался возле его рта, и Шулин начал:

– Спасибо вам за добрые слова в мой адрес. Так же хочу сказать, что рад, что с моей помощью сохранились люди... живы остались. У меня вопрос: в республике Коми раньше было очень много аэропортов эмвээловских... это малая авиация... Ан-2 летал практически в каждую деревню, он был доступен всем. Ан-24, Як-40 летали в большие аэропорты, подпитывали транзитом эти большие аэропорты, что немаловажно. Сейчас аэропорты местные... кто-то сократился, – «сократился» – кольнул себя этим словом Шулин, но язык продолжил произносить нейтральное, ни для кого не обидное, – кто-то ликвидировался, перешел в статус вертолетной площадки, как у нас. Есть ли какая-то перспектива возрождения малой авиации на Севере? Можно возродить это или нет?

– Алексей Сергеевич, да? – мягко уточнил премьер.

Ведущий кивнул.

– Алексей Сергеевич, во-первых, я хочу выразить просто восхищение тем, как вы относитесь к своему долгу... Можно вас спросить? Вы же понимали, что вроде этот аэропорт не планируется к использованию. – Светлые брови Владимира Владимировича вдруг сдвинулись. – Вы зачем поддерживали его в работоспособном состоянии? – И в глазах на секунду, нет, на короткое мгновение сверкнул гнев.

Но тут же лицо разгладилось, стало добрым; Шулин понял, что это премьер так пошутил. И решил отвечать тоже с шутливой интонацией:

– Я надеялся, что возродится... возродится малая авиация. – Даже хохотнул этому высокопарному слову «возродится»; премьер поддержал смешком. – Все-таки надежда умирает последней.

– То есть именно исходя из соображения, что нельзя допустить разрушения полосы, поскольку вы считали, что она будет востребована и потом будет использована?

– Да.

Владимир Владимирович одобрительно кивнул:

– Хочу вам сказать, что вы были правы. Наверняка так и будет. – Он устроился в кресле удобней, готовясь обстоятельно ответить. – Совершенно очевидно, что сегодня проблемы огромные с малой авиацией. Связано это с авиационным парком и с инфраструктурой, прежде всего с аэропортовой инфраструктурой. Мы создали целую программу только что по развитию малой авиации. Основные элементы программы заключаются в следующем. Во-первых, мы снизили практически до нуля ввозные таможенные пошлины на такую авиационную технику – не в ущерб нашим производителям, поскольку самолеты малой авиации, к сожалению, наши авиапредприятия пока не выпускают. Вот эти «Аннушки», они уже ушли в прошлое. А новых самолетов пока нет. Надеюсь, что они будут. Но чтобы сегодня обеспечить перевозки, мы, повторяю, сократили до минимума ввозные таможенные пошлины на самолеты, по-моему, до пятидесяти посадочных мест. Приняли решение, что мы возьмем на федеральный уровень и отфинансируем небольшие аэропорты, которые будут использованы в регионах Российской Федерации, главным образом на Севере и на Дальнем Востоке, для развития местных линий. А субъекты Российской Федерации возьмут на себя субсидирование местных авиакомпаний. Если потребуется, мы договорились о том, что окажем поддержку местным бюджетам для реализации этой программы. Речь идет на первом этапе о пятидесяти взлетно-посадочных полосах.

Замолчав, Владимир Владимирович ободряюще кивнул Шулину. Шулин кивнул в ответ.

Весь февраль и март Ту чинили, готовя к взлету. Сменили два двигателя из трех, электронику, аккумуляторы, залатали крылья и нос. Гостиница была забита инженерами, техниками, строителями. Взлетку удлиннили на двести метров.

Руководство авиакомпании решило перегнать самолет в Самару на завод и там уже провести комплексный ремонт. Говорили, что ресурс Ту далеко еще не выработан, он сможет в скором будущем совершать пассажирские перевозки. Правда, некоторые утверждали, что все-таки самолет выгоднее было порезать и вывезти на металл, но это стало бы некрасивым знаком, циничным даже – вот, дескать, случилось чудо, лайнер сел фактически в тайге, почти не пострадал, все люди целехоньки, а его уничтожают. Были мысли оставить Ту во Временном, сделать памятником, но это тоже не очень хорошо, да и не «жигуль-копейка» он – даже в таком состоянии стоит многие миллионы рублей... Так или иначе, самолет постановили поднять в воздух и доставить на завод.

Шулин был рад такому варианту. Почти полгода Ту был для него головной болью. Конечно, вряд ли местные начали бы его растаскивать, хотя как знать, как ручаться... Вероятней было, что заезжие охотники за цветметом попытаются что-нибудь отодрать, открутить, снять. Да и просто вид стоящего под дождем, потбм присыпанного снегом огромного самолета беспокоил. Но вот решение приняли, съехались специалисты, приземлились вертолеты с запчастями, и на морозе закипела тяжелая, но радующая, бодрящая людей работа.

Несколько дней в середине марта очищали тракторами полосу от снега. Потом прошлись скребками и лопатами. Двадцать первого бензовозы доставили горючее. Двадцать второго прибыл известный летчик-испытатель, герой России. Осмотрел самолет, полосу, переговорил с инженерами. На другой день прорулил Ту, остался доволен двигателями. Сказал:

– Что ж, завтра попробуем.

Снова, как и в сентябре, Временный наполнился журналистами; возле здания аэропорта, на освобожденной от сугробов площадке, стояли рядами внедорожники, микроавтобусы.

Около часа дня последние приготовления к взлету были закончены. В баки залили минимальное – до Ухты – количество горючего. Там предстояла дозаправка, еще один технический осмотр, и потом уже – на Самарский авиазавод.

Главное, что тревожило и пилотов и инженеров – шасси. Точнее, удастся ли их закрыть, а потом выпустить. Поэтому решили лететь с выпущенными.

Все три пожарные «ЗИЛа» стояли наготове, вдоль полосы дежурили сотрудники МЧС.

За пятнадцать минут до взлета герой России дал короткое интервью журналистам. Ответил на несколько вопросов, вообще-то дежурных – уверен ли в самолете, как планирует лететь, – но в этих условиях важных, а потом поднялся по лестнице в кабину.

Довольно долго, обугливая выхлопом снежные горы, прогревались двигатели – операторы несколько раз выключали, снимали с плеч свои камеры, – и вот наконец Ту тронулся. Медленно, будто выздоравливающий больной, доплелся до конца полосы, осторожно развернулся. Замер, но звук турбин изменился, стал резче, гуще.

– Сейчас «Тушка» начнет разгон, – взволнованно заговорил в камеру ближайший к Шулину журналист.

Да, сейчас, через несколько секунд... Шулин глянул по сторонам, назад. Кто ближе к полосе, кто поодаль, стояли люди. Человек пятьсот. Местные, приезжие. Все смотрели в одну точку.

– ...и тогда станет ясно, хватит ли ей взлетно-посадочной полосы, – продолжал журналист, усиливая общее напряжение.

Ту побежал. Тяжело, но как-то упорно, уверенно, как разбегаются огромные птицы. И почти сразу, задолго до концовки, поднял нос, оторвался от земли сначала передним колесом, а потом, через томительное мгновение, задними. Пошел вверх круто и по-прежнему медленно. По бетону, словно беспомощные сухопутные хищники, двигались две пожарки...

Был момент, когда показалось, что самолет не сумел удержаться в воздухе, стал падать, и люди, перекрывая рев двигателей, охнули. Но – нет, действительно показалось: он поднимался, постепенно становился меньше, и чем меньше он становился, тем быстрее таяла тревога.

– Опытному экипажу хватило для взлета всего восемьсот метров! – ликующе объявил журналист.

Люди расслабились, заговорили. Кто-то захопал, засмеялся облегченно. И тут заметили, что Ту, повернув влево, снова идет к аэродрому. Замолчали, задрали головы... Он проплыл над полосой, покачал, явно специально – на прощание – крыльями. И люди замахали руками, снятыми шапками; послышалось женское завывание. Словно прощались с чем-то дорогим и навсегда. Как и осенью девяносто восьмого.

После встречи с Владимиром Владимировичем Шулин старался следить за тем, меняется ли что-то в авиации. Не именно в малой, а вообще.

Впрочем, еще тогда, в студии, когда слушал слова про снижение ввозных таможенных пошлин, местные бюджеты, понял, что резкие перемены вряд ли случатся. Вряд ли местные власти будут проявлять инициативу в восстановлении (да что там, строительстве заново) аэродромов и закупке самолетов, даже полагаясь на помощь федерального центра. Тем более не появятся бизнесмены, которые станут вкладывать деньги в эту непопулярную отрасль. Выгоды никакой, зато расходы громадные. Можно и обанкротиться... Нет, тут только государство способно взяться. Но государство последние двадцать лет всячески от таких дел отстраняется. Всё (почти всё) отдает разнообразным обществам – акционерным, с ограниченной ответственностью, открытым, закрытым, унитарным, управляющим компаниям.

И постоянно раздаются голоса: убыточно, нерентабельно, неконкурентноспособно, не окупает затрат. Пассажирские перевозки убыточны для РЖД и речного флота, коммунальные платежи, хоть и постоянно повышаются, но не окупают затрат, шахты нерентабельны, незакрытые еще заводы производят неконкурентноспособную продукцию. И если заводы, шахты не закрывают, не вводят стопроцентную оплату, то делают это из-за жалости к людям. У абсолютного большинства людей воспитывают чувство, что они живут и пользуются благами цивилизации из милости.

Так же, если вдруг случится невозможное, и начнут поднимать малую авиацию, произойдет и с ней. Дадут какому-нибудь миллиардеру задание вложить в нее часть денег – сейчас такие задания частенько дают, – он вложит, откроет пяток маршрутов. Будут гонять самолеты, но постоянно напоминать: такая роскошь убыточна. Да и на самом деле ведь, если посчитать, убыточна – у людей доходы не те, чтобы из их Временного, например, часто летать в Печору, в Ухту... Дешевые и неприхотливые Ан-2, Ан-24, или что там Владимир Владимирович назвал «Аннушками», устарели, снимаются с эксплуатации, значит, будут покупать за границей. Пошлины снижены на пятьдесят процентов, но все равно. Кто купит двадцать, сорок, пятьдесят? Своих малых самолетов у нас нет... А почему не модернизировать Ан-24? Отличный ведь самолет для коротких полетов. Ан-28 одно время популярным был... Хотя, хм, «Антонов», это ведь на Украине – получается, тоже заграничные теперь самолеты.

Про Ил-114-е Шулин читал несколько лет назад. Правда, выпускают их (да и не выпускают почти) в Узбекистане. Еще во время Великой Отечественной построили там завод, который теперь на грани закрытия. Заказов мало, воровство, большие затраты на строительство... В Америке, Франции, Германии региональные самолеты строятся сотнями, а у нас каждый – событие.

В личном плане жизнь Шулина и его семьи в последнее время, конечно, изменилась к лучшему. Да не только в личном – появилась возможность помогать совсем уж глухим селам района, где начальники вертолетных площадок числились сезонными рабочими, а сами площадки давно уже не имели освещения, здания аэродромов развалились. Иногда удавалось убедить начальство подбросить им необходимые мелочи (про крупное Шулин и не заикался), а в крайних случаях тратил деньги, которые энтузиасты присылали на его банковский счет, открытый в ноябре две тысячи десятого. Заказал, к примеру, из Питера три комплекта сигнальных стартов для площадок в Кипиеве, Брыкаланске, Няшабоше.

У себя он тоже многое обновил и восстановил, подкрасил; купил еще пару обогревателей, заменил, где смог, проводку; заменил бы и кабели, но для этого нужно быть спецом, – там столько всего, что не разберешься, даже схему имея. А где эта схема теперь? Может, и погибла, когда аэропорт списали – решили, зачем хранить теперь... Но все равно аэропорт подновился, посветлел, стал выглядеть не таким заброшенным.

И, главное, после той удивительной посадки и потом почти такого же удивительного взлета с его полосы, не так давило, лишало сил чувство безысходности. Бог знает, на сколько хватит воспоминаний, заряда, который подарил Ту-154 и, затем, людское внимание... Снова появился смысл надеяться. На какое-то время почва для надежды есть.

Правда, когда смотрел телевизор, или радио слушал, или газету открывал, часто накатывало отчаяние. Рушится и рушится, горит, проваливается, взрывается, падает... Девятого мая в параде авиация участия не принимала: нет уже надежной техники, которая бы пролетела над Кремлем, – призналось сквозь зубы командование. В прошлом году наскребли последнее...

Злила история с двигателем НК-93. Пишут, что новейший, уникальный, экономичный, обогнал время. В две тысячи седьмом демонстрировался действующий образец, но какие-то силы (силы эти нигде не назывались) тормозят его ввод в производство. Мало того, в конце концов действующий образец повредили, а затем он потерялся. Остались лишь макеты.

...Как-то в июле, вечером, смотрели с женой новости. Черета событий, по большей части, из-за своей привычности, не особенно трогающих: президент России Дмитрий Медведев в Нальчике провел второе в этом году заседание Совета при президенте по развитию гражданского общества и правам человека; премьер-министр Владимир Путин осмотрел строящийся в подмосковной Дубне коллайдер – ускоритель частиц; губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко заявила, что в среду начнет готовиться к выборам в муниципальный совет, чтобы затем стать сенатором и в дальнейшем возглавить Совет Федерации; прорыв трубы с горячей водой в Выборгском районе Петербурга удалось устранить; в здании Генпрокуратуры выстрелом из пистолета в голову пытался покончить с собой Вячеслав Сизов, начальник главного управления по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях и противодействии экстремизму; в Воркуте разыскивают мужчину, нападающего на грудных детей; в Свердловской области продолжается расследование дела о массовой драке в поселке Сагра; лидер Ливии Муаммар Каддафи готов уйти с поста в обмен на свою неприкосновенность; новые обвинения выдвинуты против бывшего главы МВФ Доминика Стросс-Кана... А потом:

– О безопасности воздушных перевозок говорили сегодня известные в России летчики-испытатели. Речь шла об устаревшем парке самолетов, плохой подготовке пилотов гражданской авиации и слабом оснащении аэропортов. Жесткая критика прозвучала и в адрес Росавиации, которая должна контролировать все эти вопросы.

На экране появилось возмущенное лицо пожилого мужчины; он почти кричал:

– Я знаю, откуда самолет – в Камбодже отлетал девять лет! Кто его пустил на рынок? Почему государство дало сертификат? Ну почему нет порядка в Росавиации?!

– Как было сказано, – снова возникла дикторша, – большинство аварий происходит из-за ошибок пилотов. По мнению участников круглого стола, надо предпринимать срочные меры по переподготовке летного состава... И конкретный пример в продолжение темы. О безопасности полетов на Ту-154М заговорили после серии катастроф с участием этой модели. В марте Росавиация предложила снять ее с эксплуатации. И поставила срок – первое июля. Месяц уже начался, а модифицированные «Тушки» всё летают. Причем, как выяснил наш корреспондент Роман Ишмухаметов, в авиационном ведомстве даже не могут их пересчитать.

Пошел сюжет под мужской уже голос:

– Из восьмидесяти пяти самолетов Ту-154М, которые эксплуатируют российские авиакомпании, с учетом рекомендаций Росавиации на сегодня доработаны только пятьдесят шесть. Еще от двадцати бортов по разным причинам отказались сами авиакомпании и больше их не используют.

Появилась фотография мужчины, надпись внизу экрана – «Сергей Извольский. Советник руководителя федерального агентства воздушного транспорта (Росавиация)» – и раздался торопливый тенор, явно записанный из телефона:

– Девять самолетов на сегодняшний день недоработаны. После доработки, которая будет произведена в этом году либо в начале следующего года, эти самолеты так же будут возвращены в эксплуатацию и будут задействованы в выполнении полетов.

– В Росавиации, – продолжил голос корреспондента, – затруднились назвать компании, которым принадлежат девять недоработанных судов. Интересно, что эти лайнеры, оказываясь, все-таки могут перевозить пассажиров, ведь воздушное ведомство только рекомендовало – не запрещало. Самые крупные компании, эксплуатирующие Ту-154, – «Ю-тэйр», «Кавминводывавиа», Уральские и Дагестанские авиалинии – заверили, что пожелания Росавиации выполнили... Еще в марте глава ведомства Александр Нерадько заявил, что «Тушки» давно не модернизировались. И последние катастрофы, – появились кадры катастроф, – с самолетами Ту-154М – именно эту модификацию и рекомендовала доработать Росавиация – случались, в частности, из-за отказа систем электроснабжения, который спровоцировал тепловой разгон аккумуляторов, а также из-за нарушений работы топливной системы. Из-за сбоев этих систем летом две тысячи девятого Ту-154 разбился в Иране, а экипажу «Алросы» годом позже только чудом удалось посадить лайнер в тайге на непригодной для этого полосе. – На руку Шулина легла рука жены, пожалала. – Последний инцидент: экстренная посадка самолета Дагестанских авиалиний в московском Домодедово через двадцать минут после взлета из «Внуково»... Заслуженный пилот СССР Олег Смирнов, – в экране пожилой мужчина, почти уже старик, – говорит: Ту-154 – машина надежная. Настоящая рабочая лошадка. Хоть и нуждается в доработке, но зато идеально подходит к неидеальным условиям аэропортов российской глубинки. К тому же, продолжает летчик, статистика показывает: техника всё же подводит редко, в большинстве катастроф всему виной – человеческий фактор.

Дали прямую речь и самого заслуженного пилота:

– В мире и у нас... у нас особенно, – не по телевизионному медленно тянул он, – катастрофы происходят, как устанавливают официальные комиссии по расследованию, по причине человеческого фактора.

Снова появился корреспондент – говорил быстро и гладко, а шел медленно по какому-то коридору, держа в руке макетик самолета:

– Эксперты говорят, что эксплуатировать Ту-154 экономически невыгодно, самолет потребляет топлива почти в два раза больше, чем его аналоги. А из-за уровня шума воздушное окно в Европу самолету и вовсе закрыто. Так что авиакомпаниям всё равно придется спустить «Тушку» с небес на землю, это вопрос нескольких лет, уверены эксперты. – Поставил макетик на стол. – Ну а пока флагман еще советского авиастроения продолжает перевозить десятки тысяч пассажиров ежегодно.

– Ну да, да, единственный выход – списывать, выводить из эксплуатации, – бросил в телевизор, где уже показывали другое, Шулин. – А взамен что? «Боинги»? Они тоже падают... И всё об одном и том же – у нас всё плохо, всё старое, экономически невыгодное. – Поднялся. – И что? И будем на пузе ползать... Ну вас к черту!

Вышел из дома, потоптался на крыльце, не зная, куда пойти. Сел на ступеньку. Перхнул, выплюнул горькую, из глубины горла, слюну... Пожалел, что не курит. Закурил бы сейчас, может, стало бы легче. Недаром курят. А он с юности берег здоровье. Сначала летать мечтал, а потом уже – так... Да, легче тем, кто курит, пьет, жизнь прожигает. Вон Саня Рочев... Не сеет, не жнет, ничего ни у кого не требует, ни на что не надеется, будто знает, что не стоит... Но пофилософствовать может, любит. Он же, Шулин... Что-то всё зреет внутри, бухнет, а в мысль конкретную никак не собирается. Блики одни в голове, а вместо слов – или бурчания вот такие, или... Или, хм, не те слова, какие бы стоило говорить. Другие слова нужны, другие... Другое.

Солнце опускалось за стену деревьев, небо наливалось густой синевой. Потом синева сменилась серостью, серость – чернотой. И наступит ночь.

Медленно, лениво из-за жары, пробрел по двору Пират, глянул на хозяина, вильнул хвостом, и повалился боком в лопушку у забора. Громко зевнул, вытянул лапы...

Где-то, за несколько дворов отсюда, играл магнитофон – или что там сейчас вместо них? – до Шулина долетали обрывки песни:

– Пошел вон! Я не сошла с ума... Пошел вон! Я всё решу сама...

Раньше, когда он из-за чего-нибудь психовал и вот так же выскакивал на воздух, Маша быстро приходила к нему, успокаивала. Сегодня не вышла... Тишина в доме...

Шулин забеспокоился и сам пошел к ней – вдруг что... А здоровье все-таки надо беречь. Скоро осень, новая навигация. Встречать вертолеты, провожать. И, конечно, ждать изменений. А они будут, конечно, – жизнь-то движется... Изменения будут. В одну из двух сторон.